

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**VI МЕЖВУЗОВСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

**«НОВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И
ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОСТИ»**

**“NEW GLOBAL CHALLENGES AND
PROSPECTS OF MODERNITY”**

12 марта 2021 г.

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

УДК 34
ББК 67
Н 72

Новые глобальные вызовы и перспективы современности.
New global challenges and prospects of modernity: сборник
материалов VI межвузовской научно-практической конференции
на английском языке (Москва, 12 марта 2021 г.) / Отв. ред.
Н 72 С.В. Шермазанова. – М.: Международный юридический
институт, 2021. – 404 с.

Сборник содержит материалы студентов, обучающихся по программам бакалавриата, магистратуры, специалитета, аспирантуры; курсантов, адъюнктов, слушателей; преподавателей вузов, представленные на VI межвузовской научно-практической конференции на английском языке «Новые глобальные вызовы и перспективы Современности», организованной 12 марта 2021 года Международным юридическим институтом совместно с Военным университетом Министерства обороны РФ, Военной академией РВСН им. Петра Великого, Московским государственным институтом международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Международной академией бизнеса и управления.

Сборник издается в электронном варианте.

Материалы участников научно-практической конференции изложены в оригинальном авторском формате.

The collection contains materials written by bachelor and master degree students, specialists, PhD students, cadets and university teachers, presented at of the VI Interuniversity research and practice conference “New global challenges and prospects of modernity” organized by International Law Institute together with Military University of the Ministry of Defence of the RF, Military Academy of Strategic Missile Forces Named after Peter the Great, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration and International Academy of Business and Management. The conference was held on March 12, 2021.

© Международный юридический институт, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАПРАВЛЕНИЕ 1.	
КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	15
WORKSHOP 1.	
KEY TRENDS AND RISKS OF THE NEW GEOPOLITICAL REALITY	15
Беляев Д.Э., Лоскутова С.В.	
ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	15
<i>Belyaev D.E., Loskutova S.V.</i>	
<i>RUSSIA'S FOREIGN POLICY PRIORITIES WITH REGARD TO CHINA AT PRESENT STAGE</i>	18
Горбунова А.А.	
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ БИЗНЕС: ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ	20
<i>Gorbunova A.A.</i>	
<i>GEOPOLITICAL RISKS AND INTERNATIONAL BUSINESS: THE IMPACT OF ECONOMIC SANCTIONS</i>	24
Дубов Д.О., Федорова Е.Ю.	
ВЛИЯНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ И РИСКОВ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННУЮ ГЕОПОЛИТИЧЕСКУЮ РЕАЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	28
<i>Dubov D.O., Fedorova E.Y.</i>	
<i>IMPACT OF TRENDS AND RISKS OF RUSSIAN SOCIETY DEVELOPMENT ON MODERN GEOPOLITICAL REALITY IN RUSSIAN FEDERATION</i>	32
Зубенко М.Г., Зотова О.В.	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВС РФ КАК ИНСТРУМЕНТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МОЩИ РОССИИ	35
<i>Zubenko M.G., Zotova O.B.</i>	
<i>THE USE OF THE RUSSIAN ARMED FORCES AS A TOOL TO ENSURE RUSSIA'S GEOPOLITICAL POWER</i>	38

Касымов Ф.Р.		
ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ		41
<i>Kasymov F.R.</i>		
<i>PROBLEMS OF ENSURING NATIONAL SECURITY</i>		44
Козлова Н.Д.		
НОВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ: ГЕНЕЗИС И ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СООБЩЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ ЛОЖНУЮ ИНФОРМАЦИЮ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ		46
<i>Kozlova N.D.</i>		
<i>NEW GLOBAL CHALLENGES: GENESIS AND PRECULIARITIES OF MESSAGES CONTAINING FALSE INFORMATION IN THE INTERNET ENVIRONMENT DISTRIBUTION</i>		50
Крюкова Л.С.		
ИНТЕРАКТИВНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КУРСАНТОВ		54
<i>Kryukova L.S.</i>		
<i>INTERACTIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES AS MEANS OF IMPROVING THE INTERCULTURAL COMPETENCE OF CADETS</i>		57
Макарова Т.А.		
ЭТАПЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ		60
<i>Makarova T.A.</i>		
<i>STAGES OF "FOREIGN LANGUAGE" DISCIPLINE CONTENT FORMATION UNDER DIGITALIZATION</i>		66
Мамсурова З.Р.		
КОНФЛИКТ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ДИАЛОГА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА		70
<i>Mamsurova Z.R.</i>		
<i>CONFLICT AS THE IMPETUS OF THE DIALOGUE WITHIN THE GLOBAL SOCIETY</i>		74

Масленников Г.Д.	
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В АСПЕКТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	77
<i>Maslennikov G.D.</i>	
<i>INFORMATION WARFARE IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY</i>	80
Медведев М.В.	
ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ	83
<i>Medvedev M.V.</i>	
<i>INFORMATION AND GEOPOLITICAL RISKS OF MODERN REALITY</i>	87
Морарь Н.В., Черемисова Е.А.	
ДОБЫЧА НЕФТИ В СИРИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	90
<i>Morar N.V., Cheremisova E.A.</i>	
<i>OIL PRODUCTION IN SYRIA: PROBLEMS AND PERSPECTIVES</i>	93
Мысин Е.Р., Голованов Е.О., Мамсурова З.Р.	
К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ РЕПЕРТУАРА ВОЕННЫХ ОРКЕСТРОВ В СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	96
<i>Mysin E.R., Golovanov E.O., Mamsurova Z.R.</i>	
<i>TO SPECIFICS OF THE REPERTOIRE OF MILITARY ORCHESTRAS IN THE SIRIAN ARAB REPUBLIC</i>	100
Недашковский Р.А., Васильева С.Н.	
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛЬНЫМ ВЫЗОВАМ И ИХ ВЛИЯНИЮ НА ПСИХИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА	103
<i>Nedashkovskiy R.A., Vasilyeva S.N.</i>	
<i>COUNTERMEASURES TO GLOBAL CHALLENGES AND THEIR IMPACT ON PSYCHIATRIC AND PSYCHOLOGICAL STATES OF PERSONALITY AND SOCIETY</i>	107
Никишин Е.К.	
КОНЦЕПЦИЯ МНОГОДОМЕННОГО СРАЖЕНИЯ КАК ВОЕННАЯ ПАРАДИГМА XXI ВЕКА	110
<i>Nikishin Y.K.</i>	
<i>THE CONCEPT OF MULTIDOMAIN BATTLE AS A MILITARY PARADIGM OF THE 21ST CENTURY</i>	114

Никончук А.В.	
ПРЕОДОЛЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ КАК ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ СУПЕРДЕРЖАВЫ	116
<i>Nikonchuk A.V.</i>	
<i>OVERCOMING GEOPOLITICAL CONFLICTS AS A PATH TO BECOMING A SUPERPOWER</i>	119
Прилепский В.Ю., Ласария А.О.	
К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И ЕГО ВООРУЖЕННЫХ СИЛ	122
<i>Prilepsky V.Y., Lasariya A.O.</i>	
<i>TO THE ISSUE OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL SECURITY OF THE RUSSIAN SOCIETY, STATE AND ITS ARMED FORCES</i>	127
Пчельников Д.И., Федорова Е.Ю.	
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ	131
<i>Pchelnikov D.I., Fedorova E.Y.</i>	
<i>RUSSIAN NATIONAL SECURITY SYSTEM DEVELOPMENT</i>	135
Рамазанов Р.Р.	
СЕПАРАТИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ	138
<i>Ramazanov R.R.</i>	
<i>SEPARATISM AS A GLOBAL PROBLEM OF MODERNITY</i>	141
Санталов Т.В., Зотова О.В.	
РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК КЛЮЧЕВОГО СУБЪЕКТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НА СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ	143
<i>Santalov T.V., Zotova O.V.</i>	
<i>THE ROLE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A KEY FACTOR TO ENSURE SECURITY SUPPORT ON THE MODERN GEOPOLITICAL SCENE</i>	147
Сергеев А.И., Зотова О.В.	
РИСКИ РАЗВИТИЯ И ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	150

<i>Sergeev A.I., Zotova O.V.</i>	
<i>RISKS OF DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE NEW GEOPOLITICAL REALITY</i>	155
Сибатулина М.А.	
КИБЕРАТАКИ КАК УГРОЗА ГОСУДАРСТВУ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	160
<i>Sibatulina M.A.</i>	
<i>CYBERATTACKS AS A STATE THREAT IN THE NEW GEOPOLITICAL REALITY</i>	163
Соколова Е.Е.	
МОДЕЛИРОВАНИЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ ПОЛИТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ	165
<i>Sokolova E.E.</i>	
<i>MODELLING NEW EDUCATION POLICY CHALLENGES</i>	170
Ходячих А.Ю., Лоскутова С.В.	
К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	173
<i>Khodyachikh A.Y., Loskutova S.V.</i>	
<i>TO ENSURING NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION AT PRESENT STAGE</i>	176
Хотинская А.А.	
КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	178
<i>Khotinskaya A.A.</i>	
<i>KEY TRENDS AND RISKS OF THE NEW GEOPOLITICAL REALITY</i>	181
Шахмагонов-Григоров В.Д.	
К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ НОВЕЙШИХ ВИДОВ ВООРУЖЕНИЯ В РФ	183
<i>Shakhmagonov-Grigorov V.D.</i>	
<i>TO THE NEED TO CREATE THE LATEST TYPES OF WEAPONS IN THE RUSSIAN FEDERATION</i>	186
Шермазанова С.В.	
ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ В РАМКАХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ	189

<i>Shermazanova S.V.</i>	
<i>COMPETENCE FORMING IN DISTANCE LEARNING OF FOREIGN LANGUAGES</i>	195
Юрченко Г.В., Федорова Е.Ю.	
КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	201
<i>Yurchenko G.V., Fedorova E.Y.</i>	
<i>KEY TRENDS AND RISKS OF NEW GEOPOLITICAL REALITY</i>	205
НАПРАВЛЕНИЕ 2.	
<i>ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА</i>	208
WORKSHOP 2.	
<i>LEGAL INSTRUMENTS TO ENSURE THE STABILITY OF THE STATE</i>	208
Аликберов К.Д.	
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В США И РОССИИ	208
<i>Alikberov K.D.</i>	
<i>PROBLEM ASPECTS OF CRIMINAL LAW MEASURES TO COUNTER EXTREMISM IN THE USA AND RUSSIA</i>	212
Гриценко Ю.Ю.	
ВОЕННО-СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА	215
<i>Gritsenko Y.Y.</i>	
<i>MILITARY-SOCIAL IS A LEGAL INSTRUMENT FOR ENSURING THE STABILITY OF THE STATE</i>	218
Кудрявцев Д.А.	
ЗНАЧЕНИЕ КУРИЛЬСКОЙ ГРЯДЫ ДЛЯ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ	221
<i>Kudryavtsev D.A.</i>	
<i>THE VALUE OF THE KURIL ISLANDS FOR DEFENSE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FAR EASTERN REGION</i>	224
Пильчина Д.Ж.	
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БАНКРОТСТВА ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	226

<i>Pilchina D.Z.</i>	
<i>LEGAL ASPECTS OF PRIVATE BANKRUPTCY IN MODERN CONDITIONS</i>	230
Руденко А.В., Лоскутова С.В.	
ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	234
<i>A.V., Loskutova S.V.</i>	
<i>LEGAL INSTRUMENTS GUARANTEERING STATE STABILITY AT PRESENT STAGE</i>	237
Сыромятников Ю.Ю.	
СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РФ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА	239
<i>Syromyatnikov Y.Y.</i>	
<i>ESTABLISHMENT OF THE LEGAL BASIS OF MILITARY AND POLITICAL WORK IN THE ARMED FORCES OF THE RF AS AN IMPORTANT ASPECT OF ENSURING STATE STABILITY</i>	242
НАПРАВЛЕНИЕ 3.	
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ К ПОСЛЕДСТВИЯМ ВЫЗОВОВ	
	245
WORKSHOP 3.	
STRATEGIC TASKS OF MORAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION TO THE CONSEQUENCES OF CHALLENGES	
	245
Александров Д.С.	
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ К ПОСЛЕДСТВИЯМ ВЫЗОВОВ	245
<i>Aleksandrov D.S.</i>	
<i>STRATEGIC MATTERS OF MORAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION TO THE CONSEQUENCES OF CHALLENGES</i>	248
Алмаз Д.Ю.	
К ВОПРОСУ О ЗАВИСИМОСТИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ СЕВЕРНОГО ВУЗА ОТ ИХ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ	251

<i>Almaz D.Y.</i>	
<i>ON THE QUESTION OF CORRELATION BETWEEN NORTHERN UNIVERSITY STUDENTS' MENTAL STATES AND THEIR PHYSICAL ACTIVITY</i>	255
Амрахов Э.Н., Солонина С.Н.	
ПРИЧИНЫ ФРУСТРАЦИОННЫХ СОСТОЯНИЙ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ	258
<i>Amrakhov E.N., Solonina S.N.</i>	
<i>CAUSES OF FRUSTRATION STATES OF CADETS AT HIGHER EDUCATIONAL MILITARY INSTITUTIONS DURING PANDEMIC</i>	262
Габур М.В.	
ЗАВИСИМОСТЬ УРОВНЯ ПРИТЯЖАНИЯ ОТ УЧЕБНЫХ ЗАДАЧ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ	265
<i>Gabur M.V.</i>	
<i>THE DEPENDENCE OF THE LEVEL OF CLAIM ON THE TRAINING TASKS FOR PHYSICAL TRAINING</i>	268
Гусев С.А.	
УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (СОТРУДНИКОВ) РОСГВАРДИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ	270
<i>Gusev S.A.</i>	
<i>STRENGTHENING THE INFLUENCE OF SOCIAL NETWORKS ON THE FORMATION OF MOTIVATIONAL AND VALUE ATTITUDES OF MILITARY PERSONNEL (EMPLOYEES) OF RUSSIAN GUARD IN A PANDEMIC</i>	274
Ихилов Я.С.	
ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ	277
<i>Ikhilov Y.S.</i>	
<i>PREVENTION OF INDIVIDUALS' EMOTIONAL AND PSYCHOLOGICAL DISORDERS IN CONDITIONS OF GLOBAL CHALLENGES</i>	280
Колесников В.В., Давиденко Д.В., Мамсурова З.Р.	
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ВОЕННОГО ПСИХОЛОГА ПО РЕАДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО, УЧАСТВОВАВШЕГО В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ	283

<i>Kolesnikov V.V., Davidenko D.V., Mamsurova Z.R.</i>	
<i>STRATEGIC TASKS OF A MILITARY PSYCHOLOGIST AT READAPTATION OF A PERSON WHO PARTICIPATED IN COMBAT OPERATIONS</i>	288
Коренкова А.Р., Гатауллина Г.А.	
ПРОБЛЕМАТИКА АДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЖЕНСКОГО ПОЛА К УСЛОВИЯМ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ	291
<i>Korenkova A.R., Gataullina G.A.</i>	
<i>PROBLEMS OF ADAPTATION OF FEMALE SERVICEMEN TO THE CONDITIONS OF MILITARY SERVICE</i>	295
Косарев Р.О.	
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА И АГИТАЦИЯ КАК РЕШЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ	298
<i>Kosarev R.O.</i>	
<i>MILITARY AND POLITICAL PROPAGANDA AND AGITATION AS THE WAY TO SOLVE A STRATEGIC TASK IN THE CONTEXT OF NEW SECURITY CHALLENGES</i>	301
Лоскутова С.В., Немцева Е.О.	
ПОВЕСТЬ Н.В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА» КАК ФАКТОР ПОДЪЕМА МОРАЛЬНОГО ДУХА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	304
<i>Loskutova S.V., Nemtseva E.O.</i>	
<i>N.V. GOGOL'S STORY "TARAS BULBA" AS MILITARY PERSONNEL MORALE BOOSTING FACTOR AT PRESENT STAGE</i>	308
Максимов Н.В.	
СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И СОТРУДНИКОВ РОСГВАРДИИ В ХОДЕ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	311
<i>Maksimov N.V.</i>	
<i>THE SYSTEM OF VALUES OF MILITARY SERVICES AND EMPLOYEES OF THE RUSSIAN NATIONAL GUARD DURING ANTI-EXTREMIST ACTIVITIES</i>	314
Рудаков В.А.	
ВОСПИТАНИЕ МОРАЛЬНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ОФИЦЕРОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЗГЛЯДОВ А.В. СУВОРОВА	317

<i>Rudakov V.A.</i>	
<i>EDUCATION OF MORAL AND PROFESSIONAL QUALITIES OF OFFICERS THROUGH THE PRISM OF VIEWS OF A.V. SUVOROV</i>	320
Савенков А.С.	
НЕОБХОДИМОСТЬ УГЛУБЛЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРОФАЙЛИНГА В СИСТЕМЕ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ	323
<i>Savenkov A.S.</i>	
<i>THE NEED FOR AN IN-DEPTH STUDY OF PROFILING IN THE BORDER SERVICE SYSTEM</i>	326
Сергеев С.И., Околелов П.А.	
МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ КУРСАНТОВ В ПЕРВЫЙ ГОД ОБУЧЕНИЯ	328
<i>Sergeev S.I., Okolelov P.A.</i>	
<i>MORAL PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF THE FIRST YEAR CADETS</i>	331
Смирнова А.В.	
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	334
<i>Smirnova A.V.</i>	
<i>PROBLEMS OF FORMATION OF NATIONAL LEGAL AWARENESS OF YOUTH AT THE PRESENT STAGE</i>	337
Турчин Н.П.	
АДАПТАЦИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЛУЖЕБНО-БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЙСК В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	340
<i>Turchin N.P.</i>	
<i>MILITARY EMPLOYEES' ADAPTATION AS A STRATEGIC TASK OF MORAL AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF SERVICE AND COMBAT ACTIVITIES OF TROOPS IN MODERN CONDITIONS</i>	344
Цыганов Н.И.	
МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ ДРОНОВ	347

<i>Tsyganov N.I.</i>	
<i>MORAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF MILITARY PERSONNEL IN A DRONE WAR</i>	351
Шигарев М.Ю., Васильева С.Н.	
К ВОПРОСУ О МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ К ВЫЗОВАМ СОВРЕМЕННОСТИ	354
<i>Shigarev M.Y., Vasilyeva S.N.</i>	
<i>TO THE ISSUE OF MORAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF CADETS TO MODERN CHALLENGES</i>	358
НАПРАВЛЕНИЕ 4.	
ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗМЕНЕНИЙ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАЕКТОРИЙ	
	361
WORKSHOP 4.	
PERSPECTIVE ISSUES OF CHANGES IN GLOBAL SOCIO-ECONOMIC TRAJECTORIES	
	361
Зубкова Л.А.	
РОБОТИЗАЦИЯ И КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ	361
<i>Zubkova L.A.</i>	
<i>ROBOTIZATION AND COMPUTERIZATION AS THE BASIS OF ECONOMY IN PANDEMIC</i>	366
Карпова Л.Н.	
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БАНКОВСКОГО НАДЗОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	369
<i>Karпова L.N.</i>	
<i>THE ORETICAL FOUNDATIONS OF BANKING SUPERVISION IN THE RUSSIAN FEDERATION</i>	376
Куницын И.В.	
СЛИЯНИЕ И ПОГЛОЩЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ ГОСУДАРСТВА	381
<i>Kunitsyn I.V.</i>	
<i>MERGERS AND ACQUISITIONS AS AN INSTRUMENT OF MARKET SYSTEM OF GOVERNMENT</i>	384

Пономарева Е.С.	
ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-ЭКОНОМИКИ НА ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	387
<i>Ponomareva E.S.</i>	
<i>INTERNET ECONOMY IMPACT ON MODERN SOCIETY LIFE</i>	390
Серда Е.Г., Коновалов А.А.	
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	393
<i>Sereda E.G., Kononov A.A.</i>	
<i>PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE WORLD ECONOMY</i>	396
Хомутов А.Ю., Лоскутова С.В.	
К ВОПРОСУ О РЕШЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	398
<i>Khomutov A.Y., Loskutova S.V.</i>	
<i>TO SOLVING GLOBAL SOCIAL AND ECONOMIC PROBLEMS AT PRESENT STAGE</i>	401

НАПРАВЛЕНИЕ 1.
**КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ НОВОЙ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ**
WORKSHOP 1.
**KEY TRENDS AND RISKS OF THE NEW GEOPOLITICAL
REALITY**

Беляев Дмитрий Эдуардович,
курсант 2 курса
1 (военно-политической работы и журналистики)
факультета Военного университета Министерства обороны РФ.
Belyaev Dmitry Eduardovich,
Military University: Ministry of Defence of the RF
1 (Military-Political Work and Journalism) Department
2nd year cadet.

Лоскутова Светлана Витальевна,
преподаватель кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства обороны РФ.
Loskutova Svetlana Vitalievna,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Teacher.

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ НА
СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

**RUSSIA'S FOREIGN POLICY PRIORITIES WITH REGARD
TO CHINA AT PRESENT STAGE**

Аннотация. В статье автор рассматривает ряд вопросов, касающихся приоритетных направлений внешней политики России в отношении Китая, и обращает внимание на актуальность их изучения.

Abstract. The author of the study examines a number of issues related to Russia's foreign policy priorities with regard to China and draws attention to their relevant review.

Ключевые слова: экономическое и военно-техническое сотрудничество, Шанхайский договор, приоритеты внешней политики России.

Keywords: economic, military and technological cooperation, Shanghai Treaty, Russia's foreign policy priorities.

Российско-китайские отношения имеют многовековую историю. К тому же, Россия и Китай, как две влиятельные державы на глобальном уровне, несут особую ответственность за поддержание мира на планете и содействие совместному развитию всех стран[1]. Авторы полагают, что сегодня важно понимать, как взаимовыгодное многоплановое сотрудничество между двумя государствами, постоянными членами Совета Безопасности ООН, может отразиться на всем мировом сообществе.

В этой связи мы хотели бы подчеркнуть важную роль в обеспечении региональной безопасности, которую играют такие объединения, как Шанхайская организация сотрудничества и Организация Договора о коллективной безопасности. Прежде всего, следует остановиться на подписании документа о создании ШОС Россией и Китаем в 2001 году. Данная важнейшая инициатива направлена на укрепление стабильности и безопасности на широком пространстве, объединяющем государства-участников, борьбу с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, наркотрафиком, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнёрства, научного и культурного взаимодействия[2]. Затем определим три основные направления внешней политики России в отношении Китая: экономическая кооперация, военно-техническое сотрудничество и взаимодействие в области науки, образования и культуры[3]. Сейчас основная доля экономического сотрудничества приходится на экспорт ценных пород древесины, но вырубка леса на Дальнем Востоке наносит нашей стране серьезный экологический ущерб. На данный момент в экономической сфере существуют более интересные проекты, например, технологическое сотрудничество, направленное на создание новых способов переработки газа и нефти, поставляемых благодаря строительству газопроводов с пропускной способностью 60-80 млрд. кубометров газа в год, и прокладки нефтепровода «Сила Сибири», проходящего по траектории Восточная Сибирь - Тихий океан. А также сотрудничество по созданию современных вакцин против опасных

болезней, атакующий сейчас современный мир[4]. В сфере военно-технического сотрудничества Россия осуществляет крупные поставки военной продукции в КНР. К тому же, между Москвой и Пекином существует договоренность о взаимопомощи в случае нападения на одну из сторон. Для поддержания боеготовности на должном уровне страны проводят совместные военные учения. Такие составляющие внешней политики, как наука, образование и культура, являются не менее важными направлениями укрепления двусторонних связей. В качестве примера успешного сотрудничества можно привести возведение на территории Китая технопарков, призванных обеспечить развитие и реализацию совместных инновационных проектов[5].

Таким образом, приведенные выше факты позволяют сделать вывод, что на современном этапе Российская Федерация может занять выгодные позиции в юго-восточном регионе Азии, используя потенциал КНР и проводя взвешенную добрососедскую внешнюю политику в отношении своего крупного соседа, который является одним из лидеров в экономической и военной сферах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мясников В. С. Русско-китайские отношения 1689-1916. – М.: Политическая литература, 2008.
2. Внешние отношения между Россией и Китаем // Россия и Китай. Материалы международной научно-практической конференции. – Благовещенск, 2015.
3. Цуй Чжэн. Научно - техническое сотрудничество РФ и Китай в контексте инновационного развития стран БРИКС. – М: МГУ. 2015 г.
4. Меморандум между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области модернизации экономики от 11.10.2011 [Электронный ресурс] / Справочно-правовая система «Гарант». – URL: <http://ivo.garant.ru> (дата обращения: 17.01.2021).
5. Ответы официального представителя МИД КНР Лю Цзяньчао на вопросы корреспондентов на пресс-конференции 23 июня 2005 года, официальный представитель МИД КНР, 2005. [Электронный ресурс] URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t201345.htm> (дата обращения: 23.11.2020).

Russian-Chinese relations have a long history. In addition, Russia and China, as two influential powers at the global level, bear a special responsibility for maintaining peace on the planet and promoting the joint development of all countries[1]. The authors believe that today it is important to understand how mutual beneficial multifaceted cooperation between two states, permanent members of the UN Security Council, can affect the entire world community.

In this regard, we would like to emphasize the important role in ensuring regional security, which is played by such associations as the Shanghai Cooperation Organization and the Collective Security Treaty Organization. First of all, one should dwell on the signing of the document on the establishment of the SCO by Russia and China in 2001. This major initiative is aimed at strengthening stability and security in a wide area uniting the participating states, combating terrorism, separatism, extremism, drug trafficking, developing economic cooperation, energy partnership, scientific and cultural interaction[2]. Then we will define the three main directions of Russia's foreign policy towards China: economic cooperation, military-technical cooperation and interaction in the field of science, education and culture[3]. Now the main share of economic cooperation falls on the export of valuable species of timber, but deforestation in the Far East causes serious environmental damage to our country. At the moment, there are more interesting projects in the economic sphere, for example, technological cooperation aimed at creating new methods of processing gas and oil supplied through the construction of gas pipelines with a throughput capacity of 60-80 billion cubic meters of gas per year, and the laying of the Power of Siberia oil pipeline, passing along the trajectory of Eastern Siberia - Pacific Ocean. And also cooperation on the creation of modern vaccines against dangerous diseases, which are now attacking the modern world[4]. In the sphere of military-technical cooperation, Russia carries out large supplies of military products to the PRC. In addition, there is an agreement between Moscow and Beijing on mutual assistance in the event of an attack on one of the sides. To maintain combat readiness at the proper level, the countries conduct joint military exercises. Such components of foreign policy as science, education and culture are no less important areas for strengthening bilateral ties. As an example of successful cooperation, one can cite the construction of technoparks on the territory of China, designed to ensure the development and implementation of joint innovation projects[5].

Thus, the above facts allow us to conclude that at the present stage, the Russian Federation can take advantageous positions in the southeastern region of Asia, using the potential of the PRC and pursuing a balanced good-neighborly foreign policy towards its large neighbor, which is one of the leaders in the economic and military spheres.

REFERENCES

1. Myasnikov V. S. Russian-Chinese relations 1689-1916. – M.: Political Literature, 2008.
2. External relations between Russia and China // Russia and China. Materials of the international scientific and practical conference. – Vlagoveshchensk, 2015.
3. Cui Zheng. Scientific and technical cooperation between the Russian Federation and China in the context of the innovative development of the BRICS countries. – M: Moscow State University. 2015.
4. Memorandum between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on cooperation in the field of economic modernization from 11.10.2011 [Electronic resource] / Reference and legal system "Garant". – URL: <http://ivo.garant.ru> (access date: 01 17. 2021).
5. Answers of the official representative of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China Liu Jianchao to the questions of correspondents at a press conference on June 23, 2005, the official representative of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 2005. [Electronic resource] URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t201345.htm> (access date: 11. 23. 2020).

Горбунова Аделя Азатовна,
аспирант 1 курса
Международного юридического института.
Gorbunova Adelia Azatovna,
International Law Institute
1st year PhD student.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ БИЗНЕС: ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

GEOPOLITICAL RISKS AND INTERNATIONAL BUSINESS: THE IMPACT OF ECONOMIC SANCTIONS

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния геополитических рисков на деятельность международного бизнеса, а именно риска экономических санкций. Автор рассматривает понятие санкций, последствия несоблюдения режима ограничений и предлагает процедуру анализа деятельности компаний с целью ее соответствия законодательству о санкциях.

Abstract. The article is devoted to the problem of the influence of geopolitical risks on international business activities, namely the economic sanctions risk. The author considers the concept of sanctions, consequences of non-compliance with sanctions regimes and offers a procedure for analyzing a company's activities in order to comply with the legislation on sanctions.

Ключевые слова: геополитические риски, экономические санкции, международный бизнес, оценка и управление рисками.

Keywords: geopolitical risks, economic sanctions, international business, risk assessment and management.

Современное поколение стало свидетелем глубинных трансформаций мирового порядка и геополитической реальности. В конце XX – начале XXI веков на смену угрозам эпохи биполярного противостояния пришли новые риски, как например: возможность распространения оружия массового уничтожения, экологический кризис, международный терроризм, многочисленные региональные конфликты, протесты населения и пандемия коронавируса. Наблюдается тенденция ослабления интеграционных процессов

в мировой политике, ярким примером которой стало решение Великобритании о выходе из Евросоюза в 2016 году. Вместе с тем возрастает соперничество между рядом ведущих держав, стремящихся к продвижению своих геополитических и геоэкономических интересов на мировой арене.

Учитывая важную роль экономики в благосостоянии государств, связи между национальными экономиками, торговые и инвестиционные потоки не могут существовать вне глобального геополитического контекста. Поэтому геополитические риски и их возможное влияние важно оценивать не только лидерам государств, но и компаниям, действующим на международной арене. В последнее время особенно ярко заметно, что экономическая сфера стала ареной для манипуляций в геополитических целях, одним из главных инструментов чего стали экономические санкции, в связи с чем как никогда актуален анализ влияния такого геополитического риска как экономические санкции на международный бизнес.

Так, на 2020 год Соединённые Штаты Америки применяли всеобъемлющие режимы санкций в отношении Ирана, Судана и Сирии, а также имели более двух десятков других программ, направленных против физических и юридических лиц, связанных с определенными политическими кризисами (например, санкции против России в связи с событиями на Украине) или подозреваемых в преступном поведении, как например оборот наркотиков и терроризм. В «Список специально указанных граждан и лиц с запрещённым статусом» (Specially Designated Nationals and Blocked Persons list) входят более шести тысяч физических лиц, компаний и организаций[1].

У Европейского Союза на данный момент действует более 30 режимов экономических санкций, введённых как в соответствии с решениями ООН (например, против Сомали и Эритреи), так и автономно (например, против России и Венесуэлы), в рамках которых под санкциями находятся более 4 000 юридических и 7 000 физических лиц[2].

Использование инструмента санкций обуславливается тем, что ограничения, наносящие вред экономике страны, часто существенно ослабляют её позиции в системе международных отношений. Более того, ограничения в таких областях, как высокие технологии, могут в будущем привести к технологическому и впоследствии к экономическому и военному отставанию страны, на которую они

были наложены. В рамках наиболее употребляемого определения под экономическими санкциями понимают намеренные действия государства («страны-инициатора»), коалиции таких государств или международных организаций по сокращению, ограничению или выходу из таможенных, торговых или финансовых отношений с «целевой страной», или «страной-адресатом»[3]. Данные меры воздействия могут включать запрет или частичное ограничение экспорта и импорта товаров и услуг, блокирование финансовых операций, прекращение экономического партнёрства и инвестиций[4].

Санкции, таким образом, становятся инструментом экономического давления стран-инициаторов, движимых политическими целями, на страны-адресаты. Конечной целью введения санкций является создание ситуации, в которой для страны-адресата экономический ущерб, упущенная выгода, а также последствия для общества и политической системы делают невыгодным сохранение старого политического курса и заставляют его идти на уступки требованиям страны-инициатора. При этом в отличие от торговых войн, цель которых максимизация экономической выгоды за счёт временного ограничения двусторонней торговли, санкции отличаются наличием политической цели, а именно желанием с помощью торговых и/или финансовых инструментов принудить целевую страну к определённым действиям политического характера. При этом в случае санкций достижение политической цели ставится выше экономических потерь[5].

В случае наложения санкций в отношении физических или юридических лиц определённой страны особенно страдают производственно-сбытовые цепочки международных компаний. Например, в 2018 году США вышли из ядерной сделки с Ираном, ограничив возможности различных физических и юридических лиц вести дела с этой страной в целом. Компании, имеющие деловые интересы в стране, обязаны были прекратить предпринимательскую деятельность в течение достаточно короткого периода времени.

Несоблюдение установленных требований в области санкций может привести: к блокировке/закрытию счетов; заморозке активов за рубежом; возбуждению уголовных или административных дел; существенным штрафам и иным санкциям со стороны регулирующих органов; репутационному ущербу. Одним из самых резонансных примеров последствий несоблюдения экономических санкций стал

штраф в размере 9 миллиардов долларов США, наложенный в 2015 году на французский банк BNP Paribas за нарушение американского режима санкций против Кубы, Ирана и Судана[6].

Таким образом, очевидно, что вопросы влияния геополитических рисков на бизнес являются важной задачей при принятии управленческих решений. В случае экономических санкций, решением для международных компаний может стать внутренняя система анализа контрагентов и прогнозирования введения ограничительных мер в отношении юрисдикций, где ведётся коммерческая деятельность. Санкционная проверка включает в себя проверку отдельных лиц, групп или компаний на предмет соответствия установленным перечням санкций в зависимости от территории, на которой организация торгует, валюты, а также контрагентов.

Так, для международного бизнеса можно предложить процедуру анализа партнёров и контрагентов по следующей схеме:

1. Где приобретаются товары;
2. Кто дистрибьюторы и находятся ли они в зонах повышенного риска;
3. Будет ли покупатель доставлять наши товары в страну, на которую распространяются санкции;
4. Является ли источником товаров нашего поставщика страна, в отношении которой действуют санкции[7].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в современном мире транснациональные корпорации и их сеть производственно-сбытовых цепочек вынуждены работать в постоянно меняющейся геополитической среде. В связи с этим острою актуальность обретает вопрос управления геополитическими рисками. Одним из направлений в данном вопросе является оценка рисков санкций, что крайне важно для международного бизнеса, так как случае несоблюдения режимов ограничения могут возникнуть нежелательные последствия в виде штрафов, заморозки активов и репутационных потерь. Избежать отрицательного исхода возможно, прибегнув к всестороннему анализу всей цепи контрагентов, от производства до сбыта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Официальный сайт Министерства финансов США. Санкционные программы и информация по странам [Электронный

ресурс] URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/programs/pages/programs.aspx> (дата обращения: 10.12.2020).

2. Официальный сайт Совета Европейского Союза. Программы ограничительных мер ЕС [Электронный ресурс] URL: <https://register.consilium.europa.eu/doc/srv?!=EN&f=ST%2010198%202004%20REV%201> (дата обращения: 10.12.2020).

3. Хофбауэр Дж., Шотт Дж., Эллиотт К., Оэгг Б. Пересмотр экономических санкций: история и современная политика. – Вашингтон: Институт международной экономики Петерсона, 2009. – С. 27.

4. Нуреев Р.М. Экономические санкции: издержки и выгоды конфронтации // TerraEconomicus, 2017. № 15(3). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-sanktsii-izderzhki-i-vygody-konfrontatsii> (дата обращения: 10.12.2020).

5. Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие» // Вестник МГИМО-Университета, 2018. №2(59). – С. 26-42.

6. Санкции США в отношении России // Исследовательская служба Конгресса, 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45415> (дата обращения: 10.12.2020).

7. Вуд Дж. Соблюдение санкций в настоящее время: как компании должны защищать себя? // Forbes. 03.12.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.com/sites/mitsubishiheavyindustries/2020/12/03/advice-for-young-engineers-learn-from-failure-not-just-from-success/?sh=5f4e64fc6109> (дата обращения: 10.12.2020).

The modern generation has witnessed a profound transformation of the world order and geopolitical reality. In the late XX and early XXI centuries, the threats of the bipolar era were replaced by new risks, such as the possibility of the spread of weapons of mass destruction, the environmental crisis, international terrorism, numerous regional conflicts, public protests and the coronavirus pandemic. There is a trend towards weakening of integration processes in world politics, a prime example being the UK's decision to leave the European Union in 2016. At the same time, there is growing rivalry between a number of leading

powers seeking to promote their geopolitical and geo-economic interests on the world stage.

Given the important role of the economy in the well-being of states and links between national economies, trade and investment flows cannot exist outside of the global geopolitical context. Therefore, not only national leaders, but also companies operating in the international arena should assess geopolitical risks and their potential impact. The economic sphere has recently become an arena for manipulation for geopolitical purposes, with economic sanctions being one of the main instruments, and therefore it is relevant to analyze the impact of such geopolitical risk as economic sanctions on international business.

For example, as of 2020, the United States had comprehensive sanctions regimes on Iran, Sudan and Syria, as well as more than two dozen other programs targeting individuals and entities linked to certain political crises (such as sanctions against Russia over events in Ukraine) or suspected of criminal behavior, such as drug trafficking and terrorism. The Specially Designated Nationals and Blocked Persons list includes over six thousand individuals, companies and organizations[1].

The European Union currently has more than 30 economic sanctions regimes, imposed both under UN decisions (e.g. against Somalia and Eritrea) and autonomously (e.g. against Russia and Venezuela), with more than 4,000 entities and 7,000 individuals under sanctions[2].

Sanctions are used to harm the economy of a country and thereby to weaken its position in the international system. Moreover, restrictions in such areas as high technology may in the future lead to technological and subsequently economic and military backwardness of the targeted country. Under the most common definition, economic sanctions refer to deliberate actions by a state (the "initiating country"), a coalition of such states or international organizations to reduce, limit or withdraw from customs, trade or financial relations with the "target country"[3]. These measures may include prohibiting or partially restricting exports and imports of goods and services, blocking financial transactions, and terminating economic partnerships and investments[4].

Sanctions thus become an instrument of economic pressure on the recipient countries by the initiating countries, driven by political goals. Sanctions ultimately aim at creating a situation in which, for the recipient country, the economic damage, lost profits, and consequences for society and the political system make it unprofitable to maintain the old political course and force it to make concessions to the demands of the initiating

country. At the same time, unlike trade wars, which aim at maximizing economic benefits by temporarily restricting bilateral trade, sanctions have a political goal, namely the desire to use trade and/or financial instruments to force the target country to certain actions of a political nature. In the case of sanctions, political goals are placed above economic losses[5].

When sanctions are imposed on individuals or entities of a certain country, the supply chains of international companies are particularly affected. For example, in 2018 the U.S. pulled out of the nuclear deal with Iran, limiting the ability of various individuals and entities to do business with that country. Companies with business interests in the country were obliged to stop their activities there within a fairly short period of time.

Failure to comply with established sanctions requirements can lead to blocked/closed accounts; frozen assets; criminal or administrative proceedings; substantial fines and other regulatory sanctions; and reputational damage. One of the most high-profile examples of failing to comply with economic sanctions was the \$9 billion fine imposed on French bank BNP Paribas in 2015 for violating the U.S. sanctions regime against Cuba, Iran, and Sudan[6].

Thus, obviously it is important to assess geopolitical risks when making management decisions. In the case of economic sanctions, international companies can solve this problem by organizing an internal system for analyzing counterparties and predicting the imposition of restrictive measures against jurisdictions where business is conducted. Sanctions screening involves checking individuals, groups or companies against established sanctions lists, depending on the territory in which the organization trades, the currency, and the counterparties.

Thus, for international business the following procedure for the analysis of partners and counterparties is suggested:

1. Where the goods are purchased.
2. Who the distributors are and whether they are in high-risk areas.
3. Whether the buyer will deliver our goods to a sanctioned country.
4. Whether the source of our supplier's goods is a sanctioned country[7].

To conclude, it is clear that in today's world transnational corporations and their supply chain network are forced to operate in a constantly changing geopolitical environment. In this regard, the issue of geopolitical risk management is relevant. One of the areas in this issue is the assessment of sanctions risks, which is extremely important for international business, due to numerous consequences (e.g., fines, freezing

of assets and reputational losses) in case of non-compliance with restriction regimes. It is possible to avoid a negative outcome by comprehensively analyzing the entire chain of counterparties, from production to sales.

REFERENCES

1. Official website of the US Department of Treasury. Sanctions Programs and Country Information [Electronic resource] URL:<https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/programs/pages/programs.aspx> (access date: 10.12.2020).
2. Official website of the Council of the European Union. EU restrictive measures programs [Electronic resource] URL:<https://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2010198%202004%20REV%201> (access date: 10.12.2020).
3. Hufbauer G., Schott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy. Peterson Institute for International Economics. Washington, 2009. – P. 27.
4. Nureyev R.M. Economic sanctions: costs and benefits of confrontation. Terra Economicus. 2017. Vol. 15(3). [Electronic resource] URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-sanktsii-izderzhki-i-vygody-konfrontatsii> (access date: 10.12.2020).
5. Timofeev I.N. Economic sanctions as a political concept. Bulletin of MGIMO University. 2018. Vol. 2(59). – P. 26-42.
6. U.S. Sanctions on Russia. Congressional Research Service. 2019. [Electronic resource] URL:<https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45415> (access date: 10.12.2020).
7. Wood J. Sanctions Compliance Today: How Should Companies Protect Themselves? Forbes. 03.12.2020. [Electronic resource] URL:<https://www.forbes.com/sites/mitsubishiheavyindustries/2020/12/03/advice-for-young-engineers-learn-from-failure-not-just-from-success/?sh=5f4e64fc6109> (access date: 10.12.2020)

Дубов Даниил Олегович,
курсант 2 курса
3 (финансово-экономического) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Dubov Daniil Olegovich,
Military University: Ministry of Defence of the RF
3 (Financial-Economic) Department
2nd year cadet.

Федорова Елена Юрьевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства обороны РФ.
Fedorova Elena Yuryevna,
Candidate of Pedagogic Sciences,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Assistant Professor.

**ВЛИЯНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ И РИСКОВ РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННУЮ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКУЮ РЕАЛЬНОСТЬ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**IMPACT OF TRENDS AND RISKS OF RUSSIAN SOCIETY
DEVELOPMENT ON MODERN GEOPOLITICAL REALITY
IN RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. Статья посвящена анализу отрицательного воздействия тенденций развития мирового сообщества на социальный портрет российского социума. Авторы рассматривают влияние процесса глобализации на состояние общества и на геополитическую ситуацию в России.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the negative impact of trends of the world community development on the social portrait of Russian society. The authors of this article touch upon the influence of globalization on the state of society and on the geopolitical situation in Russia.

Ключевые слова: глобализация, интеграция, субкультура, массовая культура, геополитические риски, криминогенная обстановка.

Keywords: globalization, integration, subculture, mass culture, geopolitical risks, criminal situation.

Общеизвестно, что XXI век характеризуется происходящими в мировом сообществе особыми процессами, направленными на сближение народов и стирание существующих между нациями границ, повышение уровня взаимодействия государств при решении международных вопросов – глобализацией и межнациональной интеграцией. Особенности этих процессов являются проблематичность точного прогнозирования последствий данных тенденций для мирового сообщества в целом и для нации каждого отдельно взятого государства в частности, а также двойственность оценок наиболее вероятных из ожидаемых событий.

Разумеется, российское общество не стало исключением и активно включилось в процесс сближения народов. Однако изменения, произошедшие в социальной, морально-психологической и нравственно-этической сферах российского государства неоднозначны. Определенно, глобализация имеет множество положительных черт, таких как упрощение решения международных проблем вследствие учета интересов всех сторон, обогащение культуры, науки, искусства новыми идеями, изучение иностранного опыта и т.д. Однако процесс межнациональной интеграции несет в себе ряд серьезных угроз.

На протяжении почти 30 лет социологи наблюдают стабильное снижение уровня нравственности населения РФ. Начало этому процессу положило постепенное разрушение советской системы дошкольного и школьного образования, а тяжелейшие условия жизни, сопутствовавшие периоду, известному как «лихие девяностые», ускорили его в сотни, если не в тысячи раз. В основе, очевидно, искусственного разрушения высочайшей степени одухотворенности граждан страны лежали такие методы воздействия на общественное сознание, как:

1. деятельность внезапно возникших субкультур, резко негативно относившихся к культурным и идеологическим ценностям, присущим советским гражданам, и настроивавших против их массы;

2. навязывание обществу исторически несвойственной российскому народу системы капиталистических западных ценностей («американской мечты»);

3. посылы, направленные на возникновение и возвращение межнациональных конфликтов и розни (отрицание братства народов, ярчайшим примером которого может служить Первая Чеченская кампания);

4. популяризация идеи массовой культуры, отмена цензуры и управление модой для замены отечественных культурных традиций европейскими;

5. возникновение и популяризация особого вида субкультуры, свойственного ранее исключительно криминальным элементам (шансон, тюремный жаргон, «блатные понятия»);

6. искусственное целенаправленное снижение престижа ряда профессий и видов деятельности, включая государственную службу (служба в армии, полиции, МЧС и других государственных структурах резко стала постыдной), работу по направлениям среднего профессионального образования, работу в отраслях сельского хозяйства. Вследствие этого произошло падение уровня квалификации выпускников вузов.

Данные тенденции сыграли огромную роль в изменении социального портрета российского общества конца XX века. И, несмотря на активное противостояние им со стороны государства, они продолжают оказывать, пусть и не такое сильное, разрушительное влияние на социум.

Другой опасной чертой глобализации является угроза потери уникальной национальной культуры вследствие возникновения стандартной мировой культуры. Российская самобытность утрачивает свои позиции, постепенно впитывая в себя несвойственные российскому народу особенности:

1. терпимое отношение к ЛГБТ сообществу;

2. меркантильность общества, поиск материальной выгоды в любых действиях;

3. индивидуализация населения, ослабление народного единства («моя хата с краю» и «своя рубашка ближе к телу» – крайне популярные жизненные позиции)[1].

Все вышеперечисленные тенденции оказывают непосредственное влияние на позиции России на международной политической арене. Рассмотрев ситуацию, сложившуюся на ней,

можно сделать вывод о геополитических рисках, которые скрываются в глобализации.

Ключевым опасным для РФ геополитическим фактором является проблема миграции рабочей силы. Значительное увеличение движения рабочей силы между странами ведет к росту числа иммигрантов, что непосредственно влияет на уровень безработицы в государстве. Приток неквалифицированных рабочих в Россию, вызванный нехваткой рабочих мест в их родных странах, накаляет криминогенную обстановку, т.к. им зачастую не удастся легально трудоустроиться. Нелегальная иммиграция несет в себе высокие убытки государства вследствие неуплаты налогов трудовыми ресурсами. Также остро стоит проблема иммиграции высококвалифицированных кадров из РФ, что подрывает научно-технический потенциал страны и обогащает потенциал принимающей стороны[2, с.35]. Высокий процент иммигрантов из малообеспеченных стран в свою очередь повышает уровень социальной напряженности в российском обществе, что приводит к распространению идей нестабильности, напряженности и непредсказуемости.

События, происходившие в период первой волны пандемии COVID-19, свидетельствуют о том, что взаимозависимость и чрезмерная интегрированность не помогают противостоять кризисным явлениям, а зачастую наоборот только их усугубляют. Так, например, происходит увеличение разрыва между странами с разным уровнем дохода, а также внутри стран – между бедными и богатыми группами населения, в связи с неравномерным распределением позитивных результатов глобализации. Одним из наиболее существенных негативных последствий является то, что возникают периодические мировые финансовые кризисы, ведущие к неустойчивости глобального финансового рынка[3, с.13].

Таким образом, можно утверждать, что процесс глобализации несет в себе серьезные социальные, экономические и политические угрозы. Ни одно государство не имеет возможности остановить процесс глобализации. Некоторые страны могут оградить себя от участия в усилении данного процесса, но, так как всегда будут государства, заинтересованные в международном сотрудничестве для укрепления своих экономических позиций, это лишь временно усугубит противоречия между нациями. В связи с этим державы стоят перед выбором: или поддерживать процесс глобализации, помогать

ему и пытаться получить от него пользу для своей страны, или сопротивляться и тем самым ограничить свое участие в международном сотрудничестве и разделении труда, воздвигнуть барьеры от притока новых технологий и инвестиций. На наш взгляд, следует тщательно контролировать процессы, происходящие в обществе, и отфильтровывать те тенденции, что могут негативно сказаться на отечественных благосостоянии, культуре и самобытности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Доклад о глобальных рисках – 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020> (дата обращения: 10.11.2020).
2. Чусова Т.О. Риски и противоречия глобализации / Т.О. Чусова // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2013. – Вып. 30 – с. 33-36.
3. Филатова, А. С. Анализ основных рисков глобализации. Молодой ученый. – 2014. – № 8.2 (67.2). – С. 57-59. [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/67/11548/> (дата обращения: 10.11.2020).

It is well known, that the XXI century is characterized by specific processes taking place in the world, aimed at approaching the nations and erasing borders between communities, increasing the level of cooperation between countries in solving international issues – globalization and interethnic integration. The peculiarities of these processes are the problem of accurately predicting the consequences of these trends for the world community as a whole and for the nation of each individual state in particular, as well as the duality of assessments of the most likely of the expected events.

Of course, the Russian society isn't an exception and is actively involved in the process of rapprochement of nations. However, the changes that have occurred in the social, moral-psychological and moral-ethical spheres of the Russian state are ambiguous. Globalization has certainly a lots of positive features, such as simplifying the solution of international problems due to taking into account the interests of all parties, enriching culture, science, art with new ideas, studying of foreign experience, etc. However, interethnic integration poses a number of serious threats.

For almost 30 years, sociologists have been observing a steady decline in the level of morality of the Russian population. The beginning of this process was the graceful destruction of the Soviet system of preschool and school education, and the dire living conditions, that accompanied the period, known as the "roaring nineties," accelerated it hundreds, if not thousands of times. At the heart of the obviously artificial destruction of that highest degree of spirituality of our people were such methods influencing the public consciousness as:

1. the activity of suddenly emerged subcultures, sharply and negatively related to the cultural and ideological values inherent in Soviet citizens, and set against their mass;

2. imposing on society a system of capitalist Western values (the "American Dream"), which is historically unusual for the Russian people;

3. messages aimed at the emergence and cultivation of interethnic conflicts and turmoil (denial of the brotherhood of peoples, the most striking example of which is the First Chechen Campaign);

4. popularizing the idea of mass culture, abolishing censorship and managing fashion to replace indigenous cultural traditions with European ones;

5. the emergence and popularization of a special kind of subculture, previously characteristic of exclusively criminal elements (criminal chanson, prison jargon, "thug concepts");

6. artificially purposeful decline in the prestige of a number of professions and activities, including state service (service in the army, police, Ministry of Emergencies and other agencies has abruptly become shameful), work in the spheres of secondary vocational education, work in the agricultural sectors. As a result, there was a drop in the level of qualifications of university graduates.

These trends played a huge role in changing the social portrait of Russian society at the end of the XX century. And despite the active opposition to them on the part of the state, they continue to exert, albeit not so strong, destructive influence on the society.

Another dangerous feature of globalization is the threat of the loss of a unique national culture due to the emergence of a standard world culture. Russian identity is losing its positions, gradually absorbing alien features of the Russian people:

1. tolerant attitude towards the LGBT community;

2. mercantilism of society, the search for material benefits in any actions;

3. individualization of the population, weakening of national unity («It's neither my headache nor my piece of cake» and «Close to my shirt, but close to my skin» are extremely popular life positions)[1].

All above trends have a direct impact on Russia's position on the international political arena. Having considered the situation on it, we can draw a conclusion about the geopolitical risks that globalization masks.

The key dangerous geopolitical factor for the Russian Federation is the problem of labor migration. A significant increase in the movement of labor between countries leads to an increase in the number of immigrants, which directly affects the unemployment rate in the state. The influx of unskilled workers into Russia, caused by the lack of jobs in their home countries, heightens the criminal situation, as they are often unable to get a job legally. Illegal immigration results in high losses of the state due to non-payment of taxes by workers. There is also an acute problem of immigration of highly qualified personnel from the Russian Federation, which undermines the scientific and technical potential of the country and enriches the potential of the host country[2, p.35]. The high percentage of immigrants from low-income countries in turn increases the level of social tension in Russian society, which leads to the spread of ideas of instability, tension and unpredictability.

The events that took place during the first wave of the COVID-19 pandemic show that interdependence and over-integration do not help to resist crises phenomena, but often only exacerbate them. For example, there is an increase in the gap between countries with different income, as well as within countries between poor and rich groups of the population, due to the uneven distribution of the positive results of globalization. One of the most significant negative consequences is that there are periodic global financial crises leading to the instability in the global financial market[3, p.13].

Thus, it can be concluded, that the process of globalization poses serious social, economic and political threats. No state has the ability to stop the process of globalization. Some countries may insulate themselves from participating in the strengthening of this process, but since there will always be countries interested in international cooperation to strengthen their economic positions, this will only temporarily aggravate the contradictions between nations. In this regard, the powers face a choice either to support the process of globalization, to help it and try to benefit

from it for their country, or to resist and thereby limit their participation in international cooperation and the division of labor, to erect barriers against the inflow of new technologies and investments. In our opinion, it is necessary to carefully monitor the processes taking place in society and filter out those tendencies that may negatively affect the domestic welfare, culture and identity.

REFERENCES

1. The Global Risks Report – 2020[Electronic resource]. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020> (access date: 10.11. 2020).
2. Chusova T.O. Risks and Contradictions of Globalization.//Collections of Conferences of the SNC Sociosphere. 2013. P.33-36.
3. Filatova A.S. Analysis of the main risks of globalization. Young Scientist, 2014. No.8.2(67.2).P. 57-59. – [Electronic resource]. URL: <https://moluch.ru/archive/67/11548/> (access date: 10.11. 2020).

Зубенко Максим Григорьевич,
курсант 2 курса

3 (финансово-экономического) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.

Zubenko Maxim Grigorievich,
Military University: Ministry of Defence of the RF
3 (Financial and Economic) Department
2nd year cadet.

Зотова Ольга Валерьевна,
преподаватель кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства обороны РФ.

Zotova Olga Valerjevna,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Teacher.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ КАК
ИНСТРУМЕНТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МОЩИ
РОССИИ**

THE USE OF THE RF ARMED FORCES AS A TOOL TO ENSURE RUSSIA'S GEOPOLITICAL POWER

Аннотация. В статье рассмотрены меры по обеспечению геополитической мощи РФ путем демонстрации боевой силы без применения оружия против предполагаемого противника, а также с его применением для достижения поставленной задачи таким инструментом обеспечения безопасности, как ВС РФ.

Abstract. The article considers measures to ensure the geopolitical power of the Russian Federation by demonstrating combat strength without using weapons against the alleged enemy, as well as using them to achieve the task set by such a security tool as the Russian Armed Forces.

Ключевые слова: геополитическая мощь РФ, Вооруженные силы Российской Федерации, боевые возможности, операция.

Key words: geopolitical power of the Russian Federation, Russian Armed Forces, combat capabilities, operation.

В настоящее время РФ является важным участником на мировой арене, принимает активное участие в решении глобальных проблем, занимает прочные позиции в мире, а также имеет дипломатические отношения с огромным количеством иностранных государств. Помимо вышесказанного, РФ является членом международной организации БРИКС. Однако укрепление положения РФ в мире встречает серьезное сопротивление со стороны различных международных организаций, таких как ООН и ОБСЕ, что, в свою очередь, угрожает интересам страны. В таких условиях огромную роль играют ВС, которые обеспечивают защиту как геополитических, так и национальных интересов. Важным элементом, обеспечивающим геополитическую мощь являются Вооруженные силы[1]. Важно упомянуть, что геополитической мощью является процесс достижения государством своих целей, защиты своих интересов при помощи своих возможностей путем влияния на внешнюю политику других государств.

Для предупреждения нарушений своих прав, свобод и интересов РФ вынуждена применять возможности ВС, которые находятся под контролем Президента РФ - Верховного Главнокомандующего[2]. ВС выполняют задачи по защите территориальных границ и защите от международного терроризма и

др. Основные положения военной политики и военно-экономического обеспечения обороны изложены в военной Доктрине РФ, утвержденной президентом РФ 25 декабря 2014 г. №ПР-2976[3].

В современных условиях основными внешними опасностями является наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО), приближение военной инфраструктуры стран-членов НАТО к границам РФ, дестабилизация внутренней политики в различных государствах и регионах мира, распространение оружия ядерного и массового поражения в мире.

Российские ВС постоянно несут службу по защите границ РФ, проводят мероприятия по выявлению военных и военно-политических угроз, обеспечивают поддержание постоянной боевой и мобилизационной готовности войск, а также проводят мероприятия по выполнению условий международных договоров и соглашений с государствами-союзниками.

В последнее время ВС РФ было проведено огромное количество мероприятий, таких, как проведение тактических учений: Стратегическое командно-штабное учение Кавказ-2020, Совместное Российско-Индийское военное учение Индра-2018, Стратегическое командно-штабное учение Центр-2019, Совместно Российско-Индийское военное учение Индра-2019[4], которые, в свою очередь, обеспечивают поддержание высокой боевой и мобилизационной готовности войск и выполнение задач в различных условиях.

Военные парады 9 мая на Красной площади, приуроченные к Великой Победе, международные Армейские игры «Army», а также выполнение боевых задач в Сирийской Арабской Республике демонстрируют всему мировому сообществу боевые возможности в целях обеспечения геополитической неприкосновенности.

Основными способами обеспечения геополитической мощи РФ является демонстрация военного потенциала, проведение как крупномасштабных, так и локальных операций.

Ярким примером локальной операции ВС РФ является присоединение Крыма в 2014 году в состав РФ, которая проводилась в целях недопущения межнационального конфликта, прекращения экстремистских и радикальных настроений в адрес русских, проживающих на этой территории, что, в свою очередь, подрывало бы геополитические интересы и создавало бы напряженную обстановку вблизи границ Российской Федерации.

Немаловажным примером крупномасштабной военной операции являются действия ВС РФ на территории Сирийско-Арабской республики, которые были направлены на уничтожение группировки террористов ИГИЛ в рамках организации международной борьбы с терроризмом. Благодаря участию ВС РФ в этой операции, Россия показала мировой арене, что российские войска готовы выполнять различные задачи для обеспечения геополитической мощи РФ, в следствие чего наше государство укрепляет свое положение в мире.

В заключении, следует отметить, что обеспечение геополитической мощи является одной из основных задач российского государства, для выполнения которой привлекается контингент ВС РФ. В свою очередь, ВС РФ своим участием в локальных операциях, демонстрацией боевой мощи укрепляют положение России в мире. Защитой границ от вероятного противника ВС обеспечивают как территориальную целостность, так и геополитическую мощь, и самостоятельность государства. Таким образом, главным инструментом обеспечения геополитической мощи являются Вооруженные силы РФ, которые всеми способами обеспечивают защиту государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сайт «Президент России» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 30.10.2020).

2. Сайт «Законодательство Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <https://fzrf.su/zakon/obezopasnost-i-390-fz/> (дата обращения: 30.10.2020).

3. Сайт «Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации» [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/420246589> (дата обращения: 30.10.2020).

4. Сайт «Министерство обороны Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <https://structure.mil.ru/mission/practice/all.htm> (дата обращения: 28.10.2020).

Presently, the Russian Federation is an important participant on the world stage, takes an active part in solving global problems, occupies a strong position in the world, and also has diplomatic relations with a huge

number of foreign countries. In addition to the above, the Russian Federation is a member of the «BRICS» international organization. However, strengthening the position of the Russian Federation in the world meets with serious resistance from various international organizations such as the UN and the OSCE, which in turn threatens the interests of country. In such situation, a huge role plays the armed forces, which ensure the protection of both geopolitical and national interests[1]. It is important to mention that geopolitical power is the process of a country achieving its goals, protecting its interests with the help of its capabilities by influencing the foreign policy of other countries.

To prevent violations of own rights, freedoms and interests, the Russian Federation is forced to use the capabilities of the armed forces, which are under the control of the President of the Russian Federation –the Supreme Commander[2]. The armed forces perform tasks to protect territorial borders and protect against international terrorism, etc. The main provisions of the military policy and military-economic support for defense are set out in the military Doctrine of the Russian Federation-approved by the President of the Russian Federation on December 25, 2014 No. PR-2976[3].

In modern conditions, the main external threats are building up the power potential of the North Atlantic Treaty Organization (NATO), bringing the military infrastructure of NATO member countries closer to the borders of the Russian Federation, destabilizing internal politics in various countries and regions of the world, and the proliferation of nuclear and mass destruction weapons in the world.

Russian Armed forces constantly guard the borders of the Russian Federation, carry out measures to identify military and military-political threats, ensure the maintenance of constant combat and mobilization readiness of troops, and also carry out measures to comply with the terms of international treaties and agreements with the allies.

Recently, the armed forces have carried out a huge number of events, such as conducting tactical war games: Strategic command and staff exercise Caucasus-2020, Joint Russian-Indian military exercise Indra-2018, Strategic command and staff exercise Center-2019, Joint Russian-Indian military exercise Indra-2019[4], which in turn ensure the maintenance of high combat and mobilization readiness of troops and the performance of tasks in various conditions.

Military parades on 9 may on the red square, dedicated to the great Victory, the international Army Games“Army”, as well as the performance

of combat missions in the Syrian Arab Republic demonstrate to the entire world community combat capabilities in order to ensure geo political integrity.

The main ways to ensure the geopolitical power of the Russian Federation is to demonstrate military potential, conduct both large-scale and local operations.

A striking example of a local operation of the Russian armed forces is the annexation of Crimea to the Russian Federation in 2014, which was carried out in order to prevent interethnic conflict, stop extremist and radical sentiments against Russians living in this territory, which in turn would undermine geopolitical interests and create a tense situation near the borders of the Russian Federation.

An important example of a large-scale military operation is the actions of the Russian armed forces on the territory of the Syrian Arab Republic, which were aimed at destroying the terrorists of the Isil group within the framework of the international fight against terrorism. Thanks to the participation of the Russian armed forces in this operation, Russian Federation has shown the world's countries the Russian forces are ready to perform various tasks to ensure the geopolitical power of the Russian Federation, as a result of which our state strengthens its position in the world.

In conclusion, it should be noted that ensuring geopolitical power is one of the main tasks of the Russian country, for the implementation of which a contingent of the Russian Armed Forces is involved. In turn, the Russian Armed Forces strengthen Russia's position in the world by participating in local operations and demonstrating combat power. The defense of the borders from a potential adversary is ensured by the Armed Forces both territorial integrity and geopolitical power and independence of the country. So, the main instrument for ensuring geopolitical power is the Armed Forces of the Russian Federation, which by all means ensure the protection of the country.

REFERENCES

1. Site «President of Russia» [Electronic resource] URL: <http://www.kremlin.ru/> (access date: 30.10.2020).
2. Site «Legislation of the Russian Federation» [Electronic resource] URL: <https://fzrf.su/zakon/o-bezopasnosti-390-fz/> (access date: 30.10.2020).

3. Site «Electronic fund of legal and regulatory-technical documentation» [Electronic resource] URL:<http://docs.cntd.ru/document/420246589> (access date: 30.10.2020).

4. Site «Ministry of Defense of the Russian Federation» [Electronic resource] URL:<https://structuremil.ru/mission/practice/all.htm> (access date: 28.10.2020).

Касымов Фёдор Русланович,

студент 4 курса
департамента иностранных языков и перевода
Международной академии бизнеса и управления.

Kasymov Fedor Ruslanovich,
International Academy of Business and Management
Department of Foreign Languages and Translation
4th year student.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

PROBLEMS OF ENSURING NATIONAL SECURITY

Аннотация. В статье указаны проблемы обеспечения национальной безопасности, а также представлены примеры нескольких способов решения данных проблем.

Abstract. The article identifies the problems of ensuring national security, and also presents examples of several ways to solve these problems.

Ключевые слова: безопасность, меры, улучшение.

Keywords: security, measures, improvement.

Национальная безопасность – это состояние защищённости отдельной страны и её населения от внутренних и внешних угроз во всех сферах жизнедеятельности[1]. В настоящее время, обеспечение национальной безопасности является одной из важнейших задач государства. Необходимость создания усовершенствованной системы национальной безопасности приобретает особую актуальность и в настоящее время является перспективной задачей развития государства. Прежде всего,

необходимо определить и рассмотреть несколько уже имеющихся проблем, связанных с национальной безопасностью.

Впервые термин национальная безопасность был употреблен в 1904 г. Президентом США Теодором Рузвельтом. В РФ национальная безопасность осуществляется как за счет государственных систем, так и деятельности граждан [2]. На наш взгляд, к государственным системам можно отнести институты, принимающие участие в процессе выработки решений и реализации мер политического, правового, организационного, экономического, военного и иного характера, которые направлены на обеспечение безопасности личности, общества и государства (законодательные, исполнительные, судебные). И напротив, к гражданским, или негосударственным, могут относиться добровольные народные дружины или различные частные охранные предприятия.

Существенной частью стратегии национальной безопасности РФ является повышение качества жизни граждан. По состоянию на 2019 год каждый четвертый россиянин заметил ухудшение своего материального положения (данные РАНХиГС) [3]. Также на 6% сократилось число граждан, имеющих планы на будущую жизнь. В настоящее время 53% молодых граждан в возрасте от 18 до 24 лет хотели бы эмигрировать из страны, этот показатель стал рекордным с 2009 года. Согласно данным Росстата за 2019 год, за чертой бедности в стране проживают 18,6 млн. граждан (12,7% населения России). В сложившейся ситуации необходимо обратить внимание на регионы с самыми высокими уровнями бедности. В качестве примера стоит привести республику Тыва, где по результатам исследований доля населения, находящегося за чертой бедности, составила порядка 35% [4].

Также частью национальной безопасности можно выделить вопросы экологии. За первый квартал 2020 года было зафиксировано 44 случая высокого загрязнения воздуха, что на 57% превышает количество существенных выбросов в атмосферу за аналогичный период 2019 года [5]. Стоит также отметить, что в России до сих пор полноценно не реализована система раздельного сбора мусора. Необходимо усилить контроль за всеми предприятиями, которые могут оказать негативное воздействие на экологию.

Важным фактором в обеспечении национальной безопасности является противодействие терроризму. Терроризм оказывает

серьезное дестабилизирующее воздействие, международный терроризм выступает глобальной угрозой национальной безопасности, так как воздействует одновременно на общество и государство. Необходима реализация комплекса мер по противодействию радикализму и экстремизму в молодежной среде, а также необходимо улучшить систему фильтрации контента в интернете.

Неотъемлемой частью национальной безопасности является вопросы, связанные с здравоохранением. Во внесенном в Госдуму проекте бюджета в 2021 году предлагается снизить расходы на здравоохранение[6]. Данное изменение может привести к уменьшению числа работников в сфере медицины, а также затруднить получение медицинской помощи нуждающимся гражданам, что в рамках пандемии COVID-19 может нанести серьёзный ущерб национальной безопасности. В условиях пандемии необходимо также принять ряд мер по улучшению качества и количества медицинских услуг в отдаленных регионах России.

Таким образом, для усиления национальной безопасности необходимо принять ряд мер по улучшению проблем внутренней политики государства. Необходимо обеспечить поддержку группе граждан, находящихся за чертой бедности путем увеличения прожиточного минимума в особо бедных регионах страны. Следует усилить меры по борьбе с террористическими угрозами. Необходимо увеличить количество средств, выделяемых на здравоохранение, а также улучшить уровень медицины в отдаленных регионах страны. Данные меры позволят обеспечить стабильность государства и подготовить Россию к новым глобальным вызовам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Закон РФ от 5 марта 1992 г. N 2446-I «О безопасности».
2. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
3. Газета «Коммерсант» [Электронный ресурс] URL:<https://www.kommersant.ru/doc/3029599> (дата обращения: 12.01.2021).
4. Информационное агентство РИА [Электронный ресурс] URL:https://riarating.ru/regions/20200707_/630174731.html (дата обращения: 12.01.2021).

5. Газета РБК [Электронный ресурс]
URL:<https://www.rbc.ru/business/25/05/2020/5ec6a0b39a7947d276c6a8f> (дата обращения: 12.01.2021).

6. Федеральный закон от 08.12.2020 N 385-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов».

National security is a state of protection of an individual country and its population from internal and external threats in all spheres of life[1]. Currently, ensuring national security is one of the most important tasks of the state. The need to create an improved national security system is acquiring special urgency and is currently a promising task for the development of the state. Primarily, it is necessary to identify and consider several existing problems related to national security.

The term national security was first used in 1904 by US President Theodore Roosevelt. In the Russian Federation, national security is carried out both at the expense of both state systems and the activities of citizens[2]. In our opinion, state systems include institutions that take part in the process of making decisions and implementing measures of a political, legal, organizational, economic, military and other nature, which are aimed at ensuring the security of the individual, society and the state (legislative, executive, judicial). Conversely, civil, or non-governmental, may include voluntary people's guards or various private security companies.

An essential part of the national security strategy of the Russian Federation is to improve the quality of life of citizens. As of 2019, one in four Russians noticed a deterioration in their financial situation (???) [3]. Also, the number of citizens with plans for a future life has decreased by 6%. Currently, 53% of young citizens aged 18 to 24 would like to emigrate from the country, this figure has become a record since 2009. According to Rosstat data for 2019, 18.6 million citizens (12.7% of the Russian population) live below the poverty line in the country. In this situation, it is necessary to pay attention to the regions with the highest levels of poverty. An example is the Republic of Tyva, where, according to the research results, the share of the population living below the poverty line was about 35% [4].

Also, environmental issues can be distinguished as part of national security. In the first quarter of 2020, 44 cases of high air pollution were recorded, which is 57% more than the number of significant emissions into

the atmosphere in the same period in 2019. It is also worth noting that the separate waste collection system has not yet been fully implemented in Russia. It is necessary to strengthen control over all enterprises that may have a negative impact on the environment.

Countering terrorism is an important factor in ensuring national security. Terrorism has a serious destabilizing effect, international terrorism is a global threat to national security, as it affects both society and the state. It is necessary to implement a set of measures to counter radicalism and extremism among the youth, and it is also necessary to improve the system of filtering content on the Internet.

Health care is an integral part of national security. The draft budget submitted to the State Duma in 2021 proposes to reduce health care costs[5]. This change can lead to a decrease in the number of workers in the field of medicine, as well as make it difficult to receive medical care for citizens in need, which, in the framework of the COVID-19 pandemic, can cause serious damage to national security. In a pandemic, it is also necessary to take a number of measures to improve the quality and quantity of medical services in remote regions of Russia.

Thus, in order to strengthen national security, it is necessary to take a number of measures to improve the problems of the internal policy of the state. It is necessary to provide support to a group of citizens who are below the poverty line by increasing the subsistence minimum in especially poor regions of the country. Measures to combat terrorist threats should be strengthened. It is necessary to increase the amount of funds allocated for health care, as well as improve the level of medicine in remote regions of the country. These measures will ensure the stability of the state and prepare Russia for new global challenges.

REFERENCES

1. The Law of the Russian Federation of March 5, 1992 N 2446-I "On security".

2. Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of December 31, 2015 "On the National Security Strategy of the Russian Federation".

3. The newspaper "Kommersant" [Electronic resource] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3029599> (accessed: 12.01.2021).

4. RIA News Agency [Electronic resource] URL: https://riarating.ru/regions/20200707_/630174731.html (accessed: 12.01.2021).

5. RBC newspaper [Electronic resource]
URL:<https://www.rbc.ru/business/25/05/2020/5ec6a0b39a7947d276> ceca8f
(accessed: 12.01.2021).

6. Federal Law No. 385-FZ of 08.12.2020 "On the Federal Budget for 2021 and for the Planning Period of 2022 and 2023".

Козлова Наталья Дмитриевна,
студент 1 курса магистратуры
факультета лингвистики и межкультурной коммуникации
Московского государственного института
международных отношений (университета) МИД РФ.
Kozlova Natalia Dmitrievna,
Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
Faculty of Linguistics and Cross Cultural Communication
1st year master's degree student.

**НОВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ: ГЕНЕЗИС И
ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СООБЩЕНИЙ,
СОДЕРЖАЩИХ ЛОЖНУЮ ИНФОРМАЦИЮ
В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ**

**NEW GLOBAL CHALLENGES: GENESIS AND PRECULIARITIES
OF MESSAGES CONTAINING FALSE INFORMATION IN THE
INTERNET ENVIRONMENT DISTRIBUTION**

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о глобальных проблемах касающихся распространения сообщений с включением неэффективной информации, вызванных переходом к сетевой коммуникации и активной цифровизацией населения на современном этапе. Автор анализирует проблему потребления и распространения ложных новостей пользователями, а также риски, возникающие как следствие подобной активности.

Abstract. In the article are considered global issues related to the distribution of messages with the inclusion of ineffective information caused by the transition to network communication and active digitalization of the population at the present stage. The author analyzes the problem of

consumption and distribution of false news by users, as well as the risks which occur as a result of such activity.

Ключевые слова: глобальные вызовы, ложные сообщения, интернет-среда.

Keywords: global challenges, genesis, false messages, internet environment.

В настоящее время существует определенная проблема, связанная с распространением неэффективной информации в интернет-среде, что несет за собой определенные риски и опасности. Еще в конце XX века Мануэль Кастельс отмечал тот факт, что сфера коммуникаций значительно трансформируется, наблюдается переход в информационную эпоху и как следствие, возникает так называемое «сетевое сообщество»[1]. В условиях возросшей роли сетевых коммуникаций отдельный пользователь может выступать как в качестве потребителя контента, так и в качестве информационного источника, создавая контент посредством ведения личного блога, публикуя видео, записывая подкасты и т.п. Согласно исследованию Левада-Центр[2], сегодня особое место среди групп молодого населения в качестве источников информации занимают новостные сайты в интернете, а также форумы, блоги, сайты социальных сетей. В отличие от традиционной иерархичной системы, где ответственность за распространение информации возлагалась на конкретный источник – издание или новостное агентство, интернет позволяет распространять любую информацию анонимно, что несет определенный риск – данные могут быть ложными, так как за их достоверность никто не отвечает. Таким образом, представляется возможным выделить группы населения, которые наиболее уязвимы перед потреблением ложных сообщений, транслируемых в сети, а также могут стать потенциальными дальнейшими распространителями подобной информации, что еще раз подчеркивает крайне высокую актуальность рассматриваемой проблемы.

Более того, ложные сообщения могут быть одним из способов ведения информационной войны, которая представляет собой комплекс мероприятий по информационному воздействию на массовое сознание для изменения поведения людей и навязывания им целей, которые не входят в число их интересов[3].

Современные социальные сети представляют собой сложные механизмы, где поведение каждого конкретного пользователя поддается не только количественной оценке, но и качественной. Возрастает роль таких явлений как микротаргетинг, пузырь фильтров, персонализация пользователей. А в 2013 году М.Косинки сделал следующий вывод, основанный на анализе поведения пользователей в facebook: активность пользователя в социальной сети позволяет определить не только физиологические черты пользователя (возраст, половая принадлежность), но, что более важно, личные особенности (религиозная принадлежность, политические предпочтения и т.п.) – внутренний мир пользователя. Развитие технологий глубинного анализа позволяет таким компаниям как Cambridge Analytica профилировать пользователей по различным психологическим моделям, что в дальнейшем используется для того, чтобы манипулировать поведением пользователей и оказывать влияние на ход политических компаний.

Таким образом, все эти технологии позволяют сделать пропаганду персонализированной и тонкой, значительно повышают шансы успешно оказать влияние на сознание пользователей. Особенно важно учесть тот факт, что социальные сети вводят нас в состояние информационной перегрузки, под чем понимается переизбыток информации, которая проникает в сознание пользователя, тем самым снижая его способность адекватно её оценивать[4].

Так, при потреблении конкретной информации, для пользователя, в зависимости от функциональных особенностей социальных медиа, возможно два или три действия для выражения своего эмоционального отклика: «мне нравится»; «поделиться», сделать «репост» – уникальный коммуникационный канал, посредством которого возможно распространить сообщение; «комментировать» – в письменной форме под публикацией выразить эмоции или оставить отзыв.

Функционирование в подобной системе предполагает изменение самого формата новостных сообщений, для повышения данных показателей. Применяются упомянутые выше технологии, а также различные приемы интернет-маркетинга, такие как «кликбейт». Здесь, необходимо выделить основную цель ложного сообщения – вызвать яркий эмоциональный отклик пользователя любым способом с целью быть потребленным пользователем и распространенным, формируя обширные «каскады репостов»[5] и тем самым проникнуть в сознание

все большего числа пользователей. Подтверждением к этому служат результаты исследования, опубликованные в журнале Science в 2018 году, которые говорят о том, что ложные сообщения распространяются гораздо быстрее правды[6]. Особая же опасность кроется в добровольности распространения таких сообщений пользователями. Можно сказать, что активное участие пользователей в интернет-коммуникации в сетевом пространстве, доступном для глубокого и всестороннего анализа, несет особый риск – ложные сообщения постоянно «атакуют» сознание пользователей, что помогает успешно осуществлять манипуляции и достигать поставленных распространителями целей.

В качестве примера представляется актуальным рассмотреть то, как была в социальных сетях освещена ситуация, сложившаяся вокруг пандемии коронавируса в 2020 году – генерация ложных сообщений была крайне высокой, поскольку на тот момент это была наиболее острая и обсуждаемая тема. Нельзя отрицать, что фэйки распространялись с целью снизить неопределенность данной ситуации, тем не менее, имело место и намеренное искажение действительности, направленное на изменение политического, экономического и социального устройства современного мира. Из-за подобных сообщений люди не соблюдали предписанные рекомендации по противодействию распространению коронавируса, искусственно повышался спрос на некоторые товары, а также значительно возрастал уровень стресса в и без того напряженных условиях самоизоляции – все это создавало угрозу безопасности населения.

Так, для борьбы с ложными сообщениями ВОЗ ввела отдельный информационный блок «Mythbusters», где публикуются ложные данные, связанные с COVID-19, пополнялись разоблачающими статьями сайты различных факт-чекинговых организаций, предпринимались активные меры по информированию населения о текущей ситуации. В России на сегодняшний день выработана определенная нормативно-правовая база, направленная на предотвращение распространения ложной информации в сети, что помогло снизить концентрацию ложных сообщений по теме пандемии. Тем не менее, в данном контексте особую важность приобретает и саморегуляция поведения пользователей, которая осложняется всё более усиливающейся интенсификацией информационных потоков.

Таким образом, ложные сообщения – это вызов существующим структурам, так как в современном контексте они представляют собой уникальный способ информационного воздействия на сознание как отдельных индивидов и групп, так и на население в целом, что несет за собой определенные риски в области безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер.с англ. под науч.ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. –608 с.
2. Российский медиа-ландшафт 2019: телевидение, пресса, интернет и социальные сети/ Д. Волков, С. Гончаров – аналитический отчет Левада-Центр – 21 с. [Электронный ресурс] URL:<https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2019/08/LevadaMedia2019-1.pdf> (дата обращения: 23.02.2021).
3. Вирен Г. Современные медиа: Приемы информационных войн: Учеб.пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2013.– 126 с.
4. Тоффлер, Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2008. – 560 с.
5. Каскады слухов. / Фриггери А., Адамич Л. А., Эклз Д., Ченг Д. – Материалы 8-й Международной конференции по блогам и социальным сетям, 2014. – 101-110 с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aaai.org/ocs/index.php/ICWSM/ICWSM14/paper/viewFile/8122/8110> (дата обращения: 23.02.2021).
6. Распространение правдивых и ложных новостей в Интернете. / Соруш В., Рой Д., Эйрел С. – журнал «Science» (том 359, №3380, 09.02.2018) –1146-1151 с. [Электронный ресурс] URL: <https://science.sciencemag.org/content/359/6380/1146> (дата обращения: 23.02.2021).

Nowadays we are facing the problem of the dissemination of ineffective information in the Internet environment, which carries specific risks and dangers. At the end of the twentieth century, Manuel Castells noted that the sphere of communications is significantly transforming, and is observed a transition to the information age and, as a result, appears the «network society»[1]. In the conditions when the role of network communications increases, an individual user can act as a consumer of content, and as an information source, creating content through a personal

blog, publishing videos, recording podcasts, etc. According to a study conducted by the Levada Center[2], nowadays a special place among young population groups is held by news sites on the Internet, as well as forums, blogs, and social networking sites. Unlike the traditional hierarchical system, where a particular source, publishing house or news agency, held the responsibility for the dissemination of information, on the Internet, it is possible to disseminate any information anonymously, and it carries a certain risk – the data can be false because no one is responsible for its reliability. Thus, it seems possible to identify the population groups that are most vulnerable to the consumption of false messages on the internet and can also become potential further disseminators of such information, it once again underlines the extremely high importance of the problem under consideration.

Moreover, false messages can be one of the methods of waging an information war, which is defined as a set of measures for informational impact on the mass consciousness to change people's behavior and impose goals that are not among their interests[3].

Modern social networks are complex mechanisms, where the behavior of each particular user could be assessed not only quantitatively but also qualitatively. Is growing the role of such phenomena as micro-targeting, filter bubble, user personalization. And in 2013, M. Kosinski made the following conclusion, based on the analysis of user behavior on Facebook: user activity on a social network makes it possible to determine not only the physiological traits of the user (age, gender) but, more importantly, personal characteristics (religious affiliation, political preferences, etc.) – the user's inner world. Advances in in-depth analysis technologies allow companies such as Cambridge Analytica to profile users according to various psychological models to manage their behavior and influence the course of political campaigns.

Thus, all these technologies allow making propaganda personalized and subtle, significantly increase the chances to successfully influence the consciousness of users. It is necessary to take into account the fact that social networks put us into a state of information overload, which means an overabundance of information that enters into the user's mind, thereby reducing his or her ability to adequately assess it[4].

When users are consuming specific information, depending on the functional characteristics of social media there are two or three possible actions to express their emotional response: «like»; «share», make a «repost» – a unique communication channel that enables the user to spread

the message; «comment» – to express emotions or leave a review in writing under the publication.

Functioning in such a system involves changing the very format of news messages to increase these indicators. In this case are used technologies mentioned above, as well as various Internet marketing techniques, such as «clickbait». It is necessary to highlight the main purpose of a false message – to elicit a vivid emotional response of the user in any way in order to be consumed by the user and widespread, forming extensive «cascades of reposts»[5] and thereby soak into the consciousness of an increasing number of users. This is confirmed by the results of a study published in 2018 in the journal *Science*, which suggests that false messages spread much faster than the truth[6]. The particular danger lies in the voluntariness of the dissemination of such messages by users. We can say that users' active participation in Internet communication in the network space, available for deep and comprehensive analysis, carries a special risk – false messages constantly “attack” the consciousness of users, which helps to successfully perform manipulations and achieve the goals set by the distributors.

It seems relevant to consider as an example how was covered the situation around the coronavirus pandemic in 2020 on social networks – the generation of false messages was extremely high due to the fact that at that time it was the most acute and discussed topic. It cannot be denied that fakes were spread to reduce the uncertainty of this situation, however, there was also a deliberate distortion of reality aimed at changing the political, economic, and social structure of the modern world. Due to such reports, people did not comply with the prescribed recommendations to counter the spread of coronavirus, artificially grew the demand for some goods, and also significantly increased the level of stress in the already stressful conditions of self-isolation – all this created a threat to the security of the population.

To combat false reports, WHO introduced a separate information block "Mythbusters", where are published false data related to COVID-19, websites of various fact-checking organizations were updated with exposing articles and were taken active measures to inform the population about the current situation. Currently, Russia has developed a certain regulatory and legal framework aimed at preventing the spread of false information on the internet, which helped to reduce the concentration of false messages on the topic of the pandemic. Nevertheless, in this context,

self-regulation of user behavior is gaining critical importance and is complicated by the ever-increasing intensification of information flows.

Thus, false messages are a challenge to existing structures because in the modern context they represent a unique way of informational impact on the consciousness of individuals and groups, and on the population as a whole, which carries certain security risks.

REFERENCES

1. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture: translation from English by O.I.Shkaratan –M.: State University HSE, 2000. –608 p.
2. Russian media landscape 2019: television, press, internet and social networks / D. Volkov, S. Goncharov– analytical report Levada Center –21 p. [Electronic Resource] URL: https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/08/LevadaMedia_2019-1.pdf(access date: 23.02.2021).
3. Viren, G. Modern media: Methods of information wars: student book– M.: Aspect Press, 2013.– 126 p.
4. Toffler, A. Future Shock.– M.: AST, 2008. – 560 p.
5. Rumor cascades. / Friggeri, A, Adamic., L.A., Eckles, D., Cheng., J. –proceedings of the 8th International Conference on Weblogs and Social Media, 2014. – 101-110 p. [Electronic Resource] URL:<https://www.aaai.org/ocs/index.php/ICWSM/ICWSM14/paper/viewFile/8122/8110>(access date: 23.02.2021).
6. The Spread of True and False News Online / Soroush, V., Roy, D., Aral, S. Science (Vol 359, № 6380, 09.02.2018) – 1146-1151 p. [Electronic Resource] URL: <https://science.sciencemag.org/content/359/6380/1146> (access date: 23.02.2021).

Крюкова Людмила Сергеевна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Военного университета
Министерства обороны РФ.
Kryukova Liudmila Sergeevna,
Candidate of Philology, Associate Professor
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Assistant Professor.

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КУРСАНТОВ

INTERACTIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES AS MEANS OF IMPROVING THE INTERCULTURAL COMPETENCE OF CADETS

Аннотация. Статья посвящена интерактивным образовательным технологиям как средству совершенствования межкультурной компетенции курсантов Военного университета. Автор рассматривает интерактивные формы работы на занятиях, подчеркивает их прагматическую значимость для повышения мотивации обучающихся к изучению материала и формирования готовности к коммуникации на иностранном языке.

Abstract. The article is devoted to interactive educational technologies as means of improving the intercultural competence of the Military university cadets. The author considers interactive forms of work in the classroom, emphasizes their pragmatic significance for increasing the motivation of cadets to study the material and forming readiness to communicate in a foreign language.

Ключевые слова: интерактивные образовательные технологии, межкультурная компетенция, иностранный язык, межвузовская конференция.

Keywords: interactive educational technologies, intercultural competence, foreign language, interuniversity conference.

2021 год объявлен годом технологий и науки в Российской Федерации. По мнению нобелевского лауреата Жореса Алфёрова,

обязательным условием для прорыва в технологиях, экономике и достижения социального прогресса является высокая востребованность науки[1]. Однако технологии активно применяются не только в этих сферах. Интерактивные образовательные технологии часто используются в преподавании, в том числе и иностранных языков. Характерная черта интерактивных образовательных технологий – это разнообразное взаимодействие студента и преподавателя не только в рамках конкретной учебной дисциплины, но и между студентами разных курсов (проектная деятельность), а также преподавателями различных дисциплин (межпредметные связи)[2, С. 135].

Благодаря интерактивным технологиям в процессе учебной деятельности курсанты приобретают те компетенции социального взаимодействия, которые затем могут оказаться необходимыми в их будущей профессиональной и социальной жизни[2]. К ним относится и межкультурная коммуникативная компетенция. Данная компетенция представляет собой «сформированный комплекс знаний и умений, позволяющий индивиду как коммуниканту адекватно и эффективно вступать в коммуникацию с представителями других (чужих) культур, в полном объеме воплощая свои коммуникативные намерения и верифицируя результаты коммуникативного акта посредством обратной связи»[3, С. 106].

Интерактивные формы работы, которые используются в Военном университете, включают:

- подготовку научно-исследовательского проекта и выступление на конференции с результатами исследования;
- презентацию страны/выдающегося военачальника/видов транспорта и вооружения;
- работу с карточками;
- просмотр и обсуждение учебных фильмов;
- мозговой штурм;
- дебаты, дискуссии;
- деловые ролевые игры и др.

Остановимся подробнее на работе с карточками. Это образовательная технология позволяет привлечь к активному участию всю группу курсантов и способствует быстрому овладению лексическим материалом занятия. Существует два способа работы с карточками. В первом случае курсантам предлагается набор карточек, на каждой из которых напечатана одна из лексических единиц на

английском языке и русский вариант следующего слова или выражения. У каждого из обучающихся есть несколько карточек. Первый курсант читает слово на русском языке, остальные участники группы ищут его английский вариант на своих карточках. Тот, кто находит, произносит слово по-английски, а затем читает русское слово, указанное на той же карточке. Таким образом, по цепочке курсанты произносят все лексические единицы и последним английский вариант своего слова должен произнести первый курсант.

Второй вариант – это работа с карточками, с указанным на них жирным шрифтом словом, значение которого нужно объяснить на английском языке. Кроме того, на карточке даны 3 слова, которые запрещено использовать при объяснении. Эти слова наиболее часто употребляются с основным словом и являются ключевыми для его объяснения. Задача курсанта, получив карточку, объяснить значение основного слова, избегая употребления трех указанных слов. Остальные участники группы должны угадать лексическую единицу по предложенному им объяснению.

Одним из наиболее важных видов интерактивных образовательных технологий, способствующих развитию научно-исследовательского потенциала обучающихся, совершенствованию навыков владения иностранным языком и овладению межкультурной компетенцией является проектная деятельность. Курсанты проводят научное исследование по одному из направлений ежегодной межвузовской научно-исследовательской конференции, проводимой Военным университетом совместно с ведущими гражданскими и военными вузами Москвы. Результаты исследования обучающиеся представляют на конференции в форме презентации на английском языке. Курсанты могут заниматься научно-исследовательской работой как самостоятельно, так и в группе из нескольких человек.

На занятиях по английскому языку обучающиеся смотрят фильмы на иностранном языке, слушают учебные и аутентичные диалоги, новости, интервью, на основе которых в группе проводятся обсуждения проблемных вопросов и ролевые игры.

Все эти виды интерактивных образовательных технологий способствуют не только овладению новой лексикой и грамматикой, но и совершенствованию навыков и умений чтения, аудирования, письма, а также межкультурной компетенции обучающихся. В процессе выполнения заданий курсанты узнают особенности языка и культуры других стран, учатся эффективно участвовать

в коммуникации, тем самым полностью воплощая свои коммуникативные намерения и достигая намеченных результатов коммуникативного акта посредством обратной связи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 2021 год объявлен в России Годом науки и технологий. [Электронный ресурс] URL:<https://minobrnauki.gov.ru/god-nauki/> (дата обращения: 09.02.2021).
2. Макаренко О.В. Интерактивные образовательные технологии в вузе // Высшее образование в России. 2012, №10. – С. 134-139. [Электронный ресурс]URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-obrazovatelnye-tehnologii-v-vuze> (дата обращения: 28.01.2021).
3. Чакур К.С. Современная научная трактовка понятия "межкультурная коммуникативная компетенция" // Вестник РМАТ. 2018, №1. – С. 103-110. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-nauchnaya-traktovka-ponyatiya-mezhkulturnaya-kommunikativnaya-kompetentsiya> (дата обращения: 28.01.2021).

The year 2021 has been declared the Year of Technology and Science in the Russian Federation. According to Nobel laureate Zhores Alferov, the prerequisite for a breakthrough in technology, economy and achieving social progress is the high demand for science[1]. However, technologies are actively used not only in these spheres. Interactive educational technologies are often used in teaching, including foreign languages. A characteristic feature of interactive educational technologies is a diverse interaction between a student and a teacher not only within a specific academic discipline, but also between students of different courses (projects), as well as teachers of various disciplines (inter-subject relations)[2, P.135].

Thanks to interactive technologies, in the course of educational activities, cadets acquire those competencies of social interaction that may be necessary later in their future professional and social life[2]. They include intercultural communicative competence. This competence is a «formed complex of knowledge and skills that allows an individual as a communicant to communicate adequately and effectively with representatives of other (foreign) cultures, fully embodying their communicative intentions and verifying the results of a communicative act

through feedback»[3, P. 106].

Interactive forms of work that are used at the Military university include:

- making a research project and presenting the results of the research at the conference;
- presentation of the country/ an outstanding military leader/types of transport and weapons;
- work with cards;
- watching and discussing educational films;
- brainstorming sessions;
- debates, discussions;
- business role playing games, etc.

Let's take a closer look at working with cards. This educational technology allows you to actively engage the whole group of cadets and contributes to the rapid mastery of the lexical material of the lesson. There are two ways to work with cards. In the first case, the cadets are offered a set of cards, each of which contains one of the lexical units in English and the Russian version of the next word or expression. Each of the cadets has several cards. The first cadet reads the word in Russian, while the rest of the group is searching for its English version on their cards. The person who finds it says the word in English, and then reads the Russian word printed on the same card. Thus, along the chain, the cadets pronounce all the lexical units and the last English version of his word should be pronounced by the first cadet.

The second option is to work with cards, with the word printed on them in bold, the meaning of which must be explained in English. In addition, the card contains three words that are not allowed to be used during the explanation. These words are often used with the main word and are key to its explanation. The task of the cadet, after receiving the card, is to explain the meaning of the main word, avoiding the use of the three specified words. The rest of the group should guess the lexical unit based on the explanation offered to them.

One of the most important types of interactive educational technologies that contributes to the development of cadets' research potential, improving foreign language skills and mastering intercultural competence is project activity. The cadets conduct research in one of the areas of the annual interuniversity research conference held by the Military university in cooperation with Moscow's leading civil and military universities. The results of the study are presented at the conference in the

form of a presentation in English. The cadets can take part in the research work either on their own or in a group of several people.

In English classes, the cadets watch films in a foreign language, listen to educational and authentic dialogues, news, interviews, on the basis of which the group participates in discussions of problematic issues and role playing games.

All these types of interactive educational technologies contribute not only to learning the new vocabulary and grammar, but also to improving the skills and abilities of reading, listening, writing, as well as mastering the intercultural competence of students. In the course of completing tasks, students get to know the peculiarities of the language and culture of other countries, learn to participate effectively in communication, thereby fully realizing their communicative intentions and achieving the intended results of the communicative act through feedback.

REFERENCES

1. 2021 is declared the Year of Science and Technology in Russia. [Electronic resource] URL:<https://minobrnauki.gov.ru/god-nauki/> (access date: 09.02.2021).

2. Makarenko O.V. Interactive educational technologies in higher education // Higher Education in Russia. 2012, № 10. – P. 134-139. [Electronic resource] URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-obrazovatelnye-tehnologii-v-vuze> (access date: 28.01.2021).

3. Chakur K. S. Modern scientific interpretation of the concept of "intercultural communicative competence" // Vestnik RMAT. 2018, № 1. – P. 103-110. [Electronic resource] URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-nauchnaya-traktovka-ponyatiya-mezhkulturnaya-kommunikativnaya-kompetentsiya> (access date: 28.01.2021).

Макарова Татьяна Анатольевна,
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства обороны РФ.

Makarova Tatiana Anatolievna,
Candidate of Pedagogic Sciences
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Senior Teacher.

ЭТАПЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

STAGES OF “FOREIGN LANGUAGE” DISCIPLINE CONTENT FORMATION UNDER DIGITALIZATION

Аннотация. Статья посвящена проблеме содержания образования на этапе цифровизации общества. Автор статьи рассматривает влияние цифровой трансформации образования на процесс отбора и конструирования содержания учебной дисциплины и представляет возможные варианты осуществления этой деятельности с применением новых цифровых образовательных ресурсов.

Abstract. The article is devoted to the problem of education content at the stage of society digitalization. The author considers the influence of digital transformation of education on the process of academic discipline content selection and formation and presents possible variants of implementing this activity by means of new digital education resources.

Ключевые слова: конструирование, содержание учебной дисциплины, иностранный язык, цифровизация.

Key words: teacher, academic discipline content formation, foreign language, digitalization.

Вопрос отбора и конструирования содержания образования не теряет своей актуальности многие столетия. Последние несколько лет этот вопрос остается в числе самых актуальных в образовании и привлекает все большее внимание не только ученых, педагогов-практиков, но и студентов, ежедневно работающих с различной

информацией. За переводом иностранного слова быстрее и удобнее обратиться к электронному или онлайн словарю, чем к печатному, а найти текст газетной статьи из аутентичного источника легче в сети Интернет. Сравнивая между собой участников образовательного процесса, мы можем отметить, что студенты, в свою очередь, не задумываются о том, что участвуют в таких процессах как поиск, отбор, преобразование материала и др., поскольку эта деятельность становится для них естественной, привычной и необходимой.

Появление новых электронных устройств, количество и разновидность которых стремительно растет год за годом, использование интернет-ресурсов расширили возможности любого человека (не только студента) в получении нового знания, сделав его более доступным. Это вносит серьезные изменения в процесс обучения, а его информатизации посвящено большое количество исследований. Оснащение образовательных учреждений различных уровней информационно-коммуникационными технологиями и наличие основных элементов компьютерной грамотности у педагогов в настоящий момент являются не новшеством, а необходимым условием успешной образовательной деятельности.

Следующим условием становится цифровизация. Одним из определений цифровизации выступает «... преобразование всех типов информации (тексты, звуки, изображения, видео и другие данные из различных источников) на цифровой язык»[1, с. 24]. Некоторые ученые рассматривают цифровизацию как четвертый уровень развития новых технологий[2] или четвертую индустриальную революцию[3]. Цифровая трансформация образования представляет собой «... обновление планируемых образовательных результатов, содержания образования, методов и организационных форм учебной работы, а также оценивания достигнутых результатов в быстроразвивающейся цифровой среде ...»[3, с. 15]. Для изучения иностранного языка существует большое количество различных мобильных приложений и интернет-ресурсов, которые в автономном режиме позволяют обучающемуся следить за развитием своего уровня и личным прогрессом. Большинство аутентичных учебников содержат в комплекте диск или ссылку на цифровой вариант учебника для установки, дополнительный аудио или видеоматериал.

Глобальные изменения технологий, которые впоследствии анализируются учеными в течение десятилетий, сейчас происходят в течение очень короткого периода времени – от нескольких месяцев до

года. Недавний переход на дистанционное обучение, который стал необходимым в условиях пандемии, в полной мере продемонстрировал возможности цифровой среды, указав на ее преимущества и недостатки и позволяя учитывать их при переходе на новую форму обучения. Этот опыт является полезным, поскольку, новое понятие «цифровой» пока непривычно для образования, и чаще встречается в других сферах жизни (проект «Цифровая экономика в Российской Федерации», «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», Прогноз социально-экономического развития РФ на период до 2036 года и др.). Портал «Современная цифровая образовательная среда Российской Федерации», созданный в рамках одноименного проекта, сейчас находится в режиме опытной эксплуатации, но уже содержит около 70 платформ и более 1625 курсов для реализации всех направлений дистанционного образования по разным дисциплинам, в том числе по иностранному языку.

Важно отметить, что «С одной стороны, цифровизация подрывает унаследованную из прошлого методическую основу школы, с другой, порождает доступность информации в различных ее формах, не только в текстовой, но и звуковой, визуальной» [2, с. 109]. Как уже было отмечено ранее, студенты, которые уже на этапе школьного обучения, ежедневно сталкиваются с технологиями, быстрее адаптируются к новым формам, но преобразование их цифровых умений и навыков в компетенции происходит на протяжении всей жизни. Результат этого преобразования будет носить долгосрочный характер при непосредственном руководстве преподавателя: «Следовательно, цифровизация образования напрямую зависит от уровня владения цифровыми технологиями педагога с целью их продуктивного применения в образовательной деятельности» [2, с. 110]. Участие преподавателя в учебной деятельности в роли координатора позволит студенту научиться отбирать цифровые ресурсы в учебных целях (нужный вариант электронного или онлайн словаря, рекомендованный преподавателем, мобильные приложения, сайты или порталы, содержащие дополнительные материалы по иностранному языку, которые необходимы конкретному студенту и др.).

Поскольку цифровая трансформация образования не завершена, «Новые культурные инструменты находятся в стадии становления и развития, которое невозможно без того, чтобы сами эти инструменты

осваивались и использовались, в том числе, в образовательных организациях. В свою очередь, это означает, что точно определить их состав на перспективу нельзя»[3, с. 50]. Таким образом, культура использования информации в новом цифровом формате демонстрируется в создании онлайн курсов по различным дисциплинам на основе платформ дистанционного обучения, практическом опыте использования цифровых образовательных ресурсов в отдельных вузах, а также в личном опыте преподавателя.

В сложившихся условиях в ходе конструирования содержания учебной дисциплины «Иностранный язык» перед преподавателем стоит задача приобщить обучающихся к современному уровню социального опыта (культуре цифровой эпохи). В своей деятельности преподаватель ориентируется на ведущие подходы и принципы, отражающие современные образовательные требования: «Методически цифровизация системы образования опирается на новые образовательные стандарты, используя новый компетентностный подход. Необходим инструмент создания учебных материалов, инструмент эффективной доставки контента и знаний студентов для эффективного преподавания»[4, с. 108].

Реализуя содержание на уровне процесса обучения, каждый преподаватель опирается на определенный набор действий, позволяющих осуществить отбор и конструирование содержание учебного материала занятия или курса. Все эти действия составляют три этапа: подготовительный, формирующий, рефлексивный[5]. На *подготовительном этапе* происходит поиск, оценка и отбор ресурсов с учетом их надежности, актуальности, уровня сложности и стиля изложения материала, поскольку важным является «... преобладание пользы информации над ее развлекательным и всесторонним характером»[6, с. 22]. К наиболее часто используемым интернет-ресурсам и сервисам можно отнести поисковые сервисы и системы, тематические сайты, новостные порталы, каталоги, электронные словари и библиотеки, фото- и видеохостинги, почтовые сервисы, социальные профессиональные сети, веб-форумы, хранилища данных, закладки, блоги, Вики, ЮТьюб, подкасты. При изучении иностранного языка эффективными выступают форматы учебных интернет-ресурсов, среди которых “Hotlist”, “Multimedia Scrapbook”, “Treasure Hunt”, “Subject Sampler”, “Insight Reflector”, “Concept Builder”, “Web-Quest”. Представленные ресурсы нуждаются в

дальнейшей педагогической адаптации для представления их в цифровой форме.

На *формирующем этапе* преподаватель определяет, с какой целью будет происходить преобразование информации, полученной из различных интернет-ресурсов, и ее цифровизация, выясняет объем информации и элементы содержания учебной дисциплины, которые должны быть усвоены в рамках отведенного количества часов, рассматривает, какая часть информации нуждается в дополнении и обновлении. Количество цифровых ресурсов для изучения иностранного языка обширно, но важным обстоятельством здесь выступает направление профессиональной подготовки и особенности вуза. Например, содержание доступных ресурсов Сети не всегда отвечает специфике военного вуза, а также содержанию учебной дисциплины и конкретного этапа занятия, поэтому большинство материалов при обучении иностранному языку военнослужащих разрабатывается преподавателями самостоятельно.

В цифровом формате результатом такой методической работы становится мультимедийная презентация, которая сопровождает занятие и содержит дополнительные цифровые образовательные ресурсы (аудиозаписи, видеофрагменты, изображения, текстовый материал). В дальнейшем на основе накопленных материалов может быть создан электронный учебник или учебное пособие. Разработка дидактического средства требует определенных технических умений и наличия основных элементов цифровой грамотности преподавателя, а также связана с конструированием и структурированием бóльшего объема данных, чем в печатной версии. Это связано с наличием гиперссылок на дополнительные материалы, тестовые задания, использующиеся на этапе контроля и самоконтроля. Такая форма работы становится необходимой, поскольку отвечает одному из требований цифровой трансформации образования, которое направлено на «Развитие цифровых образовательных и методологических инструментов, ресурсов и сервисов, включающих цифровую оценку образовательных результатов» [7, с. 739].

На *рефлексивном этапе* преподавателю необходимо выяснить, как обучающиеся сами оценивают свою работу в ходе контроля на разных этапах, какое отношение демонстрируют к новой форме работы, определить полноту выполнения поставленных дидактических задач и степень усвоения различных элементов содержания образования.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что на текущем этапе цифровизации образования важно наличие у преподавателя умения отбирать содержание учебной дисциплины и конструировать его в цифровом формате в ходе последовательных, взаимосвязанных действий, направленных на успешное достижение поставленных целей всеми участниками учебного процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Пашкин С.Б., Лисовская Н.Б., Пчелкин В.О., Саркисова Е.А. Цифровизация как новое направление в сфере образования / С.Б. Пашкин, Н.Б. Лисовская, В.О. Пчелкин, Е.А. Саркисова // «Образовательный вестник «Сознание». – 2020. – № 22 (6) – С. 21-30.
2. Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление / Т.В. Никулина, Е.Б. Стариченко // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 8. – С. 107-113.
3. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / Уваров А. Ю., Гейбл Э., Дворецкая И. В. [и др.]; под редакцией А. Ю. Уварова, И. Д. Фрумина. – Москва: Издательский дом Высшей шк. экономики, 2019. - 342 с.: цв. ил. – (Российское образование: достижения, вызовы, перспективы: серия коллективных монографий / Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики" Институт образования); ISBN 978-5-7598-1990-5 (в обл.): 600 экз.
4. Сафуанов Р.М., Лехмус М.Ю., Колганов Е.А. Цифровизация системы образования / Р.М. Сафуанов, М.Ю. Лехмус, Е.А. Колганов // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2019. – № 2 (28). – С. 108-113.
5. Макарова Т.А. Функциональная модель конструирования содержания образования преподавателем высшей школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Макарова Татьяна Анатольевна. – М., 2019. – 32 с.
6. Панина В.А., Чуланова О.Л. «Digital-learning» как инновационная технология обучения персонала / В.А. Панина, О.Л. Чуланова // Материалы Афанасьевских чтений. – 2020. – № 2 (31). – С. 19-24.
7. Shutikova M., Beshenkov S. Modern digital educational environment and media education-platforms for transforming education

The problem of education content selection and formation has remained relevant for many centuries. Over the past few years this problem has been among the most relevant in the field of education. It draws much more attention of scientists, educators and practitioners or students who work with different sources of information every day. Looking for a translation of a foreign word it is faster and more convenient to use an electronic or online version of any dictionary than its printed one and it's easier to find a newspaper article in the original browsing the Internet. Comparing all those participants involved in education process we can note that students, in turn, don't realize their direct participation in processes of search, selection, transformation of content, et al. as this activity is becoming natural, common and necessary for them.

Year after year the emergence of new electronic devices rapidly grows in numbers and types. Using the Internet resources empowers any person (not only student) to acquire new knowledge owing to its accessibility. It makes significant changes in learning process and a large number of researches are devoted to the computerization of education. Nowadays equipment of education institutions at various levels with information and communication technologies, availability of media and digital literacy for teachers are not innovations but necessary conditions of a successful learning activity.

Digitalization is becoming the next condition at present. One of the definitions of the term “digitalization” is “... transformation of all types of information (texts, sounds, images, videos and other data from various sources) into the digital language”[1, p. 24]. Some scientists consider digitalization as the fourth level of new technologies development [2] or the fourth industrial revolution [3]. Digital transformation of education is “... renewal of expected learning outcomes, education content, methods and organizational forms of academic work and evaluation of achieved results in dynamic digital environment ...”[3, p. 15]. There are different autonomous mobile applications and Internet resources designed for foreign language learning. They make it possible for learners to monitor their personal development. Most student books written by native speakers are provided with a CD or a link to its digital version for installation, extra audio or visual materials.

Global technological changes being subsequently analyzed by scientists throughout decades currently occur within a short period of time, for several months to a year. Recent transition to distance learning which is necessary in term of the pandemic has fully demonstrated digital environment potential emphasizing its advantages and disadvantages. It is necessary to consider this knowledge in the course of the transition to this new form of learning. This experience is useful as a new term “digital” is not yet usual for education and more often met in other spheres of life (“Digital Economics in the Russian Federation” Project, “Development Strategy for Information Society in Russia during 2017-2030”, Forecast of Social and Economic Development of the RF over the period to 2036, etc.) Portal “Modern Digital Environment in the Russian Federation” created within the project of the same name is in pilot operation mode. But at present it contains about 70 platforms and more than 1625 courses on various disciplines including foreign languages for distance learning.

It is important to note that “On the one hand, digitalization compromises methodological principles of education inherited from the past and on the other hand, it produces accessibility of information in different forms in addition to text, audio and visual materials”[2, p. 109]. As it has been mentioned earlier students who come across modern technologies already in school adapt more quickly to new forms but transformation of their digital skills into competences occurs throughout their lives. The result of this transformation will have a long-term impact with the direct guidance of the teacher: “Therefore, digitalization of education depends directly on the level of teacher’s digital literacy enabling him to apply new technologies in education productively”[2, p. 110]. The coordinating role of the teacher helps students to select digital resources according to the purposes of learning (a suitable variant of a dictionary, mobile applications, websites or portals containing extra materials, etc.)

As digital transformation of education has not yet been completed “New cultural instruments are in the process of development. This development is impossible without using new instruments in educational institutions in the process of learning. This, in turn, means that the precise composition of these instruments cannot be determined in the future” [3, p. 50]. So, culture of using information in this new digital form is demonstrated by the establishment of different online courses through distance learning platforms, practical experience in using digital education resources by distinct teachers in several educational institutions.

Forming “Foreign language” discipline content the teacher has a task to encourage modern level of social experience (digital culture) among learners. The teacher draws on guiding approaches and principles reflecting obligatory contemporary requirements: “Digitalization of the education system is methodologically based on new education standards using the modern competence approach to education. There is a strong need in a tool for designing learning materials, delivering content and knowledge of students to make the process of teaching effective”[4, p. 108].

Implementing content at the level of learning every teacher draws on the set of actions allowing him to accomplish selection and formation of content of a lesson or a course. All these actions include three stages: preliminary, formative and reflexive[5]. The *preliminary stage* comprises search, evaluation and selection of resources according to their reliability, relevance, level of difficulty and style of presentation for “... predominance of information benefit over its extension and entertainment”[6, p. 22]. Search services and systems, websites, news portals, digital catalogues electronic dictionaries and libraries, photo and video hosting websites, mail services, professional social networks, forums, data warehouse, bookmarks, blogs, wikis, YouTube, podcast are among frequently used Internet resources. Learning a foreign language, we can use such educational Internet resources as “Hotlist”, “Multimedia Scrapbook”, “Treasure Hunt”, “Subject Sampler”, “Insight Reflector”, “Concept Builder”, “Web-Quest”. All these resources need further pedagogical adaptation.

At the *formative stage* the teacher aims at transforming and digitalizing information from the Internet, determines the amount of information and the elements of academic discipline content for learning. The teacher also examines some data for additional renewal. There are many digital resources used for language learning but aspects of professional training play an important role. For example, Internet resources content doesn’t often respond to specific requirements of the military university curriculum, therefore most materials for the servicemen are designed by professors.

This work results in a multimedia presentation in a digital format. The presentation accompanies the lesson and contains extra digital education resources (sounds, videos, images and texts). These materials can further serve as an electronic textbook. Teaching aids design requires specific technical skills and digital literacy to form and structure more data compared with a printed version. It is provided by hyperlinks to extra materials and tests. This form of work becomes essential under directions

of the digital transformation of education: “Development of digital educational and methodological tools, resources and services, including electronic evaluation of educational results”[7, p. 739].

At the *reflexive stage* the teacher finds out the level of students work self-assessment by means of different tests; he also determines their attitude to the new form of work, completeness of set tasks and education content elements learning.

Thus, we can conclude that it is very important for any teacher to be qualified in education content selection and its digital formation in the course of coherent and interrelated actions under digitalization of education.

REFERENCES

1. Pashkin S.B., Lisovskaia N.B., Pchelkin V.O., Sarkisova E.A. Digitalization as a new direction in education sphere / S.B. Pashkin, N.B. Lisovskaia, V.O. Pchelkin, E.A. Sarkisova // "Educational Bulletin "Consciousness" Vol. 22. – N 6. – p. 21-30.

2. Nikulina T.V., Starichenko E.B. Informatization and digitalization of education: concepts, technologies and management / T.V. Nikulina, Starichenko E.B. // Pedagogical Education in Russia. – 2018. – Vol. 8. – p. 107-113.

3. Difficulties and perspectives of digital transformation of education / Uvarov A.Yu., Gable E., Dvoretzkaya I.V. and others; edited by A.Yu. Uvarov, I.D. Frumin. -Moscow:HSE University Publishing House, 2019. – 342 pp.: coloured illustrations. – (Russian education: achievements, challenges and perspectives: collective monographs series / HSE University).; ISBN 978-5-7598-1990-5: 600 copies.

4. Safuanov R.M., Lekhmus M.Yu., Kolganov E.A. Digitalization of the education system / R.M. Safuanov, M.Yu. Lekhmus, E.A. Kolganov // Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy. – 2019. – Vol. 2 (28). – p. 108-113.

5. Makarova T.A. Functional model of education content formation by university professor: abstract of a thesis: 13.00.01 / Makarova Tatiana Anatolievna. – M., 2019. – 32 pp.

6. Panina V.A., Chulanova O.L. “Digital learning” as an innovative technology for staff training / V.A. Panina, O.L. Chulanova // Afanasiev Readings Materials. – 2020. – Vol. 2 (31). – p. 19-24.

7 .Shutikova M., Beshenkov S. Modern digital educational environment and media education – platforms for transforming education

Мамсурова Замира Руслановна,
преподаватель кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства обороны РФ.
Mamsurova Zamira Ruslanovna,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Teacher.

КОНФЛИКТ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ДИАЛОГА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

CONFLICT AS THE IMPETUS OF THE DIALOGUE WITHIN THE GLOBAL SOCIETY

Аннотация. В статье рассматривается понятие «конфликт», а также предлагается возможная типология коммуникативных стратегий и тактик, обеспечивающих решение возникающих коммуникативных задач в условиях конфликтной ситуации. Автор предпринимает попытку систематизации имеющихся в данной области социолингвистического анализа наблюдений.

Abstract. The article discusses the concept of "conflict", and offers a possible typology of communication strategies and tactics that ensure the solution of emerging communication problems in a conflict situation. The author makes an attempt to systematize the observations available in this area of sociolinguistic analysis.

Ключевые слова: конфликт, дискурс, коммуникативные стратегии и тактики.

Key words: conflict, discourse, communication strategies and tactics.

К настоящему моменту в мировом научном сообществе прочно закрепилась концепция существования глобального общества, активно распространявшаяся с начала XXI века. Усиление интеграционных связей между людьми и сообществами делает очевидной важность функциональности продуктивного диалога. Принимая во внимание гетерогенную природу контакта, многофакторность и комплексность

сопровождающего человеческий контакт дискурса, можно предположить, что любая коммуникативная ситуация в потенциале конфликтна. Установление успешной коммуникативной деятельности в условиях глобализации требует владения и умелого использования определенного набора коммуникативных стратегий и тактик, также как чёткого представления о языковых средствах, обладающим конфликтным потенциалом.

Коммуникация представлена последовательностью интеракций, в которые каждый коммуникант вступает со своими установками, целями, находясь в тех или иных социальных условиях и психологических состояниях. Совокупность речевых и неречевых действий говорящего считаются его коммуникативной стратегией. Традиционно в научной и методической литературе выделяют *кооперативные и некооперативные (или конфронтационные) стратегии*. *Кооперативная стратегия* речевого поведения заключается в ориентации на партнера по коммуникации. Коммуникант, придерживающийся кооперативной стратегии речевого поведения, с помощью разнообразных регулятивных средств пытается перенаправить сложившуюся конфликтную ситуацию к достижению компромиссного решения. Конфронтационную и кооперативную стратегию объединяет то, что обе нацелены на достижение участниками конфликта собственных целей, но способы и пути достижения этой коммуникативной цели полярно противоположны. *Конфронтационная стратегия* поведения проявляется в установке против партнера по коммуникации и ориентирована на то, чтобы противодействовать ему.

Результативность любой коммуникативной стратегии обусловлена многими факторами. Важнейшим фактором является учёт стратегии партнера. В случае, если оба коммуниканта применяют конфронтационную стратегию, их взаимодействие, как правило, заходит в тупик – заканчивается коммуникативным провалом. Если же один коммуникант придерживается конфронтационной линии поведения, а другой – кооперативной, то это часто приводит к компромиссу.

Вектор развития диалога зависит от коммуниканта, владеющего коммуникативной инициативой[1, с. 115]. Главным признаком коммуникативной инициативы является доминирование при мене коммуникативных ролей. Маркером коммуникативной инициативы зачастую является перебивание. Отклонение от устоявшихся норм

общения чаще всего характеризует нарушителя как обладателя более высокого (мнимого или реального) статуса.

Стратегический замысел коммуникантов определяет выбор их *коммуникативных тактик*. Ниже список некоторых кооперативных и некооперативных тактик. Кооперативными являются такие тактики, как вежливость, искренность и доверие, компромисс, привлечение внимания, сотрудничество, проявление сочувствия, смена темы, согласие, уступчивость. К конфронтационным тактикам относятся агрессия, атака посредством вопросов, возмущение, дискредитация, запугивание, захват инициативы, игнорирование, ирония, манипуляция, молчание, намек, обвинение, отказ, отрицание авторитета, подчинение, претензия, принуждение, провокация, оскорбление, разоблачение, соперничество, угроза, уничтожение, упрёк.

Стоит отметить, что одна и та же тактика может быть использована в рамках противоположных стратегий, например, тактика молчания может использоваться в кооперативной линии для выражения согласия, а также в конфронтационной линии речевого поведения для демонстрации игнорирования или осуждения. Исследователи подчеркивают, что, в отличие от дифференциации коммуникативных стратегий, разграничение речевых тактик двух типов является условным. Это объясняется тем, что такие тактики, как угрозы, обвинения, упрёки, провокации, лжи, смены темы и др. в одних случаях могут служить деструктивным целям, а в других – быть продиктованы необходимостью, безвыходной ситуацией и приводить к сотрудничеству и взаимопониманию. Так, манипулирование, которое мы в целом осуждаем, так как оно направлено на скрытое внедрение в сознание адресата целей и установок, побуждающих его совершить поступок, выгодный манипулятору, иногда может быть вынужденной мерой, например, когда мама хитроумным обманом принуждает (в игровой форме) ребенка съесть что-то полезное, или принять горькое лекарство. Поэтому, характеризуя ту или иную тактику, следует смотреть на нее сквозь призму конкретной речевой ситуации, с учетом целевых установок и речевых намерений всех участников общения. Это связано с тем, что неблагоприятны не сами по себе речевые тактики и приемы, а в первую очередь, те цели и намерения, которые за ними стоят[2].

Коммуникативные тактики, в свою очередь, также делятся на конструктивные и агрессивные. Конструктивной можно считать

тактику, последствия применения которой для партнера приемлемы или нейтральны: убеждение, просьба, согласие и др. Агрессивная тактика приводит к негативным последствиям для партнера. К ним, например, относятся оскорбление, угроза, отказ, упрек и др. Использование речевых тактик нарастает от более мягких к более жестким на стадии предконфликта или конфликтной ситуации, в то время как на стадии конфликта, с целью его урегулирования, коммуникант склонен варьировать свои речевые тактики в сторону их смягчения.

Речевые тактики могут применяться напрямую, либо опосредованно. Наиболее распространенными тактиками косвенного воздействия в конфликтной ситуации общения являются намёк и ирония, тактиками прямого воздействия – оскорбление, упрек, угроза[3].

Из вышесказанного следует, что стратегический подход к осмыслению конфликтной или бесконфликтной коммуникации позволяет выделить целый ряд поведенческих линий, которые могут реализовываться участниками коммуникативного взаимодействия. Открытость и незамкнутость системы дискурса в условиях глобализации требует способности отправителя сообщения к вариативности порождения речевого акта, а с другой стороны – на способности адресата к вариативности интерпретации воспринимаемого произведения речи. Представления о рекуррентности конфликта, обеспечиваемого дискурсом, ставят на повестку дня вопрос о необходимости его дальнейшего изучения в русле системности, что делает возможным продуктивное рассмотрение конфликта в качестве многофакторного речевого события. Эта многофакторность включает в себя лингвистическую основу общения наряду с экстралингвистическими условиями, а также способность говорящих варьировать речевые действия и приспосабливаться к постоянно меняющимся в процессе глобализации условиям порождения и восприятия речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Комалова Л.Р. Лингвистический аспект конфликтологической компетентности: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 360 с.
2. Андреева В.Ю. Стратегии и тактики коммуникативного саботажа: дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2009. – 24 с.

3. Кронгауз М.А. Экспансия лингвистики в новые области: конфликт и конфликтная коммуникация. Международная научная конференция «Наука без границ». Пленарное заседание 28.10.2020.

By now, the concept of the existence of a global society, which has been actively spreading since the beginning of the 21st century, has firmly established itself in the world scientific community. The strengthening of integrative ties between people and communities makes the importance of the functionality of productive dialogue evident. Taking into account the heterogeneous nature of contact, the multifactorial nature and complexity of the discourse accompanying human contact, it can be assumed that any communicative situation is potentially conflicting. Establishing successful communication activities in the context of globalization requires the possession and skillful use of a certain set of communication strategies and tactics, as well as a clear understanding of linguistic means that have a conflict potential.

Communication is represented by a sequence of interactions, into which each communicant enters with their attitudes, goals, being in certain social conditions and psychological states. The totality of speech and non-speech actions of the speaker is considered their communicative strategy. Traditionally, in the scientific and methodological literature, there are cooperative and non-cooperative (or confrontational) strategies. The cooperative strategy of verbal behavior is to target the communication partner. A communicant who adheres to a cooperative strategy of speech behavior, using a variety of regulatory means, tries to redirect the current conflict situation towards reaching a compromise solution. Confrontational and cooperative strategies are united by the fact that both are aimed at achieving their own goals by the parties to the conflict, but the methods and ways of achieving this communicative goal are polar opposite. The confrontational strategy of behavior is manifested in the installation against the communication partner and is focused on opposing them.

The effectiveness of any communication strategy depends on the whole range of factors. The most important factor is taking into account the partner's strategy. If both communicants use a confrontational strategy, their interaction, as a rule, comes to a standstill - it ends in a communicative failure. If one communicant adheres to a confrontational line of behavior, and the other to a cooperative one, then this often leads to a compromise.

The vector of dialogue development depends on the communicant who owns the communicative initiative[1, p. 115]. The main feature of a communicative initiative is dominance during the exchange of communicative roles. Interruption is often a marker of communication initiative. Deviation from the established norms of communication most often characterizes the offender as the owner of a higher (imaginary or real) status.

The strategic intent of the communicants determines the choice of their communication tactics. Below is a list of some of the cooperative and non-cooperative tactics. Cooperative tactics are politeness, sincerity and trust, compromise, attention-getting, cooperation, empathy, change of topic, agreement, compliance. Confrontational tactics include aggression, attack by way of questions, indignation, discrediting, intimidation, seizure of initiative, ignorance, irony, manipulation, silence, hint, accusation, refusal, denial of authority, submission, claim, coercion, provocation, insult, exposure, rivalry, threat, humiliation, reproach.

It is worth noting that the same tactics can be used within opposite strategies, for example, the tactic of silence can be used in a cooperative line to express agreement, as well as in a confrontational line of verbal behavior to demonstrate ignorance or condemnation. The researchers emphasize that, in contrast to the differentiation of communication strategies, the differentiation of speech tactics of the two types is not absolute. This is due to the fact that tactics such as threats, accusations, reproaches, provocations, lies, change of topic, etc., in some cases can serve destructive purposes, and in others they can be dictated by necessity, a hopeless situation and lead to cooperation and mutual understanding. So, manipulation, which we generally condemn, since it is aimed at the hidden introduction into the consciousness of the addressee of goals and attitudes that induce him to commit an act beneficial to the manipulator, can sometimes be a forced measure, for example, when the mother forces by cunning deception (in a playful way) a child to eat something healthy, or take bitter medicine. Therefore, when characterizing a particular tactic, one should look at it through the prism of a specific speech situation, taking into account the target attitudes and speech intentions of all participants in communication. This is due to the fact that speech tactics and techniques are not unseemly as they are, but the goals and intentions that stand behind them[2].

Communicative tactics, in turn, are also divided into constructive and aggressive ones. Tactics can be considered constructive, the consequences

of which are acceptable or neutral for the partner: persuasion, request, consent, etc. Aggressive tactics lead to negative consequences for the partner. These include, for example, insult, threat, refusal, reproach, etc. The use of speech tactics grows from softer to harder at the stage of a pre-conflict or conflict situation, while at the stage of a conflict, in order to resolve it, the communicant is inclined to vary their speech tactics towards their mitigation.

Speech tactics can be applied directly or indirectly. The most common tactics of indirect influence in a conflict situation of communication are hints and irony, tactics of direct influence - insult, reproach, threat[3].

It follows from the above that a strategic approach to understanding conflict or conflict-free communication allows us to single out a number of behavioral lines that can be implemented by participants in communicative interaction. The openness and incompleteness of the discourse system in the context of globalization requires the ability of the sender of the message to variability in the generation of a speech act, and on the other hand, on the ability of the addressee to variability in the interpretation of the perceived work of speech. The notions of the recurrence of the conflict provided by discourse put on the agenda the issue of the need for its further study in the mainstream of the system, which makes it possible to productively consider the conflict as a multifactorial speech event. This multifactoriality includes the linguistic basis of communication along with extralinguistic conditions, as well as the ability of speakers to vary speech actions and adapt to the conditions of speech generation and perception that are constantly changing in the process of globalization.

REFERENCES

1. Komalova L.R. Linguistic aspect of conflictological competence: dis. ... cand. philol. sciences. – M., 2010. – 360 p.
2. Andreeva V.Yu. Strategies and tactics of communicative sabotage: dis. ... cand. philol. sciences. – Kursk, 2009. – 24 p.
3. Krongauz M.A. Expansion of linguistics into new areas: conflict and conflict communication. International Scientific Conference "Science without Borders". Plenary session 28.10.2020.

Масленников Георгий Дмитриевич,
курсант 4 курса
1 (военно-политической работы и журналистики)
факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Maslennikov Georgiy Dmitrievich,
Military university: Ministry of Defence of the RF
1 (Military-Political Work and Journalism) Department
4th year cadet.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В АСПЕКТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

INFORMATION WARFARE IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

Аннотация. Статья посвящена проблеме угрозы национальной безопасности в сфере информационной политики государства. На примере США анализируются способы обеспечения информационной безопасности и использование в этих целях информационных технологий. Автор рассматривает варианты ведения информационной войны и процесс влияния средств массовой информации на общественное мнение.

Abstract. The article is devoted to the problem of threats to national security in the field of information policy of the state. On the example of the United States, the methods of ensuring information security and using information technologies for this purpose are analyzed. The author considers the options for conducting information warfare and the process of mass media influence on public opinion.

Ключевые слова: средства массовой информации, информационная война, национальная безопасность.

Keywords: mass media, information warfare, national security.

Соединенные Штаты Америки и вооруженные силы НАТО отводят большую роль «несмертельному оружию», а также технологиям, прежде всего, информационному оружию, в современных войнах. Они способны кардинально изменить характер применения вооруженных сил на театре военных действий, как и

геополитического, и цивилизационного противоборства основных центров формирующегося многополярного мира. Это означает, что основа данной концепции состоит в обеспечении национальной безопасности в целом. В частности, для военных действий информация и информационные технологии имеют превентивное значение.

Большинство экспертов США выражают мнение, что информационные войны не выделяются в отдельный вид войны. Однако стоит выделить ряд ее составляющих, куда входят такие факторы как: защита информации, ослабление ее воздействия и ее опровержение; противодействие системам управления противника; война, которая заключается в разработке, защите или выведении из строя систем, предназначенных для анализа и сбора данных о противнике; радиоэлектронная война, которая предполагает применение средств криптографии. Сюда входит также психологическая война, где использующаяся информация воздействует на аудиторию, враждебную, нейтральную или дружественно настроенную; компьютерное противоборство, где компьютерные системы противника подвергаются информационным атакам; экономическое превосходство над противником. Последнее заключается в войне, которая ведется за владение экономической информацией и манипуляция ей[1].

В июне 1993 года в докладе Объединенной комиссии по безопасности, которая была создана по распоряжению министра обороны и директора ЦРУ в США, говорится о том, что сети передачи данных уже превратились в поле битвы будущего. В данном документе утверждается, что политика обеспечения национальной безопасности и процедуры ее реализации направлены как на защиту возможностей США по ведению информационных войн, так и на создание необходимых условий для воспрепятствования противоборствующим государствам вести подобные войны. Также там отмечалось, что информационные технологии смогут осуществить разрешение геополитических кризисов без единого выстрела[2].

Учитывая приведенное высказывание, рассмотрим процесс дезинформации мирного населения государства противника перед началом ведения боевых действий странами НАТО на примере Ирака в 2002 году.

Военная операция «Лис пустыни», которую также иногда называют «Пустынный лис» (от англ. Operation Desert Fox),

проводилась США совместно с Великобританией против Ирака. Одной из главных задач операции было осуществление положений информационной войны на стратегическом и оперативно-тактическом уровнях. СМИ было задействовано в мероприятиях по информационному обеспечению агрессии против Ирака. А мировое общественное мнение, население, как собственное, так и Ирака, стали основными объектами воздействия.

С начала 2002 г. США развернули широкую информационную кампанию, которая была направлена на формирование международного общественного мнения, а также на создание благоприятных условий внутри Ирака в целях подготовки к проведению военной операции. На протяжении года количество мероприятий и степень воздействия непрерывно увеличивались, достигнув максимальной активности на момент начала боевых действий. Одним из основных способов информационного воздействия американо-британской коалиции являлось распространение дезинформации. Например, с самого начала операции в мировых СМИ были распространены слухи об убийстве и бегстве Тарика Азиза, вице-премьера Ирака. Как правило, подобная информация подавалась в виде неподтверждённой или в качестве сообщений «источников в Пентагоне».

Информацию об обнаружении так называемого «завода по производству химического оружия» в Эн-Наджафе первым сообщила компания Fox News. Остальные американские каналы сразу же подхватили эту новость. Между тем официальное подтверждение столь значительного успеха американцев, оправдывающего всю военную операцию по разоружению Ирака, так и не было озвучено[3].

На следующем примере можно проанализировать процесс формирования общественного мнения в рамках ведения войны с противоборствующим государством:

7 декабря 1941 года Япония напала на американскую военноморскую базу на Гавайях «Перл Харбор». Сейчас, когда из архивов многих разведок мира рассекретили часть данных о Второй Мировой войне, стало очевидно, что спецслужбы некоторых государств предупреждали руководство США о готовящейся агрессии. Однако каких-либо действий со стороны администрации Рузвельта принято на этот счет не было. В документальном фильме «Дух времени» режиссера Питера Джозефа утверждается, что это событие является

очередным пунктом «Теории мировых правительств», с целью втянуть Америку в войну для обогащения крупнейших мировых банкиров. Хенри Симпсон, военный секретарь президента Рузвельта, считал, что основной вопрос заключается в том, как заставить противника первым вступить в конфликт. Если Япония будет первой, не останется сомнений в том, кто является агрессором.

Однако стоит отметить то, какие рычаги в этой ситуации были задействованы. До «Перл Харбора» 83% американцев были против вступления в войну. После инцидента при «правильной» подаче сообщений с Гавайских островов средствами массовой информации 1 миллион молодых людей вступили в армию добровольцами[4].

Подводя итог, следует сказать, что в XX веке средства массовой информации приобрели образ своеобразного политического рупора, активно воздействующего на сознание людей. Осуществляя свою деятельность в различных сферах, они успешно выполняли свои задачи. Однако большинство из них нередко просто не догадывалось о реальной роли, отводимой им в большой игре. Этот рупор может представлять существенную угрозу национальной безопасности страны, на которую он направлен. В то же время он может играть и обратную роль, вставая на защиту интересов государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бухарин С. Цыганов В. Методы и технологии информационных войн. – М.: Издательство «Академический проект», 2007.
2. Расторгуев С. Философия информационной войны. – М.: Издательство «Вузовская книга», 1999.
3. Перкинс Дж. Тайная история американской империи. Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции. – М.: Издательство «Альпина бизнес букс», 2008.
4. Жаров М., Шевяков Т. Хроники информационной войны. – М.: Издательство «Европа», 2008.

The United States of America and the NATO armed forces take a large role to «non-lethal weapons», as well as technologies, primarily information weapons, in modern wars. They can radically change the nature of using Armed Forces in the theater of military operations, as well as the geopolitical and civilizational confrontation of the main centers of the emerging multipolar world. This means that the basis of this concept is

to provide national security in general. Exactly information and information technologies are of preventive importance for military operations.

Most US experts express the opinion that information wars do not stand out as a separate type of war. However, it is worth highlighting a number of its components, which include such factors as: information protection, weakening of its impact and its refutation; countering enemy control systems; war, which consists in developing, protecting or disabling systems designed to analyze and collect data about the enemy; electronic warfare, which involves the use of cryptography. It also includes psychological warfare, where the information used affects an audience that is hostile, neutral, or friendly; computer warfare, where the enemy's computer systems are subjected to information attacks; and economic superiority over the enemy. The latter is a war waged over the ownership and manipulation of economic information[1].

In June 1993, in the report by the Joint Security Commission, which was created by order of the Secretary of Defense and the Director of the CIA in the United States, it is approved that data networks have already become the battleground of the future. This document approves that the national security policy and the procedures for its realization are aimed both at protecting the capabilities of the United States to conduct information wars, and at creating the necessary conditions to prohibit opposing states from conducting such wars. It was also noted that information technologies would be able to resolve geopolitical crises without a single shot being fired[2].

Taking into account the above statement, let us consider the process of disinformation of the civilian population of the enemy state before the start of hostilities by NATO countries on the example of Iraq in 2002.

The military operation "Desert Fox" was conducted by the United States together with the United Kingdom against Iraq. One of the main tasks of the operation was to implement the regulations of the information war at the strategic and operational-tactical levels. The media was involved in information support activities for the aggression against Iraq. And the world public opinion, the population, both its own and Iraq's, have become the main objects of influence.

Since the beginning of 2002, the United States has launched an extensive information campaign aimed at forming international public opinion, as well as creating favorable conditions inside Iraq in order to prepare for a military operation. Throughout the year, the number of events and the degree of impact continuously increased, reaching the maximum

activity at the time of the outbreak of hostilities. One of the main methods of information influence of the US-British coalition was the spread of disinformation. For example, from the very beginning of the operation, rumors were spread in the world media about the murder and escape of Tariq Aziz, the Deputy Prime Minister of Iraq. As a rule, such information was submitted in the form of unconfirmed reports of "sources in the Pentagon".

Information about the discovery of the so-called "chemical weapons production plant" in Najaf was reported by Fox News first. The other of the American channels immediately picked up the news. Meanwhile, the official confirmation of such a significant success of the Americans, justifying the entire military operation to disarm Iraq, has never been announced[3].

The following example can be used to analyze the process of forming public opinion in the context of waging war with an opposing state:

On December 7, 1941, Japan attacked the US naval base in Hawaii, Pearl Harbor. Now, when the archives of many intelligence agencies of the world declassified part of the data on the Second World War, it became obvious that the special services of some states had warned the US leadership about the upcoming aggression. However, no measures on the part of the Roosevelt administration had been taken. In the documentary "Spirit of the Times" directed by Peter Joseph, it is claimed that this event is another point of the "Theory of World Governments", with the aim of involving America into a war to enrich the world's largest bankers. Henry Simpson, President Roosevelt's secretary of war, believed that the main question was how to get the enemy to enter the conflict first. If Japan is the first, there will be no doubt who is the aggressor.

However, it is worth noting what methods were used in this situation. Before Pearl Harbor, 83% of Americans were against joining the war. After the incident, with the "correct" reporting from the Hawaiian Islands by the media, 1 million young people joined the army as volunteers[4].

Summing up, it should be said that in the twentieth century, the mass media got the image of a kind of political megaphone, actively influencing the minds of people. Carrying out their activities in various fields, they successfully completed their tasks. However, most of them often simply did not know about the real role imposed to them in the big game. This mouthpiece can pose a significant threat to the national security of the

country it is aimed at. At the same time, it can also play a reverse role, standing up for the interests of the state.

REFERENCES

1. Bukharin S. Tsyganov V. Methods and technologies of information wars. - M.: Publishing House "Academic Project", 2007.
2. Rastorguev S. Philosophy of information warfare - M.: Publishing house "University book", 1999.
3. Perkins J. The Secret History of the American Empire. Economic killers and the truth about global corruption. - M.: Publishing House "Alpina Business books", 2008.
4. Zharov M., Shevyakov T. Chronicles of the information war. - M.: Publishing House "Europe", 2008.

Медведев Михаил Викторович,

курсант 4 курса

1 (военно-политической работы и журналистики)

факультета

Военного университета Министерства обороны РФ.

Medvedev Mikhail Victorovich,

Military University: Ministry of Defence of the RF

1 (Military-Political Work and Journalism) Department

4th year cadet

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

INFORMATION AND GEOPOLITICAL RISKS OF MODERN REALITY

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса современных угроз процесса глобализации государств и регионов. Особое внимание в работе автор уделяет рискам информационной безопасности.

Abstract. The article is devoted to modern threats of the process of globalization of states and regions. The author pays special attention to information security risks.

Ключевые слова: геополитика, информационная безопасность, суверенитет, геоэкономика, дезинформация.

Key words: geopolitics, information security, sovereignty, geoeconomics, disinformation.

Современная агрессивная информационная политика иностранных государств и им подконтрольных СМИ угрожает моральному, культурному состоянию нации, наносит удар по её ценностям, духовному развитию, искажает восприятие действительности, что ведет к дестабилизации внутренней политической ситуации. Это в корне противоречит государственным и народным интересам Российской Федерации, на которую отрицательно влияет нарастающая частота и напряженность внутренних конфликтов, постоянная антироссийская и антиправительственная пропаганда общественности со стороны СМИ, целенаправленно ведущаяся из-за границы.

Информационная революция XXI века, характеризующая быстрым освоением киберпространства, созданием глобальной информационной инфраструктуры, развитием электронно-вычислительной техники и информационных технологий, определила интерес органов государственного и военного управления к информационной войне в целом и её психологическому воздействию на сознание человека, в частности.

По мере развития теории и практики информационной войны, лицо, принимающее решение, становится как субъектом, так и объектом информационно-психологического воздействия. Наиболее остро данная проблема проявляется в условиях боевой обстановки, когда на военнослужащих, помимо других травмирующих факторов, оказывается целенаправленное информационное воздействие со стороны специальных структур вооруженных сил противоборствующей стороны и иных организаций, действующих в их интересах.

Итак, исходя из вышесказанного, целью работы является определение роли информации в психологическом воздействии, выявление сущности геополитического процесса и отражение технологий дезинформации.

Основной тенденцией современной реальности является глобализация и стремление к системе однополярного устройства мира. К слову, это процесс мировой политической, культурной, информационной, религиозной и экономической унификации и интеграции. Во время глобализации происходит изменение структуры

мирового хозяйства, состоящего из национальных хозяйств, связанных между собой политическими и экономическими отношениями, а также международным разделением труда. В ходе регионализации и транснационализации происходит сплетение национальных хозяйств и образование на их основе мирового рынка[1].

Естественным результатом вышеназванных процессов становится усиление роли геоэкономики в структуре геополитики государства, главной задачей которой является, по существу, обеспечение осуществления целей внешней политики, усиление регионального и мирового могущества использованием экономических ресурсов и средств, общего мирового влияния государства с точки зрения экономической мощи. В совокупности эти процессы направлены на разрушение национального суверенитета противоборствующей страны[2].

На какие еще риски национальной безопасности следует обратить внимание? Безусловно, в информационно развитом обществе, первостепенной угрозой будет являться информационная: пропаганда, использование различных технологий манипуляции общественным мнением, изменения ценностей и приоритетов общества – серьезный повод глубже задуматься об информационной безопасности[3].

Вышеуказанные технологии используют в своей работе принцип внушения. В отличие от убеждения, где требуется критическое осмысление предъявляемых аргументов, внушение означает некритическое восприятие и усвоение информации, что особенно важно при воздействии на критически настроенную аудиторию. При внушении сначала происходит процесс восприятия информации, содержащей готовые выводы, а затем на её основе формируются установки и мотивы определенного поведения. В процессе внушения интеллектуальная (аналитико-синтезирующая) активность сознания либо отсутствует, либо она ослаблена, а восприятие информации, настроений, чувств, шаблонов поведения базируется на механизмах заражения и подражания[4].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, учитывая вышесказанные многочисленные факторы, или создавая условия для их возникновения, можно незаметно для объекта произвести успешное внушение ему информации (дезинформации), которая, минуя фильтры критической оценки и логического восприятия,

прочно усваивается сознанием. Особенно легко этому процессу поддаются молодые люди, подростки, женщины и люди в тяжелых жизненных обстоятельствах.

Специалисты считают, что в условиях, когда человек вынужден ориентироваться на недостаток информации, в том числе искаженной, либо её избытка, повышается вероятность принятия неправильных решений с последующим накоплением ошибок на различных уровнях управляемого человеком процесса, будь это личная жизнь или деятельность, связанная с профессиональными обязанностями. Более того, объем, интенсивность, способы и формы подачи информации, их несогласованность с возможностями систем восприятия человека могут привести к значительным перегрузкам его психики, выражающимся в потере способности адекватно реагировать на окружающую действительность, правильно оценивать ситуацию. Это является одной из причин того, что отдельно взятый человек в нынешних условиях становится приоритетным объектом информационно-психологического воздействия на фоне экономических событий[5].

Эти знания, в зависимости от субъекта, обладающего ими, могут использоваться в различных целях, варьируемых, например, от борьбы с распространением наркотиков, заканчивая использованием в политической, экономической борьбе, информационной и «классической», равно как и в гибридной войне.

Совокупность психологических и геоэкономических действий приводит к нивелированию как географического потенциала, так и военного.

Таким образом, в современных условиях проблема информационно-психологической безопасности становится одной из центральных среди комплекса проблем, связанных с обеспечением безопасности личности, общества и государства, поскольку не только роль информации в ней значительно увеличилась и продолжает неуклонно расти, но и её эффективность воздействия на сознание человека. Для этого разработан и активно применяется целый комплекс технологий дезинформации, обладающих специальными характеристиками, позволяющими осуществить различными формами и методами задачу геополитики – достижения максимального превосходства государства над другими субъектами мировой политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Глебов Г.И., Милаева О.В. Современные международные отношения. Учебное пособие. – Пенза: Изд. Пенз. гос. ун-та, 2010.
2. Новикова И.В. Глобализация, государство и рынок: ретроспектива и перспектива взаимодействия. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2009.
3. Елацков А.Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. – М.: ИНФРА-М, 2017.
4. Бжезинский З.К. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 2005.
5. Andress J. The Basics of Information Security: Understanding the Fundamentals of InfoSec in Theory and Practice. – Syngress, 2014.

The modern aggressive information policy of foreign states and their controlled media threatens the moral and cultural state of the nation, strikes at its values, spiritual development, distorts the perception of reality, which leads to the destabilization of the internal political situation. This is fundamentally contrary to the state and people's interests of the Russian Federation, which is negatively affected by the increasing frequency and intensity of internal conflicts, the constant anti-Russian and anti-government propaganda of the public by the media, purposefully conducted from abroad.

The information revolution of the XXI century, characterized by the rapid development of cyberspace, the creation of global information infrastructure, the development of electronic computing and information technologies, determined the interest of state and military authorities in information warfare in general and its psychological impact on human consciousness in particular.

With the development of the theory and practice of information warfare, the decision-maker becomes both the subject and the object of information and psychological influence. This problem is most acute in the conditions of a combat situation, when military personnel, in addition to other traumatic factors, are targeted by information influence from special structures of the armed forces of the opposing side and other organizations acting in their interests.

So, based on the above, the purpose of the work is to determine the role of information in the psychological impact, to identify the essence of the geopolitical process and to reflect the technologies of disinformation.

The main trend of modern reality is globalization and the desire for a system of unipolar world structure. By the way, this is a process of global political, cultural, informational, religious and economic unification and integration. During globalization, the structure of the world economy is changing, consisting of national economies linked by political and economic relations, as well as the international division of labour. In the course of regionalization and transnationalization, national economies are intertwined and the world market is formed on their basis[1].

The natural result of the above-mentioned processes is the strengthening of the role of geo-economics in the structure of the state's geopolitics, the main task of which is, in essence, to ensure the implementation of foreign policy goals, to strengthen regional and global power by using economic resources and means, and the overall global influence of the state in terms of economic power. Together, these processes are aimed at destroying the national sovereignty of the opposing country[2].

What other national security risks should we pay attention to? Of course, in an information-based society, the primary threat will be information: propaganda, the use of various technologies to manipulate public opinion, changes in the values and priorities of society – a serious reason to think more deeply about information security[3].

The above technologies use the principle of suggestion in their work. Unlike persuasion, which requires a critical understanding of the arguments presented, suggestion means uncritical perception and assimilation of information, which is especially important when influencing a critical audience. With a suggestion, the process of perception of information containing ready-made conclusions first occurs, and then on its basis, attitudes and motives of certain behaviour are formed. In the process of suggestion, the intellectual (analytical-synthesizing) activity of consciousness is either absent or it is weakened, and the perception of information, moods, feelings, behaviour patterns is based on the mechanisms of infection and imitation[4].

Thus, we can conclude that taking into account the above-mentioned numerous factors, or creating conditions for their occurrence, it is possible to make a successful suggestion of information (disinformation), which, bypassing the filters of critical evaluation and logical perception, is firmly assimilated by consciousness, unnoticed by the object. Young people, teenagers, women, and people in difficult circumstances are particularly susceptible to this process.

Experts believe that in conditions where a person is forced to navigate the lack of information, including distorted, or its excess, the probability of making wrong decisions increases, followed by the accumulation of errors at various levels of the human-controlled process, whether it is a personal life or activities related to professional responsibilities. Moreover, the volume, intensity, methods and forms of information presentation, their inconsistency with the capabilities of human perception systems can lead to significant overloads of his psyche, expressed in the loss of the ability to adequately respond to the surrounding reality, to correctly assess the situation. This is one of the reasons that a single person in the current conditions becomes a priority object of information and psychological influence against the background of economic events[5].

This knowledge, depending on the subject who possesses it, can be used for various purposes, ranging, for example, from the fight against the spread of drugs, to use in the political, economic struggle, information and "classical", as well as in hybrid warfare.

The combination of psychological and geo-economic actions leads to the levelling of both geographical and military potential.

Thus, in modern conditions, the problem of information and psychological security becomes one of the central among the complex problems associated with ensuring the security of the individual, society and the state, since not only the role of information in it has significantly increased and continues to grow steadily, but also its effectiveness in influencing human consciousness. For this purpose, a whole complex of disinformation technologies has been developed and will be actively used, which have special characteristics that allow us to implement the task of geopolitics in various forms and methods – to achieve the maximum superiority of the state over other subjects of world politics.

REFERENCES

1. Glebov G.I., Milaeva O.V. Modern international relations. Training manual. – Penza: Publishing House of the Penza State University, 2010.
2. Novikova I.V. Globalization, state and market: a retrospective and perspective of interaction. – Minsk: Academy of management under the President of the Republic of Belarus, 2009.
3. Elatskov A. B. General geopolitics: questions of theory and methodology in geographical interpretation. – M.: INFRA-M, 2017.

4. Brzezinski Z.K. The Great Chess Board. – М.: International relations, 2005.

5. Andress J. The Basics of Information Security: Understanding the Fundamentals of InfoSec in Theory and Practice. – Syngress, 2014.

Морарь Никита Викторович,
курсант 2 курса
1 (военно-политической работы и журналистики)
факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Morar Nikita Victorovich,
Military University: Ministry of Defence of the RF
1 (Military-Political Work and Journalism) Department
2nd year cadet.

Черемисова Елена Анатольевна,
преподаватель кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства обороны РФ.
Cheremisova Elena Anatolyevna,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Teacher.

ДОБЫЧА НЕФТИ В СИРИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

OIL PRODUCTION IN SYRIA: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Аннотация. Статья посвящена анализу ситуации в Сирийской Арабской республике в связи с незаконной добычей нефти Соединёнными Штатами Америки на северо-востоке страны. Авторы делают попытку оценить перспективы разрешения ситуации в данном регионе.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the situation in the Syrian Arab republic due to the US illegal oil production in the North-East of the country. The authors attempt to estimate the perspectives of resolving the situation in this region.

Ключевые слова: Россия, США, Сирия, нефть, окружающая среда.

Key words: Russia, USA, Syria, oil, environment.

Сирия является центром трёх ключевых проблем: противодействие дестабилизационным процессам на Ближнем Востоке, сдерживание иранской гегемонии и борьба с террористическими группировками. Среди этих проблем, появилась четвертая – незаконное использование нефтяных ресурсов.

Борьба за нефть в Сирии представляет серьезную проблему для сирийцев, т.к. является основным источником дохода страны. Заинтересованные стороны конфликта в Сирии, среди которых Вашингтон, пытаются присвоить себе нефтегазовые месторождения[1].

Колонны американских грузовиков с оборудованием для американской компании Delta Crescent Energy заезжают на северо-восток страны из Ирака. Эта компания будет вести разработку месторождений нефти на территории, подконтрольной курдским «Сирийским демократическим силам». По данным США, часть нефти будет перерабатываться для самих курдов, а часть будут продавать. Сирийские источники утверждают, что покупателями могут быть сирийское правительство, подконтрольные Турции боевики и Иракский Курдистан. На северо-востоке Сирии, в провинция Дейр-эз-Зор, находится 75% запасов нефти страны. США контролируют большую часть месторождений к востоку страны и МИД Сирии заявил, что деятельность американской компании нелегальна и таким образом США крадет нефть.

В 2012 году начались вооруженные столкновения между силами Асада и различными оппозиционными группировками. Сирийский режим потерял контроль над нефтяными месторождениями, который взяли в свои руки сначала группировки Свободной сирийской армии, а затем Джебхат ан-Нусра (запрещена в РФ). Эти группировки добывали сирийскую нефть вплоть до прихода ИГИЛ (запрещена в РФ). В 2014 году «Исламское государство» взяло под контроль большинство нефтяных месторождений в Сирии, а затем оно было изгнано из большинства районов на востоке Сирии. Курдские «Сирийские демократические силы» установили контроль над нефтяными месторождениями в стране. К сожалению, сирийские нефтяные месторождения были серьезно повреждены в результате воздушных атак США против боевиков «Исламского государства»[1].

В октябре 2019 года вооруженные силы Турции начали операцию «Источник мира». Через две недели турецкая военная

операция завершилась выводом курдских группировок из зоны безопасности вдоль турецко-сирийской границы. Сирия и РФ планировали восстановить контроль над нефтяными полями. Российские чиновники неоднократно подчеркивали необходимость восстановления контроля сирийского режима над всеми нефтяными месторождениями[1].

С 2017 года Иран пытается установить контроль над контрольно-пропускным пунктом Аль-Букемаль чтобы обезопасить транспортное сообщение между Ираном, Сирией и Ираком. Иранские войска стремятся заключить больше инвестиционных контрактов в области энергетики в Сирии, но Тегеран сталкивается с присутствием американцев в районах к востоку от Евфрата[1].

В июне 2020 г. в Вашингтоне была опубликована статья «Войска США так защищают нефтяные месторождения на северо-востоке Сирии, что создают угрозу жизни путем загрязнения окружающей среды». Авторы подробно рассказали о надвигающейся на Заевфратье масштабной экологической катастрофе в связи с варварскими методами добычи и переработки нефти на оккупированных США месторождениях. Нефть попадает в реки и грунтовые воды, продукты горения загрязняют почву и воздух. Очевидны и негативные последствия для здоровья людей такие как острые респираторные и онкологические заболевания, менингит, воспаление кожи[2].

Представители программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) заявили, что загрязнение нефтепродуктами северо-востока Сирии может привести не только к экологической катастрофе, но и к масштабному продовольственному кризису. Путей выхода из этой ситуации пока не видно. Вашингтон не принимает необходимые меры по защите окружающей среды.

Вице-премьер РФ Юрий Борисов заявил, что между Россией и Сирией будет заключено соглашение, которое предполагает восстановление порядка более 40 объектов инфраструктуры Сирии, связанных с энергетикой и добычей углеводородов. Вице-премьер констатировал, что основные нефтяные месторождения Сирии не контролируются сирийским правительством и это не позволяет восстановить добычу и торговлю углеводородами. Основная причина – это позиция США и курдов. Они не идут на контакты, не отдают контроль тех месторождений, которые принадлежат Сирии[3].

Таким образом, американские войска не собираются покидать северо-восточные районы Сирии, и ситуация на Ближнем Востоке остается напряженной. Но несмотря на политическую и экологическую ситуацию в стране, есть перспективы разрешения конфликта, среди них: участие Российской Федерации в восстановлении энергетической инфраструктуры Сирии и привлечение внимания международного сообщества в рамках программы ООН по окружающей среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Борьба за сирийскую нефть: Россия владеет наибольшей долей, а США контролирует ее через посредников [Электронный ресурс]
URL:<https://inosmi.ru/politic/20191211/246413230.html>
(дата обращения: 07.12.2020).

2. Об экологических угрозах на северовостоке САР [Электронный ресурс]
URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/ecology//asset_publisher/9jm0ASADm3qm/content/id/4245164 (дата обращения 07.12.2020).

3. РФ и Сирия обсудили восстановление объектов инфраструктуры и добычи на шельфе [Электронный ресурс] URL:<https://www.interfax.ru/world/724924>
(дата обращения: 07.12.2020).

Syria is the center of three key problems: counteraction to the destabilization processes in the Middle East, deterrence of the Iranian hegemony and fight against terrorist groups. The fourth problem has emerged among the above-mentioned – the illegal use of oil resources.

Struggle for oil in Syria is a serious problem for the Syrians as it is the country's main source of income. The interested parties to the conflict in Syria, among which is Washington, are trying to embezzle the oil and gas fields[1].

The convoys of American trucks with equipment for the American company Delta Crescent Energy are entering the northeast of the country from Iraq. This company will develop oil fields in the territory controlled by the Kurdish 'Syrian Democratic Forces'. According to the US, one portion of oil will be processed for the Kurds themselves, and another will be sold. Syrian sources claim that the buyers can be the Syrian government, militants controlled by Turkey and Iraqi Kurdistan. There are 75 % of the

country's oil reserves in the North-East of Syria, in the province of Deir ez-Zor. The United States controls most of the fields to the east of the country and the Syrian Foreign Ministry has declared that the activities of the American company are illegal and thus the United States is stealing oil.

In 2012 armed clashes between Assad's forces and various opposition groups broke out. The Syrian regime lost control over the oil fields, which was first taken by the Free Syrian Army and then by Jabhat al-Nusra (outlawed in the Russian Federation). These groups were producing Syrian oil until the emergence of ISIS (outlawed in the Russian Federation). In 2014 the Islamic State took control of the most of the oil fields in Syria and then it was expelled from the most areas in eastern Syria. The Kurdish 'Syrian Democratic Forces' established control over the oil fields in the country. Unfortunately, the Syrian oil fields were seriously damaged as a result of US air attacks against Islamic State militants[1].

In October 2019, the Turkish Armed Forces launched operation 'Peace Spring'. Two weeks later the Turkish military operation ended with the Kurdish groups withdrawal from the security zone along the Turkish-Syrian border. Syria and the Russian Federation planned to regain control over the oil fields and Russian officials have repeatedly stressed the need to restore control of the Syrian regime over all oil fields but the US President Donald Trump said he was planning to make a deal with the American company ExxonMobil in order to 'distribute the Syrian oil wealth properly'[1].

Iran has been trying to establish control over the Al-Bukamal checkpoint since 2017 in order to secure transport links between Iran, Syria and Iraq. Iranian troops are seeking more energy investment deals in Syria but Tehran is facing an American presence in areas to the east of the Euphrates[1].

In June 2020, the article 'US troops are protecting oil fields in northeastern Syria in such a way that they pose a threat to life through environmental pollution' was published in Washington. The authors talked in details about the impending large-scale environmental disaster in the Trans-Euphrates due to the barbaric methods of oil production and processing in the fields occupied by the USA. Oil gets into rivers and groundwater, combustion products pollute the soil and air. Negative consequences for human health such as respiratory and oncological diseases, meningitis and skin irritation are obvious[2].

The representatives of the UN Environment Programme (UNEP) said that oil pollution in northeastern Syria could lead not only to

environmental disaster but also to a large-scale food crisis. There is no way out of this situation yet. Washington is not taking necessary measures to protect the environment. Yuri Borisov, the Deputy Prime Minister of the Russian Federation, said that an agreement between Russia and Syria would be concluded involving the restoration of about 40 infrastructure facilities in Syria related to energy and hydrocarbon production. The Deputy Prime Minister stated that the main oil fields in Syria are not controlled by the Syrian government and it doesn't allow the restoration of hydrocarbon production and trade. The main reason is the position of the United States and the Kurds. They don't make contacts, don't give up control of those fields that belong to Syria[3].

Thus, the US troops are not going to leave the northeastern regions of Syria and the situation in the Middle East remains tense. But despite the political and environmental situation in the country, there are perspectives for the conflict resolution such as: The Russian Federation participation in the restoration of the Syrian energy infrastructure and drawing attention of the international community in the frames of the UN Environment Programme.

REFERENCES

1. Struggle for Syrian oil: Russia has most of the share but US controls it through mediators [Electronic resource] URL: <https://inosmi.ru/politic/20191211/246413230.html> (access date: 07.12.2020).
2. About environmental threats in the northeastern Syrian Arab Republic [Electronic resource] URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/ecology//asset_publisher/9jm0ASADm3qm/content/id/4245164 (access date: 07.12.2020).
3. Russia and Syria discussed the restoration of infrastructure facilities and shelf production [Electronic resource] URL: <https://www.interfax.ru/world/724924> (access date: 07.12.2020).

Мысин Евгений Романович,
курсант 1 курса
Военного института (военных дирижёров)
Военного университета Министерства обороны РФ.
Mysin Evgeny Romanovich,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Institute of military conductors
1st year cadet.

Голованов Евгений Олегович,
курсант 1 курса
Военного института (военных дирижёров)
Военного университета Министерства обороны РФ.
Golovanov Evgeny Olegovich,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Institute of military conductors
1st year cadet.

Мамсурова Замира Руслановна,
преподаватель кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства обороны РФ.
Mamsurova Zamira Ruslanovna,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Teacher.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ РЕПЕРТУАРА ВОЕННЫХ ОРКЕСТРОВ В СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

TO SPECIFICS OF THE REPERTOIRE OF MILITARY ORCHESTRAS IN THE SIRIAN ARAB REPUBLIC

Аннотация. В статье рассматривается проблема необходимости обновления традиционного репертуара военных оркестров при выполнении боевых задач в Сирийской Арабской Республике.

Авторами проводится сопоставительный анализ особенностей музыкальных произведений данной тематики.

Abstract. The article looks at the problem of necessary update of the traditional repertoire of military orchestras which perform combat missions

in the Syrian Arab Republic. The authors carry out comparative analysis of the features of musical works of the given subject.

Ключевые слова: морально-психологическое обеспечение, Военно-оркестровая служба, репертуар, Сирийская Арабская Республика.

Key words: moral and psychological support, service of the military orchestras, repertoire, the Syrian Arab Republic.

В настоящее время руководство Военно-оркестровой службы ВС РФ занимается анализом и обобщением различных способов поддержания высокого морального и боевого духа военнослужащих в САР. Также ведётся осмысление данной практики и внедрение лучших новаций в повседневную деятельность войск, вносятся изменения в основополагающие уставные документы и методические пособия. Изменения в жизнедеятельности войск отражаются в творчестве военных музыкантов, которые пополняют репертуар новыми сочинениями. Оркестры сопровождают не только парады в разных городах России, но и отправляются на военные гастролы/ в «служебные командировки»[1]. Во время таких поездок многие военные музыканты и дирижёры получают боевой опыт. Так морально-психологическое обеспечение действий группировки войск в Сирийской Арабской Республике (далее – САР) – одно из важных направлений деятельности Военно-оркестровой службы ВС РФ в настоящее время.

Цель настоящего исследования – выявить тенденции обновления репертуара военных оркестров в САР и определить идеи, которые он отражает. Уточним, что в нём происходит «расширение и обогащение композиционных приёмов, появились новые «интонационные пласты»[2], которые были включены в сферу военной музыки.

Следует отметить, что с начала операции в САР более 120 артистов и творческих коллективов дали 223 концерта для российских военнослужащих. Также практикуется выезд концертных бригад на отдалённые объекты, выступления перед местным населением. Основу репертуара оркестров составляют такие произведения, в которых отражены следующие идеи: патриотизм, гордость за принадлежность к вооружённым силам, защита национальных

интересов, уважение общества к человеку в погонах, морально-психологическая поддержка русских солдат, которые находятся далеко от дома и пребывают в постоянной боеготовности при возможной угрозе реального нападения. Ю. А. Русаков пишет о том, что «<...> в качестве важной в условиях боевых действий пропедевтической задачи, способной значимо отразиться на продуктивности профессиональной деятельности военнослужащих в условиях боевых действий, является формирование у них образа мыслей, соответствующего защитнику Отечества, обладающего высоким уровнем сформированности патриотического сознания»[3].

В качестве примера обновления репертуара рассмотрим произведение «Элегия», написанное выпускником Военного института (военных дирижёров) лейтенантом Г.Н. Велько. Данное произведение посвящено памяти павших при выполнении специальных операций за пределами РФ. Элегия начинается с душевной, лирической мелодии и рассказывает слушателю о грусти утраты, опустошённости. Далее музыка откликается благородством, мужеством и отвагой. Ведь неизменен постулат: в ратной службе должны превалировать моральные факторы, основанные на наших отечественных традициях. Миссия мира – вот цель российских военных в САР. Следом звучит соло трубы, словно голос тихой, непрестанной молитвы. И снова возвращается теперь уже объёмная, насыщенная основная тема. Это наполненность, мощь и величие.

Также ярким примером военно-патриотической музыки может послужить марш «Сирийский», который сочинил курсант 1 курса Военного института (военных дирижёров) Е.Р. Мысин. Данное произведение посвящено российскому военачальнику, Герою России, генерал-лейтенанту В.Г. Асапову. Сирийская боевая командировка стала для него последней, но далеко не первой. За свою службу офицер не раз оказывался на передовой вооружённых конфликтов. Его отправляли туда, где могут помочь только профессионализм, решительность и смелость. Основная энергичная и бравадная тема марша символизирует собой образ генерала Асапова, а лирическое с шемящими интонациями соло корнетов – воспоминания о его утрате. Также не случайна цитата из марша Валерия Халилова «Красноармеец Сухов». Трио – это размышление о войне: здесь и отвага самопожертвования, и надежда, и триумф победителей.

Этот марш – небольшая история жизни и свершений истинного профессионала, офицера с большой буквы, настоящего Героя России. Генерал-лейтенант Асапов был старшим группы российских военных советников и находился в командном пункте сирийских войск, ведущих бои в районе города Дейр-эз-Зор. 24 сентября 2017 года во время миномётного обстрела со стороны террористов генерал получил смертельное ранение. По данным Министерства обороны, вражеская мина точной наводкой попала в командный пункт[4]. Валерий Григорьевич отличался мужеством, он никогда не прятался за спину солдат, его уважали за надёжность и верность слову.

В настоящее время Министерство обороны совместно с Военным университетом создаёт многотомный труд с рабочим названием «Военная операция Российской Федерации в Сирийской Арабской Республике: опыт и уроки». Во время учебных занятий преподаватели Военного института (военных дирижёров) Военного университета активно используют боевой опыт в горячих точках и рассказывают о подвигах российских военнослужащих во время вооружённой борьбы с терроризмом, а также о музыкальных произведениях, посвящённых памяти Героев.

Таким образом, в настоящее время репертуар военных оркестров обновляется и пополняется новыми музыкальными произведениями, которые исполняются в САР, и отражают не только идею патриотизма, но и утверждают гордость за принадлежность к Вооружённым Силам России, укрепляют воинское братство, уверенность в командирах и сослуживцах, в надёжности и эффективности вверенного оружия и в своём умении его применить во имя мира. Необходимо учитывать важность того, что в горячих точках именно военные музыканты – основа психологической поддержки армии. Современные композиторы создают новые сочинения, посвящённые подвигам героев Сирии. Такие произведения воодушевляют российских военнослужащих и поддерживают их боевой дух.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Замысловатова Я. Главный военный оркестр России готов выступить в Сирии столько, сколько нужно. [Электронный ресурс] URL: <https://riafan.ru/872947-glavnyi-voennyi-orkestr-rossii-gotov-vystupat-v-sirii-stolko-skolko-nuzhno> (дата обращения: 10.02.2021).

2. Малютин А.С. Эволюция служебно-строевого репертуара отечественных военных оркестров в послевоенный период СССР (1945 – 1985 гг.) // Человек и культура. – 2018. – №3. – С.7-15. DOI: 10.25136/2409-8744.2018.3.26112

[Электронный ресурс] URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26 112

(дата обращения: 08.02.2021).

3. Русаков Ю.А. Патриотическое воспитание военнослужащих средствами военно-музыкальной культуры на опыте боевых действий. Наука. Общество. Оборона. Москва. 2020;8(3):36-36. DOI: 10.24411/2311-1763-2020-10251

[Электронный ресурс] URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obsestvo-oborona/2020-3-24/article-0251/>

(дата обращения: 10.02.2021).

4. Генерал-лейтенант Валерий Асапов погиб в Сирии на передовой // АО «Издательский дом «Комсомольская правда»».

[Электронный ресурс] URL: <https://kp-ru.turbopages.org/kp.ru/s/daily/26735.5/3762560/>

(дата обращения: 07.02.2021).

The leadership of the Military Band Service of the Armed Forces of Russia is currently working on the analysis and the accumulation of various ways to support the troops' morale and spirit in the Syrian Arab Republic. This data is carefully revised to implement the best innovations into daily military service and introduce changes to the principal documents and the methodological guides. Changes in the troops' activity are reflected in the works of military musicians. Orchestras do not only participate in parades all over Russia but also set off for military tours. During such tours, many military musicians and conductors get some combat experience. Thus, troops' moral and psychological support in the Syrian Arab Republic is one of the essential directions for the Military Band Service of Russia's Armed Forces.

This research aims to identify tendencies for the upgrade of the repertoire of the military orchestras serving in the Syrian Arab Republic and to define ideas reflected in this repertoire. The repertoire is currently undergoing "the extension and the enrichment of its composition techniques"; the military music has received some new intonations[2].

It should be pointed out that since the beginning of military operations in the Syrian Arab Republic, more than 120 musicians and

bands have performed concerts for the Russian military personnel. Moreover, special concert groups sometimes organize performances at remote locations or shows for the local population. The foundation for the orchestra repertoire consists of musical pieces which reflect the following ideas: patriotism, pride in being a member of the armed forces, defense of the national interests, public respect for military personnel, and moral and psychological support of Russian soldiers who have to reside far away from home and to be ready to participate in military operations at any time. Yuriy Rusakov points out a crucial preparatory task that can significantly influence troops' professional productivity in combat situations. This task implies a formation of thinking intrinsic to a soldier ready to defend their homeland and who possesses a high level of patriotic consciousness[3].

We suggest considering a music piece, "Elegy", composed by lieutenant G. Velko, the alumni of the Institute of Military Band Conductors of The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, as an example of the repertoire upgrade. This piece commemorates soldiers killed during special military operations carried out outside of Russia. The elegy opens with a soulful lyrical tune and tells a story of loss and void. Then the music proceeds to convey the spirits of nobility, courage, and bravery. After all, the military service principles remain unchanged: the military service must be governed by moral factors based on Russian traditions. To bring peace – that is the goal of the Russian Armed Forces in the Syrian Arab Republic. Afterward, we can hear a trumpet solo which sounds like a quiet ongoing prayer. Then, the key theme, which signifies value, power, and greatness, comes back again with a fuller and richer sound.

Another notable example of military-patriotic music is a «Syrian march» composed by a first-year cadet of the Military University E. Mysin. This work is devoted to a Russian military leader V. Asapov, who served as the Lieutenant General and was posthumously awarded the Hero of the Russian Federation title. V. Asapov participated in an extensive number of military missions. Unfortunately, deployment to Syria became the last one for him. Lieutenant General Asapov was noted for excellent professionalism, determination, and courage. The principal musical theme of the march, marked by energetic and lively character, symbolizes an image of Lieutenant General Asapov. A lyrical solo of cornets filled with heart-piercing intonations represents memories about his loss. The «Syrian march» contains an abstract from Valeriy Halilov's march "Red Army soldier Sukhov" for a particular reason. The musical trio is a reflection on

the war theme as it conveys courage of sacrifices, hope, and victory triumph.

This march is a short story about the life and the deeds of a true professional, a great officer, and a real Hero of Russia. Lieutenant General Asapov was the leader of the Military Advisors of Russia. He served at the command post of the Syrian army located near the city of Deir Ez-Zor. On September 24, 2017, V. Asapov was killed by mortar fire from ISIL militants. According to the Russian Defense Ministry, an enemy mine hit the command post[4]. Valeriy Asapov showed outstanding courage, reliability, and always being true to his words.

Currently, the Russian Defense Ministry, in cooperation with the Military University, is working on a voluminous work with a production title "Military Operation of the Russian Federation in the Syrian Arab Republic: experience and lessons." Professors of the Institute of the Military Conductors actively employ their military experience obtained in hotspots for teaching purposes. They also talk about heroic deeds of Russian soldiers in fights against terrorism and musical works that commemorate fallen heroes.

Therefore, at the moment, the repertoire of military orchestras is being updated and filled with new musical works performed in the Syrian Arab Republic. These musical pieces represent patriotism as well as instate pride in being part of the Armed Forces. Moreover, they reinforce military fellowship and confidence in commanders and fellow soldiers, confidence in credibility and effectiveness of entrusted weapons, and their ability to use them for the sake of peace. It is crucial that military musicians perform a great duty of moral and psychological support in combat hotspots. Modern composers create new pieces devoted to the hero feats in Syria. Such works inspire Russian soldiers and support their military spirit.

REFERENCES

1. Zamyslovatova Y. The Head Military Orchestra of Russia is ready to perform in Syria as much, as necessary. [Electronic resource] URL: <https://riafan.ru/872947-glavnyi-voennyi-orkestr-rossii-gotov-vystupat-v-sirii-stolko-skolko-nuzhno> (access date: 10.02.2021).

2. Malyutin A.S. The evolution of military repertoire of Russian military bands in the after-war Soviet period (1945-1985) // Person and Culture. – 2018. – № 3. – pp. 7-15. DOI: 10.25136/2409-8744.2018.3.26112 [Electronic resource] URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26112 (access date: 08.02.2021).

3. Rusakov Y. A. Patriotic education of military servicemen by way of military musical culture based on combat experience. Science. Society. Defense. Moscow. 2020;8(3):36-36. DOI: 10.24411/2311-1763-2020-10251 [Electronic resource] URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2020-3-24/article-0251/> (access date:10.02.2021).

4. Lieutenant General Asapov killed in Syrian forefront. // Komsomolskaya Pravda [Electronic resource] URL: <https://kp-ru.turbopages.org/kp.ru/s/daily/26735.5/3762560/> (access date: 07.02.2021).

Недашковский Роман Алексеевич,
курсант 2 курса

9 (психологии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.

Nedashkovskiy Roman Alexeyevich,
Military University: Ministry of Defence of the RF
9 (Psychology) Department
2nd year cadet.

Васильева Светлана Николаевна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства обороны РФ.

Vasilyeva Svetlana Nikolayevna,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Senior Teacher.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛЬНЫМ ВЫЗОВАМ И ИХ ВЛИЯНИЮ НА ПСИХИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

COUNTERMEASURES TO GLOBAL CHALLENGES AND THEIR IMPACT ON PSYCHIATRIC AND PSYCHOLOGICAL STATES OF PERSONALITY AND SOCIETY

Аннотация. Статья посвящена вопросу противодействия личности и общества постоянно изменяющимся условиям современного мира и возникающим с его стороны угрозам и вызовам. Авторы рассматривают государство при содействии средств массовой

информации как мощный механизм, призванный помочь человеку и обществу противостоять этому негативному влиянию на их психическое и психологическое здоровье.

Abstract. The article is devoted to the issue of countermeasures taken by man and society to counteract constantly changing world environment and emerging threats and challenges. The authors treat state aided by mass media as a powerful mechanism intended to help man and society to counter this negative impact on their psychiatric and psychological health.

Ключевые слова: глобальные вызовы, нестабильность, личность, общество, психическое и психологическое состояние, средства массовой информации.

Keyword: global challenges, instability, personality, society, psychiatric and psychological state, mass media.

В настоящий период времени во всем мире наблюдается достаточно непростая, с точки зрения многих параметров, ситуация, являющаяся следствием ряда причин, среди которых можно выделить следующие процессы и явления: угроза COVID-19 и связанные с ней профилактические меры такие как обязательное ношение масок в общественных местах и соблюдение социальной дистанции, политическая, экономическая и военная нестабильность стран СНГ и граничащих с ним государств, президентские выборы в США, борьба с терроризмом в Сирийской Арабской Республике, неустойчивость НАТО, неопределенность в вопросе освоения Арктики, кризис семейных ценностей. Человечество постоянно сталкивается с новыми глобальными вызовами, и, если раньше открытые вопросы и нерешенные проблемы часто перерастали в разного масштаба кризисы, войны и катастрофы, то теперь в связи с растущей глобализацией под большой угрозой находится само выживание человечества как биологического вида.

Очевидно, что каждая составляющая мировой геополитической обстановки так или иначе оставляет свой след на психическом и психологическом состояниях как отдельного человека, так и общества в целом. Об этом также свидетельствует Всемирная организации здравоохранения, которая констатирует факты скачкообразного увеличения количества психических расстройств, которые имеют место в периоды внутренних или внешних изменений в стране и мире. Так, например, резкий рост психических и психологических

нарушений в СССР пришлось на 1980-е и 1990-е годы, что связано с процессами перестройки и последовавшего за ней распада страны на отдельные государства[1]. В настоящий период времени, согласно проводимым в стране исследованиям, «психическое или невротическое (депрессивное) расстройство наблюдается у каждого третьего россиянина», причем за психиатрической и психологической помощью жители Российской Федерации обращаются крайне редко и неохотно, что связано прежде всего со своеобразным менталитетом русского человека, который считает, что «больным быть стыдно, а особенно стыдно быть психическим больным»[2]. Похожее положение дел отмечается и в других регионах мира. ВОЗ утверждает, что по распространенности «психические расстройства войдут в первую пятерку заболеваний», что позволяет высказать мысль о том, что проблема психических и психологических заболеваний и нарушений является актуальной и имеет глобальный статус, что, в свою очередь, требует незамедлительного поиска решений и принятия срочных мер для стабилизации вышеописанной ситуации[2].

Интересный подход к изучению вопроса психического и психологического состояний личности и общества описывается в книге Курта Левина «Теория поля в социальных трудах», который отмечает, что личность и общество находятся в крайне неустойчивом, быстро меняющемся психологическом поле, где подчас чрезвычайно трудно найти точку опоры, от которой можно было бы оттолкнуться при решении повседневных задач своей жизнедеятельности. Такое нестабильное поле провоцирует постоянное психическое напряжение, поэтому человек и общество испытывают стресс, вследствие чего появляются и развиваются психические и психологические расстройства и заболевания, самым серьезным из которых является экзистенциальный кризис личности[3].

Заслуживающим внимания считаем мысль Курта Левина о том, что «человек без четкой цели попадает под влияние внешних факторов», которые мешают ему двигаться к поставленной цели[4]. С нашей точки зрения, это, прежде всего, быстро изменяющаяся внешняя обстановка, которая запутывает человека, сбивает с намеченного пути, целенаправленно воздействуя на его мировоззренческую и ценностную системы.

По причине сложности и масштабности существующей на современном этапе проблемы глобальных вызовов и их негативного влияния на психическое и психологическое состояния

общества, в целом, и личности, в частности, считаем возможным возложить ответственность, прежде всего, на государственные органы власти и средства массовой информации, которые изначально были призваны ограждать свое население от возможного вмешательства и воздействия извне, помогать человеку ориентироваться в современном мире в соответствии с признанными в государстве ценностями. Влияние средств массовой информации в современном обществе настолько велико, что они превратились «в чрезвычайно влиятельную силу («четвертую власть»)), способную стать той самой устойчивой точкой опоры, которая будет способствовать сохранению и улучшению психического и психологического состояний нации. По нашему мнению, государственные органы власти должны осуществлять постоянный контроль за работой средств массовой информации в соответствии с «Доктриной информационной безопасности РФ». 80% населения Российской Федерации разделяют данную точку зрения, полагая необходимым контролировать контент средств массовой информации и прежде всего телевидения[5]. Кроме того, важно систематизировать информацию и доводить ее до человека последовательно, поэтапно в русле тех мировоззренческих и ценностей систем, в которых личность существует и которые признаются и одобряются обществом и государством.

Таким образом, в условиях современного нестабильного мира человек и общество часто испытывают на себе влияние постоянно возникающих угроз и вызовов, которые деструктивно отражаются на состоянии их психического и психологического здоровья. В данных обстоятельствах государство в лице средств массовой информации должно взять на себя роль той силы, которая поможет противостоять негативному воздействию со стороны внешней не всегда благоприятной ситуации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Распространенность психических нарушений [Электронный ресурс] URL: https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/hfa_391-2410-prevalence-of-mental-disorders/visualizations/#id=21459 (дата обращения: 23.11.2020).
2. Психические заболевания в России: что происходит [Электронный ресурс] URL: <https://yandex.ru/turbo/medportal.ru/s/mednovosti/psihichesk-iezabolevaniya-v-rossii-cto-proishodit/> (дата обращения: 30.11.2020).

3. Левин К. Теория поля в социальных науках / К. Левин [пер. Е. Сурпина]. – СПб: Речь, 2000. – 364 с.
4. Левин К. Разрешение социальных конфликтов / К. Левин [пер. И. Авидон]. – СПб.: Речь, 2000. – 407 с.
5. Семенов В.Е. Влияние современных Российских средств массовой информации на нравственно-психическое здоровье людей [Электронный ресурс]
URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sovremennyh-rossiyskih-sredstv-massovoy-informatsii-na-nravstvenno-psihicheskoe-zdorovie-lyudey/viewer> (дата обращения: 30.11.2020).

At the current period, we can see quite a difficult situation in the world in terms of many parameters, which is the result of a number of reasons, among which we can highlight the following processes and events: the threat of COVID-19 and related preventive measures such as the requirement to wear face masks in public and observesocial distance, the political, economic and military instability of the CIS countries and bordering states, the presidential elections in the USA, the struggle against terrorism in the Syrian Arab Republic, the insecurity of NATO, the uncertainty in the question of the Arctic exploring, the crisis of family values and etc. Humanity is constantly facing new global challenges and if earlier unsolved issues and unresolved problems have resulted in crises, wars and catastrophes of various scales, now the existence of humankind as a biological species is in great danger because of the increasing globalization.

It is obvious that every component of the world geopolitical environment influences the psychiatric and psychological states of both an individual and the whole society this way or another. The World Health Organization also attests to this fact. It observes cases of spasmodic increase in the number of psychosocial disabilities, which take place at times of internal or external changes in the country and the world. For example, a sharp growth of psychiatric and psychological disorders in the USSR was in the 1980-s and 1990-s. It related to the processes of perestroika and the collapse of the country into independent states that followed[1]. At present, according to the studies carried out in the country, “one in three Russians has a mental or neurotic (depressive) illness” whereby the citizens of the Russian Federation apply for psychiatric and psychological help rarely and reluctantly, this is primarily due to the peculiar mentality of the Russian person, who thinks that “it is a shame to

be sick, and especially to be a mental patient»[2]. A similar situation is observed in other regions of the world. The WHO states that by prevalence “mental disorders will be in the top five diseases” that allows us to express the idea that the problem of psychiatric and psychological illnesses and disorders is up-to-date and has a global status, which, in its turn, requires an immediate search for solutions and urgent measures for stabilization of the above-described situation[2].

An interesting approach to studying the question of the psychiatric and psychological states of personality and society is described in Kurt Levin’s Field Theory who says that man and society are in the extremely unsteady, rapidly changing psychological field where at times it is a daunting task to find some sort of a standing point which can be used to start dealing with daily tasks of their life activities. Such an unstable field provokes constant psychiatric strain so that man and society experience stress, which results in psychiatric and psychological disorders and illnesses the most serious of which is an existential crisis of personality[3].

Kurt Levin’s thought that “man without a definite aim happens to be under the influence of external factors” is worth paying our attention to[4]. These factors prevent him from achieving the purpose set. From our point of view, it is mainly the speedy shifting world environment that confuses man, misleads him affecting his belief and value systems intentionally.

For the reason of complexity and immensity of the current problem of global challenges and their negative impact on the psychiatric and psychological states of society on the whole and man in particular we consider it possible to allocate the primary responsibility to state authorities and mass media that originally were designed to protect its population from potential interference and pressure from the outside, help man to navigate in the modern world following the morality accepted in the country. The influence of mass media in modern society is so great that they have turned into “the high powered force (fourth estate)” able to become the very same standing point, which will contribute to the maintenance and improvement of the nation’s psychiatric and psychological health. In our opinion, the state authorities must monitor the work of mass media in compliance with “Doctrine of IT Security in the RF”. 80 % of the Russian Federation population share this view believing it to be necessary to control the content of mass media and the television, in particular[5]. Besides, it is important to marshal the information and distribute it to man consistently on a step-by-step basis in line with the belief and value systems that a person exists in and which are approved by the society and the state.

Thus, in the conditions of the modern unstable world man and society often experience a negative impact of constantly emerging threats and challenges, which destroy their psychiatric and psychological health. In such circumstances, the state represented by mass media must assume the role of the force that will help to withstand the harmful effect of the external situation which is not always favourable.

REFERENCES

1. Prevalence of mental disorders [Electronic resource] URL: https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/hfa_391-2410-prevalence-of-mental-disorders/visualizations/#id=21459 (access date: 23.11.2020).
2. Mental illnesses in Russia: what is happening [Electronic resource] URL: <https://yandex.ru/turbo/medportal.ru/s/mednovosti/psihicheskie-zabolevaniya-v-rossii-chto-proishodit/> (access date: 30.11.2020).
3. Levin K. The theory of the “field” in social sciences / K. Levin [translated by E. Suprin]. – St. Petersburg: Rech, 2000. – 364 p.
4. Levin K. Settlements of social conflicts / K. Levin [translated by I. Avidon]. – St. Petersburg: Rech, 2000. – 407 p.
5. Semenov V.E. The impact of modern Russian mass media on moral and psychiatric health of people [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sovremennyh-rossiyskih-sredstv-massovoy-informatsii-na-nravstvennopsihicheskoe-zdorovie-lyudey/viewer> (access date: 30.11.2020).

Никишин Евгений Константинович,
курсант 5 курса
факультета Автоматизированных систем управления
и робототехнических комплексов
Военной академии Ракетных войск стратегического
назначения Имени Петра Великого.
Nikishin Yevgeniy Konstantinovich,
Military Academy of Strategic Missile Forces
Named after Peter the Great
Department of Automated Control Systems
and Robotic Systems
5th year cadet.

КОНЦЕПЦИЯ МНОГОДОМЕННОГО СРАЖЕНИЯ КАК ВОЕННАЯ ПАРАДИГМА XXI ВЕКА

THE CONCEPT OF MULTIDOMAIN BATTLE AS A MILITARY PARADIGM OF THE 21ST CENTURY

Аннотация. В статье рассмотрена концепция ведения вооруженных конфликтов XXI века, а именно система многодоменных сражений. Автор проводит анализ военной стратегии потенциальных противников России и освещает перспективы развития оборонной политики государства.

Abstract. The article considers the concept of conducting armed conflicts of the XXI century, namely the system of multidomain battles. The author analyzes the military strategy of Russia's potential opponents and highlights the prospects for the development of the state's defense policy.

Ключевые слова: многодоменное сражение, военная стратегия, развитие современного вооружения, модернизация технологий, координация и взаимодействие, страны-партнеры.

Keywords: multidomain battle, military strategy, modern weapon development, modernization of technologies, coordination and joint actions, partner-states.

Текущая ситуация в мире считается нестабильной. Политика некоторых государств находится под пристальным вниманием, так как она направлена на получение превосходства над другими странами. США и Западные страны, входящие в состав блока НАТО – пример активных игроков такой политики. Данная статья содержит в себе анализ стратегий, разрабатываемых нашими «потенциальными противниками». Рассматриваемые концепции являются передовыми, и никакая информация о них ранее не заявлялась официально.

Новая доктрина Западных стран основана на концепции многодоменного сражения. Оперативное управление Генерального Штаба уже занимается анализом и изучением данной стратегии. В то же время иностранные исследователи разделяют мнения по поводу изменения власти в мире. Например, журнал «Военное обозрение» в одной из своих статей высказывает следующие мысли по данному поводу: «Необходимо изменить методы ведения войны сегодня, что получить преимущество уже завтра»[1].

Отечественные и зарубежные источники приводят различные определения термина «многодоменное сражение». В данной работе автор придерживается следующей дефиниции: «Многодоменное сражение – это целенаправленная атака с участием различных доменов, которые, в свою очередь, включают в себя земной, морской, воздушный, космический домены, а также киберпространство».

Такой тип ведения боя направлен на решение следующих задач: преодоление системы обороны противника; постоянное взаимодействие со всеми доменами; гибкость и маневренность войск. В настоящее время первостепенной задачей многодоменного боя является совмещение всех операций, проводимых в различных сферах, в единые многодоменные действия[2].

В 2020 Конгресс США представил доклад, посвященный совершенствованию вооруженных сил в рамках концепции многодоменного сражения. На основании доклада можно выделить 6 приоритетных задач ВС США: развитие и ввод в эксплуатацию нового высокоточного оружия; создание нового поколения бронемашин; замена авиационных технологий на более современные системы с использованием вертикального старта; модернизация системы связи; развитие системы противоракетной обороны; увеличение силовых возможностей у солдат[3].

Концепция многодоменного сражения следует выше перечисленным задачам. Предполагается, что современные

вооруженные конфликты будут проводиться в различных направлениях. Наиболее перспективными направлениями, необходимые государству для приобретения военного преимущества, являются робототехника, модернизация беспилотных самолетов и подводной техники.

Примером реализации концепции многодоменного сражения может служить следующая схема действий: при обнаружении самолетом F-35 запуска ракеты, направленной на уничтожение американского корабля, передается сигнал о возникновении опасности данному кораблю с самолета с дальнейшим запуском системы ПРО[4]. Данный пример описывает не только возможность взаимодействия ВВС с ВМФ, но и ВМФ и ВВС с Сухопутными войсками.

Неоспорима эффективность политических и информационных инструментов как методов ведения боевых действий, целью которых является запугивание мирных жителей. Ярким примером может послужить конфликт в Венесуэле в марте 2019 г. Группа хакеров произвела атаку на ГЭС, в результате чего отдельные крупные районы страны были обесточены. И на сегодняшний день информационный домен включает в себя не только хакерские атаки на стратегически важные объекты государства, но и влияние на сознание людей. Именно поэтому необходимо искать способ противодействия данным ситуациям[2].

Некоторые иностранные государства не скрывают своих потенциальных противников. В случае США таковыми, в первую очередь, являются Россия и Китай. С другой стороны, возможными противниками считаются страны, которые могут воспользоваться поддержкой нашего государства: Сирия или Иран. До недавнего времени американское правительство было уверено в своем превосходстве, но ситуация резко изменилась в связи с совместными разработками России и Китая и по результатам успешной кампании в Сирии. Концепция многодоменного сражения стала ответом на действия нашего государства в кооперации с иностранными партнерами. Формирование альянса – приоритетная задача США. Среди стран-союзников можно выделить такие государства, как Соединенное Королевство, Германия, Польша, Бельгия и многие другие[5].

Другой важной задачей является организация совместных действий союзных сил. Например, Совместная стратегия ВВС, подписанная в 2018 году, направлена на поражение врага в воздухе и космосе. Была также согласована стратегия морского взаимодействия, направленная на сдерживание противника, коллективную оборону и обеспечение общей безопасности.

Российское государство, в свою очередь, в лице Первого заместителя начальника ГШ прокомментировало данную ситуацию. Также были внесены все необходимые изменения в план развития текущей стратегии страны[6].

В данной ситуации необходимо направить усилия не только на модернизацию различных технологий, но и развитие нового оружия. Главная цель, отраженная в доктрине государства, – обеспечение обороны от потенциального противника. С другой стороны, необходимо налаживать взаимодействие с другими странами, например, создавая и развивая общую систему обороны с Китаем.

На сегодняшний день военная политика нашего государства направлена на улучшение вооруженных сил и флота. Отдельную немаловажную роль занимают РВСН. Проводится перевооружение дивизий новыми ракетными комплексами «ЯРС» и «Авангард». РВСН являются одним из важнейших элементов в политике сдерживания, незаменимой в текущей напряженной геополитической ситуации.

Таким образом, в данной статье представлен анализ новой военной концепции многодоменного сражения, являющейся приоритетным направлением развития ВС США. Противостояние многодоменным войнам – сложная задача, стоящая перед нашим государством. Именно поэтому для России видится необходимым дальнейшая разработка стратегии сдерживания против возможного потенциального противника, улучшая технологии и вооружение, с одной стороны, и вступая в активные взаимодействия со странами-партнерами, с другой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Агентство ТАСС. [Электронный ресурс] URL: <https://amp-topwar-ru.cdn.ampproject.org> (дата обращения: 20.11.2020).
2. Газета «Гардиан» [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com> (дата обращения: 17.11.2020).

3. Агентство ТАСС [Электронный ресурс] URL: <https://tass-ru.cdn.ampproject.org/v/s/tass.ru/armiya> (дата обращения: 28.11.2020).
4. Агентство ТАСС [Электронный ресурс] URL: <https://amp-topwar-ru.cdn.ampproject.org> (дата обращения: 23.11.2020).
5. Военная доктрина США (дата обращения: 23.11.2020).
6. Военная доктрина РФ (дата обращения: 23.11.2020).

The current situation in the world is often considered unstable. The policy of some governments is under the spotlight as it is aimed at overcoming other countries. The good examples of such countries are the USA, and Western countries of NATO. In this report a brief analysis of the latest strategies of our «potential adversary» will be presented. All developments and concepts are relevant and cutting-edge and there is no information published officially.

The new doctrine of Western countries is based on the concepts of Multidomain battle (MDB). The General Staff's Operational Department is already studying this strategy. Foreign researchers stick to different opinions in regard with the changing world order. For instance, the analysts of the review journal «Military review» claim quote «To change the methods of warfare today is to gain an advantage tomorrow»[1].

The multidomain battle is a simultaneous attack in different domains: on land; at sea, in the air; in space and in cyberspace. These types of battles comprise several tasks: penetration through the enemy's defense system; constant cooperation within all the domains while maintaining full freedom of action; flexibility and maneuverability of military facilities. Currently, the main task is to combine the operations in different spheres into unified multidomain action[2].

In 2020, the US Congress provided the report connected with armed forces modernization. There were 6 main priorities: development and application of high-precision weapons; development of armed vehicles of the new generation; replacement of aviation with modern vertical equipment; modernization of communication systems; development of anti-missile defense systems; increase of American soldiers' firepower[3].

The concept of MDB meets these priorities. The armed conflicts are supposed to be deployed in the absolutely different places, from the Central Asia to the Internet. Robots, unmanned aircraft, and underwater vehicles are assumed to be the most perspective tools to gain military advantage.

An example of the multidomain conflict could be as follows: if F-35 jet detects the launch of a rocket targeted to the American cruiser, this rocket will be intercepted by a missile from the cruiser[4]. This example describes not only coordination of the Navy and Air forces, but also the development of methods, which allow Army to use Navy facilities, and Air forces — to use Army facilities, etc.

Political and information tools are the efficient methods of modern warfare too. It is aimed mainly at intimidating the civilians. For example, the cyberattack in Venezuela in March 2019. The group of hackers attacked the control system of hydroelectric power plant. That has resulted in complete blackout and public transport standstill in some regions. Nowadays, the information domain includes not only hacker's attacks but the influence on the people's minds as well. That's why, it's necessary to counter it[2].

Some foreign governments don't try to conceal their potential adversaries. It's obviously, that these countries are Russia and China. On the other hand, there are some rogue states - like Syria or Iran, which may ask for Russian and China's support. American government had been confident in its superiority. But the situation has changed due to the cutting-edge developments of Moscow and Beijing, and Russia's successful military campaign in Syria. Therefore, the very emergence of the multidomain battle concept was a response to both countries' build-up. The formation of the advanced alliance forces is the essential task of US Government. Among the allied countries are the UK, German, Poland, Belgium, and Denmark[5].

The other main issue is to organize cooperation within the alliance. For instance, The Joint Air Power strategy was adopted in 2018. Its purpose is to suppress the adversary forces in the air and space domains. Moreover, the Alliance Maritime Strategy has already been signed. It is aimed at enemy deterrent, collective defense and security provision.

The Russian government announced the change in war strategy. First Deputy Chief of General Staff emphasized that modern conflicts would take action on land, at sea, in the air, in space and in cyberspace. As it could be seen, they were talking about multidomain conflicts[6].

In this situation it is necessary not only to modernize different technologies, implement up-to-date weapons, and improve personnel management. The main purpose is to provide the defense and security system against potential adversary. It corresponds the doctrine of our country, which is defensive. The other issue is to organize joint cooperation

with other governments, for example, joint missile defense system with China.

Nowadays Russia strengthens its Army and Fleet. Besides, the Strategic Missile Forces attract much attention. There are many divisions which have been rearmed and supplied with the missiles of new generation such as «Avangard» and «Yars». The SMF are definitely considered one of the main leverages of Russia' deterrence system.

To conclude, we can admit that the tensions are increasing in today's world. The new concept of multidomain battle was presented in this report. As far as our country is concerned, the new strategy of deterring the adversary should be developed further.

REFERENCES

1. TASS Agency [Electronic resource] URL: <https://amp-topwar-ru.cdn.ampproject.org> (access date: 20.11.2020).
2. The Guardian newspaper [Electronic resource] URL: <https://www.theguardian.com> (access date: 17.11.2020).
3. TASS Agency [Electronic resource] URL: <https://tass-ru.cdn.ampproject.org/v/s/tass.ru/armiya> (access date: 28.11.2020).
4. TASS Agency [Electronic resource] URL: <https://amp-topwar-ru.cdn.ampproject.org> (access date: 23.11.2020).
5. US Military Doctrine (access date: 23.11.2020).
6. Russian Military Doctrine (access date: 23.11.2020).

Никончук Андрей Витальевич,
курсант 3 курса
9 (психологии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.

Nickonchuk Andrey Vitalievich,
Military University: Ministry of Defence of the RF
9 (Psychology) Department
3rd year cadet.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ КАК ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ СУПЕРДЕРЖАВЫ

OVERCOMING GEOPOLITICAL CONFLICTS AS A PATH TO BECOMING A SUPERPOWER

Аннотация. Статья посвящена анализу геополитики и её направлений современной России. Особое внимание автор уделяет вопросу рассмотрения участия Российской Федерации в вооружённых конфликтах и анализу влияния этого на геополитическую обстановку.

Abstract. The article is devoted to the analysis of geopolitics and its directions in modern Russia. The author pays special attention to the issue of considering the participation of the Russian Federation in armed conflicts and analyzing the impact of this on the geopolitical situation.

Ключевые слова: геополитика, сфера влияния, индустриальное ядро, буферная зона, геополитическая задача.

Keywords: geopolitics, sphere of influence, industrial core, buffer zone, geopolitical task.

Как известно, до 1991 года мир делили на биполярный, выделяя две основные силы: Соединённые Штаты Америки, с одной стороны, и Советский Союз, с другой. После распада Советского Союза вся геополитическая картина переменялась: образовалась мультиполярность, в которой все также выделяются Соединённые Штаты как одна из основных сил[1]. Правительство Российской Федерации пытается сохранить биполярность, используя новые появившиеся силы в своих интересах, ведь всем геополитическим конфликтам, в которых Россия принимала непосредственное или косвенное участие, есть логическое объяснение.

После распада сильного соперника Соединённых Штатов, НАТО начало свое продвижение своей сферы влияния на восток: Польша, Венгрия, Чехия в 1999 году; Эстония, Латвия, Литва, Словения, Словакия, Болгария, Румыния в 2004 году; Албания, Хорватия в 2009 году и новые члены НАТО (страны в состав стремящиеся) – Босния, Грузия, Украина, Черногория[2]. В 2005 году президент России Владимир Владимирович Путин говорил: «Распад Советского Союза был великой геополитической катастрофой», но он говорил не о распаде коммунизма, а о том, что почти три столетия Российского территориального расширения канули в лету за несколько дней. Россия фактически вернулась к своим границам 17 века. Глядя на карту и анализируя ситуацию в Восточной Европе, можно понять, что единственное, что Прибалтика, Украина и Кавказ

дают НАТО, – это усиление многонаправленной стратегии, угрожающей Российской Федерации. Осознавая этот факт, наблюдается старая стратегия окружения, применяемая НАТО.

Принимая во внимание ошибки истории, а точнее СССР, можно заметить, как трудно самовластно удерживать под контролем огромные территории, из чего следует, что для контроля региона не нужна стопроцентная аннексия, а достаточно сферы влияния, чтобы регион соответствовал интересам государства, его не захватывающего. В этих целях был создан Евразийский союз (ЕАЭС), напоминающий по своей структуре Евросоюз, но с одним условием: полным экономическим и политическим доминированием одной страны – России.

Индустриальное ядро России расположено на восточноевропейской территории (Санкт-Петербург – Москва – Волгоград)[3], и защита этой области является одной из основных геополитических задач правительства государства. Этот участок располагается на востоке плоской европейской равнины, следовательно, с точки зрения классической войны, эта территория беззащитна. Равнина протянута на запад до карпатских гор и на восток вплоть до Уральской гряды, и, чем дальше силы НАТО пройдут на восток, тем больше пространства для манёвра они будут иметь. Также с другой стороны, чем дальше на запад Россия распространит своё влияние, тем меньше у противника возможностей для манёвра. На данной территории выражен интерес России к Прибалтике и Украине. Несмотря на стремительное развитие технологий, географическое преимущество всегда имело огромное значение (вторжение Германии в Россию 1941, война во Вьетнаме 1965, война в Афганистане 1979). Во всех этих конфликтах наступающая сторона имела полную уверенность в своём технологическом превосходстве, но решающую роль сыграл географический фактор[4].

Так же следует рассмотреть подробнее интересы России в продвижении сферы влияния на запад. Членство в НАТО Эстонии, Литвы и Латвии означает, что уже через 3-4 минуты после взлёта бомбардировщики и истребители НАТО достигнут своих целей, расположенных в Санкт-Петербурге[5]. Беларусь является буферной зоной для России, а точнее для её индустриального центра. За последние 10 лет влияние России в этом регионе достигло влияния страны-колонииста над колонией, что привело к вмешательству в

политику Белоруссии извне. Украина не только может выступать как буферная зона. Так как её восточная часть находится всего в 700 километрах от западной части Казахстана, в случае войны захват этой территории лишит Россию выхода к двум морям и приведёт к потере экономически важного северокавказского района[6]. На юге сферой влияния России является 3 государства, между которыми поддерживается шаткий мир, и уровень влияния в этом регион не должен нарушать мультинаправленной политики стран, расположенных в данном регионе.

Таким образом, следует заметить, что основной геополитической задачей Российской Федерации является распространение своей сферы влияния на регионы, играющие стратегически важную роль как в мирное, так и в военное время. Путь преодоления геополитических кризисов и решения геополитических задач можно назвать путём становления России сверхдержавой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Справочник для студентов [Электронный ресурс]URL: https://spravochnick.ru/politologiya/bipolyarnaya_sistema_mezhdunarodnyh_otnosheniy/ (дата обращения: 21.01.2021).
2. Агентство ТАСС [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/info/6295589> (дата обращения: 21.01.2021).
3. Портал финансовая биржа [Электронный ресурс]URL: <https://economy-ru.com/rossijskaya-ekonomika-rf/evropeyskoe-yadro-rossii-23723.html> (дата обращения: 21.01.2021).
4. Вячеслав Штыров [Текст]: выступления, статьи, интервью: историко-публицистическое издание / Валерий Новиков. – М: Красная звезда, 2012.
5. Русская народная линия [Электронный ресурс]URL: https://ruskline.ru/analitika/2010/09/03/suwestvuyut_li_u_sovremennoj_rossii_interesy_na_balkanah/ (дата обращения: 21.01.2021).
6. Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/ukrainskiy-vopros-dlya-budushchego-rossii/> (дата обращения: 21.01.2021).

It is common knowledge that until 1991, the world was divided into a bipolar one, distinguishing two main forces: The United States of America, on the one hand, and the Soviet Union, on the other. After the

collapse of the Soviet Union, the whole geopolitical picture changed: a multi-polarity was formed, in which the United States are still singled out as one of the main force[1]. The current government of the Russian Federation is trying to maintain bipolarity, using the new forces that have emerged to its advantage, because there is a logical explanation for all the geopolitical conflicts in which Russia has taken a direct or indirect part.

After the collapse of a strong rival to the United States, NATO began to advance its sphere of influence to the East: Poland, Hungary, the Czech Republic in 1999; Estonia, Latvia, Lithuania, Slovenia, Slovakia, Bulgaria, Romania in 2004; Albania, Croatia in 2009, and new NATO members (aspiring countries) – Bosnia, Georgia, Ukraine, Montenegro[2]. In 2005, Russian President Vladimir V. Putin said: "The collapse of the Soviet Union was a great geopolitical catastrophe", however he was not talking about the collapse of communism, but about the fact that almost three centuries of Russian territorial expansion had sunk into oblivion in a few days. Russia actually returned to its borders of the 17th century. Looking at the map and analyzing the situation in Eastern Europe, one can understand that the only thing that the Baltic States, Ukraine and the Caucasus give to NATO is the strengthening of a multi-directional strategy that threatens the Russian Federation. Realizing this fact, the old encirclement strategy used by NATO is observed.

Taking into account the mistakes of history, or rather the USSR, you will notice how difficult it is to retain autocratic control of the vast territory, which implies that the control region does not need one hundred percent annexation, and enough sphere of influence to the region consistent with the interests of the state, that has not annexed it. For this purpose, the Eurasian Union (EEU) was created, it resembles the European Union in its structure, but with one condition: the complete economic and political dominance of one country – Russia.

The industrial core of Russia is located on the Eastern European territory (St. Petersburg-Moscow-Volgograd)[3], and the protection of this area is one of the main geopolitical tasks of the state government. This area is located in the East of the flat European plain, therefore, in terms of classical warfare, this territory is defenseless. The plain stretches west to the Carpathian Mountains and east to the Ural Range, and the further the NATO forces go East, the more room for maneuver they will have. On the other hand, the further west Russia extends its influence, the less the enemy has room for maneuver. Russia's interest in the Baltic States and Ukraine is expressed on this territory. Despite the rapid development of technology,

geographical advantage has always been of great importance (the German invasion of Russia in 1941, the Vietnam War in 1965, the war in Afghanistan in 1979). In all these conflicts, the attacking side had full confidence in its technological superiority, but the geographical factor played a decisive role[4].

It is also necessary to consider in more detail the interests of Russia in promoting the sphere of influence in the West. The NATO membership of Estonia, Lithuania and Latvia means that within 3-4 minutes after takeoff, NATO bombers and fighters will reach their targets located in St. Petersburg[5]. Belarus is a buffer zone for Russia, or rather for its industrial center. Over the past 10 years, Russia's influence in this region has reached the influence of a colonist country over a colony, which has led to interference in the politics of Belarus from outside. Ukraine can't only act as a buffer zone. Since its eastern part is located only 700 kilometers from the western part of Kazakhstan, in the event of a war, the seizure of this territory will deprive Russia of access to the two seas and lead to the loss of the economically important North Caucasus region[6]. In the south, Russia's sphere of influence is 3 states, between which a shaky peace is maintained, and the level of influence in this region should not violate the multi-directional policy of the countries located in this region.

Thus, it should be noted that the main geopolitical task of the Russian Federation is to extend its sphere of influence to the regions that play a strategically important role in both peacetime and wartime. The way to overcome geopolitical crises and solve geopolitical problems can be called the way of becoming a superpower for Russia.

REFERENCES

1. Handbook for students [Electronic resource]URL: https://spravochnick.ru/politologiya/bipolyarnaya_sistema_mezhdunarodny_h_otnosheniy/ (access date: 21.01.2021).
2. TASS Agency [Electronic resource] URL: <https://tass.ru/info/6295589> (access date: 21.01.2021).
3. Portal financial exchange [Electronic resource]URL: <https://economy-ru.com/rossiyskaya-ekonomika-rf/evropeyskoe-yadro-rossii-23723.htm> (access date: 21.01.2021).
4. Vyacheslav Shtyrov [Text]: speeches, articles, interviews: historical and journalistic publication / Valery Novikov. – Moscow: Krasnaya Zvezda, 2012.

5. Russian folk line [Electronic resource]URL: https://ruskline.ru/analitika/2010/09/03/suwestvuyut_li_u_sovremennoj_rossii_interesy_na_balkanah/ (access date: 21.01.2021).

6. The Russian Council for International Affairs [Electronic resource]URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/ukrainskiy-vopros-dlya-budushchego-rossii/> (access date: 21.01.2021).

Прилепский Валерий Юрьевич,
кандидат политических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
Военного университета Министерства обороны РФ.
Prilepsky Valery Yuryevich,
Ph.D in Political Science, Associate Professor,
Military University: Ministry of Defense of the RF
Leading Researcher.

Ласария Айнар Отариевич,
кандидат политических наук,
старший научный сотрудник
Военного университета Министерства обороны РФ.
Lasariya Aynar Otariyevich,
Ph.D in Political Science,
Military University: Ministry of Defense of the RF
Senior Researcher.

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И ЕГО ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

TO THE ISSUE OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL
SECURITY OF THE RUSSIAN SOCIETY, STATE AND ITS ARMED
FORCES

Аннотация. В статье рассматриваются особенности, современные условия и проблемы на пути обеспечения информационной безопасности российского общества, государства и его Вооруженных Сил.

Abstract. This article assesses features, contemporary conditions and problems in the quest for ensuring information security for the Russian society, state and its Armed Forces.

Ключевые слова: информационная безопасность, противодействие, противостояние, киберпространство.

Key words: data security, counteraction, confrontation, cyberspace.

Обеспечение безопасности российского общества, государства и его Вооруженных сил происходит на фоне возрастающей роли информационной сферы, как совокупности информации, связанной с ней инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений.

Информационная сфера, являясь системообразующим фактором жизни современного общества, влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации.

Повышение информационной открытости современного общества в условиях интенсификации глобализационных процессов и резкого информационно-технологического рывка, зачастую выявляет и раскрывает острые проблемы и недостатки политико-правовых систем отдельных государств. Эти недостатки стимулируют органы власти тех или иных государств устанавливать новые ориентиры и формулировать новые задачи как теоретического, так и практического характера. Одним из важных направлений деятельности социума является совместная с государством деятельность по выработке и внедрению в систему безопасности и обороны государства, общества и личности механизмов по прогнозированию, предотвращению и ликвидации как внутренних, так и внешних деструктивных влияний в информационной среде[1].

На современной технологической платформе появляются широкие возможности вербального и визуального влияния как на уровне межличностных коммуникаций, так и в отношении различных социальных групп. По мере развития современного информационного общества, информационные потоки, как правило имеющие трансграничный характер, из примитивного оружия воздействия на индивидуальный или групповой субъект трансформируются в действенный вид «оружия массового поражения», способный

наносить существенный ущерб инфраструктурам государства и общества – массовому сознанию и информационно-технической среде. В этой связи, высокую эффективность демонстрируют инструменты «мягкой» силы, так называемые гуманитарные технологии.

Западные страны активно продвигают технологии войн нового поколения, основу которых составляют несиловые методы, при использовании которых отсутствует четкая демаркация между состоянием войны и мира. Цель этих войн – нанести непоправимый ущерб информационно-технической среде, т.е. в киберпространстве, а также девальвировать ценности, культуру и традиции российского общества, препятствовать укреплению идейных стержней – патриотизма и любви к Родине. Россия, в этих условиях, выступает одним из немногих форпостов традиционной культуры, обладающей уникальной социокультурной, цивилизационной идентичностью. Поэтому, негативное информационно-психологическое воздействие оказывается по таким, характеризующим российскую цивилизационную идентичность, реперным точкам, как: этноконфессиональное согласие, коллективность, соборность, политическое сознание, общественный запрос на справедливость и др.

Комплексное применение силовых методов и приемов «мягкой» силы в развертывании «цветных революций» и «гибридных войн», использование неправительственных организаций в качестве агентов влияния на сознание ключевых социальных групп общества – мишени воздействия, позволяет странам, владеющим данными технологиями, добиваться своих целей, обеспечивать реализацию своих национальных интересов. В условиях глобализации и информационной открытости государств, они позволяют без физического военного вмешательства достигать значимых политических результатов.

Очевидно, что конфликты будущего будут направлены преимущественно на уничтожение противоборствующей стороны без силового соприкосновения, но не столько физически, сколько психологически, ценностно, ментально, преследуя основную цель – использование потенциала и побеждённых в своих интересах и по своему усмотрению.

Соответственно, требуется глубокое теоретическое осмысление, концептуализация и последующая проработка вопросов правового регулирования обеспечения информационно-психологической

безопасности российского общества, государства и его Вооруженных Сил[2]. На сегодняшний момент существует значительная правовая неопределенность и пробельность в вопросах организации и практического обеспечения информационно-психологической защиты как населения Российской Федерации, так и личного состава Вооруженных Сил, что свидетельствует о мозаичном очаговом характере правового регулирования данной области.

Как верно отмечает, А.В. Манойло, ключевой чертой современного развития вооруженных сил, основным массивом которой являются молодые граждане, является процесс цифровизации, сопряженный с вопросами обеспечения информационной и информационно-психологической безопасности[3]. Наиболее уязвимой и подверженной информационно-психологическому воздействию категорией населения является молодежь. В отношении данной категории определяющей целью деструктивного воздействия является подмена или размытие ценностно-культурных и духовных стержней, сложившихся в российском обществе, подрыв морально-нравственных устоев, патриотическо-исторических основ, традиций многонационального народа России и корректировка социальных ориентиров. Примером информационно-психологического воздействия на российское общество являются попытки минимизировать и исказить истинную роль советской армии в победе над фашизмом во Второй мировой войне 1939-1945 гг.

Государства-члены НАТО, непосредственные оппоненты России выстраивают комплексные системы негативного информационно-психологического воздействия на население и Вооруженные Силы стран-мишеней. Сегодня НАТО объединяет целостная стратегия ведения противоборства в глобальном информационном и киберпространстве. Как правило ее вектор направлен преимущественно против России. При этом, руководство США рассматривает информационное и киберпространство как новую сферу ведения современных войн, наряду с сушей, морем, воздушным и космическим пространством, в которой противостояние основано на классических целях и установках – военном поражении противника. О чем свидетельствует и тезисы, озвученные новоизбранным президентом США Джоозефом Байденом во время выступления на виртуальной Мюнхенской конференции по безопасности 2021 года, так он отметил: *«...борьба с безрассудством — безрассудством*

России и взломом компьютерных сетей в Соединенных Штатах, в Европе и во всем мире – стала критически важной для обеспечения нашей коллективной безопасности. Вызовы, связанные с Россией, могут отличаться от китайских вызовов, но они столь же реальны ...»[4].

Д.М. Евстафьев и А.М. Ильинский справедливо отмечают важность достижения Россией нового уровня защищенности информационного пространства с помощью создания системы защиты не только киберпространства, но и массового сознания от политических манипуляций в информационно-коммуникативной среде, носящие как региональный, так и субглобальный характер, цель этих манипуляций дестабилизация социально-политической обстановки и экономической инфраструктуры[5].

Комплексный характер проблем информационно-психологической безопасности и высокая динамичность процессов в информационной системе требуют повышения уровня координации общих усилий и действий государства, его силовых структур, бизнеса и гражданского общества в части обеспечения работоспособности системы информационно-психологической безопасности.

Таким образом, первостепенная задача государства состоит в выработке эффективных механизмов защиты общества от воздействия «негативной информации», где основная роль должна принадлежать отечественным средствам массовой коммуникации социальным медиа, социальным ресурсам в глобальной сети Интернет, кроссплатформенным информационно-коммуникационным ресурсам, поскольку от них зависит состояние, степень защищенности общества от негативного информационного воздействия. Современные средства массовой коммуникации и новейшие информационно-коммуникационные технологии значительно обостряют проблему воздействия «негативной информации» на общественный климат, генерируя не только новые возможности, но и новые угрозы. Совершенствование параметров обеспечения информационной безопасности российского общества, государства и его Вооруженных Сил, особенно актуально в условиях информатизации всего российского общества и развитых стран в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вольнов Р.В. Психолого-правовые особенности обеспечения информационно-психологической безопасности личности // Дис. ... канд. псих. наук. – М., 2011. – 185 с.
2. Макаренков А.А. Правовые проблемы информационно-психологического воздействия на военнослужащих // Военное право. 2020. № 1.
3. Манойло А.В. Современные стратегии кибербезопасности и киберобороны НАТО // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 3. С. 160-184.
4. Выступление президента США Джозефа Байдена на виртуальной Мюнхенской конференции по безопасности 2021 года // [Электронный ресурс] URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference/> (дата обращения: 01.03.2021).
5. Евстафьев Д.Г., Ильницкий А.М. Предложения о грядущем мире // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. – С. 58-68.

Ensuring the security of the Russian society, State and its Armed Forces comes with increasing role of the information sphere, which implies a set of information, infrastructure related, data collecting agents as well as generating and spreading agents, the use of information and a regulation system for resultant public relations.

Information domain being a system-creating factor of life in modern society affects political, economic, defense and other aspects of security of the Russian Federation.

The increase of information transparency of modern society amidst an intensification of globalization process and a quantum leap in information technology sphere, often reveals and identifies crucial problems and deficiencies of political and legal systems of individual States. Those deficiencies stimulate public authorities of particular States to establish new guidelines and develop new tasks of both theoretical and practical character. One of the key areas of activity of a society is an implementation of joint actions with a State in the question of development and introduction in the security and defense system of the State, society and individuals, of mechanisms for forecasting, preventing and eliminating both internal and external destructive affects in information environment[1].

A wide range of opportunities of verbal and visual influence both at an interpersonal communication and different social groups levels emerge

on a modern technology platform. As modern information society has developed, information flows generally having transboundary dimension, transform from an unsophisticated weapon affecting individuals or groups into an effective type of “weapons of mass destruction” that can cause a substantial damage to the State and social infrastructure meaning public perception and information and technology environment. In this context, so-called “humanitarian technologies” as soft power tools demonstrate their high efficacy.

Western countries are actively promoting warfare technologies of a new generation, based on non-forcible methods with no clear demarcation between state of war and peace. The object of these wars is to cause irreparable damage to information technology environment as in cyberspace and also to depreciate values, culture and traditions of the Russian society, to prevent strengthening ideological backbones such as patriotism and love for the Motherland. In such circumstances Russia appears to be one of the few outposts of traditional culture who has a unique socio-cultural and civilizational identity. For this reason, negative informational and psychological impact has been delivered on such defining points which characterize the Russian civilizational identity like ethnic and religious harmony, collectivity, collegiality, political consciousness, public appeal for justice and so on.

Integrated application of heavy-handed tactics and “soft power” methods in launching “color revolutions” and “hybrid wars”, use of non-governmental organizations as agents of influence for awareness of key social groups as a target enables countries possessing those technologies to reach their objectives and ensure realization of their national interests. In a world of globalization and information transparency of countries instruments mentioned allow to achieve significant political results without any physical military intervention.

It’s evident that conflicts of the future will be aimed mostly at destruction of opposite site without any force contact but not so much physically as psychologically, aiming at values, mentality and pursuing a major objective- opportunity to harnessing the potential of defeated side in the interests of a country and at its sole discretion.

Accordingly, this requires a sound theoretical understanding, conceptualization and subsequent study of issues of legal regulation for ensuring informational and psychological security of the Russian society and its Armed Forces[2]. Nowadays considerable legal uncertainty and a gap exist in the question of development and practical assurance of

informational and psychological safety of population of the Russian Federation as well as military personnel of the Armed Forces, reflecting dispersed flashpoints of legal regulation in this sphere.

As Mr. A.V. Manoylo rightly points out, a key feature of modern development of the armed forces which has young civilians as its core body, is the process of digitalization, adjoint to issues concerning assurance of information and informational and psychological security[3]. The most vulnerable and the most affected by any informational and psychological influence category of population is youth. Against a given category, falsification and delusion of values, cultural and moral backbones within Russian society, undermining moral fibre, patriotic and historic basis, traditions of multi-national population of Russia and adjustments to social guidelines –all are a defining goal of destructive impact. An example of informational and psychological impact are the attempts to minimize and distort the true role of soviet army in the victory over fascism in the World War II (1939-1945).

NATO member States, direct opponents of Russia, build complex systems for negative informational and psychological impact on population and the Armed Forces of targeted countries. Today NATO members share holistic strategy for conducting the rivalry in global information and cyber spaces and as a general rule, its policy is conducted mainly against Russia. In doing so, the US government regards the information and cyber space as a new sphere of contemporary warfare along with land, sea, airspace and outer space where the confrontation is based on classic goals and objectives- military defeat of an enemy as evidenced by messages announced by a newly elected US president, Joseph Biden, during his performance at the virtual Munich Security Conference 2021, as he stated the following: “*«...addressing recklessness — Russian recklessness and hacking into computer networks, in the United States and across Europe and the world, has become critical to protecting our collective security. The challenges with Russia may be different than the ones with China, but they’re just as real... »*”[4].

Mr. D.G. Evstafiev and Mr. A.M. Ilynitskiy rightly point out the importance of Russia’s reaching a new level of security and protection of information space by creating defense system not only for cyberspace but for collective consciousness from political manipulations in information and communication environment of both regional and sub-global nature, as those manipulations are aimed at destabilizing socio-political situation and economic infrastructure[5].

The complexity of problems of informational and psychological security and frequent dynamics of processes in information sphere require better coordination of common efforts of the State, its security agencies, business and civil society in terms of ensuring efficiency of informational and psychological security system.

Hence first priority for the State is to elaborate effective mechanisms for social defense from “negative information” impact where the main role must be played by national mass media such as social media, social resources on the Internet WorldWide web, cross-platform information and communication resources as these all determine a state and a degree of protection provided against negative informational impact. Modern media of mass communication and advanced information and communication technologies aggravate considerably the problem of “negative information” impact on a public climate generating not only new opportunities but new threats. Improvement of parameters for information security of the Russian society, State and its Armed Forces is particularly relevant in the context of informatization of the whole Russian society and developed countries in general.

REFERENCES

1. Volnov R.V. Psychological and legal features of ensuring information and psychological security of the individual // Dis. ... Cand. crazy. sciences. – M., 2011.185 p.
2. Makarenkov A.A. Legal problems of information and psychological impact on military personnel // Military law. 2020. № 1.
3. Manoilo A.V. Modern strategies of cybersecurity and cyber defense of NATO // Actual problems of Europe. 2020. № 3. – P. 160-184.
4. Speech by US President Joseph Biden at the virtual Munich security conference in 2021 // [Electronic resource] URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference/> (access date: 01.03.2021).
5. Evstafiev D.G., Ilitsky A.M. Proposals for the World to Come // Russia in Global Affairs. 2020. № 4. P. 58-68.

Пчельников Данил Иванович,
курсант 3 курса
3 (финансово-экономического) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Pchelnikov Danil Ivanovich,
Military University: Ministry of Defense of the RF
3 (Financial-Economic) Department
3rd year cadet.

Федорова Елена Юрьевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства Обороны РФ.
Fedorova Elena Yuryevna,
Candidate of Pedagogic Sciences,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Assistant Professor.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

RUSSIAN NATIONAL SECURITY SYSTEM DEVELOPMENT

Аннотация. Статья посвящена такому элементу внешней политики России, как защита национальной безопасности. Авторы рассматривают систему национальной безопасности РФ как сложную многоуровневую систему, которую необходимо постоянно совершенствовать в соответствии с обновляющимся законодательством.

Abstract. The article is devoted to such element of Russian foreign policy as protection of its national security. The authors consider the national security system of the Russian Federation as a complex multi-level system, which must be constantly improved in accordance with the updated legislation.

Ключевые слова: система национальной безопасности, защита интересов России, виды безопасности, признаки современной концепции национальной безопасности.

Keywords: national security system, protection of Russian interests, types of security, characteristics of modern national security concept.

По мнению экспертов, уровень национальной безопасности Российской Федерации на данный момент нестабилен из-за неустойчивого состояния экономики, несовершенства управления внутри системы государственной власти, роста уровня преступности, широкомасштабного наступления международного терроризма на Российскую Федерацию, информационной войны против России и т.д. Все это создает широкий спектр как внутренних, так и внешних угроз для системы национальной безопасности. Для повышения эффективности управления системой национальной безопасности необходимо постоянно ее реформировать и совершенствовать, так как именно система национальной безопасности государства является стратегически важным условием процветания РФ. Российское государство реализует ряд постоянно обновляющихся программ и законодательных актов, касающихся системы национальной безопасности.

Чтобы понять суть термина «национальная безопасность России», необходимо анализировать его комплексно с системных позиций, с целью выделить единство, уравниленность, целенаправленность функционирования и саморегулирования, а также иные ее свойства, определяющие ее как сложную систему конкретного качественного уровня.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (НБ РФ) понятие национальной безопасности представлено в следующей формулировке: «...состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» [1]. Современная система национальной безопасности (СНБ) России включает в себя совокупность взаимозависимых элементов – видов и подвидов безопасности, связанных в одно целое, основанное на многонациональных долговременных интересах, реальных и потенциальных угрозах этим интересам, и на защите этих интересов от внешних и внутренних угроз [2]. Функциональными направлениями СНБ России являются: установление актуально-значимых, значимых и периферийных, долгосрочных и

кратковременных интересов и их распределение, согласно значимости; обнаружение, прогноз и анализ возможных и реальных внутренних и внешних угроз, их полное исследование и ранжирование по уровню опасности и значимости; утверждение соответственных со степенью угроз(ы), мер, необходимых для предоставления охраны национальных интересов Российской Федерации; анализ отрицательных и позитивных факторов обеспечения НБ, их влияние на положение национальной безопасности РФ, а также их учет при выборе методов защиты государства и граждан.

Система НБ РФ считается независимой сложной многоуровневой системой, имеющей конкретную организацию подчиненности. Она включает в себя следующие уровни:

- 1) система национальной безопасности России;
- 2) система региональной безопасности России;
- 3) система национальной безопасности субъектов РФ;
- 4) система видов национальной безопасности;
- 5) система составляющих видов национальной

безопасности.

Под защитой НБ необходимо понимать, в первую очередь, совокупность мер, нацеленных на обеспечение национальной безопасности, предотвращение различного рода опасностей, практическую реализацию мероприятий по поддержанию и восстановлению состояния субъектов страны и ее в целом, общества, при которых государственные интересы не нарушаются[3].

Признаки современной системы национальной безопасности: комплекс элементов или отдельных подсистем, выполняющих одну функцию; взаимосвязь и взаимодействие формирующих систему элементов (подсистем) в процессе их функционирования по прямому назначению; объединение элементов (подсистем) в единое функциональное целое; автономность и самостоятельность отдельных элементов (подсистем); сложная многоуровневая структура взаимосвязанных подсистем (элементов), включающих в себя не менее сложные многоуровневые подсистемы (элементы); потенциальная и фактическая эффективность функционирования; синергичность.

Разработанная на данный момент система НБ РФ в полном объеме удовлетворяет требованиям, предъявляемым к ней сегодня[4].

В настоящее время НБ Российской Федерации включает 16 видов безопасности, которые по своей важности и приоритетности

далеко не равнозначны. Определенные виды НБ, несмотря на то, что они являются ее элементами, выходят за пределы РФ. К числу подобных видов безопасности можно отнести экологическую, военную, интеллектуальную и информационную безопасность[5]. При несоблюдении этих элементов НБ обеспечение иных видов НБ становится почти не возможным.

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод: современная система НБ РФ – это система, которую необходимо постоянно видоизменять, в соответствии с совершенствующимся законодательством. Правильное осознание сущности национальной безопасности дает возможность разработать соответствующие мероприятия по обеспечению и сохранению надежной безопасности России. Совершенствование системы национальной безопасности должно быть направлено на обеспечение политической стабильности РФ, на повышение конкурентоспособности национальной экономики государства, на преодоление экономической и политической изоляции России, на увеличение роли нашей страны в урегулировании военных конфликтов, на улучшение качества жизни граждан и повышение социальной поддержки наиболее незащищенных слоев населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»// [Электронный ресурс] URL:<https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/ukazy-prezidenta-rf/2933> (дата обращения: 01.12.2019).
2. Современная система национальной безопасности Российской Федерации//[Электронный ресурс] URL:<https://topwar.ru/159640-sovremennaja-sistema-nacionalnoj-bezopasnosti-rossijskoj-federacii-i-ee.html>(дата обращения: 01.12.2019).
3. Дубровин Е.Р., Дубровин И.Р. Экологическая безопасность в системе национальной безопасности России. // Мир человека, том 9, № 1– СП-б.: ГУСЭ, 2009. С. 73-79.
4. Бакулина М. С. Системный и комплексный подходы: сходство и различия. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. — Красноярск: КГПУ им. Астафьева В.П., 2011. С. 168-173.
5. Дубровин И.Р., Дубровин Е.Р. Интеллектуальная безопасность. //Мост № 57. – СПб.: 2004. С. 54-55.

The Russian state implements a number of constantly updated programs and legislation related to the national security system. However, according to experts, the level of national security at the moment is unstable due to the economy fluctuating state, the imperfection of governance within the system of government, the increase in the crime rate, large-scale international terrorism attack on the Russian Federation, the information war against Russia, etc. All these things create a wide range of both internal and external threats to the national security system. In order to improve the efficiency of the management of the national security system, it is necessary to reform and improve it constantly, as that is the national security system is a strategically important condition for Russia's prosperity.

In the National Security Strategy of the Russian Federation (NS of the RF), the concept of national security is presented in the following formulation: "... the state of protection of the individual, society and the state from internal and external threats, which ensures the realization of the constitutional rights and freedoms of citizens of the Russian Federation, the worthy quality and standard of their lives, sovereignty, independence, state and territorial integrity, sustainable socio-economic development of the Russian Federation"[1].

To understand the essence of the term "national security of Russia" it is necessary to analyze it comprehensively from a systemic point of view in order to highlight the unity, balance, purposefulness of functioning and self-regulating, as well as its other properties, defining it as a complex system of a particular qualitative level.

Russia's modern national security system (NSS) includes a set of interdependent elements – species and subspecies of security, bound together, and based on multinational long-term interests, real and potential threats to those interests, and on the protection of those interests from external and internal threats[2]. Functional directions of the National Security of Russia are the following: establishing relevant, significant and peripheral, long-term and short-term interests and their distribution, according to the significance; detection, forecasting and analyzing of possible and real internal and external threats, their complete study and ranking by level of danger and significance; approval of appropriate threats, measures necessary to protect national interests of the Russian Federation; analysis of the negative and positive factors of the NS provision, their impact on the state of national security of the Russian

Federation, as well as their consideration when choosing methods of protecting the state and citizens.

The Russian National Security Council system is considered to be an independent complex multi-level system that has a specific organization of subordination. It includes the following levels:

- 1) Russia's national security system;
- 2) Russia's regional security system;
- 3) the national security system of the Russian Federation subjects;
- 4) system of national security types;
- 5) system of constituent types of national security.

It is necessary to understand under the protection of the NS, first of all, a set of measures aimed at ensuring national security, preventing various kinds of dangers and practical implementation of measures to maintain and restore the state of the country's subjects and the country as a whole and the society where the state interests are not violated[3].

The signs of a modern national security system are the following: a set of elements or separate subsystems performing the same function; the interconnection and interaction of the elements forming the system (subsystems) in the process of their functioning for the intended purpose; combining elements (subsystems) into a single functional whole; autonomy and independence of individual elements (subsystems); complex multi-level structure of interconnected subsystems (elements) including equally complicated multi-level subsystems (elements); potential and actual performance and synergy.

The current NS System of the Russian Federation developed at present fully meets its modern requirements[4].

Currently, the National Security System of the Russian Federation includes 16 types of security, which are far from equal by their importance and priority. Certain types of NS, despite the fact that they are its elements, go beyond the limits of the Russian Federation. These types of security include environmental, military, intellectual and information security[5]. It is almost impossible to maintain other types of NS in case of non-compliance with these element .

To sum up, we can draw the following conclusion: the modern system of the National Security of the Russian Federation is a system that must be constantly modified in accordance with the improving legislation. The correct awareness of the nature of national security enables to develop appropriate measures to ensure and preserve Russia's reliable security.

National security system development should be aimed at ensuring the political stability of the Russian Federation, improving the competitiveness of the national economy of the state, overcoming Russia's economic and political isolation, increasing the role of our country in resolving military conflicts, improving citizens' life quality and increasing social support for the most vulnerable segments of the population.

REFERENCES

1. The Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of January 31, 2015 "National Security Strategy of the Russian Federation" // [Electronic resource] URL:<https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/ukazy-prezidenta-rf/2933> (access date: 01.12.2019).
2. Modern National Security System of the Russian Federation. // [Electronic resource] URL:<https://topwar.ru/159640-sovremennaja-sistema-nacionalnoj-bezopasnosti-rossijskoj-federacii-i-ee.html> (access date: 01.12.2019).
1. Dubrovin E.R., Dubrovin I.R. Environmental security in Russia's national security system.// Human World, Vol. 9, No. 1- SP-B.: GUSE, 2009. P. 73-79.
2. M.S. Bakulina. Systemic and integrated approaches: similarities and differences. Bulletin of Krasnoyarsk State Teachers' University named after Astafyev V.P. Krasnoyarsk: KSPU. namedafterAstafyevV.P., 2011.P. 168-173.
3. Dubrovin I.R., Dubrovin E.R. Intelligent Security. Bridge No. 57. St. Petersburg: 2004. P. 54-55.

Рамазанов Роман Рашидович,
курсант 3 курса
9 (психологии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Ramazanov Roman Rashidovich,
Military University: Ministry of Defence of the RF
9 (Psychology) Department
3rd year cadet.

СЕПАРАТИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

SEPARATISM AS A GLOBAL PROBLEM OF MODERNITY

Аннотация. Статья посвящена вопросу сепаратизма, в частности, определению его сущности, причин, характерных черт, а также необходимости борьбы с ним.

авторотмечаетотрицательноевлияниеэтогоявлениянаобороноспо
собностьгосударства.

Abstract. The article is devoted to the issue of separatism, in particular, to the definition of its essence, reasons, characteristic features, as well as the need to struggle with it. The author notes the negative impact of this phenomenon on the state's defense capability.

Ключевые слова: сепаратизм, государство, целостность, территория.

Key words: separatism, state, integrity, territory.

Как показывает история, сила страны состоит в её единстве, территориальном и духовном, когда народ страны ощущает себя единым целым. Однако иногда под влиянием различных причин часть народа на определенной территории (этическая группа) желает отделиться от страны. Такую часть граждан называют сепаратистами, а явление – сепаратизмом. Данное явление несет огромную опасность целостности, и, как следствие, обороноспособности страны. Ни одна страна не заинтересована в том, чтобы её территория сокращалась, и поэтому изучением этой опасности и способов её предупреждения занимаются специалисты всех стран. Для того чтобы яснее понимать суть вопроса, обратимся к определению понятия сепаратизм.

Согласно большому юридическому словарю, сепаратизм (фр. *separatisme*, от лат. *Separatus*– отдельный) – стремление отделиться, обособиться; движение за отделение части государства и создание нового государственного образования или за предоставление части страны автономии[1, с. 701].

Среди причин, порождающих сепаратизм, можно выделить лингвистические, религиозные и экономические. Каждая из этих причин (либо все они в комплексе) может являться поводом для отделения от территории государства некой этнической группы[2, с.14].

Существует множество путей для решения проблемы сепаратизма. Самая простая и очевидная мера борьбы с сепаратизмом – не допускать его развития. В каждом регионе работает местный отдел ФСБ, в задачу которого, помимо всего прочего, входит отслеживание деятельности организаций, распространяющих идеи сепаратизма, и борьба с ними. Наказание за подобную деятельность предусматривается Уголовным кодексом Российской Федерации, в котором существует статья 280.1, где говорится об ответственности за призывы к сепаратизму[3].

Другие возможные превентивные меры:

- разделение центральной и региональной власти;
- совершенствование государственного устройства, укрепление федеративных основ;
- введение универсального территориального принципа разделения регионов;
- повышение экономического состояния населения;
- повышение меры ответственности за контроль, профилактику и предупреждение проявлений экстремизма и сепаратизма[4, С. 100].

Выбрать оптимальное решение проблемы поможет адекватный анализ ситуации. Необходимо выяснить примерное количество сепаратистов, а также причины, по которым они хотят отделения. Понимание целей и мотивов сепаратистов, а также мнения остальной части общества поможет выяснить варианты компромиссов, к которым можно прийти в каждой конкретной ситуации.

Если количество сепаратистов невелико, согласие на компромисс

не получено, а выдвинутые ими требования неприемлемы, то наилучшим вариантом является их игнорирование, а любую их антиобщественную деятельность можно подавлять силовыми методами.

В остальных случаях, если желает отделиться целая область или регион, будет эффективно изучить общественное мнение, открыто обсудить проблемы, провести голосования-референдумы по разнообразным вариантам. Вероятно, большинство граждан будут согласны с изменениями в несправедливом, с их точки зрения, законодательстве, и этого будет достаточно, чтобы для них исчез повод отделяться.

В любом случае, следует предпринять все возможные меры для сохранения целостности территории страны. Примером может стать попытка Чеченской республики в 1991 выйти из состава Российской Федерации, сопровождавшаяся насилием против местного чеченского населения. Попытка не увенчалась успехом, и Чечня в ходе затяжной контртеррористической операции в 2000 году была возвращена в состав Российской Федерации. Борьба с сепаратистски настроенным местным подпольем ведется до сих пор[4, С. 99].

Другим примером может служить остров Корсика, который в 1991 году добился статуса автономии у правительства Франции, но не вышел из ее состава[5].

Подведя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что любая попытка отделиться от государства ведет к угрозе безопасности последнего. В интересах обороноспособности страны необходимо принимать меры к недопущению выхода территории из состава страны, а также кровопролития при урегулировании разногласий между гражданами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сухарев А.Я., Сухарева А.Я., Крутских В.Е. Большой юридический словарь. – М.: Инфра-М, 2003г.
2. Заяц Д.В. Территориальные конфликты на современной политической карте мира: очаги и риски сепаратизма.: дис. ... канд. геогр. наук. – М., 1999 г., 190 с.
3. Ответственность за призывы к сепаратизму [Электронный ресурс] // Центр защиты прав СМИ. URL: https://mmdc.ru/services/otvetstvennost__za_prizyvy_k_separatizmu/ (дата обращения: 23.12.2020).

4. Манойло А.В. Сравнительный сепаратизм (рус.) // Международные отношения: Журнал. – 2015. – № 1. – С. 98–108.

5. Пузырев К. Корсиканский сепаратизм [Электронный ресурс] // Свободная Мысль (интернет-журнал). URL: <http://svom.info/entry/181-stiq5ppqy851mawi9fpbftu-mx3sww6n5d1qilr/> (дата обращения: 23.12.2020).

As history shows, the strength of the country lies in its territorial and spiritual unity, when the people of the country feel as a single nation. However, sometimes, under the influence of various reasons, a part of the people in a certain territory (ethnic group) wants to secede from the country. This part of the citizens is called separatists, and this phenomenon is called separatism. This phenomenon poses a huge threat to the integrity, and, as a consequence, the country's defense capability. Not a single country is interested in its territory shrinking, and therefore specialists from all the countries are studying this danger and ways to prevent it. To understand the essence of the issue more clearly, let us turn to the definition of the concept of separatism.

According to a Large Legal dictionary, separatism (Fr. Separatisme, from lat. Separatus – separate) is the desire to separate, to isolate; movement for the separation of a part of the state and the creation of a new state formation or for the provision of autonomy to a part of the country[1, P. 701].

Among the reasons giving rise to separatism, there are linguistic, religious and economic reasons, etc. Each of these reasons (or all of them in a complex) may be a reason for the separation of a certain ethnic group from the territory of the state[2, P. 14].

There are many ways to solve the problem of separatism. The simplest and most obvious measure of combating separatism is to prevent its development. Each region has a local department of the FSB, whose task, among other things, is to track the activities of organizations that spread ideas of separatism and fight against them. Punishment for such activities is provided by the Criminal Code of the Russian Federation, which contains article 280.1, which refers to responsibility for incitement to separatism[3]. Other possible preventive measures are:

- separation of central and regional authorities;
- improving the state structure, strengthening federal foundations;
- introduction of a universal territorial principle of division of

regions;

- improving the economic condition of the population;
- increasing the measure of responsibility for control and prevention of manifestations of extremism and separatism[4, P. 100].

An adequate analysis of the situation will help to choose the optimal solution to the problem. It is necessary to find out the approximate number of separatists, as well as the reasons why they want separation. Understanding the goals and motives of the separatists, as well as the views of the rest of society, will help to clarify the options for compromises that can be reached in each particular situation. If the number of separatists is small, agreement on a compromise has not been obtained, and the demands put forward by them are unacceptable, then the best option is to ignore them, and any of their antisocial activities can be suppressed by force. In other cases, if an entire area or region wants to secede, it will be effective to study public opinion, openly discuss problems, and hold referendum voting on various options. Probably, most citizens will agree with the changes in the unfair, from their point of view, legislation, and this will be enough for the reason to separate to disappear. In any case, all possible measures should be taken to preserve the integrity of the country's territory.

An example is the attempt by the Chechen Republic in 1991 to secede from the Russian Federation, accompanied by violence against the local non-Chechen population. The attempt was unsuccessful, and Chechnya was returned to the Russian Federation during a protracted counter-terrorist operation in 2000. The fight against the separatist-minded local underground is still going on[4, P. 99]. Another example is the island of Corsica, which in 1991 achieved the status of autonomy from the French government, but did not leave it[5]. Summing up the above, we can conclude that any attempt to secede from the state leads to a threat to the security of the latter. In the interests of the country's defense, it is necessary to take measures to prevent the withdrawal of the territory from the country, as well as bloodshed in the settlement of differences between citizens.

REFERENCES

1. Sukharev A.Ya., Sukhareva A.Ya., Krutskikh V.E. A large legal dictionary. – M.: Infra-M, 2003.
2. Hare D.V. Territorial conflicts on the modern political map of the world: foci and risks of separatism: dis. ... Cand. geogr. sciences. – M., 1999, 190 p.

3. Responsibility for calls for separatism [Electronic resource] // Center for the protection of media rights. URL: https://mmdc.ru/services/otvetstvennost_zh_prizyvny_k_separatizmu/ (access date: 23.12.2020).

4. Manoilo A.V. Comparative separatism (Russian) // International relations: Journal. – 2015. – No. 1. – P. 98-108.

5. Puzyrev K. Corsican separatism [Electronic resource] // Free Thought (Internet magazine). URL: <http://svom.info/entry/181-stiq5ppqy851mawi9fpbftu-mx3sww6n5d1qilr/> (access date: 12.23.2020).

Санталов Тимофей Валерьевич,

курсант 3 курса

3 (финансово экономического) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.

Santalov Timofey Valerievich,

Military University: Ministry of Defence of the RF

3 (Financial-Economic) Department

3rd year cadet.

Зотова Ольга Валерьевна,

преподаватель кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства обороны РФ.

Zotova Olga Valerjevna,

Military University: Ministry of Defence of the RF

Foreign Language Chair Teacher.

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК КЛЮЧЕВОГО СУБЪЕКТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НА СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ

THE ROLE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A KEY FACTOR TO ENSURE SECURITY SUPPORT ON THE MODERN GEOPOLITICAL SCENE

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность Российской Федерации как на мировой арене в целом, так и в размерах международной организации по укреплению мировой безопасности.

Abstract. The article considers Russia's activities both on the global arena and in an international organization for strengthening global security.

Ключевые слова: международная безопасность, военный конфликт, национальная безопасность, терроризм.

Keywords: international security, military conflict, national security, terrorism.

Несмотря на напряженную международную обстановку и трудности внутреннего характера, Россия в силу значительного экономического, научно-технического и военного потенциала, уникального стратегического положения на Евразийском континенте объективно продолжает играть важную роль в мировых процессах.

Современная обстановка на мировой арене все чаще и чаще становится нестабильной и нередко критической. Урегулирование противоречий или военных конфликтов сложный и многофакторный процесс, для проведения которого созданы многочисленные международные организации. Улаживание конфликтов невозможно без участия Российской Федерации не столько в силу географического фактора, сколько из-за наличия у России одной из сильнейших армий мира с наличием ядерной триады. Сегодня, по мнению большинства стран, главной опасностью мировой стабильности является терроризм, который широко распространен в странах Ближнего Востока. Российская Федерация определяет Ближний Восток, как нестабильный регион, который оказывает непосредственное влияние на Россию. Цель ближневосточной политики – повысить статус России и представить её, как серьезного игрока в регионе. Все это не представляется возможным без решения важнейших задач:

- сдерживание и ослабление исламского экстремизма и радикализма;

- расширения российского присутствия на региональных рынках вооружения для контроля оборота оружия в особо радикальных странах.

Для регулирования и контроля за мировым порядком в своем регионе после распада СССР по инициативе РФ была создана Организация Договора Коллективной Безопасности (далее – ОДКБ). В 2020 году организация насчитывает 6 полноправных участников (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Россия). Основной целью организации является укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости[1]. За свою двадцатилетнюю историю организация проделала большую работу в решении спорных

вопросов в Республике Афганистан, примирении сторон в Карабахском конфликте и т.д. Деятельность ОДКБ также поддерживается и сторонними международными организациями. Это подтверждается многочисленными визитами Постоянного совета при ОДКБ генеральных секретарей ООН и ОБСЕ.

В 2008 года в ОДКБ на постоянной основе был создан миротворческий контингент войск. Это решение было принято в силу политических, экономических, религиозных и территориальных противоречий в регионах стран-участников, предотвращение и урегулирование которых без применения «голубых касок» не представляется возможным. Примерная численность контингент составляет 4-5 тысяч человек. В этом плане ОДКБ является единственной организацией в мире имеющей постоянный численный состав миротворческих сил. В ООН, например, действует система резервных соглашений. Её суть заключается в том, что по требованию Совета Безопасности ООН страны-участники должны предоставит организации

в конкретный перечень сил и средства, закреплённый за каждой страной индивидуально, но лишь в течение 90 дней. У России этот перечень состоит из вертолетной группы (8 машин) инженерно-саперной роты и госпиталя. Зоной применения миротворческих сил ОДКБ может стать любая горячая точка в мире.

На сегодняшний день ОДКБ располагает внушительными военными ресурсами, в том числе и ядерным вооружением России, которое может быть применено в случае агрессии в отношении одной из страны-участника ОДКБ. Российская Федерация занимает ключевую позицию в деятельности организации. Россия регулярно осуществляет подготовку военных специалистов союзных стран на базе высших Военных учреждений Министерства Обороны Российской Федерации. Регулярно проводятся военные учения «Нерушимое братство» в 2019 году и «Эшелон» в 2020 году силами стран-участников. Эти факторы еще раз напоминают о существовании в регионе сильнейшего субъекта внешней политике, который не позволит расшатывать обстановку и примет все меры для урегулирования различных конфликтов.

Однако, располагая одной из самых многочисленных армий мира, Россия способна влиять на мировую безопасность и без участия международных организаций. Так, в военной доктрине РФ сказано, что к основным внешним опасностям страны относится

дестабилизация обстановки в отдельных государствах и регионах и подрыв глобальной и региональной стабильности[2]. Военная безопасность является ключевым аспектом обеспечения национальной безопасности любой страны, и государству жизненно необходимо уделять внимание обеспечению внешней безопасности, в противном случае государство может стать объектом террористических атак, подобных примеров в мировой истории немало. Именно поэтому в 2015 году Российская Федерация по приказу Верховного Главнокомандующего начала антитеррористическую операцию в Сирийско-Арабской республике (далее – САР). Международная обстановка сложилась таким образом, что САР стала точкой распространения мирового терроризма, однако мировое общество молчало и не придавало большого значения этой серьезной проблеме. При поддержке российских Военно-космических сил сирийская армия стала способна в полной мере дать отпор террористическим формированиям на территории САР. Сегодня уже ни у кого не возникает сомнений в правильности и эффективности решения начать эту операцию. В конечном итоге большая часть Сирии освобождена от бандформирований, а престиж российской армии в регионе значительно вырос. Успешность данной операции демонстрирует тот факт, что Россия в глазах восточных стран стала надежным партнером и неким гарантом легитимности, к которому можно обратиться за помощью. Но несмотря на весь успех операции сохраняется еще множество проблем в регионе, решение которых невозможно без присутствия России.

Таким образом, можно заявить, что роль Российской Федерации в обеспечении мировой безопасности существенна. Сегодня ни один международный конфликт не представляется возможным решить без учета мнения российской стороны. Россия доказала всему миру свою эффективную и дальновидную политику в сфере обеспечения международной безопасности всего мира в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. – [Электронный ресурс] URL: <http://www.odkb.gov.ru/b/azg.htm> (дата обращения: 02.10.2020).

2. "Военная доктрина Российской Федерации" (утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976) - [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения: 02.10.2020).

Despite a challenging international situation and difficulties of an internal nature, Russia continues to play an essential role in the worldwide process due to its considerable economic, scientific, technical and military potential and unique strategic position on the Eurasian continent.

The current international situation is increasingly unstable and often critical. The settlement of disputes or, in an extreme case, of military conflicts is a complex and multifaceted process, for which numerous international organizations were established. Conflict resolution is simply impossible without Russian participation due to its geographical factor and the fact that Russia has one of the strongest armies in the world, as well as the nuclear triad. At present, many countries suppose that the main threat to global stability lies in terrorism, which is widespread in the Middle East. The Russian Federation defines the Middle East as an unstable region that has a direct impact on Russia. The goal of Middle East policy is to upgrade the status of Russia and to present the Russian Federation as a serious player in the region. It is only possible with solving the most important problems.

- controlling and weakening of Islamic extremism and radicalism;
- expanding the Russian presence in regional arms markets to control arms trafficking in particularly radical countries.

The Collective Security Treaty Organization (CSTO) was established on the Russian Federation's initiative to govern and control the regional order after the collapse of the Soviet Union. As of 2020, the organization has 6 full members and 1 associated member. The chief aim is to strengthen peace, international and regional security and stability, and to protect independence on a collective basis[1]. In its twenty-year history, the organization has made significant efforts to resolve controversial issues in Afghanistan, to reconcile the parties to a dispute in the Karabakh conflict, etc. The activities of the CSTO are also supported by the third-party international organizations. This is confirmed by the United Nations and OSCE Secretaries-General multiple visits to the CSTO Permanent Council.

Peacekeeping contingent of troops was created on a permanent basis in the CSTO in 2008. The decision was made due to political, economic, religious and territorial contradictions in the regions of the participating

countries, the prevention and settlement of which is only possible with "blue Helmets". The estimated number of troops is 4-5 thousand people. So, the CSTO is the only organization in the world that has a permanent strength of peacekeeping forces. For example, there is a system of standby agreements in the UN. The main point is the participating countries must provide the organization with a specific list of forces and means, at the request of the UN Security Council, assigned to each country, but only within 90 days. Russian has the list consists of a helicopter group (8 vehicles) of an engineer-sapper company and a hospital. World's any hotspot can become a zone of application for the CSTO peacekeeping forces.

To date, the CSTO has impressive military resources, including Russia's nuclear weapons, which can be used in the event of aggression against one of the CSTO member countries. The Russian Federation holds a key position in the organization's activities. Russia provides regular trainings of military specialists from allied countries based on higher military institutions of the Russian Ministry of Defense. Regular military training exercises, called 'Slavic Brotherhood Drills' and 'Echelon', were conducted by the participating countries in 2019 and in 2020 respectively. These factors remind us of the presence of the strongest regional foreign policy actor that will not allow undermining the stability and will take every step to settle various disputes peacefully.

However, having one of the largest armed forces in the world, Russia is able to affect global security even without the participation in some international organizations. Therefore, the Russian military doctrine states that the major external threats to the country include the destabilization activities in individual states and regions and the undermining of global and regional stability[2]. Military security is the key aspect of enhancing national security, and it is vital for a state to pay attention to the promotion of external security, otherwise it may become vulnerable and, for example, a terrorist attack or a series of terrorist attacks may be committed on its territory. Examples of such situations in world history are legion. That is why in 2015, Russia, by the order of the Supreme Commander-in-chief, launched a counterterrorist operation in the Syrian Arab Republic (Syria). The international situation developed in such a way that Syria had become a point of global terrorism expansion; however, the international society stayed silent and did not attach much importance to this enormous problem. With the support of the Russian Military Aerospace Forces, the Syrian army has become able to stand up against terrorist groups on the Syrian

territory. At present, no one has any doubts concerning the correctness and effectiveness of the decision to start this operation. Regarding the results, most of Syria has been freed from the armed gangs and the Russian army's reputation has been improved in the region. The operation success presents Russia has become a reliable partner and guarantor of legitimacy. Eastern countries can ask for help. However, despite of all the success of the operation, there are still many problems in the region, the solution of which is impossible without the presence of the Russia Federation.

Consequently, it is safe to say that Russia plays a significant role in maintaining international security. Today, no international conflict can be resolved without taking into account the opinion of the Russian side. Russia has proven to the world that it pursues the effective and forward-looking policy in the field of enhancing international security.

REFERENCES

1. Charter of the Collective Security Treaty Organization of May 15, 1992 (access date: 02.10.2020). Available from: [Electronic resource] URL: <http://www.odkb.gov.ru/b/azg.htm>.

2. The military doctrine of the Russian Federation (approved by the President 25.12.2014 N 2976) (accessdate: 02.10.2020). Available from: [Electronic resource] URL:<https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>.

Сергеев Алексей Игоревич,
курсант 2 курса
3 (финансово экономического) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Sergeev Alexey Igorevich,
Military University: Ministry of Defence of the RF
3 (Financial-Economic) Department
2nd year cadet.

Зотова Ольга Валерьевна,
преподаватель кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства обороны РФ.
Zotova Olga Valerjevna,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Teacher.

РИСКИ РАЗВИТИЯ И ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

RISKS OF DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE NEW GEOPOLITICAL REALITY

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам и рискам развития и внедрения информационных технологий в новой геополитической реальности. Авторы подчеркивают, что распространение информационных технологий и внедрение искусственного интеллекта изменяют культуру, индустрию и общество.

Abstract. This article is devoted to the problems and risks of the development and implementation of information technologies in the new geopolitical reality. The authors emphasize the spread of information technology and the introduction of artificial intelligence are changing culture, industry and society.

Ключевые слова: глобализация, информационные технологии, кибератака, искусственный интеллект, кибербезопасность.

Keywords: globalization, information technology, cyberattack, artificial intelligence, cybersecurity.

Современная геополитическая реальность такова, что политика государств на мировой арене в последние десятилетия претерпела колоссальные изменения и продолжает стремительно меняться. Все сферы жизни общества все больше охватывает глобализация процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации. Как видно из самого определения, глобализация – это процесс не однозначный. Расплываются границы государств, меняется экономика стран в мире, ослабевают их культурные ценности, изменяется внутренняя и внешняя политика. Важным условием и следствием глобализации является трансформация индустриальной экономики в «новую экономику» - информационную. Стремительный рост сферы информационных технологий отражает суть нашего времени. Глобализация входит в свою новую, цифровую фазу, где решающую роль будут играть информационные потоки и каналы обмена данными. Интеграция информационных технологий в научные и производственные виды деятельности развивает все сферы общественного производства.

В 1815 году Натан Майер Ротшильд сказал: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Данный принцип актуален и сегодня. Современный мир находится в состоянии гибридной войны между государствами, которая ведётся за господство, ресурсы, сохранение контроля над финансами, торговлей и технологиями. Эта информационная борьба по накалу страстей и одержимости намного превосходит «старые» горячие войны индустриальной эпохи, она вносит в сферу геополитики новое – виртуальное измерение пространства, заставляя нас задуматься о будущем. Всем становится понятно, что информационные технологии ведут к формированию новой концепции мирового порядка. И каким будет этот мировой порядок, полностью зависит от того, какие страны станут лидерами развития современных передовых разработок. В связи с этим государства вкладывают огромные средства в финансирование вышеуказанных направлений. Например, по уровню развития технологий искусственного интеллекта Китай стоит сегодня на втором месте после США, а через десять лет планирует стать безусловным мировым лидером в этой области. «Страна, которая сможет обеспечить монополию в области искусственного интеллекта, станет властелином мира» – заявил президент России Владимир Путин[1]. Действительно, высокий уровень информационных достижений дает уникальные преимущества при покорении новых рынков в

глобальном разделении труда, помогает обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность, занять лидирующие позиции в экономическом укладе будущего и конкурировать с США и другими развитыми странами с позиции силы. Все это предоставляет огромные экономические возможности, но и скрывает много рисков.

Государства, компании и даже простые пользователи персональных компьютеров больше не могут быть уверены в безопасности киберпространства, а также в целостности и защищенности своих данных. Так, в начале мая 2020 года генеральная прокуратура Германии выдала ордер на арест Дмитрия Бадина, которого обвиняют в кибератаках на Бундестаг. Хакеры получили доступ к сети Бундестага, скачали не менее 16 Гбайт данных, включая десятки электронных писем парламентариев[2]. Этому же хакера разыскивает ФБР за предполагаемое вмешательство в американские президентские выборы. По этому поводу Канцлер Германии Ангела Меркель заявила, что Россия якобы применяет стратегию «гибридной войны», которая включает в себя дезориентацию и искажение фактов[3]. В 2020 году ЕС ввел санкции против России из-за кибератаки на Бундестаг, которая произошла в 2015 году. Россия, со своей стороны, отвергает причастность к кибератакам за недоказанностью факта. Однако доказательства никто предоставлять не намерен, хотя Ангела Меркель ссылается на них. Эпоха постправды (когда важно не само событие, а информация о нем) отлично проявляется в такой области, как информационная безопасность. Атаки хакеров, будь то злоумышленники или правительственные сотрудники, часто нацелены только на манипулирование информацией. Эти атаки или их отсутствие, в том числе и фальсификация, не оставляют материальных следов и не предполагают доказательств. Это значит, что подобные события, реальные или вымышленные, можно использовать как повод для политических манипуляций, что рождает напряженность на уровне стран. Как стало известно, 19 октября 2020 года, США отвергли инициативу президента России Владимира Путина по международной кибербезопасности, обвинив его в циничной и дешевой пропаганде, ссылаясь на вышеуказанные кибератаки[4].

Чешская военная разведка опубликовала отчет за 2019 год, в котором считает, что кибератаки могут стать поводом для начала Третьей мировой войны. Об этом стало известно 11 ноября 2020 года. Кроме того, из отчета ясно, что подготовка к Третьей мировой войне

уже началась. Особую опасность отметили в злоупотреблении прогрессивными технологиями. Ускорить этот процесс может продолжающийся рост напряженности между США, РФ и КНР, который уже крайне негативно отражается на других государствах. Несколькими днями ранее о вероятности начала Третьей мировой войны высказывался, в интервью телеканалу Sky News, начальник штаба обороны Великобритании Ник Картер[5]

Современные технологические системы имеют огромное стратегическое значение: политическое, оборонное, экономическое, социальное и культурное. Наряду с положительными тенденциями развития информационных новаций в секторе экономики, эксперты подчеркивают, что степень рисков в ней выше, чем влияние политических рисков и изменение климата. Например, взлом внутренней компьютерной сети в мощнейшей промышленной группе Вашингтона иллюстрирует, как Китай пытался получить преимущество в торговой войне между двумя крупнейшими экономиками мира.

Проникновение в производство искусственного интеллекта может повысить уязвимость автоматизированных, автономных или самообучающихся машин к киберугрозам, а также вероятность крупномасштабных нарушений в работе и убытков, если речь идет о критически важной инфраструктуре. Например, еще в 2014 году, кибератака на одно из металлургических предприятий в Германии нанесла серьезный урон компании и повлекла за собой миллионные убытки. Хакерам удалось проникнуть в компьютер, управлявший доменной печью, и установить на нем вредоносную программу, которая заставила печь перегреться и расплавиться. Злоумышленники смогли не только получить доступ к системе управления заводом, но и вывести его из работы[6]

Риски развития информационных технологий рано или поздно коснутся каждого индивида. Во многих развитых странах с каждым годом все больше операций технологического процесса передается роботизированным комплексам, которые осуществляют монотонную работу. При этом высвобождаются рабочие места занимавшихся этим работников. В связи с этим будет расти безработица и, как следствие, обеднение населения.

Системы искусственного интеллекта занимают сферы от голосовых помощников до медицины и освоения космоса. Во всех этих областях существуют риски кибератак применения самого

грозного оружия XXI века, которое может привести к необратимым последствиям, что поставило перед государствами необходимость противостоять новым угрозам. Эти угрозы могут быть также связаны со способностью искусственного интеллекта к саморазвитию. Деятельность самообучаемых программ может представлять общественную опасность и причинять вред общественным отношениям, охраняемым законом.

Заместитель председателя Банка России Василий Поздышев в интервью агентству «Прайм» отметил, что в развитии банковской деятельности так же существуют риски от применения цифровых технологий. На сегодняшний день существует законопроект по внедрению искусственного интеллекта в банковскую деятельность, и Московским банкам предстоит стать первопроходцами в экспериментальной программе. Но надо отдавать себе отчет, что нейросети способны создавать «фейковую реальность». «Даже самую сложную нейросеть можно взломать», – заявил В. Поздышев. Нейросеть, по его словам, если ей поставить такую задачу, может создать миллионы лиц несуществующих людей, включая полный набор несуществующих биометрических данных. Другие же нейросети будут воспринимать их как реальных людей. В. Поздышев добавил, что таким же образом можно создать несуществующие юридические лица и транзакции[7].

Подводя итог всему вышесказанному, можно отметить, что распространение информационных технологий и внедрение искусственного интеллекта неумолимо изменяет культуру, индустрию и общество. Их распространение обеспечило невиданный прогресс человечества, но, к сожалению, за последние полвека они стали и самым совершенным и грозным оружием XXI века. Учитывая зависимость мира от киберсистем, договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности кажется незначительным по сравнению с необходимостью урегулирования применения кибероружия на международном уровне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Владимир Путин: «Страна, которая сможет обеспечить монополию в области искусственного интеллекта, станет властелином мира» // [Vogazeta.ru](https://vogazeta.ru/articles/2019/5/30/edpolitics/7768-vladimir_putin_strana_kotoraya_smozhet_obespechit_monopoliyu_v_oblas). [Электронный ресурс] URL: https://vogazeta.ru/articles/2019/5/30/edpolitics/7768-vladimir_putin_strana_kotoraya_smozhet_obespechit_monopoliyu_v_oblas

ti_iskusstvennogo_intellekta_stanet_vlastelinom_mira (дата обращения: 19.10.2020).

2. Киберпреступность в мире // TAdvizer. [Электронный ресурс]URL: <https://www.tadvizer.ru/index.php>(дата обращения: 13.11.2020).

3. Топ-7 самых громких кибератак и утечек 2019 года // Национальная Ассоциация нефтегазового сервиса . [Электронный ресурс]URL: <https://nangs.org/news/it/top-7-samyh-gromkih-kiberatak-i-utechek-2019-goda>(дата обращения: 03.11.2020).

4. Кибервойны // TAdvizer. [Электронный ресурс]URL: <https://www.tadvizer.ru/index.php>(дата обращения: 13.11.2020).

5. Чешская разведка предупредила об угрозе мировой войны // Газета. ru. [Электронный ресурс]URL: <https://www.gazeta.ru/army/2020/11/11/13356601.shtml>(дата обращения: 13.11.2020).

6. Кибератака на один из сталелитейных заводов германии // Компьютерра. [Электронный ресурс]URL: <https://www.computerra.ru/227227/kiberataka-na-odin-iz-staleliteynyih-zavodov-germanii-v-2014-godu-vyivela-iz-stroya-domennuyu-pech/>(дата обращения: 15.11.2020).

7. Василий Поздышев оценил риски использования искусственного интеллекта // Журнал «Я Robot». [Электронный ресурс]URL: <https://ya-r.ru/2019/12/18/vasilij-pozdyshev-otsenil-riski-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta/>(дата обращения: 15.11.2020).

There is no doubt that risk of information technology development is one of the most pressing issues in the modern world. Experts say that the current geopolitical reality is that the policy of states on the world stage has undergone tremendous changes in recent decades and continues to change rapidly. Globalization, the process of global economic, political, cultural and religious integration and unification, is increasingly embracing all spheres of society. As the definition itself shows, Globalization is not an unambiguous process. The borders of states are blurring, the economies of countries in the world are changing, their cultural values are weakening and domestic and foreign policies are changing. An important condition and consequence of globalization is the transformation of the industrial economy into a "new economy" - information. Information technology is a set of methods and means used to collect, store, process and disseminate information. The rapid growth of information technology reflects the

essence of our time. Globalization is entering its new, digital phase, where information flows and data exchange channels will play a crucial role. Integration of information technologies into scientific and production activities develops all spheres of social production. In this article, I would like to raise a topic of concern to the world community, the risks of the development and introduction of information technologies at the state level. I would like to express my opinion on this problem.

Back in 1815, Nathan Mayer Rothschild uttered his legendary phrase, "Whoever owns the information owns the world." This phrase is still relevant today. It is generally accepted that the modern world is in a state of hybrid war between states, which is waged for dominance, resources, maintaining control over finance, trade and technology. This information struggle by the intensity of passions and obsessions far exceeds the "old" hot wars of the industrial era, it introduces a new - virtual dimension of space into the sphere of geopolitics, forcing us to think about the future. It is becoming clear to all that information technologies lead to the formation of a new concept of the world order. And how this world order will depend entirely on which countries will become leaders in the development of modern advanced developments. In this regard, States are investing heavily in financing the above areas. For example, in terms of the level of development of artificial intelligence technologies, China is in second place today after the United States, and in ten years plans to become an unconditional world leader in this area. "A country that can provide a monopoly in the field of artificial intelligence will become the lord of the world," said Russian President, Vladimir Putin [1]. Indeed, the high level of information achievements provides unique advantages in conquering new markets in the global division of labor, helps to ensure internal and external security, take a leading position in the economic way of the future and compete with the United States and other developed countries from a position of strength. All this offers huge economic opportunities but it also carries many risks.

Nevertheless, states, companies and even ordinary users of personal computers can no longer be sure of the security of cyberspace, as well as the integrity and security of their data. So, in early May 2020, the German Prosecutor General's Office issued an arrest warrant for Dmitry Badin who is accused of cyber-attacks on the Bundestag. Hackers gained access to the Bundestag network, downloaded at least 16 GB of data including dozens of emails from parliamentarians [2]. The same hacker is wanted by the FBI for alleged interference in the US presidential election. On this occasion,

German Chancellor, Angela Merkel, said that Russia allegedly uses a "hybrid war" strategy which includes disorientation and distortion of facts[3]. In 2020, the EU imposed sanctions against Russia due to a cyber-attack on the Bundestag, which occurred in 2015. Russia, for its part, rejects involvement in cyber-attacks for unproven fact. However, no one intends to provide evidence, although Angela Merkel refers to them. The post-truth era (when it is not the event itself that matters, but information about it) is excellent in the field of information security. Attacks by hackers, whether attackers or government employees, are often aimed only at manipulating information. These attacks or their absence, including falsification, do not leave material traces and do not suggest evidence. This means that such events, real or fictional, can be used as a reason for political manipulation which gives rise to tension at the country level. As it became known, on October 19, 2020, the United States rejected the initiative of Russian President Vladimir Putin on international cybersecurity, accusing him of cynical and cheap propaganda, referring to the above cyber-attacks[4].

Moreover, Czech military intelligence published a report for 2019, in which it believes that cyber-attacks could be the reason for the outbreak of World War III. This became known on November 11, 2020. In addition, it is seen from the report that preparations for the Third World War have already begun. A particular danger was noted in the abuse of progressive technologies. The ongoing increase in tension between the United States, the Russian Federation and the PRC, which already has an extremely negative impact on other states, can accelerate this process. A few days earlier, Nick Carter, chief of the British defense staff, spoke about the likelihood of the outbreak of World War III in an interview with Sky News[5].

A common opinion is that modern technological systems are of great strategic importance: political, defense, economic, social and cultural. Along with positive trends in information innovations in the economy, experts emphasize that the degree of risks in it is higher than the impact of political risks and climate change. For example, the hacking of an internal computer network in Washington's most powerful industrial group illustrates how China tried to gain an advantage in a trade war between the world's two largest economies.

Furthermore, entering the production of artificial intelligence can increase the vulnerability of automated, autonomous or self-learning machines to cyber threats, as well as the likelihood of large-scale disruption

and loss if it comes to critical infrastructure. For example, back in 2014, a cyber-attack on one of the metallurgical enterprises in Germany caused serious damage to the company and entailed millions of losses. Hackers managed to penetrate the computer that controlled the blast furnace and install malware on it, which forced the furnace to overheat and melt. Attackers were able not only to gain access to the plant control system, but also to get it out of work[6].

In my opinion, the risks of developing information technologies will sooner or later affect each individual. In many developed countries, more and more technological operations are transferred every year to robotic complexes that carry out monotonous work. At the same time, the jobs of the workers involved in this are released. In this regard, unemployment will increase and, as a result, impoverishment of the population.

In my judgment, artificial intelligence systems occupy areas from voice assistants to medicine and space exploration. In all areas there are risks of cyber-attacks - the most formidable weapons of the XXI century, which can lead to irreversible consequences, which made it necessary for states to confront new threats. These threats may also be related to the ability of artificial intelligence to self-develop. Self-learning programmes can pose a public danger and harm public relations protected by law.

As far as, Deputy Chairman of the Bank of Russia, Vasily Pozdyshev, in an interview with Prime noted that in the development of banking there are also risks from the use of digital technologies. To date, there is a bill on the introduction of artificial intelligence in banking and Moscow banks will have to become pioneers in the experimental program. But you need to be aware that neural networks are able to create "fake reality." "Even the most complex neural network can be hacked," said Mr. Pozdyshev. The neural network, he said, if it is given such a task, can create millions of faces of non-existent people including a complete set of non-existent biometric data. Other neural networks will perceive them as real people. Mr. Pozdyshev added that in the same way it is possible to create non-existent legal entities and transactions[7].

Taking into consideration all mentioned above, it can be noted that the proliferation of information technology and the introduction of artificial intelligence inexorably changes culture, industry and society. However, I strongly believe, that risks of cyber-attacks are the most powerful weapon of the XXI century. In addition, there is a necessity of resolving the use of cyber weapons at the international level.

REFERENCES

1. Vladimir Putin: A country that can provide a monopoly in the field of artificial intelligence will become the ruler of the world // Vogazeta.ru. [Electronic resource] URL: <https://vogazeta.ru/articles/2019/5/30/edpolitics/7768-vladimir-putin-strana-kotoraya-smozhet-obespechit-monopoliyu-v-oblasti-iskusstvennogo-intellekta-stanet-vlastelinom-mira> (access date: 19.10.2020).
2. Cybercrime in the world // TAdvizer. [Electronic resource] URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (access date: 13.11.2020).
3. Top 7 loudest cyber-attacks and leaks of 2019 // Nacional'naya Associaciya neftegazovogo servisa. [Electronic resource] URL: <https://nangs.org/news/it/top-7-samyh-gromkih-kiberatak-i-utechek-2019-goda> (access date: 03.11.2020).
4. Cyberwar // TAdvizer. [Electronic resource] URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (access date: 13.11.2020).
5. Czech intelligence warned of the threat of world war // Gazeta. RU. [Electronic resource] URL: <https://www.gazeta.ru/army/2020/11/11/13356601.shtml> (access date: 13.11.2020).
6. Cyberattack on one of the German steel plants // Computerra. [Electronic resource] URL: <https://www.computerra.ru/227227/kiberataka-na-odin-iz-staliliteynyih-zavodov-germanii-v-2014-godu-vyivela-iz-stroya-domennuyu-pech/> (access date: 15.11.2020).
7. Vasily Pozdyshev assessed the risks of using artificial intelligence // Journal "Ya Robot". ... [Electronic resource] URL: <https://ya-r.ru/2019/12/18/vasilij-pozdyshev-otsenil-riski-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta/> (access date: 15.11.2020).

Сибатулина Мария Андреевна,
курсант 2 курса
3 (финансово-экономического) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Sibatulina Mariya Andreevna,
Military University: Ministry of Defence of the RF
3 (Financial-Economic) Department
2nd year cadet.

КИБЕРАТАКИ КАК УГРОЗА ГОСУДАРСТВУ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

CYBERATTACKS AS A STATE THREAT IN THE NEW GEOPOLITICAL REALITY

Аннотация. В статье рассматривается проблема возрастания рисков кибератак и их влияние на критическую информационную инфраструктуру государства. Автор отмечает, что кибератаки в условиях новой геополитической реальности становятся масштабными и интенсивными, и показывает необходимость комплексного подхода для их предотвращения и успешного отражения.

Abstract. The article covers the problem of increasing risks of cyberattacks and their impact on state critical information infrastructure. The author notes that in the new geopolitical reality cyberattacks become large-scale and intense and shows the need for a complex approach to prevent and repel them successfully.

Ключевые слова: киберпространство, кибератака, критическая информационная инфраструктура, вредоносное программное обеспечение, геополитическая реальность.

Keywords: cyberspace, cyberattack, critical information infrastructure, malicious software, geopolitical reality.

Новая геополитическая реальность, основанная на принципах многополярного мира, характеризуется обострением государственных противоборств во всех жизненных сферах, в том числе и в киберпространстве. Киберпространство становится новым театром военных действий. В настоящий момент управление практически всей инфраструктурой страны осуществляется посредством

информационных технологий на базе автоматизированных компьютерных систем. К объектам критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (далее – КИИ РФ) относятся «...информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети и автоматизированные системы управления технологическими процессами, функционирующие в оборонной промышленности, в сфере здравоохранения, транспорта, связи, в кредитно-финансовой сфере, энергетике, топливной, атомной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности»[1, с. 3]. Меры по отражению кибератак на данные информационные системы, а также предотвращение подобных угроз приобретают важнейшее значение для защиты государства в условиях новой геополитики. Современная геополитическая реальность подразумевает, что через достижение превосходства в мировом информационном пространстве можно добиться огромного влияния над стратегически важными географическими территориями. Именно под таким мощным воздействием находится сегодня киберпространство Российской Федерации. И в принятой Доктрине информационной безопасности РФ указывается: «Состояние информационной безопасности характеризуется постоянным повышением сложности, увеличением масштабов и ростом скоординированности компьютерных атак на объекты критической информационной инфраструктуры...»[2, с. 6].

Под кибератаками, в свою очередь, понимаются «...враждебные действия с использованием компьютеров, электронной информации и цифровых сетей с целью манипулирования, кражи, вывода из строя, воспрепятствования, ослабления или уничтожения критически важных систем и средств, а также информации или функций»[3, с. 87].

Число кибератак стремительно растет, и они становятся более сложными. Для обеспечения превентивной защиты от кибератак в Российской Федерации создана и функционирует Государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГосСОПКА). По информации, опубликованной на официальном сайте МИД России, с начала 2020 года уже было зафиксировано более 1 млрд вредоносных информационных воздействий на КИИ РФ.

В сфере киберпространства также появляются организованные террористические группы. Например, запрещенная в России террористическая организация ИГИЛ сформировала в своей сети

специальное подразделение Cyber Caliphate, в задачи которого входит проведение компьютерных атак на инфраструктурные объекты Российской Федерации и других стран, активно борющихся с международным терроризмом.

Методы совершения кибератак разнообразны, они постоянно совершенствуются. Общеизвестно, что на сегодняшний день основным инструментом кибератак является вредоносное программное обеспечение (далее – ПО). Алгоритм такого кибервоздействия заключается в установке на компьютер вирусного ПО, которое в дальнейшем полностью контролирует работу всей информационной системы объекта атаки. К вредоносному ПО относятся следующие программы: сетевые черви, файловые вирусы, троянские программы, хакерские утилиты и другие[4, с. 91].

Все эти факты свидетельствуют об увеличении масштабов и интенсивности угроз кибератак в условиях современной международной обстановки. Для обеспечения устойчивости функционирования государственной информационной инфраструктуры в случае угрозы и при отражении кибератак реализуется комплексная программа по защите киберпространства Российской Федерации. Указанная программа включает: организацию систем мониторинга и прогнозирования киберугроз, создание специализированных государственных структур кибербезопасности, разработку и совершенствование технологий защиты информации, организацию межгосударственного взаимодействия, координацию мер государственных и негосударственных ведомств, изменение норм национального и международного права в сфере кибертерроризма, подготовку квалифицированных кадров и обучение массового пользователя[2, с. 1-17].

Таким образом, следует сделать вывод о том, что кибератаки в новой геополитической реальности представляют собой прямую угрозу безопасности государства. В современных условиях возрастает необходимость создания превентивной и надежной системы киберзащиты информационного пространства Российской Федерации. При этом, высокая общественная опасность кибератак требует применения по отношению к ним всего арсенала средств противодействий, которые предусмотрены в современном международном праве в отношении преступлений против мира и безопасности человечества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ.
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 05 декабря 2016 г. № 646.
3. Берова Д.М. Кибератаки как угроза информационной безопасности / Д.М. Берова // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – №2. – С. 186-188. [Электронный ресурс]URL:<http://urvak.ru/articles/probe-vypusk-2-kiberataki-kak-ugroza-informatsionn/> (дата обращения: 09.10.2020).
4. Ромашкина Н.П. Глобальные военно-политические ИКТ-угрозы и проблемы: сотрудничество или конфронтация мировых держав? / Н.П. Ромашкина // Международная жизнь. – 2018. – №12. – С. 85-96. [Электронный ресурс] URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2122> (дата обращения: 10.10.2020).

New geopolitical reality based on principles of a multipolar world, is characterized by the escalation of state confrontations in all spheres of life including cyberspace. At present cyberspace is becoming a new theater of war as the entire country infrastructure management is carried out by means of information technologies based on automated computer systems. Objects of critical information infrastructure of the Russian Federation (hereinafter – CII RF) include “... information systems, information and telecommunication networks and automated control systems for technological processes operating in defence industry, the field of health care, transport, communication systems, monetary and financial policy, power, fuel, nuclear, rocket and space, mining, metallurgical and chemical industries”[1, p. 3]. In the context of new geopolitics actions against cyberattacks and their prevention these are becoming essential for state protection. Modern geopolitical reality implies that one can achieve enormous influence over strategically important geographic areas through the achievement of superiority in the global information space. It is under such a powerful influence the Russian Federation’s cyberspace is today. The Doctrine of Information Security adopted by the Russian Federation tells: “The state of information security is characterized by the constant increase in complexity, scale and coordination of computer attacks on objects of critical information infrastructure ...”[2, p. 6].

Cyberattacks, in turn, mean "...hostile actions using computers, electronic information and digital networks in order to manipulate, steal, disable, prevent, weaken or destroy critical systems and equipment, as well as information or functionality"[3, p. 87].

Cyberattacks are rapidly growing in number while becoming more sophisticated. The function of recently created State System for Detection, Prevention and Elimination of the Consequences of Computer Attacks (GosSOPKA) is to ensure preventive protection against cyberattacks in the Russian Federation. According to the information published on the official website of the Russian Ministry of Foreign Affairs, since the beginning of 2020, more than 1 billion malicious information actions have already been recorded on the CII RF.

Organized terrorist groups are also emerging in cyberspace. For example, the terrorist organization ISIS (banned in Russia) has formed a special unit called Cyber Caliphate in its network. Its tasks include carrying out computer attacks on infrastructure facilities of the Russian Federation and other countries fighting actively against international terrorism.

There are various methods of carrying out cyberattacks and they are constantly being improved. It is generally accepted that today the main tool of cyberattacks is malicious software. The algorithm of such a cyber-action is to infect a computer with virus software which will later have full control over the attacked object entire information system operation. Malicious software includes the following programs: network worms, file viruses, trojans, hacker utilities, etc.[4, p. 91].

All these facts indicate increase in scale and intensity of cyberattack threats in modern international environment. To protect the Russian Federation's cyberspace and to ensure its information infrastructure functional stability in cyberattack threats or while actively repelling them, there is a complex program being implemented. This program includes organization of systems for monitoring and predicting cyber threats, creation of specialized state structures for cyber security, development and improvement of information protection technologies, organization of interstate interaction, coordination of state and non-state agencies cooperation, changes in the norms of national and international law in the field of cyber terrorism, training of qualified personnel and training mass[2, pp. 1-17].

Therefore, in the new geopolitical reality cyberattacks form a direct state security threat. In modern conditions, the Russian Federation

information space is in the growing need of reliable cyber protection preventive system creation. But a considerable public danger of cyberattacks requires the use of the entire countermeasures arsenal provided by the international law in relation to the crimes against peace and security of the mankind.

REFERENCES

1. On the security of the critical information infrastructure of the Russian Federation: Federal Law No. 187 – FL July 26, 2017.
2. Information security doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation December 05, 2016 No. 646.
3. Berova D.M. Cyberattacks as a threat to information security / D.M. Berova // Gaps in Russian legislation. – 2018. – No. 2. – pp. 186-188. [Electronic resource] URL: <http://urvak.ru/articles/probe-vypusk-2-kiberataki-kak-u-groza-informatsionn/> (access date: 09.10.2020).
4. Romashkina N.P. Global military-political ICT threats and problems: cooperation or confrontation of world powers? / N.P. Romashkina // International life. – 2018. – No. 12. – pp. 85-96. [Electronic resource] URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2122> (access date: 10.10.2020).

Соколова Елена Евгеньевна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры общегуманитарных и
естественно-научных дисциплин
Международного юридического института.

Sokolova Elena Evgenyevna,
Candidate of Philology, Associate Professor,
International Law Institute
All Humanities and Natural Science Subjects Chair
Assistant Professor.

МОДЕЛИРОВАНИЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ ПОЛИТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ

MODELLING NEW EDUCATION POLICY CHALLENGES

Аннотация. Статья посвящена проблеме современных тенденций развития российской образовательной системы и новые перспективы проектирования обучения иностранному языку. В контексте меняющихся тенденций, которые затрагивают высшие учебные заведения во всем мире, все более актуальным становится обязательство правительства использовать соответствующие технологии для поощрения справедливого и эффективного предоставления образовательных услуг. Глобализация и интернационализация, сопровождаемые изоляцией, вызванной пандемией, предполагают создание новой гибкой образовательной политики, чувствительной к общей нестабильности, отражающейся в отношениях правительства с высшими учебными заведениями.

Abstract. The article is devoted to fluctuating trends which affect higher institutions all over the world the government commitment to utilize appropriate technologies in order to encourage the fair and efficient delivery of education services becomes more and more relevant. Globalization and internationalization followed by isolation caused by pandemic presuppose the creation of a new flexible education policy being sensitive to general instability reflected in governmental relationships with higher educational institutions.

Ключевые слова: инновации, учебный план, глобализация, Болонская декларация, коммуникативная компетентность.

Keywords: innovation, curriculum, globalization, the Bologna Declaration, communicative competence.

Очевидные изменения политики в сфере высшего образования определяются внешними и институциональными (внутренними) факторами. Современная глобализация и растущая коммерциализация знаний вызывают трансформацию отношений между государством и университетами с переходом государственного контроля от полного регулирования к надзору за выполнением требований. Такая трансформация институтов высшего образования в образ университета "мирового класса" имела место в различных европейских и азиатских странах, например, интеграция португальских университетов в мировую систему высшего образования[1], а также на Тайване под давлением интернационализации высшего образования[2].

Учебные заведения Советского Союза, изначально строго контролируемые государством, сохраняли традицию пассивности в

отношении распространения результатов исследований и инноваций. Однако глобальный экономический кризис и современные тенденции, стимулирующие развитие университетов на глобальной арене высшего образования, нашли отражение в Лиссабонской стратегии, направленной на то, чтобы сделать Европу "самой динамичной и конкурентоспособной экономикой мира", а инновации, связанные с научно - исследовательской и опытно-конструкторской деятельностью и вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО) способствовали модификации механизма финансирования университетов и, как следствие, их стремлению к престижу в мировых рейтингах. Имея твердое намерение хорошо выступить в Мировом рейтинге университетов из-за растущего требования к подотчетности университетов, измеряемого производительностью научных исследований и общим числом иностранных студентов, обучающихся по образовательным программам, институтами были предприняты различные меры для повышения своей эффективности. Продвижение необходимых зарубежных критериев в высшем образовании, особенно в том, что касается разработки учебных программ, межинституционального сотрудничества, схем мобильности и интегрированных программ обучения и исследований, способствовало тому, что высшие учебные заведения России получили возможность формироваться с учетом зарубежного опыта и играть решающую роль в разработке и реализации Болонского процесса.

Болонская реформа 90-х годов заставила российские университеты и другие высшие учебные заведения функционировать в качестве активных агентов, а не объектов существенного процесса изменений. Они смогли, в частности, профилировать свою собственную учебную программу в соответствии с формирующейся пост-болонской средой путем введения курсов бакалавриата и магистерских курсов дизайна, удовлетворяющих требованиям мобильных будущих студентов со всего мира. Кроме того, высшие учебные заведения получили право развиваться в ключевых областях, таких как совместная разработка учебных программ, совместные предприятия за рубежом или международные схемы мобильности, для того, чтобы внести индивидуальный и коллективный вклад в развитие этого процесса.

В данной статье будут рассмотрены вышеперечисленные задачи в рамках трансформации системы дипломов и реформы учебных программ в российской системе высшего образования. Следует

отметить, что доступ к возможностям получения образования, распространенным в зарубежных странах, значительно облегчился в России. В рамках глобализации Россия столкнулась с проблемами, связанными с трансформациями практически во всех сферах, включая образование. Эти изменения не всегда воспринимаются консервативными стейкхолдерами образовательного процесса как полезные: технологически некомпетентными преподавателями или негибким государственным сектором высшего образования.

Принятие европейской системы дипломов, которая, по сути, базируется на двух основных этапах – бакалавриате и магистратуре, значительно пошатнуло основы пятилетней устоявшейся системы образования в России. В новой системе доступ ко второму циклу – магистратуре должен начинаться по завершении первого цикла продолжительностью не менее четырех лет. Степень, присуждаемая после первого цикла, также должна соотноситься с классификацией, принятой на европейском, американском или азиатском рынках труда в качестве соответствующего уровня квалификации. Второй цикл ведет к получению степени магистра и/или доктора, как во многих зарубежных странах. Подавляющее большинство российских вузов в настоящее время опираются на европейский подход к системе дипломов: бакалавриат (четырёхлетний курс) и магистратура (двухлетний курс). Лишь немногие университеты продолжают работать со старыми пятилетними программами наряду с новыми, что вызывает много общественных споров, поскольку до сих пор остается неясным, в чем заключается решающее различие между этими двумя системами. Советская система была нацелена на присвоение квалификации так называемого специалиста, в то время как новая система бакалавриата-магистратуры предполагает разделение на различные профили.

Указанные тенденции, по-видимому, обуславливают разнообразие образовательных программ ведущих российских вузов. Междисциплинарная лингвистическая магистерская программа МГУ, включенная в рейтинг QS, включает, например, следующие направления подготовки: Иностранный язык и межкультурная коммуникация в политике и дипломатии, Переводчик международных конференций, Перевод в международных организациях. Филологический факультет Санкт - Петербургского государственного университета представляет магистерскую программу, подчеркивая ее креативность – Инновационные переводческие технологии. Она

включает в себя следующие направления: Перевод фильмов, Средства компьютерного перевода, Методы лингвистического анализа, Перевод судебной и договорной документации. Очевидно, что каждая профильная программа ориентирована на спрос узких специалистов, готовых работать без предварительной подготовки в определенной области.

Интеграция России в Болонский процесс привела к сосредоточению внимания на новых дисциплинах лингвистической программы, таких как прагматика, лингвистика текста, дискурсивный анализ, социолингвистика и когнитивная лингвистика, поскольку элективные дисциплины фокусируются на контекстуальном использовании языка, фокусируясь на единицах, превышающих предложение[3]. Традиционные направления языкознания, фонетика с фонологией, морфология и синтаксис долгое время обеспечивали стандартную теоретическую базу для изучения языка в России. Введение новых дисциплин позволило обогатить существующие формы обучения языку, способствовать лучшему пониманию языковых механизмов и овладению практическими языковыми навыками.

Таким образом, современные мировые тенденции заставляют все сферы человеческой жизни подвергаться постоянным трансформациям. Коммуникация во всех ее формах, даже цифровая, оказывается на переднем плане. Информационное общество утрачивает свои сильные стороны, поскольку информация становится все более доступной и, следовательно, менее ценной. В результате университетам предлагается создавать образовательную среду, выходящую за рамки традиционных методов обучения и ориентированную главным образом на потребности, интересы и творческие способности студентов, а также поддерживать развитие высококвалифицированных специалистов, которые свободно решают проблемы, работают над проектами и критически мыслят[4]. Независимо от разнообразия коммуникативных действий в аудитории, общая цель связана с подготовкой обучающихся к использованию иностранного языка в реальном профессиональном контексте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Орта Х. Роль государства в интернационализации университетов в догоняющих странах: анализ португальской системы

высшего образования. Политика в области высшего образования. 23 (1), 2010. – С. 63-81.

2. Хазелькорн Е. Влияние рейтинговых таблиц и рейтинговых систем на принятие решений в сфере высшего образования. Управление высшим образованием и политика. 19(2), 2007. – С. 81-105.

3. Гираертс Д. и Куйкенс Х. Оксфордский справочник по когнитивной лингвистике. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2010. – 165 с.

4. Савиньон Сандра Дж. Интерпретация коммуникативного обучения языку: контексты и проблемы в педагогическом образовании. Издательство Йельского университета, 2002. – 256 с.

Obvious policy changes in higher education are determined by external and institutional (internal) factors. The current globalization and increasing knowledge commercialization mix cause relationship transformation between the state and the universities with the shift in state control from full regulation to supervision. Such transformation of higher education systems in the image of ‘world-class’ university took place in different European and Asian countries, e.g. the integration of Portuguese universities in the global higher education arena[1]; Taiwan under the pressure to internationalize higher education[2].

The Soviet Union education institutions, being initially strictly controlled by the Government, maintained the tradition of passivity with respect to diffusion of re- search results and innovations. However, the global economic crisis and current trends of participating in the global higher education arena reflected in the Lisbon strategy aiming at making Europe the world’s ‘most dynamic and competitive economy’ and innovation connecting to research and development activities as well as Russia’s entry into the World Trade Organization (WTO), contributed to the modification of universities funding mechanism and as a result their pursuit of prestige in worldwide rankings. With strong intentions to perform well in the Global University Ranking due to increasing demands for accountability from universities as measured by research productivity and the overall number of international students enrolled in education programs, institutions have adopted different measures to enhance their performance. Promotion of the necessary foreign dimensions in higher education, particularly with regards to curriculum design, inter-institutional cooperation, mobility schemes and integrated programs of study and

research contributed to higher education institutions in Russia having a unique opportunity to shape their own future abroad and to play a crucial role in the development and implementation of the Bologna process.

The Bologna reform of the 90s forced the Russian Universities and other institutions of higher education to function as actors, rather than objects of this essential process of change. They might, in particular, profile their own curriculum in accordance with the emerging post-Bologna environment through the introduction of Bachelor courses and design Master courses meeting the demands of mobile prospective students from around the world. Moreover, the higher education establishments got the right to activate their networks in key areas such as joint curriculum development, joint ventures overseas or worldwide mobility schemes in order to contribute individually and collectively to the next steps in the process.

It should be noted that the access to education opportunities common in overseas countries has witnessed significant facilitation in Russia. Gradually becoming an open society Russia encountered challenges connected with transformations almost in all spheres including education. These changes are not always perceived as useful by the conservative stakeholders of education process: technology reluctant teachers or non-flexible government sector of higher education.

A European degree system adoption which is essentially based on the two main cycles, undergraduate and graduate, had considerably shaken the foundations of the five-year well-established education framework in Russia. In the newly accepted system the access to the second cycle shall require the first cycle studies completion lasting minimum four years. The degree awarded after the first cycle is also supposed to be relevant to the European, American or Asian labour market as an appropriate level of qualification. The second cycle leads to Master and/or Doctorate degree as in many foreign countries. The overwhelming majority of Russian high educational establishments nowadays rely on the European approach to a degree system: Bachelor Degree (a four – year course) and Master Degree (a two-year course). Only a few universities continue working with the old five-year programs along with the new ones, which arises much public controversy since it still remains unclear what the crucial difference between the two systems is. The ‘old’ Soviet system is aimed at assigning a qualification of the so-called Specialist while the new Bachelor - Master degree system presupposes a division into different profiles.

The abovementioned tendencies seem to cause diversity, which can be observed in education programs of top Russian universities. The interdisciplinary linguistic Master's program of Moscow State University, which is included in the QS rating, comprises, for example, the following fields of study: Foreign language and intercultural communication in politics and diplomacy, Translator of international conferences, Translation in international organizations. The faculty of Philology of Saint Petersburg State University presents a Master's degree program, emphasizing its creativity – Innovative translation technologies. It includes the following areas: Film translation, Computer translation tools, Methods of linguistic analysis, Translation of judicial and contract documentation. Obviously, each program profile is focused on the demand for narrow specialists who are ready to work without prior training in a specific area.

The integration of Russia in the Bologna process resulted in focusing on new disciplines in linguistic curriculum such as pragmatics, text linguistics, discourse analysis, sociolinguistics and cognitive linguistics as elective disciplines share the interest in contextual language usage, focusing on units larger than a sentence. Traditional areas of language studies, phonetics with phonology, morphology and syntax have for a long time provided the standard theoretical framework for the study of language in Russia.

The introduction of new disciplines was able to enrich the existing forms of language teaching, promote better understanding of language mechanisms and mastering of practical language skills.

Thus, current world tendencies force all spheres of human life to undergo constant transformations. Communication in all its forms, even digital, appears to be in the foreground. Information society loses its strengths since information is becoming more and more available and thus less valuable. As a result, universities are encouraged to design education environments that go beyond traditional learning practices and focus mainly on students' needs, interests and creativity and support the development of highly skilled professionals who feel free to solve problems, work on projects and think critically. Regardless of the variety of communicative activities in the classroom, their purpose stems to preparing learners to use the foreign language in the world beyond.

REFERENCES

1. Horta H.: The Role of the State in the Internationalization of Universities in Catching-up Countries: An Analysis of the Portuguese Higher Education System. *Higher Education Policy*. 23 (1), 2010. – P. 63-81.
2. Hazelkorn E. The Impact of League Tables and Ranking Systems on Higher Education Decision Making. *Higher Education Management and Policy*. 19(2), 2007. – P. 81-105.
3. Geeraerts, D. & Cuyckens, H. The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2010. – 165 p.
4. Savignon, Sandra J.: Interpreting Communicative Language Teaching: Contexts and Concerns in Teacher Education. YaleUniversityPress, 2002. – 256 p.

Ходячих Альберт Юрьевич,
курсант 1 курса
1 (военно-политической работы и журналистики)
факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Khodyachikh Albert Yuryevich,
Military University: Ministry of Defence of the RF
1 (Military-Political Work and Journalism) Department
1st year cadet.

Лоскутова Светлана Витальевна,
преподаватель кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства обороны РФ.
Loskutova Svetlana Vitalievna,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Teacher.

К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

TO ENSURING NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN
FEDERATION AT PRESENT STAGE

Аннотация. В статье автор рассматривает ряд вопросов, касающихся обеспечения национальной безопасности РФ, и обращает внимание на их актуальность.

Abstract. The author of the study examines a number of issues related to ensuring the national security in the RF and draws attention to their relevance.

Ключевые слова: национальная безопасность, потенциальные угрозы, конфликты.

Keywords: national security, potential threats, conflicts.

В настоящее время наиболее актуальным для России является вопрос обеспечения национальной безопасности. Автор полагает, что напряжённые отношения со странами Запада, конфликты на Ближнем Востоке и наращивание группировок войск у границ РФ заставляют отнестись к проблеме обеспечения национальной безопасности и ее изучению предельно серьезно.

В первую очередь, обратимся к терминологии. Национальная безопасность – чрезвычайно сложная многоуровневая функциональная система, в которой непрерывно происходят процессы взаимодействия и противоборства жизненно важных интересов личности, общества и государства с угрозами этим интересам, как внутренними, так и внешними[1]. Далее рассмотрим угрозу национальной безопасности – прямую или косвенную возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства[2]. Следовательно, потенциальные угрозы можно разделить на 2 группы: внутренние и внешние. Под основными внутренними угрозами понимаются следующие: сырьевой характер экономики, отсутствие производства отечественных товаров, низкая производительность труда, слабый уровень развития сельского хозяйства и недостаточное производство отечественной пищевой продукции. К ним причисляют и социальное неблагополучие, низкий уровень жизни большинства населения, развитую коррупцию, терроризм и попытки насильственного изменения конституционного строя. Примером является попытка государственного переворота в России в 1993 году, действие незаконных вооруженных формирований, нелегальное распространение оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. А также, деятельность сепаратистских и

радикальных религиозно-националистических движений в РФ, например: конфликты на Северном Кавказе, начиная с первой чеченской войны и заканчивая контртеррористическими операциями в 2008 году[3]. К основным внешним относятся следующие угрозы: развертывание сил и средств, преследующих цель военного нападения на РФ или ее союзников. Ярким примером являются постоянные учения войск НАТО, вблизи границ РФ, где потенциальным противником представлены Вооруженные силы России, а также, территориальные претензии, угроза насильственного отторжения от РФ отдельных территорий, реализация третьими силами программ по созданию оружия массового поражения, недопустимое вмешательство во внутренние дела РФ извне, наличие на сопредельных территориях вооруженных конфликтов, таких как на Донбассе в 2014 году и война с Грузией в 2008 году. Кроме того, слабость государственного строя в некоторых приграничных странах, расширение военных альянсов в ущерб безопасности государства или его союзников, присутствие иностранных войск без согласия РФ и санкции Совета безопасности ООН на территории России.

Таким образом, анализ внешних и внутренних угроз показывает необходимость выработки своевременных мер по обеспечению национальной безопасности и укреплению внутреннего единства общества. К числу приоритетов относится обеспечение социальной стабильности, межнационального согласия и религиозной терпимости. Кроме того, важно проводить взвешенную внешнюю политику, выстраивать международные отношения в соответствии с действующими правовыми нормами и государства должны стремиться к сохранению многообразия культур и традиций на основе взаимного уважения. В первоочередном порядке следует использовать дипломатические и миротворческие средства, а применять военную силу для защиты национальных интересов только в случае, когда все принятые меры ненасильственного характера оказались неэффективными. В заключение отметим, что обеспечение национальной безопасности является условием существования и развития личности, общества и государства, что и позволяет им сохранять накопленные духовные и материальные ценности. Изложенное выше позволяет сделать вывод, что вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации требуют комплексного подхода к улучшению существующих и поиску новых методов работы в этом направлении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальная безопасность. [Электронный ресурс] URL:<http://stavf.krdu.ru> (дата обращения:22.09.2020).
2. Внутренние и внешние угрозы национальной безопасности. [Электронный ресурс] URL:<http://orientir.milportal.ru> (дата обращения: 22.09.2020).
3. Методы нейтрализации угроз национальной безопасности. [Электронный ресурс] URL:<http://studfile.net> (дата обращения: 22.09.2020).

At present the most important issue for Russia is the problem of ensuring national security. The author believes that tough relations with Western countries, the Middle East conflicts and organized crime activities in the RF and its neighbours force the issue of ensuring national security and its serious analyzing.

First of all, let us refer to the terminology. National security is a difficult complex with multi-level functional system in which processes of interaction and confrontation of the vital interests of the individual, society, and the state are continuously facing with threats to these interests, both internal and external[1].

Next, it is worth identifying a threat to national security as a direct or indirect possibility of damaging constitutional rights, freedoms, citizen decent quality living standards, sovereignty and territorial integrity, sustainable development of the Russian Federation, defense and security of the state[2]. Consequently, potential threats may be divided into 2 groups: internal and external. Main internal threats are as follows: the raw material nature of the economy, lack of domestic goods production, low labor productivity, low level of agricultural development and insufficient production of domestic foodstuffs. Social disadvantage and low living standard of the majority population, high corruption level, terrorism and attempts to change violently the constitutional order, for example – an attempt to change governmental management policy in Russia in 1993. Creation, equipment, training and operation of illegal armed groups and distribution of weapons, ammunition and explosives, large-scale activities of organized crime that threaten political stability on the scale of the constituent country entity, separatist activities and radical religious nationalist movements in the RF such as those in the North Caucasus from the first Chechen war to antiterrorist operations in 2008 are included in this group[3]. Yet main external threats are as follows: deployment of forces

and assets pursuing a military attack goal on the country or its allies and constant training of NATO troops near the borders of the Russian Federation where Russia is represented as a potential enemy. That is an obvious example, as well as territorial claims, the risk of seizing Russian territories, the program implementation to create weapons of mass destruction by a so-called third force, unacceptable interference in the internal affairs of the RF, the presence of armed conflicts near the borders of the country, the 2008 Russian-Georgian war, military actions in Donbas in 2014. Weakness of the state system in some border countries, the expansion of military alliances to the detriment of Russia's state security or its allies, the foreign troops presence within the Russia's territory without the consent of the RF and the UN Security Council sanction are also considered to be internal threats.

Thus, analyzing external and internal threats it becomes obvious that it is necessary to take timely action for ensuring national security and strengthening the internal social unity. Achieving social stability, interethnic harmony and religious tolerance should be a priority. Besides, it is important to pursue a balanced foreign policy, to build international relations in accordance with the legal provisions in force and on the basis of mutual respect states must strive to preserve the diversity of cultures and traditions. Applying diplomacy and peacekeeping means in the field of international security must be taken as urgency. So that to protect national interests military forces might be employed unless all the non-violent measures undertaken were efficient. Lastly we may sum up that ensuring national security is a condition for the existence and development of individuals, society and the state, which lets them preserve the accumulated spiritual and material values. Moreover, the foregoing considerations allow us to conclude that ensuring the national security in Russia requires an integrated approach to improving existing methods of work and finding new ones in this direction.

REFERENCES

1. National security. [Electronic resource] URL:<http://stavf.krdu.ru> (access date: 22.09.2020).
2. Internal and external threats to National security. [Electronic resource] URL:<http://orientir.milportal.ru> (access date: 22.09.2020).
3. Methods of neutralizing potential threats to National security: [Electronic resource] URL:<http://studfile.net> (access date: 22.09.200).

Хотинская Анна Александровна,
студент 6 курса
департамента иностранных языков и перевода
Международной академии бизнеса и управления.
Khotinskaya Anna Aleksandrovna,
International Academy of Business and Management
Department of Foreign Languages and Translation
6th year student.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

KEY TRENDS AND RISKS OF THE NEW GEOPOLITICAL REALITY

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос, связанный с ключевыми тенденциями и рисками новой геополитической реальности. Автор анализирует возможность стабилизировать геополитическую картину мира на современном этапе.

Abstract. The article deals with the key trends and risks of the new geopolitical reality. The author analyzes the possibility of stabilizing the geopolitical picture of the world at the present stage.

Ключевые слова: геополитическая реальность, тенденции, риски.

Keywords: geopolitical reality, trends, risks.

Геополитика является одним из влиятельнейших интеллектуальных направлений XXI века, определяющих характер исследования в таких областях, как внешнеполитическая и военная стратегия, национальные интересы и безопасность, анализ и прогнозирование внутренней и внешней политики государств[1]. Новая политическая архитектура мира начала формироваться после событий, произошедших в США 11 сентября 2001 года. Остановимся на некоторых современных тенденциях развития мировой геополитики, которые, на наш взгляд, определяют мировое развитие.

Во-первых, это сужение геополитической карты мира, связанное с ограничениями сферы активности геополитики и противоречащее тенденции к глобализации современного мира[2].

Во-вторых, экономический рост таких стран, как Китай и Индия, увеличение военной мощи России привели к появлению второй тенденции – смещение центра оси координат Запад-Восток, Север-Юг[2].

В-третьих, информационная революция, начавшаяся в конце XIX века, цифровизация практически всех сфер деятельности человека, привели к появлению третьей тенденции – переход к новым постклассическим технологиям (например, организация митингов и забастовок через социальные сети). Концепция информационной войны предусматривает использование массированных коммуникационных потоков, в которых действуют разрушительные информационные фантомы «ось зла», «столкновение цивилизаций», «борьба с терроризмом», «нарушение прав человека». Эти фантомы становятся частью эффективных геополитических технологий в борьбе за контроль над пространством.

И, наконец, четвертая тенденция – глобализация, связанная с неуправляемыми миграционными потоками (война в Ливии, Сирии, гражданская война и экономический кризис на Украине), глобальным наркотрафиком и т.д.

Что касается геополитики, то она также тесно связана с геополитическими рисками; их появление считается нарушением стратегической стабильности в определенном геостратегическом пространстве. Геополитические риски являются стратегическими и глобальными по масштабам ущерба.

К основным геополитическим рискам можно отнести:

- межгосударственные конфликты;
- раскол государственности или кризис государственной власти;
- террористические атаки[3].

Говоря о межгосударственных конфликтах, необходимо отметить, что часто они приводят к человеческим жертвам, экономическому кризису, последующему обнищанию населения и увеличению миграционного потока (к примеру, конфликт между непризнанной республикой Нагорный Карабах и Азербайджаном).

Касаемо раскола государственной власти, ее кризис, возникший вследствие внутреннего или внешнего воздействия, неизбежно приводит к кризису управления (потеря суверенитета, например, Украина), экономическому кризису, зависимости от международных экономических организаций (к примеру, Международный валютный фонд).

По поводу террористических атак важно отметить следующее. Столкновение геополитических интересов на мировой карте неизбежно приводит к затяжным, часто военным конфликтам. Так, США, утверждаясь на мировой арене в противовес СССР, создали и финансировали террористическую организацию, возглавляемую Бен Ладеном, превратившуюся затем в так называемое Исламское государство. Эта и целый ряд террористических группировок ответственны за войну в Сирии, Ливии, огромное количество террористических актов по всему миру с большим количеством человеческих жертв.

На наш взгляд, геополитические риски можно разделить на региональные и внутрирасовые. Экономическая война, развязанная США против КНР, приводит, в первую очередь, к усилению глобализации, что негативно сказывается на расширении экономических связей между странами.

К внутрирасовым рискам можно отнести риски смены политического, военного или «дворцового» переворота, «цветной» революции, международных волнений, этнических конфликтов и пандемии[4].

Кризис государственной власти, произошедший в Украине, под воздействием внешнего вмешательства, привел к гражданской войне на Донбассе, отделению Крыма (потеря территории) и многочисленным жертвам среди местного населения. Все это последствия геополитических изменений.

Таким образом, в настоящее время сформировалась новая геополитическая реальность, основанная на следующих ключевых тенденциях:

- сужение геополитической карты мира;
- смещение центров влияния;
- переход к новым информационным технологиям;
- глобализация.

Появление новой архитектуры геополитики связано с усилением геополитических рисков – межгосударственных конфликтов, раскола государства или кризис государственной власти, террористических атак, приводящих к серьезным политическим и военным конфликтам. На данном этапе можно с уверенностью сказать, что стабилизировать геополитическую картину мира будут лишь реальная оценка и анализ возможных геополитических рисков и переход к многополярному миру.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Спартак А.Н., Французов В.В. Современные тенденции и риски в развитии мировой экономики // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 2.
2. Василенко И.А. Геополитика современного мира: Учебник; 3-е изд. переизд. и доп. – М.: Юрайт, 2015.
3. Яцкевич Я.С. Рискогенное общество в контексте глобальных геополитических стратегий // Век глобализации. 2014. № 2.
4. Филатов А.С. Анализ основных рисков глобализации // Молодой ученый. 2014. № 8 (67).

Geopolitics is one of the most influential intellectual areas of the XXI century, determining the nature of research in such areas as foreign policy and military strategy, national interests and security, analysis and forecasting of domestic and foreign policy of States[1]. The new political architecture of the world began to form after the events that took place in the United States on September 11, 2001. Let's focus on some of the current trends in the development of world geopolitics, which, in our opinion, determine the world development.

First, it is a narrowing of the geopolitical map of the world, associated with the limitations of the sphere of activity of geopolitics and contradicting the trend towards globalization of the modern world[2].

Secondly, the economic growth of countries such as China and India and the increase in Russia's military power led to the emergence of a second trend – a shift in the center of the coordinate axis West–East, North–South[2].

Third, the information revolution that began at the end of the XIX century, the digitalization of almost all spheres of human activity, led to the emergence of a third trend – the transition to new postclassical technologies (for example, organizing rallies and strikes through social networks). The concept of information warfare involves the use of massive communication flows, in which the destructive information phantoms “axis of evil”, “clash of civilizations”, “fight against terrorism”, “violation of human rights” operate. These phantoms become part of effective geopolitical technologies in the struggle for control of space.

And finally, the fourth trend is globalization, which is associated with uncontrolled migration flows (the war in Libya, Syria, the civil war and the economic crisis in Ukraine), global drug trafficking, etc.

As for geopolitics, it is also closely related to geopolitical risks; their appearance is considered a violation of strategic stability in a certain geostrategic space. Geopolitical risks are strategic and global in terms of the scale of damage.

The main geopolitical risks include:

- interstate conflicts;
- split of the state or crisis of state power;
- terrorist attacks[3].

Speaking about interstate conflicts, it should be noted that they often lead to human losses, economic crisis, subsequent impoverishment of the population and an increase in the migration flow (for example, the conflict between the unrecognized Republic of Nagorno-Karabakh and Azerbaijan).

With regard to the split of state power, its crisis, which arose as a result of internal or external influence, inevitably leads to a crisis of governance (loss of sovereignty, for example, Ukraine), an economic crisis, and dependence on international economic organizations (for example, the International Monetary Fund).

As for terrorist attacks, it is important to note the following. The clash of geopolitical interests on the world map inevitably leads to protracted often military conflicts. Thus, the United States, asserting itself on the world stage as opposed to the USSR, created and financed a terrorist organization led by Bin Laden, which later turned into the so-called Islamic State. This and a number of terrorist groups are responsible for the war in Syria, Libya, a huge number of terrorist acts around the world with a large number of human victims.

In our view, geopolitical risks can be divided into regional and intraracial ones. The economic war unleashed by the United States against China leads, first of all, to increased globalization, which negatively affects the expansion of economic ties between the countries.

Intraracial risks include the risks of changing political, military or “palace” coups, “color” revolution, international unrest, ethnic conflicts, and pandemics[4].

The crisis of state power that occurred in Ukraine, under the influence of external interference, led to a civil war in the Donbass, the separation of the Crimea (loss of territory) and numerous victims among the local population. These are all consequences of geopolitical changes.

Thus, a new geopolitical reality has now emerged based on the following key trends:

- narrowing of the geopolitical map of the world;

- shifting centers of influence;
- transition to new information technologies;
- globalization.

The emergence of a new architecture of geopolitics is associated with increased geopolitical risks – interstate conflicts, a split of the state or a crisis of state power, terrorist attacks that lead to serious political and military conflicts. At this stage we can say with confidence that only a real assessment and analysis of possible geopolitical risks and the transition to a multipolar world will stabilize the geopolitical picture of the world.

REFERENCES

1. Spartak A.N., Frantsuzov V.V. Modern trends and risks in the development of the world economy // Russian Foreign Economic Bulletin. 2019. No. 2.
2. Vasilenko I.A. Geopolitics of the Modern World: Textbook; 3rd ed. reissued. and add. – M.: Yurayt, 2015.
3. Yatskevich Y.S. A risky society in the context of global geopolitical strategies // The Age of Globalization. 2014. No. 2.
4. Filatov A.S. Analysis of the main risks of globalization // Young Scientist. 2014. No. 8 (67).

Шахмагонов-Григоров Владислав Дмитриевич,
курсант 1 курса
факультета ракетного вооружения
Военной академии Ракетных войск стратегического
назначения Имени Петра Великого.
Shakhmagonov-Grigorov Vladislav Dmitrievich,
Military Academy of Strategic Missile Forces
Named after Peter the Great
Department of Missile Weapons
1st year cadet.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ НОВЕЙШИХ ВИДОВ ВООРУЖЕНИЯ В РФ

TO THE NEED TO CREATE THE LATEST TYPES OF WEAPONS
IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье использованы элементы сопоставительного анализа боевой готовности российских Вооруженных сил и сил вероятного противника. Автор приходит к выводу, что армия РФ получает новейшие образцы вооружений и военной техники, часть из которых не имеет мировых аналогов, а количество проводимых учений вселяет уверенность в надежной защите мирного населения страны от вероятной агрессии.

Abstract. The article presents some elements of a comparative analysis of the combat readiness of the Russian Armed Forces and the forces of a potential enemy. The Russian army puts into service the latest models of weapons and military equipment, some of them have no analogues in the world, and the number of combat exercises conducted instills confidence in the reliable protection of the civilian population of our country from any possible aggression.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, боевая готовность, вероятный противник, новейшие образцы, мировые аналоги.

Keywords: comparative analysis, combat readiness, potential enemy, latest models, world analogues.

За последние 30 лет Российской оборонной промышленности пришлось пережить ряд драматических моментов. В 90-е годы было прекращено финансирование работ, произошел отток высококвалифицированных кадров, предприятия объявлялись банкротами, закрывались и распродавались за бесценок. У вероятных противников сложилось впечатление, что Россия уже никогда не поднимется, а, значит, можно не создавать новых видов вооружения. При желании нанести удар по России будет достаточно и старых систем вооружения, таких как крылатые ракеты «Томагавк» и бомбардировщики В-52.

2000 год стал началом коренных перемен в политической и экономической жизни страны. Президент России В.В. Путин, совместно с командой специалистов, преследующих интересы государства, а не личную выгоду, коренным образом изменили ситуацию в Российской оборонной промышленности.

Первым значимым успехом стало создание Московским институтом теплотехники во главе с академиком Ю. С. Соломоновым ракеты морского базирования «Булава»[1]. Помимо того, что ракета построена на современной элементной базе, главное достоинство — ее глубокая унификация с ракетой «Тополь-М». Это позволило резко

сократить стоимость ракет и в кратчайший срок запустить их серийное производство.

Одновременно под руководством Ю. С. Соломонова на базе ракеты «Тополь-М» была создана новая твердотопливная ракета «Ярс» шахтного и мобильного базирования. Продолжались работы по восстановлению и модернизации железнодорожного комплекса (шифр «Молодец»). Этот комплекс вызывал особую тревогу у США, так как, если отследить перемещение мобильного комплекса еще как-то можно, то железнодорожный комплекс может появиться в любой точке страны совершенно неожиданно.

И, наконец, о видах ракетного вооружения, озвученных президентом Российской Федерации в марте 2018 г. в Послании Федеральному Собранию. В Российской Федерации создан и завершаются испытания ракетного комплекса сармат (РС-28). Этот комплекс заменит советские ракеты Р-36М2 «Воевода» (по классификации НАТО: SS-X-30. «Сатана»). Причина замены связана с тем, что ракеты Р-36М2 уже больше 40 лет стоят на боевом дежурстве, и главное – они были разработаны и производились в КБ «Южное» г. Днепропетровск (Украина). Новая ракета будет производиться на Красноярском машиностроительном заводе из российских комплектующих.

Еще одной уникальной разработкой нашей оборонной промышленности является гиперзвуковой комплекс «Авангард». Управляемые боевые блоки «Авангард», двигаясь в верхних слоях атмосферы, постоянно маневрируя в плазменном облаке, они способны поражать объекты в любой точке земного шара и с любого направления.

Новые виды вооружения поступают в настоящее время в вооруженные силы России. Это и ракеты глобальной дальности с ядерной энергетической установкой «Буревестник», подводный роботизированный комплекс «Посейдон», лазерные комплексы защиты позиций РВСН от средств разведки и поражения «Пересвет» и многое, многое другое. В настоящее время вооружение Российской армии и военно-морского флота оснащено новыми современными образцами на 70%[2].

Происходящие изменения в военно-промышленном комплексе России не остались незамеченными за рубежом. Резкий рост обороноспособности нашей Армии стал полной неожиданностью для

американских военных специалистов. Впервые в истории, США оказались в роли догоняющих.

Основной ударной ракетой в США является ракета LGM-30G Minuteman III. Эта ракета по всем параметрам уступает нашей ракете «Ярс», но замены ей пока не предвидится.

Несколько лет назад США предприняли попытку испытать гиперзвуковые блоки типа «Авангард». Но попытки запустить прямоточные двигатели у трех блоков закончились неудачей. Новых испытаний пока замечено не было.

Отечественный военно-промышленный комплекс постоянно совершенствует вооружение на основе новейших инженерных и научных разработок. Президент Российской Федерации в упомянутом Послании отметил: «Сегодня мы опережаем наших вероятных противников на годы, а может и на десятилетия. Но мы понимаем, что они сделают все, чтобы ликвидировать это отставание. Наша задача за эти годы создать новое, еще более совершенное оружие»[3].

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Емельяненко А. Соломонов «Тополь» // [Электронный ресурс] URL:<https://rg.ru/2020/11/03/akademiku-i-konstruktoru-rossijskogo-raketnogo-shchita-ispolniaetsia-75-let.html> (дата обращения: 12.12.20).
2. Азанов Р. О каком новом супер оружии России рассказал Путин // [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/5000129> (дата обращения: 12.12.20).
3. Ерешко А. Шойгу: оснащенность ВС России современным оружием должна поддерживаться на уровне 70% // [Электронный ресурс] URL:<https://tass.ru/armiya-i-opk/7492703> (дата обращения: 12.12.20).

During the last 30 years Russian defense industry had to go through a number of dramatic events. In the 90s the enterprises were declared bankrupt since funding for the work was discontinued. Also there was an outflow of highly qualified specialists. Defense and industrial enterprises were sold for nothing. Our likely opponents decided that Russia would never rise, so they may not create new weapons. They were sure, they could strike Russia with their old weapons systems such as cruise missiles 'Tomohawk' and bombers B-52 as soon as they wanted.

But the year 2000 has come. V.V. Putin became President of our country. People concerned about the interests of the state but non-personal economic benefits came to the ministries and departments. So the situation in Russian defense industry began to change.

The first significant success was the creation of the sea-based missile “Bulova”, developed by Moscow ‘Institute of Heat Engineering’ headed by academician Y.S. Solomonov [1]. Besides the fact the missile was built on a modern element base, the main dignity of it is a deep compatibility with a missile ‘Topol-M’. All these made possible to reduce the cost of the missile and to start mass production as soon as possible.

At the same time under the guidance of Y.S. Solomonova new solid fuel mine and mobile based missile “Yars”, based on the missile “Topol-M, were created.”

The modernization of railway complex Molodets is continued. This complex has caused particular concern in the USA because it is hard to track the railway complex. It can appear anywhere in the country completely unexpectedly.

And finally, let’s consider the types of missile weapons voiced by President in March 2018 in his address to the Federal Assembly.

Tests of the missile system “Sarmat” is completed in the Russian Federation. This complex will replace the Soviet missiles R-36 M2 “Voevoda” (NATO’s classification: SS-X-30 “Satan”).

The reason for the replacement was the fact that these missiles were on combat duty for more than 40 years and the most importantly that they were developed and produced by KB “Yuznoe” in Dnepropetrovsk, Ukraine.

The new missile will be produced by Krasnoyarsk’s “Mechanical Engineering plant” basing on Russian components only.

Another unique development of our defense industry is hypersonic complex “Avangard.” Controlled battle blocks of “Avangard”, moving upon the upper levels of the atmosphere and constantly maneuvering in the plasma cloud, can hit objects at any point of the globe and from any direction.

It’s rather difficult to list all the new types of weapons in the armed forces of Russia now. So, these are: the global-range missiles with nuclear power system “Burevestnik,” the underwater robotic complex “Poseidon”, laser complexes for protecting the positions of the Strategic Missile Forces from means of reconnaissance and destruction “Peresvet” and much more.

Presently armament of the Russian Army and Naval Fleet are equipped with new modern models by 70% [2].

And what about our potential or likely opponents? Sudden growth of defense capability of our Army became a complete surprise for them. For the first time in the history of the USA they play the role of catching up. The main strike missile in the USA is the missile LGM-30G “Minuteman III.” The parameters of this missile are inferior in comparison of our missile “Yars.” But its replacing is not yet in sight.

Some years ago, the USA attempted to test the hypersonic blocks like “Avangard” but the efforts put into service the ramjet engine failed. The new tests have not been seen yet.

But that’s not a reason to relax. President of Russia V.V. Putin in the address to the Federal Assembly said: “Today we are years or even decade ahead of our likely opponents, but we understand, they will do everything to eliminate this gap. Our task over the years is to create a new even more advanced weapons” [3].

REFERENCES

1. Emelianenkov A. Solomon’s “Topol” // [Electronic resource] URL: <https://rg.ru/2020/11/03/akademiku-i-konstruktoru-rossijskogo-raketnogo-shchita-ispolniaetsia-75-let.html> (access date: 12.12.20).
2. Azanov R. New super weapon of Russia Putin told us about // [Electronic resource] URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/5000129> (access date: 12.12.20).
3. Ereshko A. Shoigu: the equipment of the Russian Armed Forces with modern weapons should be maintained at the level of 70% // [Electronic resource] URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/7492703> (access date: 12.12.20).

Шермазанова Светлана Викторовна,
кандидат социологических наук, доцент,
профессор кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства обороны РФ.

Shermazanova Svetlana Victorovna,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Professor.

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ В РАМКАХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

COMPETENCE FORMING IN DISTANCE LEARNING OF FOREIGN LANGUAGES

Аннотация. Статья посвящена проблемам, связанным с дистанционным обучением иностранным языкам. Автор рассматривает ряд вопросов, касающихся особенности формирования универсальных компетенций в условиях новых реалий.

Abstract. The article is devoted to the issues connected with the distance learning of languages. The author considers a number of questions referred to features of forming universal competences in the conditions of new realities.

Ключевые слова: дистанционное обучение, универсальные компетенции, компетентностный подход, иностранные языки.

Keywords: distance learning, universal competencies, competence approach, foreign languages.

Вступление России в Болонский процесс предполагает новые подходы к подготовке обучающихся в высших учебных заведениях, готовых к получению знаний в рамках европейского образовательного пространства. Для изучающего иностранный язык это означает не только традиционное, фактическое владение всеми аспектами языка, но и формирование понятийного аппарата, дающего возможность культурно-образовательной ориентации и деятельности в европейских высших учебных заведениях.

Компетентный подход в образовании в противоположность концепции «усвоения знаний», а на самом деле суммы информации (сведений), предполагает освоение учащимися различного рода умений,

позволяющих им в будущем действовать эффективно в различных ситуациях профессиональной, личной и общественной жизни. Компетентность личности проявляется в профессиональной деятельности и профессиональном общении и, следовательно, включает в себя способности, знания, умения и навыки, необходимые для осуществления будущей профессиональной деятельности. Поскольку особенностью компетентностного подхода является новая цель обучения, очевидным становится то, что все компоненты учебного процесса должны быть адаптированы к ней [1].

Одним из способов интенсификации учебной деятельности обучающихся, повышения уровня их мотивации к изучению иностранного языка и умения командной работы, развивающего активность и творчество, является компетентностный подход к обучению иностранного языка. В Федеральных государственных стандартах высшего образования нового поколения 3++ по различным направлениям подготовки и специальностям акцент переносится с обучения обязательным дидактическим единицам по каждой дисциплине на формирование универсальных компетенций, необходимых для осуществления профессиональной деятельности будущих бакалавров, магистров и специалистов. В состав таких компетенций включена универсальная компетенция № 4 – Коммуникация. УК-4, указанная в ФГОС 3++ для бакалавров, нацеливает на формирование способности осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах). УК-4, прописанная в ФГОС 3++ для специалистов и магистров, отражает способность применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном (ых) языке(ах), для академического и профессионального взаимодействия. Отсюда вытекают и новые требования и к средствам обучения. Формирование информационной компетентности предусматривает обязательное использование в образовательном процессе компьютерной техники и мультимедийных средств и обеспечение овладения обучаемыми приемами обработки информации. Использование на занятиях по иностранному языку информационных технологий повышает мотивацию и познавательную активность студентов, расширяет их кругозор и позволяет применить личностно-ориентированную технологию интерактивного обучения иностранному языку, т.е. обучение во взаимодействии. В связи с этим информационным технологиям в обучении иностранным языкам

отводится важная роль. В самой технологии компьютерных обучающих программ воплощены в динамике развития идеи когнитивной лингвистики, методики и психологии. Информационные обучающие программы позволяют моделировать те или иные лингвистические задачи, например, возможность справляться с трудными фрагментами читаемого текста, формирование и закрепление грамматических умений и навыков, умение вести диалог в типовых ситуациях. При этом система контролирует действия обучающегося и исправляет его ошибки. Компьютеризация процедуры педагогического контроля знаний позволяет обеспечить всестороннюю и объективную проверку сформированности компетенций.

Среди дидактических сборников целесообразно отдать предпочтение тем из них, которые содержат коммуникативно-ситуативные задачи, требуют привлечения опыта обучающихся, стимулирующий их активную мыслительную деятельность. Средством прохождения собственной образовательной траектории обучающегося может стать программа самообразования. Автономная информационно-коммуникативная деятельность студентов, изучающих иностранный язык, заключается в следующем.

1. Поиск нужной информации по заданной теме в источниках различного типа. Извлечение необходимой информации из источника, отделение основной информации от второстепенной, критическое оценивание достоверности полученной информации, передача содержания информации адекватно поставленной цели (сжато, полно, выборочно), умение развернуто обосновывать суждения, давать определения, приводить доказательства (в том числе от противного). Объяснение изученных положений на самостоятельно подобранных конкретных примерах.

2. Использование мультимедийных ресурсов и компьютерных технологий для обработки, передачи, систематизации информации, создания баз данных, презентации результатов познавательной и практической деятельности.

3. Способность передавать содержание прослушанного текста в сжатом или развернутом виде в соответствии с целью учебного задания.

4. Выбор вида чтения в соответствии с поставленной целью (изучающее, ознакомительное, просмотровое, поисковое и др.). Свободная работа с текстами художественного стиля эпистолярного

жанра, понимание их специфики.

5. Проведение информационно-смыслового анализа текста.

6. Создание письменных высказываний, адекватно передающих прочитанную информацию с заданной степенью свернутости (кратко, выборочно, полно).

7. Составление плана, тезисов, конспекта.

8. Приведение примеров, подбор аргументов, формулирование выводов.

9. Отражение в устной или письменной форме результатов своей деятельности.

10. Умение перефразировать мысль (объяснять «иными словами»).

11. Выбор и использование выразительных средств языка в соответствии с коммуникативной задачей, сферой и ситуацией общения.

12. Использование для решения познавательных и коммуникативных задач различных источников информации, включая энциклопедии, словари, Интернет-ресурсы и другие базы данных[2].

Наиболее спорное мнение вызывает возможность формировать универсальную коммуникативную компетенцию при дистанционной форме обучения, когда обучающийся отделен от преподавателя расстоянием.

В практике обучения иностранным языкам подобная форма обучения применялась не столь широко, как в других областях. Ранее существовали заочные курсы обучения иностранным языкам, а также учебные теле- и радиопередачи для желающих изучать иностранный язык. Языковые же факультеты и вузы ограничивались вечерними отделениями, поскольку обучить практическому владению иностранным языком в условиях эпизодических встреч с преподавателем – дело практически безнадежное. Поэтому уже долгое время велись поиски путей более эффективного обучения на расстоянии. Наряду с печатными средствами для этих целей широко использовались возможности телевидения, видеозаписи, а в последние годы – Интернет-ресурсы. Однако без систематической обратной связи с квалифицированным преподавателем подобные курсы, как правило, обречены на неудачу, несмотря на разнообразные попытки придать им элементы развлекательности и коммуникативности.

В современных условиях университеты различных стран были вынуждены в срочном порядке находить возможность использования компьютерных телекоммуникационных технологий для целей обучения на расстоянии, в том числе и иностранным языкам. В отличие от других форм, обучение на основе компьютерных телекоммуникаций дает возможности:

- оперативной передачи любой информации на расстоянии;
- хранение этой информации в памяти в течение нужного времени, ее редактирование и т.д.;
- интерактивности с помощью специально создаваемой для этих целей мультимедийной информации и оперативной обратной связи с преподавателем и другими участниками обучающего курса;
- доступа к различным источникам информации, в том числе, удаленным и распределенным базам данных, многочисленным конференциям по всему миру через систему Интернет;
- организации совместных телекоммуникационных проектов, а также международных, электронных конференций, компьютерных аудио- и видео конференций[3].

Степень эффективности любого вида дистанционного обучения зависит от четырех факторов:

- эффективного взаимодействия преподавателя и обучающегося, несмотря на то, что они разделены расстоянием;
- используемых при этом педагогических технологий;
- эффективности разработанных методических материалов и способов их доставки;
- эффективности обратной связи.

Таким образом, эффективность дистанционного обучения, равно как и возможность формирования той или иной компетенции, зависит от организации и методического качества используемых материалов, а также мастерства педагогов, участвующих в этом процессе. Кроме того, выделяется ряд характеристик, которые должны быть присущи любому виду дистанционного обучения, чтобы его можно было рассматривать как эффективное:

- дистанционное обучение предполагает более тщательное и детальное планирование деятельности обучающегося, ее организацию; четкую постановку задач и целей обучения; доставку необходимых учебных материалов;
- ключевое понятие образовательных программ дистанционного обучения – интерактивность. Курсы дистанционного обучения

должны обеспечивать максимально возможную интерактивность между обучаемым и преподавателем, обратную связь между обучаемым и учебным материалом, а также давать возможность группового обучения;

- необходимо предусматривать высокоэффективную обратную связь, чтобы обучаемые могли быть уверенными в правильности своих действий; такая связь должна быть оперативной, пооперационной, так и отсроченной в виде внешней оценки;

- важнейший элемент любого курса – мотивация; для этого нужно применять разнообразные средства и приемы;

- структура курса дистанционного обучения должна быть модульной, чтобы обучаемый имел возможность осознавать свое продвижение от модуля к модулю, мог выбирать любой модуль по своему усмотрению или по усмотрению руководящего педагога, в зависимости от уровня обученности, т.е. степени сформированности компетенции (при этом следует отметить, что модули большого объема заметно снижают мотивацию обучения);

- особое значение при обучении иностранному языку имеет звуковое сопровождение, которое может быть реализовано при помощи сетевых технологий[4].

В настоящее время современные информационные технологии дают неограниченные возможности решения проблемы дистанционного обучения, так как возможно хранение, обработка и доставка информации на любое расстояние, любого объема и содержания.

В таких условиях, на первый план при организации системы дистанционного обучения выходит методологическая и содержательная его организация. При этом принимается во внимание не только отбор содержания для усвоения, но и структурная организация учебного материала.

Таким образом, при компетентностном подходе понимание знания как наращивание суммы предметной информации противопоставляется знанию как комплексу умений, позволяющих действовать и добиваться требуемого результата, причём часто в неопределённых, проблемных ситуациях. На это и должны быть направлены усилия преподавателей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шермазанова С.В. Дистанционное обучение иностранному языку как новая сфера межкультурной коммуникации. Материалы научно-теоретической конференции «Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности» (15 декабря 2006 г.). – Москва: Институт бизнеса и политики, 2007. – С. 361-366.
2. Шермазанова С.В. Формирование коммуникативной компетенции при обучении иностранному языку в неязыковом вузе. Материалы Международной научной конференции «Наука и образование в современной России» (15-18 ноября 2010 г., г. Москва). / Современные наукоемкие технологии, № 12 2010. – М.: Академия естествознания, 2010. – 141 с. – С.103-104.
3. Шермазанова С.В. Формирование коммуникативных компетенций при организации самостоятельной работы студентов с использованием информационных технологий: Формирование коммуникативной компетентности как содержательного аспекта профессионального идеала студентов (коллективная монография). – М.: РГУТиС, 2010. – 147 с. – С. 105-123.
4. Шермазанова С.В. К вопросу о компетентностном подходе в обучении иностранным языкам // Вестник Международного юридического института. – № 3 (39) 2011. – 153 с. – С. 118-121.

Russia's entry into the Bologna process implies new approaches to training students from higher educational institutions who are ready to acquire knowledge within the European educational environment. For those who study a foreign language, this means not only traditional, actual knowledge of all the language aspects, but also forming a conceptual construct that allows for cultural and educational orientation and activities in European institutions of higher education.

Competent approach in education, in contrast to the concept of "learning knowledge", but in fact the sum of information (information), involves developing various kinds of skills in students that allows them to act efficiently in various situations of professional, personal and public life in the future. An individual's competence is manifested in professional activity and professional communication and, therefore, includes knowledge, skills and abilities necessary for the implementation of future professional activities. Since the new learning goal is a feature of the competence approach, it becomes obvious that all components of the learning process must be adapted to it[1].

One of the ways to intensify students' learning activities, increase their motivation to learn a foreign language and team work skills that develop activity and creativity, is a competence-based approach to teaching a foreign language. In the new Federal State Standards of Higher Education 3++ (FGOS 3++) for various areas of training and specialties, the emphasis is shifted from teaching mandatory didactic units in each discipline to forming universal competencies (UC) necessary for the implementation of professional activities of future bachelors, masters and specialists. These competencies include the universal competence No. 4 -Communication. UC-4, specified in the Federal State Educational Standard 3++ for bachelors, aims to develop the ability to carry out business communication in oral and written forms in the state language of the Russian Federation and a foreign language (s). UC-4, prescribed in the Federal State Educational Standard 3++ for specialists and masters, reflects the ability to apply modern communication technologies, including the ones in a foreign language (s), for academic and professional interaction. This leads to new requirements for training tools as well.

The formation of information competence provides for the mandatory use of computer technology and multimedia tools in the educational process and ensuring the mastery of information processing techniques by students. The use of information technologies in foreign language classes increases students' motivation and cognitive activity, expands their horizons and allows them to apply a personality-oriented technology of interactive foreign language learning, i.e. learning in interaction. In this regard, information technologies play an important role in teaching foreign languages. The technology of computer training programs itself embodies the ideas of cognitive linguistics, methodology and psychology in the dynamics of development. Information training programs allow you to model certain linguistic tasks, for example, the ability to cope with difficult fragments of a readable text, the formation and consolidation of grammatical skills, the ability to conduct a dialogue in typical situations and etc. At the same time, the system monitors the student' actions and corrects his mistakes. Computerization of the pedagogical knowledge control procedure allows for a comprehensive and objective verification of competence forming.

Among the didactic collections, it is advisable to give preference to those ones that contain communicative and situational tasks that require the involvement of students' experience, which stimulates their active mental activity. A self-education program can be a means of passing the student's

own educational trajectory. The autonomous information and communication activity of students studying a foreign language is as follows.

1. The search for the necessary information on a given topic in various types of sources. Extracting the necessary information from the source, separating the main information from the secondary one, critically evaluating the reliability of the information received, transmitting the content of the information adequately to the goal (concisely, fully, selectively), the ability to fully justify judgments, give definitions, and provide evidence (including from the opposite). An explanation of the studied positions on self-selected concrete examples.

2. The use of multimedia resources and computer technologies for processing, transmitting, systematizing information, creating databases, and presenting the results of cognitive and practical activities.

3. The ability to transmit the content of the listened text in a compressed or expanded form in accordance with the purpose of the training task.

4. The choice of the type of reading in accordance with the goal (studying, familiarization, viewing, search, etc.). Free work with the texts of the artistic style of the epistolary genre and understanding their specifics.

5. Conducting information and semantic analysis of the text.

6. Creating written statements that adequately convey the information you read with a given degree of convolution (briefly, selectively, fully).

7. Drawing up a plan, theses, and synopsis.

8. Giving examples, selecting arguments, and drawing conclusions.

9. Reflection in oral or written form of the results of your activities.

10. The ability to paraphrase a thought (explain "in other words").

11. The choice and use of expressive means of language in accordance with the communicative task, sphere and situation of communication.

12. The use of various sources of information, including encyclopedias, dictionaries, Internet resources and other databases, to solve cognitive and communicative tasks[2].

The most controversial opinion is the ability to form a universal communicative competence in distance learning, when the student is separated from the teacher by distance. This form of education was not used in the practice of teaching foreign languages as widely as in other areas. Previously, there were part time foreign language courses, as well as

educational TV and radio programs for those who want to learn a foreign language. Language faculties and universities were limited to part time departments, since it is almost hopeless to teach practical knowledge of a foreign language in the conditions of occasional meetings with a teacher. Therefore, for a long time, there has been a search for the ways to learn more effectively at a distance. In recent years along with print media, television, video recording Internet resources have been widely used for these purposes. However, without systematic feedback from a qualified teacher, such courses are usually doomed to failure, despite various attempts to give them elements of entertainment and communication.

In modern conditions, universities in various countries were forced to find urgent possibility to use computer telecommunications technologies for distance learning, including foreign languages. Unlike other forms, computer-based telecommunications training provides opportunities for:

- rapid transmission of any information at a distance;
- storing this information in memory for the required time, editing it, etc.;
- interactivity by means of multimedia information specially created for this purpose and prompt feedback from the teacher and other participants of the training course;
- access to various sources of information, including remote and distributed databases, numerous conferences around the world via the Internet;
- organization of joint telecommunication projects, as well as international, electronic conferences, computer audio and video conferences and etc[3].

The degree of effectiveness of any type of distance learning depends on four factors:

- effective interaction between the teacher and the student, despite the fact that they are separated by distance;
- the pedagogical technologies used in this process;
- the effectiveness of the developed methodological materials and methods of their delivery;
- the effectiveness of feedback.

Thus, the effectiveness of distance learning, as well as the ability to form a particular competence, depends on the organization and methodological quality of the materials used, as well as the skill of the teachers involved in this process. In addition, there are a number of

characteristics that should be inherent in any type of distance learning, so that it can be considered as effective. They are the following.

- Distance learning involves a more thorough and detailed planning of the student's activities and its organization; a clear statement of the tasks and goals of training; the delivery of the necessary training materials.

- The key concept of distance learning educational programs is interactivity. Distance learning courses should provide the maximum possible interactivity between the student and the teacher, feedback between the student and the training material, as well as provide the opportunity for group learning.

- It is necessary to provide highly effective feedback so that students can be confident in the correctness of their actions; such communication should be operational, post-operative or delayed in the form of external evaluation.

- The most important element of any course is motivation; to do this, you need to use a variety of tools and technique.

- The structure of the distance learning course should be modular, so that the student should have an opportunity to realize their progress from module to module, choose any module at their own discretion or at the discretion of the supervising teacher, depending on the level of training, i.e. the degree of competence formation (it should be noted that large-volume modules reduce the motivation of training significantly).

- Sound accompaniment, which can be implemented by means of network technologies, is of particular importance when teaching a foreign language[4].

Currently, modern information technologies provide unlimited opportunities to solve the problem of distance learning, since it is possible to store, process and deliver information of any volume and content at any distance.

In such conditions, the methodological and substantive organization of distance learning comes to the fore when organizing a distance learning system. You should take into account not only the selection of content for learning, but also the structural organization of the educational material.

Thus, the understanding of knowledge as the accumulation of the sum of subject information in the competence approach is contrasted with knowledge as a set of skills that allow you to act and achieve the desired result often in uncertain, problematic situations. This is what the teachers' efforts should be aimed at.

REFERENCES

1. Shermazanova S.V. Distance learning of a foreign language as a new sphere of intercultural communication. Proceedings of the scientific and theoretical conference "Facets of culture: actual problems of history and modernity" (December 15, 2006). – Moscow: Institute of Business and Politics, 2007. – P. 361-366.
2. Shermazanova S.V. Formation of communicative competence when teaching a foreign language in a non-linguistic university. Proceedings of the International Scientific Conference "Science and Education in Modern Russia" (November 15-18, 2010, Moscow). / Modern high-tech technologies, No. 12, 2010. – Moscow: Academy of Natural Sciences, 2010. – 141 p. – P. 103-104.
3. Shermazanova S.V. Forming communicative competencies in organizing students' individual work using information technologies: Forming communicative competence as a meaningful aspect of students' professional ideal (collective monograph). – M.: RGUTIS, 2010. – 147 p. – P. 105-123.
4. Shermazanova S.V. On the issue of the competence approach in teaching foreign languages // Bulletin of the International Law Institute. – № 3 (39) 2011. – 153 p. – P. 118-121.

Юрченко Глеб Витальевич,
курсант 2 курса
3 (финансово-экономического) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Yurchenko Gleb Vitalievich,
Military University: Ministry of Defense of the RF
3 (Financial-Economic) Department
2nd year cadet.

Федорова Елена Юрьевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства Обороны РФ.
Fedorova Elena Yuryevna,
Candidate of Pedagogic Sciences,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Assistant Professor.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

KEY TRENDS AND RISKS OF NEW GEOPOLITICAL REALITY

Аннотация. В статье рассматриваются последние тенденции текущей реальности и возможные угрозы, которые данные тенденции могут вызвать.

Abstract. The article is devoted to the latest trends in current reality and the possible threats that these trends can cause.

Ключевые слова: глобальные риски, угрозы, тенденции, управление рисками.

Keywords: global risks, threats, trends, risk management.

2020 год называют годом глобализации и растущих политических рисков. Общество не стоит на месте, оно развивается, причем одновременно в разноименных направлениях. Авторы данной статьи рассматривают последние тенденции текущей реальности и возможные угрозы, которые данные тенденции могут вызвать. Стоит отметить, что все риски тесно связаны между собой, изменения в

одной сфере могут повлечь за собой изменения сразу в нескольких других.

Выделяют 5 основных направлений: геополитические, экономические, технологические, экологические и социальные риски.

Рассмотрим геополитические риски и тенденции, то есть риски, созданные самим человечеством, и которые могут привести к остановке социально-экономического прогресса общества и его дестабилизации[1]. К основным геополитическим рискам можно отнести: террористические акты, столкновение государств по различным вопросам, массовые беспорядки и недовольства и т.д. Терроризм— это одна из самых главных проблем 21 века. Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» определяет терроризм следующим образом: «Идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»[2]. Сложность противодействия терроризму заключается в отсутствии единого центра борьбы с экстремизмом и вытекающая из этого высокая сложность предугадывания следующих терактов. Чтобы проследить зависимость между уровнем терроризма в государстве и степенью его экономического и технологического развития, обратимся к исследованию специалистов из Сиднейского университета под эгидой Института экономики и мира, составившим рейтинг стран по индексу терроризма[3]. Из первых 50 государств, входящих в список, свыше 90 % входят в число развивающихся. А из числа развитых большое значение на данный показатель оказывают либо миграционные потоки населения (Германия, Франция), либо экстремистская деятельность, вызванная по большей части расовой напряженностью (США).

На основе этих статистических данных можно сделать вывод, что терроризм, несомненно, пагубно сказывается на экономике и на развитии государства в целом. К этой группе рисков относят и массовые беспорядки. В начале лета 2020г. в США вспыхнули массовые беспорядки на почве расовой дискриминации. Сторонники движения «BlackLivesmatter», возмущенные произволом американской полиции, выходили на улицы и устраивали забастовки. Волеизъявление народа проходило как законными методами (митинги, шествия), так и незаконными (уличные драки, стрельбы,

насилие). Это повлияло и на результаты выборов президента США 3 ноября 2020 года. Из-за неоднозначной политики в сфере, касающейся миграции, расового неравенства и несправедливости, президент Дональд Трамп, кандидат от республиканской партии, потерял доверие значительной части населения, что позволило кандидату от демократической партии Джо Байдену одержать победу на выборах.

В последние месяцы 2020 года внимание общественности привлёк конфликт в Нагорном Карабахе между Арменией и Азербайджаном. И армяне, и азербайджанцы исторически связаны с Карабахом, но как показало время, они не смогли мирно сосуществовать. Все мирные способы урегулирования конфликта неизменно заходили в тупик. Утром 27 сентября началось наступление азербайджанских войск с масштабным применением авиации, бронетехники, артиллерии. Азербайджан сразу захватил инициативу и удерживал её до конца. Обе стороны сообщали о многочисленных жертвах среди военнослужащих и мирного населения. Необходимо отметить, что Турция в этом конфликте оказывала политическую (информационное давление) и военно-экономическую поддержку Азербайджану, что подтверждает увеличение военного экспорта Турции в Азербайджан в шесть раз за первые девять месяцев 2020 года. Многие мировые державы и международные организации решительно осуждали конфликт и призывали обе стороны без промедления возобновить переговоры. 10 ноября 2020 года при посредничестве России главы государств подписали мирный договор о полном прекращении огня и всех военных действий в зоне Нагорно-Карабахского конфликта. Соглашение о мире в Нагорном Карабахе, подписанное Арменией, Азербайджаном и Россией, предусматривает ввод российских миротворцев, вывод армянских сил из прилегающих к Нагорному Карабаху районов и оставления под контролем Азербайджана части территории Нагорного Карабаха.

Армения расценивает заключенный договор как предательство со стороны России, что может серьёзно сказаться на взаимоотношениях двух стран.

Другая важная группа – социальные риски, включающие в себя: нестабильность динамики населения, социальные кризисы и болезни (пандемии)[1]. В последнее время наблюдается тенденция улучшения благосостояния жителей планеты, повышение уровня медицинского

оснащения. Однако, это распространено далеко не во всех странах и ни на всех материках. Ещё одной крайне значимой социальной тенденцией выступает проблема миграции в зарубежных странах Европы. Несмотря на регулярно возникающие конфликты из-за столкновения диаметрально противоположных культур Востока и Запада, миграция является чуть ли не единственным способом решения демографических проблем Западной Европы. Нельзя не упомянуть здесь про эпидемию COVID-19. Россия предложила НАТО не проводить военных учений и других активных военных мероприятий во все время пандемии. Альянс Москву «не услышал», посчитав предложение пропагандой, цель которой – вбить клин между атлантическими союзниками. По сообщению Стратегического командования США, бомбардировщик В-1В Lancer совершил беспосадочный перелет с американской авиабазы в штате Южная Дакота до Японии и обратно для демонстрации готовности решать задачи даже в условиях пандемии. «Для противостояния от невидимых угроз глобальной пандемии до военной агрессии и применения силовых действий мы остаемся смертоносной... силой», — говорится в сообщении Стратегического командования[4]. На основании этих данных можно сделать вывод, что условия пандемии активно используются геополитическими игроками для нанесения существенного ущерба противостоящей стороне.

Таким образом, все тенденции и риски в той или иной степени оказывают самое прямое влияние на жизнедеятельность любой системы. Они дают вполне объективную картину современной геополитической реальности. Имея достаточную осведомленность, заинтересованность и ответственность за принятые решения, человечество способно избрать наиболее предпочтительные пути развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов О.Б., 2017. Глобальные риски и тенденции современного мира. [Электронный ресурс] URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/globalnye-riski-i-tendentsii-sovremennoego-mira>(дата обращения: 05.01.2020).

2. Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35—ФЗ «О противодействии терроризму» [Электронный ресурс] URL:<http://www.polit.ru/dossie/2006/03/10/zakonoterror.html> (дата обращения: 05.01.2020).

3. Global terrorism index. Measuring the impact of terrorism. Institute for economics and peace. 2019.

4. Поросков Н. Когда главный противник – пандемия. М.: Армейский сборник. №6. 2020. С.22-28.

2020 is called the year of globalization and growing political risks. Society does not stand still, it develops, and at the same time in different directions. The authors of this article examine the latest trends in current reality and possible threats that these trends may cause. It is worth noting that all the risks are closely related, changes in one area can lead to changes in several others.

There are 5 main directions: geopolitical, economic, technological, environmental and social risks[1].

Let's consider geopolitical risks and trends, i.e. the risks created by humanity itself, which can lead to the halting of social and economic progress of society and its destabilization[1]. The main geopolitical risks include: terrorist acts, clashes of states on various issues, mass riots and discontent, etc. Terrorism is one of the most important problems of the 21st century. Federal Law of the Russian Federation of March 6, 2006 No. 35-FZ "On Countering Terrorism" defines terrorism as an: "Ideology of violence and practice of influence on decision-making by public authorities, local governments or the international organizations, related to intimidation and (or) other forms of illegal violent actions"[2]. The complexity of countering terrorism lies in the absence of a single center for combating extremism and the resulting high complexity of predicting the next terrorist attacks. To trace the relationship between the level of terrorism in a state and the degree of its economic and technological development, let's turn to specialists' research from Sydney University under the auspices of the Institute of Economics and Peace, which ranked countries on the terrorism index[3]. From the first 50 countries on the list, more than 90 % are developing ones. And among the developed countries, this indicator is highly important either due to migration flows of the population (Germany, France), or extremist activities caused mainly by racial tensions (USA). From the above statistics, it can be concluded that terrorism undoubtedly has a detrimental effect on the economy and on the development of the state as a whole. This group of risks also includes mass riots. Mass riots broke out in the United States on the basis of racial discrimination in early summer 2020. Supporters of the "Black lives matter" movement, outraged by the

arbitrariness of the American police, went to the streets and staged strikes. The will of the people was expressed by both legal methods (rallies, marches) and illegal ones (street fights, shootings, violence). It influenced the results of the US presidential election on November 3, 2020. Due to controversial policies on migration, racial inequality and injustice, President Donald Trump, the Republican candidate, lost the trust of a large part of the population, which allowed the Democratic candidate Joe Biden to win the elections.

The conflict in Nagorno-Karabakh between Armenia and Azerbaijan attracted public attention in the last months of 2020. Both Armenians and Azerbaijanis have historically been associated with Karabakh, but as time has shown, they have not been able to coexist peacefully. All peaceful ways of resolving the conflict have deadlocked. In the morning of September 27, the Azerbaijani troops began the offensive by way of large-scale use of aviation, armored vehicles and artillery. Azerbaijan immediately seized the initiative and held it to the end. Both sides reported about numerous casualties among the military and the civilian population. It is necessary to note that Turkey in this conflict provided political (information pressure) and military and economic support to Azerbaijan, which confirms the increase in Turkey's military exports to Azerbaijan six times for the first nine months of 2020. A lot of world powers and international organizations strongly condemned the conflict and called on both sides to resume negotiations without delay. The heads of state signed a Russia-brokered peace deal on a full ceasefire and all military actions in the Nagorno-Karabakh conflict zone, on November 10, 2020. The peace agreement in Nagorno-Karabakh, signed by Armenia, Azerbaijan and Russia, provides for the entry of Russian peacekeepers, the withdrawal of Armenian forces from the areas adjacent to Nagorno-Karabakh and the abandonment of part of the territory of Nagorno-Karabakh under Azerbaijani control. Armenia regards the concluded treaty as a betrayal on the part of Russia and it can seriously affect the relations between two countries.

Another important group is social risks, including: instability of population dynamics, social crises and diseases (pandemics)[1]. There has been a tendency recently to improve the well-being of the inhabitants of the planet, increasing the level of medical equipment. However, this is not common in all countries or on all continents. Another very significant social trend is the problem of migration in European foreign countries. Despite the regular conflicts due to the clash of diametrically opposed

cultures of the East and the West, migration is almost the only way to solve the demographic problems of Western Europe. It is impossible not to mention the COVID-19 epidemic. Russia proposed NATO not to conduct military exercises and other active military activities during the pandemic. The Alliance “did not hear” Moscow, considering the proposal propaganda, the purpose of which is to drive a wedge between the Atlantic allies. According to the US Strategic Command, the B-1B Lancer bomber made a non-stop flight from the US air base in South Dakota to Japan and back to demonstrate its readiness to solve problems even in the face of a pandemic. “To confront from the invisible threats of a global pandemic to military aggression and the use of force, we remain deadly... force,” the Strategic Command said in a statement[4]. Based on these data, it can be concluded that the conditions of the pandemic are actively used by geopolitical players to cause significant damage to the opposing side.

Thus, all trends and risks have a more or less direct impact on the life of any system. They give a completely objective picture of the modern geopolitical reality. With sufficient awareness, interest and responsibility for the decision-making, humanity is able to choose the most preferred ways of the development.

REFERENCES

1. Ivanov O. B., 2017. Global risks and trends of the modern world. [Electronic resource] URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/globalnye-riski-i-tendentsii-sovremennogo-mira> (access date: 05.01.2020).
2. The federal law of the Russian Federation No. 35-FZ of March 6, 2006 “On Combating Terrorism» [Electronic resource] URL: <http://www.polit.ru/207tardom/2006/03/10> (access date: 05.01.2020).
3. Global Terrorism Index. Measuring the impact of terrorism. Institute of economics and peace. 2019.
4. Poroskov N. When the main enemy is a pandemic. M.: Army Collection. №6. 2020. P.22- 28.

НАПРАВЛЕНИЕ 2.
**ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА**
WORKSHOP 2.
**LEGAL INSTRUMENTS TO ENSURE THE STABILITY
OF THE STATE**

Аликберов Кирилл Динарович,
студент 1 курса магистратуры
Международного юридического института.
Alikberov Kirill Dinarovich,
International Law Institute
1st year master's degree student.

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В США И РОССИИ**

**PROBLEM ASPECTS OF CRIMINAL LAW MEASURES TO
COUNTER EXTREMISM IN THE USA AND RUSSIA**

Аннотация. На примере конкретных ситуаций рассмотрены особенности экстремистской деятельности в двух странах с разным законодательством и разными методами противодействия экстремистским организациям. Проведен сравнительный анализ уголовно-правовых мер по пресечению и недопущению экстремизма на территории самих государств. Рассмотрен метод оптимального правового регулирования на примере двух стран о недопущении и своевременной ликвидации экстремистской деятельности.

Abstract. On the example of concrete situations, the features of extremist activity in two countries with different legislation and different methods of countering extremist organizations are considered. A comparative analysis of criminal legal measures for suppressing and preventing extremism on the territory of the states themselves is carried out. The method of optimal legal regulation on the example of the two countries on preventing and timely liquidation of extremist activity is considered.

Ключевые слова: экстремизм, уголовное право, уголовно-правовое регулирование, противодействие экстремизму, экстремизм в

России, экстремизм в США, международное сотрудничество в борьбе с экстремизмом, уголовно-правовые меры противодействия экстремистской деятельности.

Keywords: extremism, criminal law, criminal law regulation, counteraction to extremism, extremism in Russia, extremism in the United States, international cooperation in combating extremism, criminal law measures to counter extremist activity.

Рассмотрим некоторые проблемные аспекты уголовно-правовых мер противодействия экстремизму на примере США и России, в связи с этим предложим оптимальный метод правового регулирования для законодательства Соединённых Штатов Америки и Российской Федерации.

Во всех штатах правительство и правоохранительные органы на местном уровне имеют хорошие отношения с общинами, лидерами общин и некоторыми членами из этих же общин. Данная практика сложилась в ходе обязательных мероприятий для каждого полицейского департамента и шериф управления по поручению департамента национальной безопасности. Это необходимо, чтобы исключить возможность развития и постоянно быть в курсе о состоянии насильственного экстремизма.

На ближайшее будущее правительство США определило цели и задачи по противодействию насильственному экстремизму. В условиях современного общества не всегда старые методы эффективны для работы на местах, а наружное наблюдение бывает опасным. В наше время сильно развита мировая информационная сфера. Департамент национальной безопасности США, руководствуясь новейшими технологиями, внедрил во всемирную информационную компьютерную сеть. Все методы борьбы, стратегические планы, инновационные разработки перечислены в центре общих уязвимостей и рисков (CVE), доступ к которым является государственной тайной. Специалист по борьбе с организованной преступностью и терроризмом Jerome P. Vjelopera в своей работе по противодействию насильственному экстремизму в Соединенных Штатах Америки отмечает, что Департамент национальной безопасности контролирует не только территории США, но и значимое интернет пространство вне государства[1].

Департамент национальной безопасности (United States Department of Homeland Security) в сотрудничестве с Национальным

центром борьбы с терроризмом (NCTC) возглавили разработку проекта по информированию общественности, который передает несекретную информацию о реалиях вербовки террористов и экстремистов на родине и в интернет пространстве[2]. Проект, который может использоваться департаментами и агентствами для своевременной ликвидации идей насильственного экстремизма, а также для развития патриотического долга у граждан постоянно совершенствуется. Для реализации всех идей, которые были введены или будут вводиться по инициативе правительства США, выделен отдельный бюджет из средств налогоплательщиков, однако стоимость реализации планов ДНБ превышают среднестатистические расходы на содержание экстренных служб по стране. По этой причине все идеи в полном объеме невозможно реализовать при том, что у США огромный внешний экономический долг.

Первая поправка конституции США защищает высказывание экстремистских взглядов. Все преступления считаются только конкретные действия в случаях, когда они подпадают под соответствующие определения в законодательстве. Термин «экстремизм» не является широко распространённым в юридической практике. В англо-американской правовой системе большую роль играет судебный прецедент, именно по этой причине нет отдельного нормативного правового акта, регулирующего размер наказания, тяжести содеянного и последствий. Подобные преступления в некоторых штатах США часто квалифицируются как «преступления на почве ненависти».

Конституция Российской Федерации гарантирует основные права и свободы человека и гражданина, включая свободу слова, выражения мнений, создание объединений. В то же время она запрещает общественные объединения, направленные на насильственное изменение фундаментальных принципов конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв ее безопасности, создание вооруженных формирований.

Кроме того, пропаганда социальной, расовой, национальной или религиозной вражды и разжигания такой вражды запрещена[3].

В 2014 году в уголовный кодекс Российской Федерации была внесена поправка. Данная поправка ужесточила меры наказания за совершения экстремистской деятельности. Новые положения удвоили продолжительность обязательных исправительных работ и почти

в три раза размеры штрафов за совершение преступлений экстремистской направленности. Размер максимального штрафа составляет триста тысяч рублей[4].

Расследование преступлений экстремистской направленности нередко затягивается. Существуют факты, что прокуратура, зачастую, отказывает в возбуждении дела[5]. Сотрудники правоохранительных органов объясняют этот тем, что существует серьезная сложность и необходимость: в продолжительности исследований, которые дадут исчерпывающий ответ по квалификации экстремистской деятельности; повышении количества независимых экспертов, являющихся специалистами в области социальной психологии и психолингвистики; сокращении длительности экспертиз, когда материалы являются объемными и требующими участие многих лиц при их изучении[6].

Таким образом, было проведено сравнение некоторых аспектов уголовно-правовых мер противодействия экстремизму в США и России, которые отразили степень эффективности работы в данной сфере. Необходимо отметить, что работа по совершенствованию законодательства и применению норм на территориях ведётся в полном объёме. Остаётся порекомендовать оптимальный метод правового регулирования для данных стран. Необходимо на законодательном уровне чётко и ясно перечислить весь спектр, который относится к экстремистской деятельности и подпадающий под определённый раздел нормативного правового акта, это необходимо для недопущения путаницы в квалификации дела, связанного с насильственным экстремизмом в Америке и осуществления экстремистской деятельности в России. Сравнимые державы на протяжении длительного исторического периода ведут сопернический образ существования, но вопрос безопасности должен сплотить государства для совместной деятельности, а также развить плодотворное сотрудничество профессионалов в борьбе с национальной и международной преступностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Джером П. Бьелопера. Федеральное бюро расследований и расследование терроризма. Jerome P. Bjelopera. The Federal Bureau of Investigation and Terrorism Investigations // Congressional research service. 2013. N 7-57. С. 5-13.

2. Основные проблемы уголовно-правовой оценки проявлений экстремизма и терроризма. [Электронный ресурс] URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_21_16.htm (дата обращения: 07.09.2020).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993) // СЗ РФ. – 05.02.2014. - №4. – Ст. 445. С изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

4. УК РФ Статья 280. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности / «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) [Электронный ресурс]. – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – (дата обращения: 08.09.2020).

5. Отказ государственного обвинителя от обвинения. Изменение обвинения. [Электронный ресурс] URL: <http://www.prokuratura.ur.ru/main.php?id=1576> (дата обращения: 05.09.2020).

6. Ахильгов А.М. Экстремизм: понятие, сущность, классификация // Молодой ученый. – 2020. - № 23 (313). – С. 183-186.

Consider some problematic aspects of criminal law measures to counter extremism using the example of the United States and Russia, in this regard, we will propose an optimal method of legal regulation for the legislation of the United States of America and the Russian Federation.

In all states, local government and law enforcement have good relationships with communities, community leaders, and some members of those same communities. This practice developed during the mandatory activities for each police department and sheriff's office on behalf of the department of national security. This is necessary to exclude the possibility of development and to be constantly aware of the state of violent extremism.

For the immediate future, the US government has set goals and objectives to counter violent extremism. In today's society, old methods are not always effective for field work, and outdoor surveillance can be dangerous. In our time, the world information sphere is highly developed. The US Department of Homeland Security, guided by the latest technology, has infiltrated the worldwide information computer network. All methods of struggle, strategic plans, innovative developments are listed in the Center for Common Vulnerabilities and Risks (CVE), access to which is a state

secret. Jerome P. Bjelopera, an expert in the fight against organized crime and terrorism, in his work on countering violent extremism in the United States of America, notes that the Department of Homeland Security controls not only US territories, but also significant Internet space outside the state[1].

The United States Department of Homeland Security has partnered with the National Counter Terrorism Center (NCTC) to lead the development of a public awareness project that broadcasts unclassified information about the realities of terrorist and extremist recruitment at home and on the Internet[2]. The project, which can be used by departments and agencies to timely eliminate the ideas of violent extremism, as well as to develop the patriotic duty of citizens is constantly being improved. To implement all the ideas that were introduced or will be introduced at the initiative of the US government, a separate budget has been allocated from taxpayers' funds, but the cost of implementing the DNB plans exceeds the average cost of maintaining emergency services in the country. For this reason, all ideas cannot be fully implemented despite the fact that the United States has a huge external economic debt.

The first amendment of the US Constitution protects the expression of extremist views. All crimes are considered only specific actions in cases where they fall within the relevant definitions in the legislation. The term "extremism" is not widespread in legal practice. In the Anglo-American legal system, judicial precedent plays an important role; for this reason, there is no separate normative legal act regulating the amount of punishment, the severity of the offense and the consequences. Such crimes are often classified as "hate crimes" in some US states.

The Constitution of the Russian Federation guarantees fundamental human and civil rights and freedoms, including freedom of speech, expression of opinion, and the creation of associations. At the same time, it prohibits public associations aimed at forcibly changing the fundamental principles of the constitutional system and violating the integrity of the Russian Federation, undermining its security, and creating armed formations.

In addition, propaganda of social, racial, national or religious hatred and incitement of such hatred is prohibited[3].

In 2014, an amendment was made to the criminal code of the Russian Federation. This amendment toughened penalties for committing extremist activities. The new provisions doubled the duration of compulsory correctional labor and almost tripled the size of fines for

committing extremist crimes. The maximum fine is three hundred thousand rubles[4].

Investigation of extremist crimes is often delayed. There are facts that the prosecutor's office often refuses to initiate a case[5]. Law enforcement officials explain this by the fact that there is a serious complexity and need: in the duration of research, which will give an exhaustive answer on the qualifications of extremist activities; increasing the number of independent experts who are specialists in the field of social psychology and psycholinguistics; reducing the duration of examinations, when the materials are voluminous and require the participation of many people in their study[6].

Thus, a comparison was made of some aspects of criminal law measures to counter extremism in the United States and Russia, which reflected the degree of effectiveness of work in this area. It should be noted that work on improving legislation and applying norms in the territories is being carried out in full. It remains to recommend the optimal method of legal regulation for these countries. It is necessary at the legislative level to clearly and clearly list the entire spectrum that relates to extremist activity and falls under a certain section of the normative legal act, this is necessary to avoid confusion in the qualifications of a case related to violent extremism in America and the implementation of extremist activity in Russia. For a long historical period, the compared powers have been leading a rival way of existence, but the issue of security should unite states for joint activities, as well as develop fruitful cooperation of professionals in the fight against national and international crime.

REFERENCES

1. Jerome P. Bjelopera. The Federal Bureau of Investigation and Terkorism Investigations // Congressional research service. 2013. N 7-57. S. 5-13.
2. The main problems of criminal-legal assessment of manifestations of extremism and terrorism. [Electronic resource] URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_21_16.htm (access date: 09.07.2020).
3. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // SZ RF. – 05.02.2014. – No. 4. – Art. 445. With changes approved during the all-Russian vote on 07.01.2020).
4. Criminal Code of the Russian Federation Article 280. Public appeals to carry out extremist activities / “The Criminal Code of the Russian Federation” dated 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on

29.07.2017) (as amended and supplemented, entered into force on 26.08.2017) [Electronic resource]. – Reference and legal system “ConsultantPlus”. – (access date: 09.08.2020).

5. Refusal of prosecution by the public prosecutor. Change of charge. [Electronic resource] URL: <http://www.prokuratura.ur.ru/main.php?id=1576> (access date: 09.05.2020).

6. Akhilgov, AM Extremism: concept, essence, classification // Young scientist. – 2020. – No. 23 (313). – P. 183-186.

Гриценко Юрий Юрьевич,

полковник,

слушатель 1 курса 4 (руководящего состава органов военно-политической работы) факультета Военного университета Министерства обороны РФ.

Gritsenko Yuriy Yurievich,

colonel,

Military University: Ministry of Defence
of the Russian Federation

4 (Leadership of Bodies of Military-Political Work) Department
1st year master’s degree student.

ВОЕННО-СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

MILITARY-SOCIAL POLICY IS A LEGAL INSTRUMENT FOR ENSURING THE STABILITY OF THE STATE

Аннотация. Статья посвящена проблеме военно-социальной политики государства в отношении ветеранов боевых действий. Автор рассматривает прямую зависимость стабильности государства от проведения взвешенной военно-социальной политики.

Abstract. The article is devoted to the problem of military and social policy of the state in relation to war veterans. The author considers the direct dependence of the stability of the state on the implementation of a balanced military and social policy.

Ключевые слова: ветеран боевых действий, военно-социальная политика, финансово правовые нормы.

Key words: combat veteran, military and social policy, financial and legal norms.

Достижение равновесия, стабильности и динамического развития общества – важнейшие задачи социальной политики любого государства. Россия, независимо от названия: Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, СССР, Российская Федерация, – на протяжении многих лет боролась за свободу и независимость. Поэтому защитники Отечества всегда пользовались особым почетом и уважением.

Но были периоды в нашей истории, когда руководители государства и правительство «отворачивались» от своих защитников и всегда это заканчивалось трагически для страны. Так было и во время революции 1917 года и политических событий 1991 и 1993 годов – основной движущей силой, нарушившей стабильность государства и вызвавшей сопутствующие беспорядки, являлись демобилизованные военнотруженики и ветераны боевых действий.

Федеральным Собранием Российской Федерации и Министерством обороны Российской Федерации для недопущения отрицательных последствий и уменьшения социальной напряженности во время проведения Первой чеченской кампании (1995-1996 гг.) и после ее окончания было принято более двадцати Федеральных законов и приказов Министра обороны Российской Федерации, регламентирующих военно-социальную политику, в том числе, выполнение социальных гарантий в отношении ветеранов боевых действий[1], [2].

Гарантировать претворение в жизнь военно-социальной политики государство может только в том случае, если его деятельность подкреплена финансовыми средствами. Выполнение государством разработанных программ военно-социальной политики возможно лишь при условии их полного финансового обеспечения и достигается реализацией финансово-правовых норм.

Главенствующая роль государственного бюджета в области выполнения целей и задач социальной политики признана международным правом. Так, в период с 6 по 12 марта 1995 г. в ходе конференции, которая проходила в г. Копенгаген (Королевство Дания) под эгидой Организация Объединенных наций, правительства большинства стран мира взяли на себя обязательство применять «ориентированный на людей» подход к социальному и

экономическому развитию[3]. Но без финансового обеспечения военно-социальная политика государства останется нереализованной. При этом нужно понимать, что необходимо не только увеличивать государственные ассигнования на социальную политику, но и более рационально их использовать.

Практика последних лет убедительно свидетельствует о том, что одним из основных инструментов управления военным строительством, в целом, и военно-социальной политикой, в частности, является федеральный бюджет. Составная часть федерального бюджета – это военный бюджет, который выступает важнейшим финансовым инструментом выполнения военно-экономической, военно-социальной, военно-научной, военно-технической и собственно военной политики государства. Военный бюджет охватывает многие аспекты формирования и использования централизованных военно-бюджетных ресурсов и служит для перераспределения финансовых средств между государством, военной организацией и военно-промышленным комплексом.

Военно-социальная политика требует больших финансовых затрат, но вместе с тем решает много важнейших задач национальной безопасности, связанных с применением морально-психологического, интеллектуального и физического потенциала граждан, участвующих в защите государства и обеспечивающих высокий уровень социального потенциала оборонной мощи государства.

Во время боевых действий военнослужащие подвергаются различным стрессам и в итоге, возвращаясь из зоны боевых действий, они воспринимают действительность острее, они более чувствительны к разным проявлениям несправедливости и хамства, более агрессивны и резко реагируют на них. Ветераны боевых действий при выполнении служебно-боевых задач не жалеют своей жизни и своего здоровья и в праве, как они считают, требовать от государства более чуткого отношения к решению своих социальных проблем.

Не все руководители федерального и муниципального уровня должным образом относятся к проблемам и нуждам ветеранов боевых действий (квартирный и земельный вопросы, медицинское обеспечение, в первую очередь протезирование и сложные дорогостоящие операции для лечения последствий ранений и контузий), ссылаясь на отсутствие финансирования. Так, по состоянию на 1 ноября 2020 г. в большинстве федеральных субъектов

приостановлено выделение земельных участков ветераном боевых действий.

Решать проблемы социального обеспечения ветеранов боевых действий необходимо одновременно по нескольким направлениям:

- перевод ответственности за выполнение социальных льгот ветеранов боевых действий из муниципального в федеральное ведение и выполнение всех социальных обязательств государства;

- создание по всей стране центров социальной адаптации и реабилитации ветеранов боевых действий;

- более широкое привлечение ветеранов боевых действий к военно-патриотическому и спортивному воспитанию молодежи.

Таким образом, можно сделать вывод, что только разумная, взвешенная и социально ориентированная политика государства позволит выполнить все социальные обязательства перед ветеранами боевых действий и не допустит нарушения стабильности государства. Что в свою очередь даст возможность для устойчивого роста благосостояния, как граждан, так и всего государства в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» (в редакции от 24.04.2020 г.), гл. 1 ст. 3 п. 1 и гл. 2 ст. 16.

2. Федеральный закон 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (в редакции от 31.07.2020 г.), гл. 2 ст. 25 п. 1.

3. Копенгагенская декларация ООН 1995 г. «О социальном развитии», гл. «С – обязательства» п. 29.

Achieving balance, stability and dynamic development of society are the most important tasks of any state's social policy. Russia, regardless of its name: Ancient Rus, the Moscow 218 tandom, the Russian Empire, the USSR, the Russian Federation-has been fighting for freedom and independence for many years. Therefore, defenders of the Fatherland have always enjoyed special honor and respect. But there were periods in Russian history when the leaders of the state and the government "turned away" from their protectors, and this always ended tragically for the country. This was also the case during the 1917 revolution and the political events of 1991 and 1993, when the main driving force that disrupted the stability of the state and caused the resulting unrest was demobilized military personnel and veterans of combat operations.

The Federal Assembly of the Russian Federation and the Ministry of defense of the Russian Federation, in order to prevent negative consequences and reduce social tension during and after the First Chechen campaign (1995-1996), adopted more than twenty Federal laws and orders of the Minister of defense of the Russian Federation regulating military and social policy, including the implementation of social guarantees for war veterans[1], [2].

The state can guarantee the implementation of military and social policy only if its activities are supported by financial resources. State implementation of the developed programs of economic and social policy is possible only if they are fully financially supported and achieved by the implementation of financial and legal norms.

The primary role of the state budget in the implementation of social policy goals and objectives is recognized by international law. Thus, in the period from March 6 to 12, 1995, during a conference held in Copenhagen (Kingdom of Denmark) under the auspices of the United Nations, the governments of most countries of the world committed themselves to apply a “people-oriented” approach to social and economic development[3]. But without financial support, the military and social policy of the state will remain unrealized. At the same time, it should be understood that it is necessary not only to increase state allocations for social policy, but also to use them more efficiently.

The practice of recent years clearly shows that one of the main tools for managing military construction, in general, and military and social policy, in particular, is the Federal budget. The constituent part of the Federal budget is the military budget, which is the most important financial instrument for implementing the state’s military-economic, military-social, military-scientific, military-technical and military policy. The military budget covers many aspects of the formation and use of centralized military budget resources and serves to redistribute financial resources between the state, the military organization, and the military-industrial complex.

Military and social policy requires large financial expenditures, but at the same time solves many important national security tasks related to the use of the moral, psychological, intellectual and physical potential of citizens who participate in the protection of the state and ensure a high level of social potential of the state’s defense power.

During combat operations, military personnel are exposed to various stresses and as a result, returning from the combat zone, they perceive reality more acutely, they are more sensitive to various manifestations of

injustice and rudeness, they react more aggressively and sharply to them. Veterans of military operations do not spare their lives and their health when performing official combat tasks and have the right, as they believe, to demand from the state a more sensitive attitude to solving their social problems.

Not all managers at the Federal and municipal levels properly address the problems and needs of combat veterans (housing and land issues, medical support, primarily prosthetics and complex expensive operations to treat the consequences of injuries and contusions), citing lack of funding. For example, as of November 1, 2020, the allocation of land plots by combat veterans has been suspended in most Federal subjects.

It is necessary to solve the problems of social security for combat veterans simultaneously in several areas:

- transferring responsibility for the implementation of social benefits for combat veterans from municipal to Federal jurisdiction and fulfilling all social obligations of the state;

- creation of centers for social adaptation and rehabilitation of war veterans throughout the country;

- wider involvement of combat veterans in military-Patriotic and sports education of young people, to work in various positions of state authorities responsible for working with veterans.

Thus, we can conclude that only a reasonable, balanced and socially oriented state policy will allow us to fulfil all social obligations to war veterans and prevent violations of the stability of the state. This, in turn, will provide an opportunity for sustainable growth in the well-being of both citizens and the entire state as a whole.

REFERENCES

1. Federal law of 1995 No. 5-FZ "on veterans" (as amended on 24.04.2020), Chapter 1 of article 3, paragraph 1 and Chapter 2 of article 16.

2. Federal law of 1998 No. 76-FZ "on the status of military personnel"(as amended on 31.07.2020), Chapter 2 of article 25, paragraph 1.

3. UN Copenhagen Declaration of 1995 "On social development", ch. «S – obligations» p. 29.

Кудрявцев Дмитрий Алексеевич,
майор,
слушатель 1 курса 4 (руководящего состава
органов военно-политической работы) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Kudryavtsev Dmitry Alexeevich,
major,
Military University:
Ministry of Defence of the Russian Federation
4 (Leadership of Bodies of Military-Political Work) Department
1st year master's degree student.

ЗНАЧЕНИЕ КУРИЛЬСКОЙ ГРЯДЫ ДЛЯ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ

THE VALUE OF THE KURIL ISLANDS FOR DEFENSE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FAR EASTERN REGION

Аннотация. Статья посвящена вопросу спорной территории островов Курильской гряды, по мнению Японии. Автор рассматривает разные сценарии последующих событий, анализирует вероятные последствия, в случае потери Россией контроля над Охотским морем.

Abstract. The article is devoted to the issue of the disputed territory of the Kuril Islands, according to Japan. The author considers various scenarios of subsequent events and analyzes the likely consequences if Russia loses control of the sea of Okhotsk.

Ключевые слова: Курильские острова, обороноспособность, оборона, внутреннее море, Дальневосточный регион, военные базы.

Keyword: Kuril Islands, defense capability, defense, inland sea, far Eastern region, military bases.

Имея дружественные намерения, Российская Федерация стремится наладить политические отношения со своими ближайшими географическими соседями. В Дальневосточном регионе особую роль играет Япония. Это страна с развитой экономикой, с которой в перспективе возможно развитие сотрудничества в области энергетики, сельского хозяйства, промышленности, здравоохранения,

в сфере высоких технологий, а также в ряде других направлений. План сотрудничества по этим направлениям представил премьер-министр Японии С. Абэ в мае 2016 года[1].

Острова Кунашир и Итуруп относятся к цепочке Большой гряды островов, которая тянется от Камчатского полуострова. Эта гряда образует непрерывную морскую границу, делая Охотское море внутренним. В случае передачи южных островов с незамерзающими проливами Российская Федерация теряет контроль над Охотским морем, а также прерывается морское сообщение между Петропавловском-Камчатским и Владивостоком на зимний период[1].

Несмотря на большие перспективы развития отношений, существуют некоторые обстоятельства, которые необходимо учитывать, – территориальные претензии Японии на некоторые острова Курильской гряды, а именно: на острова Кунашир, Итуруп, Шикотан и островную группу Хабомаи считающей острова оккупированной частью Японии. Россия утверждает, что её суверенитет над южными Курильскими островами абсолютно законен и не подлежит сомнению, и Россия не признаёт сам факт территориального спора с Японией[2].

Постоянные попытки Японии любыми способами завладеть островами малой гряды Шикотан и Хабомаи имеют чисто политическое значение для развития отношений между Россией и Японией. Данные территории не влияют на судоходство в регионе. Возможно, что символический жест передачи островов малой гряды даст начало переговорам по заключению мирного договора. Однако потеря островов Кунашир и Итуруп стала бы катастрофой для Российской Федерации.

Для России так важно не потерять контроль над своими водными территориями на Дальнем Востоке по ряду причин.

Прежде всего, Охотское море не только богато рыбой и нефтью, но играет ключевую роль в организации обороны восточной границы страны. Географическое расположение островов позволяет создать внешнее кольцо обороны силами ВМФ, ВВС и артиллерии, а за стенами этого «бастиона» разместить в безопасности подлодки – стратегические ракетноносцы с межконтинентальными баллистическими ракетами.

Следующая причина неготовность Российской Федерации передавать южные острова Курильской гряды заключается в военном сотрудничестве Японии с США. На островах Хонсю, Кюсю и Окинаве

размещено более 90 военных объектов, принадлежащих армии Соединенных Штатов, всего на этих базах проходят службу около 47 тысяч военнослужащих[3]. В случае передачи Кунашир и Итуруп Япония не может дать гарантий, что на этих островах не появятся военные базы НАТО. Незамерзающие проливы Екатерины и Фриза образуют в этом случае брешь в морской границе России, Охотское море перестает быть внутренним. ВМФ Соединенных Штатов не составит труда подойти на минимальное расстояние к российскому берегу, а появление военных баз ставит под угрозу нахождение подводных лодок со стратегическими баллистическими ракетами. Сам же военный флот Российской Федерации остается в этом случае заблокированным в портах, и без согласования с Японией корабли не смогут выйти в Тихий океан. Атомные подводные лодки, находящиеся на базе в Вилючинске (Камчатский полуостров), не смогут больше заходить в акваторию Охотского моря, откуда они имеют возможность незаметно следить за военными судами США, КНР или КНДР.

И так, разберём ряд военно-стратегических факторов, влияющих на гипотетические боевые действия в этом районе. В первую очередь, его изолированность и неразвитость инфраструктуры, сложные условия плавания в окрестных морях, непосредственная близость к границам Японии и к открытому океану, а также ключевое положение «северных территорий» в контуре границ Охотского моря[4].

Из выше сказанного можно сделать следующий вывод. Сохранение Японией внеблокового статуса не гарантирует того, что в Охотском море не появятся корабли ВМФ США. К тому же, у Японии нет возможности вывести со своей территории американских военных. По этой причине еще рано говорить о решении всех разногласий между Российской Федерацией и КНР, которые мешают свободному развитию дружественных отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зонн И.С., Костяной А.Г. Охотское море. Энциклопедия. – Международные отношения, 2015. – 256 с. Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией (МИД России, МИД Японии 1992). [Электронный ресурс] URL: [https:// ru.m.wikipedia.org](https://ru.m.wikipedia.org) (дата обращения: 04.10.2020).

2. U.S. Forces, Japan. [Электронный ресурс] URL: <http://globalsecurity.org> (дата обращения: 03.10.2020).

3. Telegram-канал Profile Journal. [Электронный ресурс] URL: [https://russian.rt.com/inotv/Hokkaido-Shimbun-YAronii-nuzhno-nabratsya](https://russian.rt.com/inotv/ Hokkaido-Shimbun-YAronii-nuzhno-nabratsya) (дата обращения: 04.10.2020).

With friendly intentions, the Russian Federation seeks to establish political relations with its closest geographical neighbors. Japan plays a special role in the far Eastern region. This is a country with a developed economy, with which in the future it is possible to develop cooperation in the field of energy, agriculture, industry, healthcare, high technologies, as well as in a number of other areas. The plan of cooperation in these areas was presented by Japanese Prime Minister Shinzo Abe in May 2016[1].

The Islands of Kunashir and Iturup belong to the chain of the Large range of Islands that stretches from the Kamchatka Peninsula. This ridge forms a continuous sea border, making the sea of Okhotsk internal. In case of the transfer of the southern islands with ice-free straits, the Russian Federation loses control of the sea of Okhotsk, and sea communication between Petropavlovsk-Kamchatsky and Vladivostok is interrupted for the winter period[1].

Despite the great prospects for the development of relations, there are some circumstances that need to be taken into account – Japan's territorial claims to some islands of the Kuril ridge, namely, the islands of Kunashir, Iturup, Shikotan and the Habomai island group, which considers the islands an occupied part of Japan. Russia claims that its sovereignty over the southern Kuril Islands is absolutely legitimate and beyond doubt, and Russia does not recognize the fact of a territorial dispute with Japan[2].

Japan's constant attempts to seize the islands of the Small range Shikotan and Habomai by any means are of purely political significance for the development of relations between Russia and Japan. These territories do not affect navigation in the region. It is possible that the symbolic gesture of handing over the islands of the Small range will give rise to negotiations on the Peace Treaty. However, the loss of the islands of Kunashir and Iturup would be a disaster for the Russian Federation.

For Russia, it is so important not to lose control of its water territories in the Far East for a number of reasons.

First of all, the sea of Okhotsk is not only rich in fish and oil, but also plays a key role in organizing the defense of the country's Eastern

border. The geographical location of the islands allows you to create an outer ring of defense by the Navy, air force and artillery, and behind the walls of this "Bastion" to place in safety submarines – strategic missile carriers with intercontinental ballistic missiles.

The next reason for the Russian Federation's unwillingness to transfer the southern Kuril Islands is Japan's military cooperation with the United States. More than 90 military facilities belonging to the United States army are located on the islands of Honshu, Kyushu and Okinawa, about 47 thousand military personnel serve at these bases[3]. In the case of the transfer of Kunashir and Iturup, Japan cannot guarantee that there will not be NATO military bases on these islands. In this case, the ice-free Straits of Catherine and Frieze form a gap in the sea border of Russia, and the sea of Okhotsk ceases to be internal. It will not be difficult for the United States Navy to approach the minimum distance to the Russian coast, and the appearance of military bases threatens the presence of submarines with strategic ballistic missiles. In this case, the Russian Navy remains blocked in ports, and without the approval of Japan, the ships will not be able to go to the Pacific ocean. The nuclear submarines based in Vilyuchinsk (Kamchatka Peninsula) will no longer be able to enter the waters of the sea of Okhotsk, from where they can discreetly monitor military vessels of the United States, China or North Korea.

And so, let's look at a number of military-strategic factors that affect hypothetical military operations in this area. First of all, its isolation and underdeveloped infrastructure, difficult navigation conditions in the surrounding seas, close proximity to the borders of Japan and the open ocean, as well as the key position of the "Northern territories" in the contour of the borders of the sea of Okhotsk[4].

The following conclusion can be drawn from the above. Japan's continued non-aligned status does not guarantee that US Navy ships will not appear in the sea of Okhotsk. In addition, Japan does not have the ability to withdraw the us military from its territory. For this reason, it is too early to talk about resolving all the differences between the Russian Federation and the PRC that hinder the free development of friendly relations.

REFERENCES

1. Zonn I. S., Kostyanoy A. G. Okhotsk sea. Encyclopedia. – International relations, 2015. – 256 p.

2. Joint collection of documents on the history of territorial division between Russia and Japan (MFA of Russia, MFA of Japan 1992) [Electronic resource] URL: <http://ru.m.wikipedia.org> (access date: 04.10.2020).

3. U.S. Forces, Japan. [Electronic resource] URL: <http://globalsecurity.org> (access date: 03.10.2020).

4. Telegram channel Profile Journal. [Electronic resource] URL: <https://russian.rt.com/inotv/Hokkaido-Shimbun-YAponii-nuzhno-nabratsya> (access date: 04.10.2020).

Пильчина Дамира Жангазыевна,
аспирант 1 курса
Международного юридического института.
Pilchina Damira Zhangyayevna,
International Law University
1st year PhD student.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БАНКРОТСТВА ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

LEGAL ASPECTS OF PRIVATE BANKRUPTCY IN MODERN CONDITIONS

Аннотация. Статья посвящена правовым проблемам банкротства граждан, связанным с созданием в системе банкротства первой внесудебной процедуры, с учетом того, что банкротство граждан приобретает массовый характер, имеет значительное практическое применение, что соответствует общемировым тенденциям.

Abstract. The article is dedicated to legal issues of private bankruptcy related to the first extra-judicial proceeding in the bankruptcy system taking into account that private bankruptcy becomes large-scale and has a significant practical use, which corresponds to general global trends.

Ключевые слова: банкротство гражданина, внесудебное банкротство, упрощенные процедуры банкротства, освобождение от обязательств.

Keywords: private bankruptcy, extra-judicial bankruptcy, simplified bankruptcy procedures, release from obligations.

Мировые тенденции социально-экономического развития современного общества предполагают все большее значение института банкротства граждан. Банкротство граждан полезно обществу, так как оно в значительной степени снижает социальное давление в обществе и предотвращает появление теневых потоков в экономике[1]. Современное правовое регулирование в России в качестве одной из основных задач рассматривает вопросы банкротства должников - физических лиц, что соответствует общемировому подходу к пониманию данного явления. В 2015 году, с запуском возможности банкротства граждан, высказывались предположения, что данная процедура не станет массовой, так как является непривычной для общественного сознания и правоприменительной практики. Первые случаи банкротства физических лиц вызвали значительный интерес в силу своей новизны, тем не менее, механизмы банкротства граждан нашли свое применение на практике. Текущие условия пандемического экономического кризиса 2020 года, вызванные введением ограничительных мер для предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции, только усилили актуальность проблематики банкротства граждан.

С развитием данного направления определились две основные группы «потребителей» процедур банкротства граждан, а именно: во-первых, крупные должники, имеющие существенные по размерам задолженности перед кредиторами, обладающие активами либо в отношении которых кредиторы либо финансовый управляющий видели возможность поиска скрытых активов; и, во-вторых, должники с небольшими долгами и отсутствием какого-либо имущества и иных источников их погашения. Если первый тип должников вполне соответствовал идее законодателя, предусмотревшего полноценные регламентированные процедуры, привлечение финансового управляющего для управления делами должников, как следствие, несение должниками соответствующих судебных расходов, то должники второй группы имели сложности как с поиском финансового управляющего, без которого дело о банкротстве подлежит прекращению, так и с поиском денежных средств для внесения депозита и финансирования судебных расходов[2].

При этом должники второй группы образовали массовый слой, нацеленный на быстрое списание задолженности. Именно по данной категории статистика сайта ЕФРСБ указывает, что 70-80% граждан-должников не имеют имущества, и оно не выявляется по итогам их

процедур банкротства, соответственно, 60-75% кредиторов ничего не получают от проведения таких процедур, положительно завершаемые реабилитационные процедуры единичны[3]. При этом банкротство граждан во многом снизило негативные эффекты коллекторской деятельности, надежды на которую не оправдались[4].

Для корректировки законодательства с учетом выявившихся практических сложностей, законодателем предприняты шаги по упрощению банкротства для основной части граждан-должников, по пути развития так называемого «потребительского» банкротства. С 01 сентября 2020 года введено внесудебное банкротство граждан, имеющих задолженность от 50 до 500 тысяч рублей, а также исполнительное производство, оконченное по отсутствию имущества для обращения взыскания по исполнительным документам[5]. Анализируя нормы данного законодательного акта, очевидно стремление законодателя сделать его максимально простым, по сути, административным регламентом в виде цепочки технических действий. Нормативное регулирование сведено к 5 статьям в параграфе 5 главы X Закона о банкротстве.

Основная идея внесудебного банкротства – упростить процедуру банкротства большой группы граждан-должников и избавить их от поиска кандидатур финансовых управляющих и средств на финансирование их деятельности – можно с уверенностью считать положительным явлением, давно ожидаемым практикой[6]. Но с правовой стороны, данное решение не представляется бесспорным.

Принципиальным моментом является то, что Гражданский кодекс РФ предполагает признание банкротом исключительно по решению арбитражного суда (ст.25)[7]. Новое внесудебное банкротство противоречит Гражданскому кодексу РФ. Сама идея исключения судебного участия в банкротстве граждан представляется спорной, ведь многофункциональные центры, замещающие судебные органы во внесудебных банкротствах, будут принимать решения, непосредственно и значительным образом влияющие на права граждан. К примеру, многофункциональному центру придется принимать решение, в каком объеме гражданин-должник будет освобожден от дальнейшего погашения своих долгов, с учетом предусмотренных Законом о банкротстве оснований для неосвобождения, либо этот вопрос останется для должника-гражданина и его кредиторов неразрешенным. Дополнительно

необходимо учесть, что внесудебное банкротство исключает из числа участников такой процедуры финансового управляющего.

Правила внесудебного банкротства определяют обязанность должника-гражданина при подаче заявления о банкротстве сообщить о размере своей задолженности, о своих кредиторах. В ином случае в отношении неуказанных требований не будет применяться, к примеру, мораторий на их погашение. Однако, законодатель, не оставляя возможности уточнения сведений, не принимает во внимание, что граждане, как правило, могут не знать либо добросовестно заблуждаться относительно своих кредиторов либо относительно размера задолженности. Все это будет вынуждать должников указывать размер задолженности предположительно, с «запасом».

Важным практическим вопросом являются случаи, когда должник имеет доход, не позволяющий ни воспользоваться обычной процедурой банкротства, ни погасить требования кредиторов, например, в силу наличия на содержании иждивенцев. Наличие дохода не позволит окончить исполнительное производство, что будет формально препятствовать возможности применения внесудебного банкротства.

Закон о банкротстве предусматривает ряд упрощенных процедур банкротства, в том числе банкротство отсутствующего должника-гражданина[5]. Данная процедура применима независимо от размера кредиторской задолженности такого должника. Условием проведения является фактическое отсутствие должника. С точки зрения юридической техники нет оснований не считать внесудебное банкротство самым упрощенным вариантом банкротной процедуры. Логическим продолжением упрощенного банкротства отсутствующего должника-гражданина было бы распространение его правил на граждан, не отсутствующих физически, но не имеющих активов и достаточных доходов для расчета с кредиторами.

Таким образом, новизна внесудебного банкротства в системе банкротных процедур, своеобразное включение многофункциональных центров в число субъектов банкротного права, краткость законодателя в изложении нормативно-правового регулирования, могут повлечь сложности в практике применения внесудебного банкротства. Однако, в целом, тенденция на упрощение процедур банкротства создает дополнительные правовые возможности для обеспечения соответствия института банкротства актуальным потребностям общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цветкова Г.С. Институт банкротства физических лиц: мировой опыт и российская практика // Российское предпринимательство. – 2016. – Т. 17. – № 15. – С. 1727-1738.
2. Невоструев А.Г., Карачаева К.А. Некоторые вопросы прекращения производства по делу о несостоятельности (банкротстве) граждан // Российская юстиция. 2018. N 12. С. 24 - 26.
3. Законопроект № 792949-7 12 сентября 2019 года «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина».
4. Москаленко М.Н. О специальных концепциях антикризисной деятельности (позиция нотариуса) // Нотариус. 2016. N 6. С. 3 - 8.
5. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О несостоятельности (банкротстве)».
6. Попондопуло В.Ф. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. N 1. С. 44 - 52.
7. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».

Global trends in the socio-economic development of modern society suggest a bigger role of the private bankruptcy concept. Private bankruptcy is useful for society since it significantly reduces social pressure in society and prevents shadow flows in the economy[1]. The modern statutory regulation in Russia considers bankruptcy of natural persons as one of its primary tasks, which corresponds to the general global trend in understanding this phenomenon. In 2015, when private bankruptcy became possible, it was suggested that this procedure would not become large-scale, since it was unusual for social conscience and law enforcement practice. The first cases of private bankruptcy caused a vast interest due to their novelty, and private bankruptcy mechanisms were applied in practice. The current conditions of the pandemic crisis of 2020 caused by restrictions aimed at preventing the propagation of the new coronavirus infection intensified the urgency of private bankruptcy.

As this trend was developing, two primary groups of consumers of private bankruptcy procedures were distinguished: large debtors having

significant debts to creditors and having assets or those in relation to whom creditors or finance managers saw the possibility to search for hidden assets; debtors with low debts and no property or other sources of payment. While the first type of debtors corresponded to the idea of the legislator who provided full-fledged regulated procedures, involving a financial manager to manage debtors' matters and, as a consequence, debtors being subject to respective legal expenses, the second-type debtors had difficulties in searching a financial manager, without which the bankruptcy case is to be closed, and in searching for money to make a deposit and cover legal expenses[2].

Debtors of the second group formed a massive layer intended for quick debt relief. The Unified Federal Register of Bankruptcy Information web-site shows that 70–80% of debtors in this category have no property and it cannot be found during their bankruptcy procedures, so 60–75% of creditors get nothing from such procedures, and positively closed rehabilitation procedures are few[3]. Private bankruptcy greatly reduced the negative effects of debt collection agencies while hopes placed on such agencies did not justify themselves[4].

To correct legislation taking into account new practical challenges, the legislator took steps to simplify bankruptcy for most private bankrupts using the so-called consumer bankruptcy procedure. On September 1, 2020, extra-judicial private bankruptcy was applied to natural persons having debts from 50,000 to 500,000 rubles along with enforcement proceeding terminated upon no property for enforced seizure according to enforcement documents[5]. When analyzing this legislation decree, it becomes clear that the legislator desired to make it the simplest administrative regulation representing a chain of technical actions. Statutory regulation covers 5 articles in paragraph 5 of Chapter X of the Bankruptcy Act.

The primary idea of extra-judicial bankruptcy is to simplify the bankruptcy procedure for a large group of private debtors and relieve them from searching candidates for financial managers and money to finance their activity – this can be regarded as a positive trend that has been long expected by legal practitioners[6]. However, from a legal point of view, this decision is not that indisputable.

A principal point is that the Russian Federal Civil Code suggests admission as a bankrupt solely upon an arbitration decision (Art. 25)[7]. New extra-judicial bankruptcy is in conflict with the Russian Federal Civil Code. The idea of excluding court in a private bankruptcy procedure seems disputable because multi-functional centers replacing judicial authorities in

such procedures will take decisions that directly and significantly affect natural persons. For example, a multi-functional center will have to make a decision concerning the extent to which the debtor will be relieved from further debt payment taking into account grounds for non-relief envisaged by the Bankruptcy Act, or this issue will be unsolved for the debtor and its creditors. It should be additionally considered that extra-judicial bankruptcy excludes a financial manager from participants of such a procedure.

Rules of extra-judicial bankruptcy define the debtor's obligation to report its debt and creditors when submitting a bankruptcy application. Otherwise, the debt moratorium will not be applied to non-specified claims. However, the legislator leaves no opportunity to specify information and does not take into account that individuals usually do not know or are mistaken in good faith as to their creditors or the debt amount. This will make debtors indicate the debt amount in a tentative manner, with a margin.

An important practical issue is a case when the debtor has income that allows neither using a regular bankruptcy procedure nor redeeming creditors' claims, for example, due to dependent persons. Income will not allow terminating the enforcement proceeding, which will formally impede the possible use of extra-judicial bankruptcy.

The Bankruptcy Act provides a number of simplified procedures of bankruptcy including the bankruptcy of an absent private debtor[5]. This procedure is applicable independent of the debt amount of such debtor. The condition for the procedure is the actual absence of the debtor. In terms of legal technique, there are no grounds to regard extra-judicial bankruptcy as the most simplified type of bankruptcy procedure. A follow-up of simplified bankruptcy of an absent private debtor would extend its rules to those who are not absent physically but have no assets and sufficient income to pay the debt.

In this manner, the novelty of extra-judicial bankruptcy in the system of bankruptcy procedures, the specific inclusion of multi-functional centers into the number of bankruptcy law subjects, shortness of the legislator in setting out legal regulations may lead to complications in the practical application of extra-judicial bankruptcy. In general, the simplification trend of bankruptcy procedures creates additional legal opportunities to ensure the compliance of the bankruptcy concept with relevant social needs.

REFERENCES

1. Tsvetkova, G.S. (2016). Concept of Private Bankruptcy: Global Experience and Russian Practice. *Russian Entrepreneurship*, 17(15), 1727-1738.
2. Nevostruyev, A.G., & Karachayeva, K.A. (2018). Some Issues of Termination of Private Bankruptcy Proceedings. *Russian Justice*, 12, 24–26.
3. Draft No. 792949-7 On Modifying Federal Law on Bankruptcy and Individual Legal Acts of the Russian Federation in Terms of Extra-Judicial Private Bankruptcy. (2019, September 12).
4. Moskalenko, M.N. (2016). On Special Concepts of Anti-Crisis Activity (Notary Point of View). *Notary*, 6, 3–8.
5. Federal Law No. 127-FZ. (2002, October 26). Revised July 31, 2020.
6. Popondopulo, V.F. (2016). Some Problems of Improving Bankruptcy Law. *Journal of Business and Corporative Law*, 1, 44–52.
7. Russian Federation Civil Code No. 51-FZ (Part I). (1994, November 30). Revised July 31, 2020.

Руденко Андрей Викторович,
курсант 1 курса
5 (прокурорско-следственного) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Rudenko Andrey Viktorovich,
Military University: Ministry of Defence of the RF
5 (Procuracy Investigation) Department
1st year cadet.

Лоскутова Светлана Витальевна,
преподаватель кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства обороны РФ.
Loskutova Svetlana Vitalievna,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Teacher.

ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

LEGAL INSTRUMENTS GUARANTEEING STATE STABILITY AT PRESENT STAGE

Аннотация. В статье автор рассматривает ряд вопросов, касающихся обеспечения стабильности государства, и обращает внимание на их актуальность.

Abstract. The author of the study examines a number of issues related to ensuring the state stability and draws attention to their relevance.

Ключевые слова: государственная безопасность, стабильность государства, уровни стабильности государства.

Keywords: state stability and security, state stability levels.

В настоящее время на фоне разворачивающихся глобальных процессов и событий на Ближнем Востоке, в частности, в Сирии, связанных с проблемами международного терроризма, стабильность государства является одним из важных элементов национальной безопасности в целом. Автор считает, что необходимо знать и изучать составляющие безопасности государства, так как от них зависит стабильное развитие нашей страны.

В работе стабильность государства определяют как составляющий элемент системы национальной безопасности, характеризующий степень защищенности государства от угроз, поступающих извне, а также от воздействия внутренних негативных факторов[1]. Сегодня одной из самых острых мировых проблем является терроризм, а процесс глобализации и активность транснациональных корпораций приводит к снижению роли государств во многих областях[2]. Президент Российской Федерации Путин Владимир Владимирович на совещании правительства РФ предложил план национальной обороны на 2021 год. Этот документ дополняет существующие стратегические планы и уточняет интересы и приоритеты страны во внутренней и внешней политике[3]. В этой связи, обеспечение безопасности государства следует определять как комплекс мероприятий политической, экономической, социальной, правовой и военной направленности, а цель его реализации состоит в защите существующего общественно-политического строя от деструктивной деятельности иностранных государств, а также от его внутренних противников. Для стабильности государства, прежде всего, должна быть обеспечена безопасность гражданина собственной территории, а также за ее пределами через поддержку со стороны консульских и посольских учреждений и представительств[4]. В свою очередь, в качестве инструментов обеспечения безопасности государства принято называть соблюдение законности при реализации направленных на выполнение данной задачи мер, оперативное взаимное информирование и согласованность действий вовлеченных сил. Кроме того, следует учитывать единство, взаимосвязь и сбалансированность всех видов безопасности государства, приоритетность политических, экономических, правовых и информационных мер и, соответственно, контроль за реализацией совокупности действий по защите страны. Стабильность государства, наряду с безопасностью выступает неперенным условием развития самостоятельной суверенной державы. К тому же, обеспечение благоприятной внутренней и внешней государственно-властной деятельности не может быть отделено от деятельности по обеспечению государственной безопасности. Стабильность государства является одним из показателей степени безопасности страны. В современной политологии принято выделять три уровня стабильности, в зависимости от достижения которых различают степени государственной безопасности. Первый уровень

государственной стабильности состоит в обеспечении продолжительного военно-политического государственного управления и постоянстве, и преданности основного руководящего состава. Второй уровень заключается в сохранности существующей социально-политической системы, трансформация которой обуславливается исключительно эволюционными изменениями, не сопровождающимися элементами политического насилия. Третий уровень – устойчивое положение общества и народа[5]. Характеристика данного уровня стабильности состоит в гарантии территориальной целостности государства, обеспечении личной безопасности граждан, улучшении их благосостояния, условий окружающей среды, а также поддержании демографического баланса.

Таким образом, изучение вышеназванных уровней позволяет сделать вывод, что на практике достижение третьего уровня представляет собой наибольшую трудность, однако именно ощущение устойчивости общества и народа соответствует общечеловеческим представлениям о стабильности, как неотъемлемом свойстве и элементе государственной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальная безопасность [Электронный ресурс]
URL: <http://stavf.krdu.ru> (дата обращения: 22.09.2020).

2. Путин назвал правительству важнейшую задачу на 2021 год [Электронный ресурс]
URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreene ws/5ff494489a794760b33a60b4> <https://www.rbc.ru/rbcfreene ws/5ff494489a794760b33a60b4> (дата обращения: 05.01.2021).

3. Национальная безопасность [Электронный ресурс]
URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Национальная_безопасность (дата обращения 05.01.2021).

4. Безопасность государства [Электронный ресурс]
URL: https://spravochnick.ru/politologiya/bezopasnost_gosudarstva/ (дата обращения: 05.01.2021).

5. Попов Е.Б. Legal English for Student sof Homeland Security and Law Enforcement Program: Английский язык для студентов направления подготовки «Правовое обеспечение национальной безопасности»: Учебник в двух частях, Книга 1.– Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Московского государственного

юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2019.– 259 с.

At present, a state stability is one of the important elements of national security on the back drop of the unfolding global processes and events related to the problems of international terrorism in the Middle East, in particular, in Syria. The author believes that it is necessary to know and study the components of state security, so as the stable development of our country depends on them too.

In the study a state security is defined as a component of a national security system which characterizes the state protection degree from threats coming from outside, as well as from the impact of internal negative factors[1]. Today, terrorism is the overriding global problem in connection with the process of globalization and transnational corporation developments. These challenges have led to the state role decline in many fields[2]. At the government meeting President Vladimir V. Putin has issued a national defense plan for 2021 which continues the existing strategic plans. The document clarifies the interests and strategic priorities of the country in domestic and foreign policy[3]. In this regard, ensuring the state security should be defined as a set of political, economic, social, legal and military measures. The aim of its implementation is to protect the social and political order against the destructive activities of foreign states, along with internal ones. Firstly, in order to verify the state security, the protection of citizens within and outside their territory must be achieved through the functioning of consular and embassy institutions and representative offices[4]. The ensuring state security tools, in their turn are as follows: the rule of law in the realization of activities to ensure national security, operational mutual information and action coordination of the forces involved. Besides, the unity, interrelation and balance of all types of state security, the priority of political, economic, legal and informational measures and, accordingly, monitoring the fulfillment of the National Defense Package should be taken into account. The state stability, along with security, is a prerequisite for the development of an independent sovereign Power. Moreover, the promotion of favourable domestic and external public affairs cannot be separated from State security. The state stability is a measure of state security. In modern political science, it is customary to establish three stability levels. Depending on their achievement the degree of national security is different. The first level of State stability comprises a political and military State administration

reflected in its relative duration, and permanence and loyalty to the main leadership. The second level is the preservation of the social and political State system. It is only changed due to evolutionary changes that are not accompanied by elements of political violence. The third one is the stability of society and people[5]. This level is the preservation of the territorial integrity of a State ensuring the personal safety of citizens, improving their welfare and environmental conditions, as well as maintaining the demographic balance.

Thus, the study of the above-mentioned levels allows us to conclude that it is the third level that is hardly ever to achieve in practice. It is, however, the social stability that corresponds to the universal ideas of stability as an integral property and the State security element.

REFERENCES

1. National security [Electronic resource] URL:<http://stavf.krdu.ru> (access date: 22.09.2020).

2. Putin called the government the most important task for 2021: [Electronic resource] URL:<https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5ff494489a794760b33a60b4> (access date: 05.01.2021).

3. National security. [Electronic resource] URL:[https://ru.wikipedia.org/wiki/National Security](https://ru.wikipedia.org/wiki/National_Security) (access date: 05.01.2021).

4. The security of the state [Electronic resource] URL:https://spravochnik.ru/politologiya/bezopasnost_gosudarstva/ (access date: 05.01.2021).

5. Popov E.B. Legal English for Students of Homeland Security and Law Enforcement Program: English for students of the direction of training "Legal support of national security": A textbook in two parts, Book 1 – Orenburg: Orenburg Institute (branch) Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSLA), 2019 – 259 p.

Сыромятников Юрий Юрьевич,
подполковник,
слушатель 1 курса
4 факультета (руководящего состава
органов военно-политической работы)
Военного университета Министерства обороны РФ.
Syromyatnikov Yuriy Yurievich,
lieutenant colonel,
4 (Leadership of Bodies of Military-Political Work) Department
Military University: Ministry of Defence of the RF
1st year master's degree student.

**СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ВОЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РФ
КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВА**

**ESTABLISHMENT OF THE LEGAL BASIS OF MILITARY
AND POLITICAL WORK IN THE ARMED FORCES OF THE RF
AS AN IMPORTANT ASPECT OF ENSURING STATE STABILITY**

Аннотация. Статья посвящена формированию системы военно-политической работы в России, разработке и закреплению правовых норм регулирования сферы взаимодействия с подчиненными. Автор рассматривает процессы издания нормативных документов сквозь призму времени с учетом стоящих перед военной организацией актуальных вызовов.

Abstract. The article is devoted to the formation of a military-political work system in Russia, the development and consolidation of legal norms for regulating the sphere of interaction with subordinates. The author examines the processes of issuing regulatory documents through the prism of time, taking into account the actual challenges facing the military organization.

Ключевые слова: правовые основы, суверенитет, военно-политическая работа, нормативно-правовые акты, стабильность государства.

Key words: legal basis, sovereignty, military-political work, normative legal acts, state stability.

В объективных условиях перехода от однополярного миропорядка к многополярному предпринимаемые руководством ведущих мировых держав усилия, направленные на навязывание своей воли и формирование с этой целью недружественных военно-политических и политико-экономических коалиций, диктуют необходимость консолидировать российское общество. Ярким примером всенародного единения стала поддержка россиянами в ходе голосования предложенных Президентом Российской Федерации поправок в Конституцию России, которые затронули социальные и правовые сферы общественной жизни, аспекты публичной власти и обороны.

Россия обладает мощными, оснащенными новейшим оружием и надежной техникой силовыми ведомствами, способными подавить военные угрозы со стороны любых государств и надгосударственных блоков, гарантировать безопасность собственным гражданам и обеспечить неприкосновенность своего суверенитета. Однако сегодня решающее значение приобретают институты защиты страны от всевозможных несиловых видов агрессии, как внутригосударственного характера, так и извне.

Возникающие перед Россией и ее армией вызовы и определили актуальность рассмотрения тематики становления структуры военно-политических органов и законодательно-правового базиса этого процесса в качестве инструментов обеспечения стабильности государства.

В постсоветские десятилетия российская армия объявила себя вне политики и вне религии. Теперь ясно, что была допущена принципиальная ошибка, и Вооружённые Силы помимо прочего призваны обеспечить неприкосновенность конституционного строя и суверенитета, устоявшихся ценностей и обычаев народа, стабильность общественной политической системы[1].

Поэтому Президент Российской Федерации в полномочия Минобороны России ввел своим Указом организацию военно-политической работы[2]. Сама формулировка указанных целей предопределила необходимость оперативного решения широкого перечня задач организационного характера, пересмотра подходов кадровой политики, научного и правового обоснования принимаемых мер.

Сейчас поэтапно вводятся принципиально новые подходы в работе с подчиненными. Сначала было создано Главное военно-

политическое управление ВС РФ, а должность его руководителя наделена статусом заместителя Министра обороны. Затем построена вертикаль военно-политических институтов и учреждений[3].

В фундамент функционирования политического вектора армейской администрации заложено законотворческое дело изложения единых подходов и юридических норм, касающихся воспитательного процесса и патриотического обучения в войсках.

Специфика задач, решаемых оборонным ведомством России, диктует потребность в издании правовых документов, регулирующих военно-политическую деятельность, как в мирное время, так и в обстоятельствах ведения войны.

На сегодняшний день изданы и дополнены нормативные акты, призванные стать правовой основой механизма военно-политической работы, такие как приказы главы российского оборонного ведомства, определяющие порядок действий в различных направлениях указанной работы[4], об учреждении военно-политических структур, а также иные директивные и распорядительные документы.

Кроме того, для практического содействия специалистам в повседневной жизни опубликован широкий спектр методических пособий, инструкций и руководств, модернизированы образовательные программы для военных учебных учреждений.

Опыт последних десятилетий по применению военной силы для разрешения межгосударственных противоречий, на манёврах и учениях, включая борьбу с терроризмом в Сирии, доказал необходимость непрерывного ведения военно-политической работы с личным составом и в обстоятельствах боя, и при разрешении поставленных задач невоенными методами, взаимодействии с местными властными структурами и общении с гражданским населением.

Данный опыт регулярно обобщается, анализируется и изучается в войсках и научных учреждениях (организациях), а результаты исследований формулируются в правовой базис войсковой политработы, учитываются в методиках управленческой деятельности, статьях боевых уставов и наставлениях.

В заключение следует отметить, что Военный университет, в свою очередь, реализуя направления военно-политической деятельности и формулируя предложения по их обновлению, является активным участником исторического процесса строительства военно-политической системы, оказывает содействие в его правовом

оформлении. Приобретенный неоценимый опыт совершенствования правовых основ военно-политической работы, несомненно, станет полезным для развития Армии России, поддержания обороноспособности и стабильности страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Картаполов А.В. Наша цель – формирование воина-государственника // Красная звезда, 2019 г. – № 1, С. 5.
2. Положение о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации 2004 г. № 1082.
3. Буловский В.Н. Главное военно-политическое управление Вооруженных Сил Российской Федерации в зеркале истории и современности. – М.: АО «Красная звезда», 2019. – С. 200-202.
4. Приказ Министра обороны Российской Федерации 2019 г. № 404 «Об организации военно-политической работы в Вооружённых Силах Российской Федерации».

In the objective conditions of the transition from a unipolar world order to a multipolar one, the efforts undertaken by the leadership of the leading world powers aimed at imposing their will and forming unfriendly military-political and political-economic coalitions for this purpose dictate the need to consolidate Russian society. A striking example of national unity was the support by the Russian population during the voting on the amendments to the Russian Constitution proposed by the Russian Federation President, which affected the social and legal spheres of public life, aspects of public power and defense.

Russia possesses powerful security forces equipped with the latest weapons and reliable equipment capable to suppress any military threats from any state or supranational blocs, guaranteeing the safety of its own citizens and ensuring the inviolability of its sovereignty. However, today the institutions of state defense against all kinds of non-violent types of aggression, both domestic and outside, are acquiring decisive importance.

The challenges faced by Russia and its army determined the relevance of considering the topic about structure formation of military-political bodies and the legislative and legal foundations of this process as tools for ensuring the stability of the state.

In the post-Soviet decades, the Russian army declared itself outside of politics and religion. Now it is clear that it was a fundamental mistake, and the Armed Forces, among other things, are called upon to ensure the inviolability of the constitutional order and sovereignty, the moral values and customs of the people, and the stability of the social political system[1].

Therefore, the President of the Russian Federation introduced by his Decree the organization of military-political work in the powers of the Ministry of Defense of Russia[2]. The very formulation of these goals predetermined the need for a prompt solution of a wide range of organizational tasks, revision of personnel policy approaches, scientific and legal justification of the taken measures.

Now a fundamentally new approaches of work with subordinates are being introduced in stages. First, the Main Military-Political Directorate of the RF Armed Forces was created, and the position of its head was endowed with the status of Deputy Minister of Defense. Then the vertical of military-political institutions and bodies was built[3].

The legislative work of setting out unified approaches and norms of law relating to the educational process and Patriotic training in the troops established in the basis for the functioning of the political vector of the army administration.

The specifics of the tasks solved by the Russian defense department make necessary the publication of legal documents regulating military-political activity both in peacetime and in the circumstances of war.

Today, normative acts which have been issued and supplemented, designed to become the legal basis of the mechanism of military-political work, such as orders of the head of the Russian defense department, defining the procedure for actions in various areas of this work[4], as well as on the establishment of military-political structures and other policy and administrative departmental documents.

In addition, a wide range of teaching aids, instructions and guidelines has been published, for practical assistance to specialists in everyday life, educational programs for military educational institutions have been modernized.

The experience of recent decades in the use of military force to resolve interstate contradictions, during maneuvers and exercises, including the fight against terrorism in Syria, proved the need for continuous military and political work with personnel both in the circumstances of the battle, and in resolving the assigned tasks by non-military methods, in cooperation

with local government structures and in communicating with the civilian population.

This experience is regularly summarized, analyzed and studied in the military and scientific institutions (organizations), and the research results are formulated into the legal foundations of military political work and taken into account in the methods of management, articles of combat manuals and admonitions.

In conclusion, it should be noted that the Military University, in turn, implementing the directions of military-political activity and formulating proposals for their renewal, is an active participant of the historical process of building the military-political system, and provides assistance in its legal registration. The invaluable experience gained in improving the legal basis of military and political work will undoubtedly become useful for the development of the Russian Army, maintaining the country's defense capability and stability.

REFERENCES

1. Kartapolov A.V. Our goal is to form a warrior-statesman // Red Star, 2019. – №1. – P. 5.
2. Regulations on the Ministry of Defense of the Russian Federation, approved by the Decree of the Russian Federation President, 2004, №1082.
3. Buslovsky V.N. The Main Military-Political Directorate of the Armed Forces of the Russian Federation in the Mirror of History and Modernity. – M,: Joint-stock company “Red Star”, 2019. – P. 200-202.
4. Order of the Minister of Defense of the Russian Federation, 2019 №404 "On the organization of military-political work in the Armed Forces of the Russian Federation."

НАПРАВЛЕНИЕ 3.
**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ МОРАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ
К ПОСЛЕДСТВИЯМ ВЫЗОВОВ**
WORKSHOP 3.
**STRATEGIC TASKS OF MORAL AND PSYCHOLOGICAL
ADAPTATION TO THE CONSEQUENCES OF CHALLENGES**

Александров Дмитрий Сергеевич,
курсант 2 курса
9 (психологии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Alexandrov Dmitry Sergeevich,
Military University: Ministry of Defence of the RF
9 (Psychology) faculty
2nd year cadet.

**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ МОРАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ К ПОСЛЕДСТВИЯМ
ВЫЗОВОВ**

**STRATEGIC MATTERS OF MORAL AND PSYCHOLOGICAL
ADAPTATION TO THE CONSEQUENCES OF CHALLENGES**

Аннотация. В статье раскрыта актуальность морально-психологического обеспечения войск, определена сущность морально-психологической адаптации к последствиям вызовов, выявлены ее стратегические задачи и принципы. Автор рассматривает вариант решения адаптационных задач, требующих учета индивидуальных особенностей адаптанта.

Abstract. The article reveals the relevance of moral and psychological support of troops, defines the essence of moral and psychological adaptation to the consequences of challenges, and identifies its strategic tasks and principles. The author treats the issue of solving adaptation problems that require taking into consideration the individual features of the adaptant.

Ключевые слова: адаптация, адаптационный процесс, морально-психологическая подготовка, стратегическая задача адаптации.

Keywords: adaptation, adaptation process, moral and psychological preparation, the strategic task of adaptation.

В современных условиях социально-экономического и военно-политического развития вопросы морально-психологического обеспечения войск являются актуальными. Актуальность их исследования обусловлена необходимостью решения стратегических задач адаптационной работы, направленной на профилактику и минимизацию негативных для психики военнослужащих последствий вооруженной борьбы.

Деятельность по формированию, поддержанию и восстановлению морально-психологического состояния личного состава, обеспечивающего успешное выполнение оперативно-служебных задач, включает в себя формирование психологической устойчивости личности к адекватным условиям военной обстановки, поведенческие реакции и морально-психологическую адаптацию к последствиям вызовов.

Различные аспекты адаптации личности к условиям военной службы и военно-профессиональной деятельности составили сферу интересов Забегалиной С.В.[1], Хаустовой А.И.[2], Чихачёва М.В.[3] и др. Результаты анализа проблем исследований показали, что современными исследователями адаптация рассматривается как:

- приспособление личности к изменяющимся условиям внешней среды и составной элемент ее безопасности;
- *включение человека в новые формы и условия деятельности;*
- процесс выбора и реализации способов поведения, позволяющих согласовать требования и ожидания всех участников адаптивной ситуации; процесс внутренних изменений и активного внешнего приспособления к новым условиям жизни, приводящий к субъективно и объективно положительно оцениваемым результатам.

Под успешной адаптацией понимается достижение человеком такого результата внутренних изменений и взаимодействия с окружающим миром, при котором он эффективно включается в новую социальную ситуацию без ущерба для психики и здоровья[4]. Морально-психологическую адаптацию можно рассматривать как явление и форму отражения социального окружения. Они выражаются

в приспособлении человека к условиям его жизни и выработке им собственного стиля поведения с максимальной эффективностью выполняемых задач. Морально-психологическое обеспечение адаптации служебно-боевой деятельности и последствиям вызовов основывается на решении стратегических задач: во-первых, профилактики (заблаговременной психологической подготовке личного состава к выполнению служебно-боевых задач) и психологического сопровождения; во-вторых, диагностики, оценки и развития адаптационных способностей; в-третьих, регуляции и коррекции (оказание психологической помощи военнослужащим).

Формирование системы морально-психологической адаптации, связанное с комплексным решением обозначенных стратегических задач морально-психологической адаптации к последствиям вызовов, направлено на быстрое достижение высокой продуктивности и качества выполняемых обязанностей в условиях изменяющейся социально-профессиональной среды. Это достигается посредством мониторинга динамики адаптационного процесса, своевременной профилактики состояний дезадаптации военнослужащих и повышения его адаптационных возможностей, минимизации психотравмирующего воздействия условий боевой деятельности.

Процесс адаптации индивидуален как со стороны личностных качеств, так и со стороны масштаба, интенсивности и условий вооруженной борьбы. Каждый военнослужащий реагирует на воздействие экстремальных факторов в зависимости от своих индивидуально-психологических особенностей и времени пребывания в зоне экстремальности. Общие стратегические задачи и принципы адаптации (системность, устойчивость, актуализация и активность, поддержка и взаимопомощь) наряду с индивидуальными особенностями адаптанта лежат в основе разработки общей программы морально-психологической адаптации.

Таким образом, адаптационный потенциал обуславливает адаптивные возможности человека и является одним из интегральных показателей личности военнослужащего. Морально-психологическая подготовка войск и морально-психологическая адаптация к последствиям вызовов – процесс и результат совокупности мероприятий, призванных поддержать моральный боевой дух военнослужащих и поднять уровень их морально-боевых качеств. Они могут повлиять на способность достигать и реализовывать свою цель. Стратегические задачи (достижение продуктивности и качества

выполняемых профессиональных обязанностей благодаря приспособлению поведения к социальной среде, ее условиям и требованиям, повышению уровню адаптационных возможностей военнослужащего, др.), выполнение которых требует соблюдения принципов морально-психологической адаптации к последствиям вызовов, определяют тот арсенал, который может эффективно использоваться командирами воинских частей и подразделений в интересах быстрого «поднятия» и восстановления боеспособности военнослужащих. При умелом и комплексном их применении возможно существенное снижение уровня психотравмирования войск.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Забегалина С.В., Чигарькова А.В. Психологические особенности оценки и прогноза процесса адаптации военнослужащих // Вестник Череповецкого государственного университета, 2013. – № 4. – Т. 3. – С. 124-129.

2. Хаустова А.И. Социально-психологическая адаптация // Молодой ученый. – 2016. – № 26 (130). – С. 614-617.

3. Чихачёв М.В. Психологическая адаптация в исследованиях военных психологов // Сибирский педагогический журнал, 2013. – № 3. – С. 269-272.

4. Введение в теорию и практику морально-психологического обеспечения войск (сил): Учебник. – М., 2014. – 206 с.

Under present-day conditions of socio-economic and military-political development, the issues of moral and psychological support of troops are relevant. The relevance of their research arises from the need to solve the strategic tasks of adaptation work aimed at preventing and minimizing the negative consequences of armed struggle for the mental health of military personnel.

Activities on the formation, maintenance, and restoration of the moral and psychological state of personnel, ensuring the successful fulfillment of operational and service tasks, includes the formation of psychological resistance of the individual to adequate conditions of the military situation; behavioral reactions and moral and psychological adaptation to the consequences of challenges.

Various aspects of personal adaptation to the conditions of military service and military and professional activity were the sphere of interests of S.V. Zabegalina.[1], Khaustova A.I.[2], Chikhachev M.V.[3], and others.

The results of the analysis of research problems have shown that modern researchers consider adaptation as:

- the inclusion of a person in new forms and conditions of activity;
- the process of selection and implementation of behavioral methods that allow agreeing on the requirements and expectations of all participants in the adaptive situation; the process of internal changes and active external adaptation to new living conditions, leading to results that are evaluated subjectively and objectively positively.

Successful adaptation is understood to mean the achievement by a person of such a result of internal changes and interaction with the outside world, in which he is effectively included in a new social situation without mentality and health damage[4]. Moral and psychological adaptation can be described as a phenomenon and a form of reflection of the social environment. They are expressed in the adaptation of a person to the conditions of his life and in the development of his own style of behavior with the maximum efficiency of the tasks performed. Moral and psychological support of the adaptation of service and fighting activities and the consequences of challenges is based on the solution of strategic tasks: firstly, prevention (early psychological training of personnel to perform service and fighting tasks) and psychological support; secondly, diagnostics, assessment, and development of adaptive abilities; thirdly, regulation and correction (providing psychological assistance to military personnel).

The formation of a system of moral and psychological adaptation, associated with a comprehensive solution of the designated strategic tasks of moral and psychological adaptation to the consequences of challenges, is aimed at the rapid achievement of high productivity and quality of performed duties in a changing social and professional environment. This is achieved by monitoring the dynamics of the adaptation process, timely prevention of maladaptation states of military personnel, and increasing their adaptive capabilities, minimizing the psycho-traumatic impact of the conditions of combat activity.

The adaptation process is individual, both in terms of personal qualities and in terms of the scale, intensity, and conditions of the armed struggle. Each member of the armed forces reacts to the impact of extreme factors depending on his individual psychological characteristics and the time spent in the extreme zone. General strategic tasks and principles of adaptation (consistency, stability, actualization, and activity, support and mutual assistance), along with the individual characteristics of the adaptant,

underlie the development of a general program of moral and psychological adaptation.

Thus, the adaptive potential determines the adaptive capabilities of a person and is one of the integral indicators of the personality of a member of the armed forces. Moral and psychological training of troops and moral and psychological adaptation to the consequences of challenges is a process and result of a set of measures designed to maintain the moral fighting spirit of military personnel and raise the level of their fighting efficiency and morale. They can affect the ability to achieve and fulfill your goal. Strategic tasks (achieving productivity and the quality of professional duties performed by adapting behavior to the social environment, its conditions and requirements, increasing the level of the serviceman's adaptive capabilities, etc.), the implementation of which requires compliance with the principles of moral and psychological adaptation to the consequences of challenges, determine the range that can be effectively used by commanders of military units and subunits in the interests of quickly "raising" and restoring the combat efficiency of military personnel. With their skillful and complex application, a significant decrease in the level of the psychological trauma of troops is possible.

REFERENCES

1. Zabegalina S.V., Chigarkova A.V. Psychological features of assessment and prognosis of the adaptation process of military personnel // Bulletin of Cherepovets State University, 2013. - No. 4. - Vol. 3. - pp. 124-129.
2. Khaustova A.I. Socio-psychological adaptation // Young scientist. – 2016. – № 26 (130). – P. 614-617.
3. Chikhachev M. V. Psychological adaptation in studies of military psychologists // Siberian pedagogical journal, 2013. – No. 3. – P. 269-272.
4. Introduction to the theory and practice of moral and psychological support of troops (forces): a Textbook. – M., 2014. – 206 p.

Алмаз Дарья Юрьевна,
студент 1 курса магистратуры
факультета лингвистики и межкультурной коммуникации
Московского государственного института
международных отношений (университета) МИД РФ.

Almaz DariaYurievna,
Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
Faculty of Linguistics and Cross Cultural Communication
1st year master's degree student.

К ВОПРОСУ О ЗАВИСИМОСТИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ СЕВЕРНОГО ВУЗА ОТ ИХ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

ON THE QUESTION OF CORRELATION BETWEEN NORTHERN UNIVERSITY STUDENTS' MENTAL STATES AND THEIR PHYSICAL ACTIVITY

Аннотация. Статья посвящена вопросу зависимости психических состояний обучающихся первого курса ВУЗа от их уровня физической активности, Исследование проводилось среди студентов, проживающих в местности, приравненной к Крайнему Северу.

Abstract. This article presents the issue of first-year students' mental states dependence on their physical activity level. The research has been conducted among students living in the area similar to the Far North.

Ключевые слова: агрессивность, студенты, тест Айзенка, тревожность, ригидность, фрустрация.

Keywords: aggressiveness, students, Eysenck Questionnaire, anxiety, rigidity, frustration.

Нагрузки во время учебы в университете могут нарушать режим работы и отдыха студентов: обучающимся приходится много времени проводить в сидячем положении, уменьшать двигательную активность, что часто приводит к проблемам со здоровьем. Кроме того, первокурсники в ряде случаев ощущают тоску, одиночество, моральную и физическую истощенность, становятся склонными к

депрессии, уязвимыми к отрицательному влиянию со стороны. Тем не менее, эти процессы поддаются корректировке через повышение уровня физической активности обучающихся уже с первого курса.

Территории Севера отнесены современными исследователями к зоне дискомфортных природно-климатических условий проживания[1]. Неблагоприятные климатические факторы экстремальной среды предъявляют повышенные требования к организму человека, осложняя труд, быт и отдых проживающих здесь людей. Кроме того, отмечается снижение успеваемости студентов, обучающихся в северном вузе пропорционально их физической работоспособности[2].

На этой основе в 2020 году было проведено исследование психических состояний студентов Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск, ХМАО - Югра). В анкетировании участвовали 86 юношей и девушек – студенты первого курса в возрасте от 17 до 18 лет, которые были разделены на две группы согласно направлению их обучения: 47 представителей гуманитарного направления («Психология», «Филология», «Лингвистика») и 39 студентов направления подготовки «Физическая культура». В работе использованы опросники «Самооценка психических состояний» (Г. Айзенк) и «Психические состояния студентов» (А.О. Прохоров, 1991)[3]. При статистической обработке материала достоверность различия оценивали по t-критерию Стьюдента.

Согласно результатам опросника Айзенка, по показателям тревожности, фрустрации и ригидности первокурсники гуманитарного факультета– студенты, редко занимающиеся физкультурой и спортом – значительно превосходят обучающихся на факультете физического воспитания. Ниже представлены полученные числовые значения для двух контрольных групп соответственно.

1. Тревожность - 7,72 и 5,79 балла ($p < 0,01$).
2. Фрустрация 6,60 и 4,97 балла ($p < 0,05$)
3. Ригидность 9,38 и 8,47 балла

В то же время студенты, обучающиеся на факультете физического воспитания, превосходят студентов-гуманитариев по уровню агрессивности (8,82 и 6,77 балла) ($p < 0,01$).

Необходимо отметить, что наряду с описанными процессами в жизнедеятельности студентов гуманитарных факультетов отмечается недостаток физической активности, о чем подавляющее большинство опрошенных указало в своих анкетах.

Таким образом, было выявлено, что наиболее выраженная особенность психического состояния студентов-гуманитариев – ригидность, то есть негибкость познавательных процессов и поведения, низкая приспособляемость к сложившимся (изменившимся) условиям. Кроме того, высокий уровень тревожности определяет студентов-гуманитариев как людей, склонных часто впадать в состояние повышенного беспокойства и тревоги, особенно в тех эпизодах и ситуациях жизни, которые, по их мнению, несут в себе психологическую угрозу и могут обернуться неприятностями или неудачами. На третьем месте по степени выраженности оказался уровень агрессивности, что характеризует данную группу средней расположенностью к не вызванной объективными обстоятельствами (например, необходимостью самообороны или с целью защиты других) склонностью нападать на окружающих людей, оскорблять их словесно и физически.

Как и следовало ожидать, у студентов-гуманитариев агрессивность выражена слабее, чем у их коллег-спортсменов. Это значит, что студенты направления «Физическая культура» в большей степени склонны к враждебности по отношению к другим людям, предметам или явлениям окружающего мира.

Низкая тревожность студентов-спортсменов указывает на то, что студентов этой специальности проявляют стабильность и значительное самообладание, кроме того, она не склонна к продолжительной и сильной тревоге (в отличие от предыдущей группы). Далее, первокурсники из числа студентов второй группы показали самые низкие результаты по критерию фрустрации. Они не склонны долго и слишком сильно предаваться грусти из-за неудач, им не свойственно продолжительное депрессивное состояние по поводу провала. В таких ситуациях студенты-спортсмены, как правило, проявляют волю и не прекращают попытки достижения поставленной цели.

Результаты опросника А.О. Прохорова «Психические состояния студентов» также имеют различную динамику в сравниваемых группах.

Студенты-спортсмены имеют более высокие показатели по фактору положительных деятельностных (31,56 и 28,13 балла) и эмоциональных (16,90 и 14,64 балла) состояний по сравнению со студентами-гуманитариями. Опрашиваемые из этой группы также демонстрируют преимущество по сравнению со своими коллегами по

фактору положительных состояний общения (23,18 и 21,49 балла), мотивации (15, 31 и 13,55 балла) и воли (7,54 и 6,11 балла). В то же время студенты-гуманитарии показали более высокие средние результаты по критерию отрицательных мотивационных состояний (связанных с отрицательным отношением к учебе, преподавателям, окружающим) (2,26 и 1,97 балла) по сравнению со студентами-спортсменами.

Полученные результаты опровергают распространенный предрассудок о том, что спортсмены находятся на более низком уровне умственного развития, чем представители других профессий, так как они даже несколько превосходят обучающихся гуманитарного направления по значениям положительных интеллектуальных состояний. Эти результаты также соотносятся с итогами исследования, проведенного на базе Челябинского государственного педагогического университета[4].

Таким образом, в ходе исследования подтвердилась гипотеза о зависимости психических состояний студентов от уровня их физической активности. У групп обучающихся различной степенью физической нагрузки такие состояния являются неоднородными, и они характеризуются в целом более позитивными значениями у студентов направления «Физическая культура» по сравнению с гуманитарным отделением в том числе и по критериям положительных деятельностных, мотивационных, эмоциональных и волевых состояний.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что психические состояния студентов возможно и необходимо корректировать во время обучения в университете, так как регулярная физическая активность способствует улучшению не только эмоционального, но и умственного здоровья молодежи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гудков А.Б., Попова О.Н., Лукманова Н.Б. Эколого-физиологическая характеристика климатических факторов Севера. Обзор литературы // Экология человека. – 2012. – №1. – С. 12-17.
2. Зашихина В.В., Цыганок Т.В. Влияние климатогеофизических факторов на адаптационные возможности студентов вузов // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. – С.1-9

3. Габдреева Г.Ш., Прохоров А.О. Практикум по психологии состояний: Учебное пособие / Под ред. проф. А.О. Прохорова. – СПб: Речь, 2004. – 480 с.

4. Дорофеева Н.В. Динамика показателей психического состояния, физического здоровья и успеваемости студентов в процессе обучения // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 9. С. 119-123.

Various kinds of stress associated with university degree earning can disrupt the students' work and rest regime since long hours in a sedentary position lead to mobility reduction and often cause health problems. Moreover, in some cases, freshmen tend to endure melancholy, loneliness, moral and physical exhaustion and depression which makes them susceptible to the outer negative influence. However, it can be adjusted by increasing the physical activity amount and promoting healthy mobility in students' routines from the very first days at campus.

The North and similar areas are often referred to by modern researchers as a zone of adverse natural and climatic living conditions[1]. Hence, people living in this environment have to face constant challenges as human body, work, life and recreation are being affected by the extreme climatic conditions. According to the researchers, the academic performance shown by the northern students is in direct proportion to their physical performance meaning that a decrease in one aspect results in the plunge of the other[2].

This indication became a basis for the 2020 study of Yugra State University freshmen's mental states (Khanty-Mansiysk, Russia). The survey involved 86 male and female first-year students in the age pool of 17 and 18, who were divided into two groups according to of their training; this left us with 47 representatives of the humanities department (undergraduates of Psychology, Philology and Linguistics BA) and 39 students with the major in Physical Education. The questionnaires used in the research were Eysenck's "Self-assessment of mental states " and "Mental states of students" (Prokhorov, A., 1991)[3]. For the statistical processing, the data difference significance was evaluated with Student's t-test.

According to the Eysenck test results, the Humanities freshmen (who are rarely exposed to the workout and sports) shown a significantly higher degree of anxiety, frustration and rigidity than their PE counterparts. The

numerical values obtained for the two control groups respectively are shown below.

1. Anxiety - 7.72 and 5.79 points ($p < 0.01$).
2. Frustration 6.60 and 4.97 points ($p < 0.05$)
3. Rigidity of 9.38 and 8.47 points

On the other hand, the BA students of the Physical Education department surpass the first group on the aggressiveness level (8.82 and 6.77 points) ($p < 0.01$).

It must be taken into account that along with the aspect described, the Humanities students' lifestyle usually lacks physical activity which the majority of respondents confirmed in their questionnaires.

Thus, it has been revealed that the most pronounced feature of this students group is rigidity, i. e. the poor flexibility of cognitive processes and behavior together with low adaptability to existing (pre-modified) conditions. In addition, a high level of anxiety indicates that they often find themselves in a state of increased uneasiness and anxiety, especially in those life situations that might carry a psychological threat of ending with a trouble or failure. Their third most distinctive feature is the aggressiveness level which characterizes the Humanities freshmen group as having low chance to experience the inclination to attack or insult other people without objective reasons (for example, in case of for self-defense or other people protection).

As expected, their aggressiveness level is lower marked than one of the athletes. This leads to the idea that students majoring in Physical Education are more likely to be hostile towards other people, objects or phenomena of the environment.

They also indicate lower anxiety which defines their inner stability and strong self-controlling abilities as well as disinclination to prolonged and severe state of anxiety (in contrast to the compared group). Finally, this group shows the lowest levels of frustration. Athletes do not tend to indulge in severe sadness be depressed because of failures for a long time. On such occasions, they usually demonstrate strong will and do not stop trying to achieve their goal.

The Prokhorov's questionnaire "Mental states of students" results of the two groups compared are also marked by different dynamics.

In comparison with their counterparts, PE freshmen show higher values in terms positive activity states (31.56 and 28.13 points) and emotional states (16.90 and 14.64 points). They also surpass the first group on positive communication states (23.18 and 21.49 points), motivation

states (15, 31 and 13.55 points) and volition states (7.54 and 6.11 points). In turn, the Humanities department students show higher average values of negative motivation states (associated with a negative attitude to learning, teachers, and others) as compared to the second group (2.26 and 1.97 points).

This research results refute the widespread prejudice about the poor intellectual abilities the athletes assumingly possess since they even slightly exceed the students of the Humanities department in the positive intellectual states aspect. These data also relate to the results of a study conducted at the Chelyabinsk State Pedagogical University[4].

Thus, the study confirmed the hypothesis that the students' mental states depend a lot on their level of physical activity. The results for two groups with different degrees of physical activity show that such states are heterogeneous, and they are generally more positive considering the Physical Education students in comparison to the Humanities department freshmen (including positive activity, motivation, emotion and volition states).

The data obtained allow for concluding that the mental states of students can and should be improved during their studies at the university, since regular physical activity contributes to the strong emotional and mental health of young generation.

REFERENCES

1. Gudkov A., Popova O., Lukmanova N. Ecological and physiological characteristics of climatic factors of the North. Literature review // Human ecology. - 2012. - No. 1. - p. 12-17.
2. Zashikhina V., Tsyganok T. The influence of climatic-geophysical factors on the adaptive capacity of University students // Modern problems of science and education. - 2014. - No. 3. - p. 1-9
3. Gabdreeva G., Prokhorov A. Practical course on the psychology of states: A textbook / Edited by Prof. A.O. Prokhorova. - St. Petersburg: Rech, 2004. - 480 p.
4. Dorofeyeva N. Dynamics mental state indicators, physical health and academic performance of students in the learning process // Siberian Pedagogical Journal. 2012. № 9. P. 119-123.

Амрахов Эмрики Насирович,
курсант 2 курса
9(психологии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Amrakhov Emriki Nasirovich,
Military University: Ministry of Defence of the RF
9 (Psychology) Department
2nd year cadet.

Солонина Светлана Николаевна,
кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры психологии
Военного университета Министерства обороны РФ.
Solonina Svetlana Nikolayevna,
Candidate of Psychological Sciences,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Psychology Chair Senior Teacher.

ПРИЧИНЫ ФРУСТРАЦИОННЫХ СОСТОЯНИЙ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

CAUSES OF FRUSTRATION STATES OF CADETS AT HIGHER EDUCATIONAL MILITARY INSTITUTIONS DURING PANDEMIC

Аннотация. В статье рассматриваются причины фрустрационных состояний курсантов военного вуза в условиях пандемии и возможные пути их преодоления.

Abstract. The article examines the reasons for frustration states of cadets at higher educational military institutions under the conditions of the pandemic and the possible ways to overcome them.

Ключевые слова: фрустрация, пандемия, военный вуз, курсанты.

Key words: frustration, pandemic, higher educational military institution, cadets.

Условия пандемии внесли свои коррективы в жизнь всего общества, затронув институты образовательной и профессиональной деятельности, что отразилось, в том числе, на подготовке военных

специалистов. В частности, в военных вузах все чаще возникают проблемы, связанные с появлением фрустрационных состояний у курсантов.

Фрустрация (от лат. *frustratio* – обман, расстройство, разрушение планов) рассматривается как «психическое состояние, выражающееся в характерных особенностях переживаний и поведения, вызываемых объективно непреодолимыми (или субъективно так понимаемыми) трудностями, возникающими на пути к достижению цели или решению задачи»[1, с.381].

Ее наличие, затяжной характер и прогнозируемые последствия у будущих военных специалистов вызывают определенные опасения в связи с тем, что они могут привести к неадекватному отражению действительности, формированию искаженного отношения к миру, его закреплению, появлению патологических форм поведения и черт личности; а в худшем своем варианте – способствовать деградации, происходящей из-за изменения общественно-обусловленной потребности (она становится менее опосредованной и осознанной), иерархического построения мотивов, их смыслообразования и исчезновения дальних мотивов[2].

В то же время, особенности ведения современной войны предъявляют повышенные требования к военнослужащим как в мирное, так и в военное время[3]. Соответственно, их психологической готовности и психологической устойчивости, а также способности противостоять деструктивным воздействиям уделяется пристальное внимание.

В этой связи, среди прочих задач психологов, наиболее значимыми выступают своевременное выявление причин фрустрационных состояний курсантов военных вузов и определение путей их устранения.

Проведение эмпирического исследования с использованием метода опроса и метода наблюдения, позволило определить следующие причины, вызывающие фрустрационные состояния курсантов в условиях пандемии.

Во-первых, это длительная изолированность от общества, что влечет за собой рост социокультурного разрыва между курсантами и их ровесниками, ослабление и утрату прежних контактов, невозможность удовлетворения одной из ведущих потребностей их возрастной категории – потребности в любви.

Во-вторых, это переживания, связанные с тревогой за близких людей, угрозой их заражения COVID-19, последствиями болезни и возможностью летального исхода.

В-третьих, это «витринность» проживания, постоянное нахождение под присмотром и контролем, иногда чрезмерным в своем проявлении, невозможность уединиться и побыть наедине с собой – со своими мыслями и чувствами.

В-четвертых, это монотонность выполняемых задач, низкая эмоциональная насыщенность жизнедеятельности, необходимость находиться в рамках одного коллектива и подчиняться (либо не подчиняться) его требованиям, узкий круг общения.

В-пятых, это переживания по поводу частичной или полной утраты смысла выбранной профессии, что вызывает эмоциональную нестабильность и ряд иных последствий.

Рассматривая пути преодоления фрустрационных состояний курсантов, следует обратиться к опыту ранее проведенных исследований отечественных психологов, которые указывают на наличие ряда факторов, способных усиливать или ослаблять адаптационные возможности военнослужащих к фрустрации. Существуют мнения, что к ним относятся: перенесенные ранее психологические травмы, физическое состояние, темпераментные особенности, личностная тревожность, а также особые социальные условия, в которых они оказываются – строгая регламентированность социальных ролей, подчинение жесткой иерархии, неукоснительное и точное выполнение приказов вышестоящих лиц, постоянная физическая и психоэмоциональная напряженность, несение боевых дежурств и т.д.[4; 5].

К примеру, при попытке установить взаимосвязь эффективности деятельности, мотивационной направленности и особенностей мышления (когнитивных стилей) было доказано, что определенные индивидуально-личностные особенности, особая мотивационная направленность, профессиональные знания, потенциальные возможности и когнитивные стили способствуют эффективной профессиональной деятельности и, соответственно, могут рассматриваться как факторы, влияющие на адаптацию военнослужащих, проходящих военную службу по призыву. Согласно полученным данным утверждается, что идеалистическая профессиональная направленность военнослужащих оказывается менее продуктивной по сравнению с материалистической.

«Идеалисты» не достигают высоких результатов в служебной деятельности. Они коммуникабельны, пластичны, эмоционально лабильны и т.д., но этого оказывается недостаточно для продуктивной службы. В тоже время «материалисты» оказываются более эффективными, благодаря имеющимся у них особенностям личности и мышления. У них выше уровень общих интеллектуальных способностей, имеется определенный набор когнитивных стилей (рефлексивные, ригидные, с высокой скоростью решения задач), более развита эмоционально-волевая устойчивость, а также мотивация, направленная на достижение высоких результатов, что позволяет им лучше адаптироваться в воинской среде и повышать профессиональную компетентность[6].

В свою очередь, на основе понимания личности как основания, интегрирующего все психические процессы, свойства и состояния, согласно которому «психические процессы человека суть проявления личности. ...<...> у человека они не остаются только процессами, совершающимися самотеком, а превращаются в сознательно регулируемые действия или операции, которыми личность как бы овладевает и которые она направляет на разрешение встающих перед ней в жизни задач»[7, с. 512], с учетом того, что «природа человеческого поступка определяется заключенным в нем отношением человека к человеку и окружающему миру, составляющем его внутреннее содержание, которое выражается в его мотивах и целях»[7, с. 24], можно предположить, что пути преодоления фрустрационных состояний курсантов следует рассматривать в направлении развития их личностных качеств, формирования конструктивных стратегий совладания, повышения психологической компетентности субъектов воинского управления, осуществляющих организацию учебной и военно-политической работы в военном вузе, а также частичного устранения введенных ограничений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Краткий психологический словарь / сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985.
2. Зейгарник Б.В. Патопсихология. Основы клинической диагностики и практики. – М.: Эксмо, 2009.

3. Попов И.М, Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. – Издание 3-е, исправленное. – М.: Кучково поле, 2019.

4. Дымова Е.Н., Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е. Психологическая безопасность и травматический опыт как модуляторы поиска социальной поддержки в трудной жизненной ситуации // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – № 3. – С. 15-27.

5. Дымова Е.Н. Специфика связи психологической травматизации и психологического благополучия у военнослужащих // Психология стресса и совладающего поведения: материалы III Международной науч.-практ. конф. Кострома, 26-28 сентября, 2013. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 2. – С. 176–179.

6. Брыкова Е.Ю. Психологическая и личностная готовность к овладению воинскими специальностями: автореф. дисс. ... к.пс.н. – М., 2015.

7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2017.

The conditions of the pandemic have made their adjustments to the life of the whole society, affecting the institutions of educational and professional activities. It has been reflected in the training of military specialists, among other things. In particular, the military institutions of higher education more and more often have problems associated with the appearance of frustration states among cadets.

Frustration (from Lat. *frustratio* – deception, disorder, plans defeat) is considered as “a mental state expressed in the characteristic features of reuefulness and behavior caused by objectively insurmountable (or subjectively understood this way) difficulties that arise on the way to achieving a goal or solving a problem”[1, p.381].

Its presence, protracted nature, and predicted consequences for future military specialists cause certain fears due to the fact that they may lead to an inadequate reflection of reality, the formation and reinforcement of a distorted attitude to the world, the emergence of pathological forms of behavior and personality traits; and at its worst-case scenario, they may contribute to degradation that occurs because of the changes in socially conditioned need (it becomes less mediated and conscious), hierarchical

construction of motives, their meaning-making and disappearance of distant motives[2].

At the same time, the specifics of modern warfare impose increased demands on servicemen both in peacetime and at war[3]. Accordingly, close attention is given to their psychological readiness and stability as well as their ability to withstand destructive influences.

In this regard, among other tasks of psychologists, the most important ones are timely identification of the reasons for frustration states of cadets at military institutions and designation of the ways to overcome them.

An empirical study carried out with the help of survey and observation methods has made it possible to determine the following reasons that cause frustration among cadets under the conditions of the pandemic.

Firstly, it is long-term isolation from society that leads to the increase in the socio-cultural gap between cadets and their age mates, the weakening and loss of previous contacts, the impossibility of meeting one of the key needs of their age category – the need for love.

Secondly, these are rueful feelings associated with the anxiety for family members, the threat of their infection with COVID-19, the consequences of the disease, and the possibility of death.

Thirdly, it is “showcase” of living, being under constant supervision and control, sometimes excessive in their manifestation, the inability to retire and be alone with oneself – with one’s thoughts and feelings.

Fourthly, it is monotony of the tasks performed, low emotional saturation of life, need to be within the same team and obey (or not obey) its requirements, a narrow circle of contacts.

Fifthly, these are worries about the partial or complete loss of the meaning of the chosen profession, which cause emotional instability and a number of other consequences.

Considering the ways of dealing with frustration states of cadets, one should refer to the experience of previously conducted studies by Russian psychologists that indicate the presence of a number of factors that can enhance or weaken the adaptive capabilities of servicemen to frustration. There are opinions that these include: psychological traumas sustained before, physical condition, temperamental peculiarities, personal anxiety as well as special social conditions in which they find themselves – strict regulation of social roles, submission to a rigid hierarchy, unflinching and

accurate obedience to orders from higher officials, constant physical and psycho-emotional tension, the performance of combat duties, etc.[4; 5].

For example, while trying to establish the relationship between the performance efficiency, motivational orientation, and particular features of thinking (cognitive styles) it has been proved that certain individual personality traits, a special motivational orientation, professional knowledge, potential capabilities, and cognitive styles contribute to effective professional activities and they can be considered as factors influencing the adaptation of conscripts respectively. According to the data obtained, it is affirmed that the idealistic professional orientation of the military is less productive than the materialistic one. "Idealists" do not achieve high results in military activities. They are sociable, flexible, emotionally labile, etc., but this is not enough for productive service. At the same time, "materialists" are more effective thanks to their personality and thinking characteristics. They have a higher level of general intellectual abilities, a certain set of cognitive styles (reflexive, rigid, with a high speed of problems solving), more developed emotional and volitional stability as well as motivation aimed at achieving high results that allow them to adapt to the military environment better and to improve professional competence[6].

In turn, based on understanding the personality as a foundation that integrates all mental processes, properties, and states according to which "mental processes of a person are manifestations of his personality. ... <...> they do not remain only processes for a person that take place by gravity but turn into consciously regulated actions or operations that the person seems to master and which he directs to resolve the tasks faced by him in life"[7, p. 512]. Taking into account the fact that "the nature of a human act is determined by the inherent relationship of a person to a person and the world around him that constitutes his inner content expressed in his motives and goals"[7, p. 24], it can be assumed that the ways of overcoming frustration states of cadets should be considered in the direction of their personal qualities development, the formation of constructive coping strategies, the increase in the psychological competence of military command subjects who carry out the organization of educational and military-political work at military institutions as well as the partial lifting of the imposed restrictions.

REFERENCES

1. Brief psychological dictionary / comp. L.A. Karpenko; under total ed. A.V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky. – M.: Politizdat, 1985.
2. Zeigarnik B.V. Pathopsychology. Fundamentals of Clinical Diagnostics and Practice. – M.: Eksmo, 2009.
3. Popov I.M., Khamzatov M.M. War of the Future: Conceptual Framework and Practical Conclusions. Essays on strategic thought. – Edition 3, revised. – M.: Kuchkovo field, 2019.
4. Dymova E.N., Tarabrina N.V., Kharlamenkova N.E. Psychological safety and traumatic experience as modulators of the search for social support in a difficult life situation // Psychological journal. – 2015. – Т. 36. – No. 3. – P. 15-27.
5. Dymova E.N. The specificity of the relationship between psychological traumatization and psychological well-being of military personnel // Psychology of stress and coping behavior: materials of the III International scien.-pract. conf. Kostroma, September 26-28, 2013. Kostroma: KSU after N.A. Nekrasov. – 2013. – Т. 2. – P. 176-179.
6. Brykova E.Yu. Psychological and personal readiness for mastering military specialties: author's abstract of thesis of Candidate of Psychological Sciences. – M., 2015.
7. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. – StP.: Peter, 2017.

Габур Михаил Витальевич,
курсант 2 курса
9 (психологии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Gabur Mikhail Vitalievich,
Military University: Ministry of Defence of the RF
9 (Psychology) Department
2nd year cadet.

ЗАВИСИМОСТЬ УРОВНЯ ПРИТЯЖАНИЯ ОТ УЧЕБНЫХ ЗАДАЧ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ

**THE DEPENDENCE OF THE LEVEL OF CLAIM
ON THE TRAINING TASKS FOR PHYSICAL TRAINING**

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы мотивации обучающихся в ходе изучения дисциплины “Физическая подготовка”. Автор рассматривает данную зависимость с точки зрения уровня притязаний и уровня заинтересованности рассматриваемой дисциплиной, имеющее ряд особенностей и проблем.

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of motivation of students during the study of the discipline "Physical Training". The author considers this dependence from the point of view of the level of claims and the level of interest in the discipline under consideration, which has a number of features and problems.

Ключевые слова: мотивация, уровень притязания, физическая подготовка, учебные задачи.

Keywords: motivation, level of pretension, physical training, educational tasks.

В современном мире проблема физического развития с каждым годом все актуальнее. Уровень ожирения и лишнего веса граждан развитых стран с каждым годом увеличивается. Это является проблемой цивилизации и, возможно, станет проблемой всего человечества. Отчасти поэтому в каждом учебном заведении, в каждой учебной программе есть физическая подготовка (культура). Это прививает с раннего детства здоровый образ жизни, постоянно увеличиваю мотивацию к занятиям спортом или фитнесом.

Уровень притязаний личности – это стремление к достижению цели той степени сложности, на которую человек считает себя способным[1]. Актуальность данного вопроса заключается в том, чтобы выявить, каким образом уровень сложности учебной программы по физической подготовке влияет на уровень мотивации обучающихся. Данное исследование позволит решить серьезный вопрос для педагогов и преподавателей о требовательности по отношению к обучающимся и о разнообразии решаемых учебных задач. Разрешение данного вопроса ведет к повышению эффективности учебных программ, что косвенно влияет на общий уровень здоровья населения всей страны, а в особенности молодого поколения. Безусловно, нужно учитывать и возраст, и категорию обучающихся при исследовании, чтобы результат был максимально объективен.

Исследование проводилось на основе методики, разработанной доктором психологических наук, профессором Е.И. Кузьминой[2]. Она заключается в составлении 9 уровней, которые делятся на 3 категории. 1,2,3 уровни сложности входят в категорию «легкие», 4,5,6 уровни входят в категорию «средней сложности»; 7,8,9 уровни – в категорию «несколько сложнее». Именно так следует характеризовать категории испытуемых по сложности учебных задач. В каждом уровне определено по 3 задания. Методика проводилась в группе обучающихся, приблизительно, одного возраста. Испытуемый выходил перед группой и по своему желанию выбирал категорию. В выбранном билете указывалось задание по физической подготовке из разных направлений, такие как: воркаут, легкая атлетика, тяжелая атлетика, гимнастика, рукопашный бой. После того, как испытуемый брал билет, ему отводилось определенное время на выполнение задания. После выполнения или невыполнения задания испытуемый брал любой другой билет. Уровень притязания фиксировался, в зависимости от удачи и неудачи в выполнении задачи, т.е. от повышения или понижения уровня сложности следующего билета. Таким образом, можно установить уровень притязания в группе. Исследование проводилось с курсантами факультета психологии Военного университета МО РФ. Автор предположил, что уровень притязания к физической подготовке у курсантов будет высокий, если у лидера (командира) уровень притязания также высокий, то есть остальные курсанты группы будут стараться ему соответствовать. Исследование проводилось на личном составе 6 учебных групп. Видна четкая тенденция: если первые испытуемые показывают высокий уровень притязания, то, в среднем, у группы уровень притязания выше, по сравнению с теми группами, в которых первые испытуемые показывали низкий уровень притязания, независимо от успеха или неуспеха в выполнении учебной задачи. В целом, результат показал, что уровень притязания был выше среднего, а наиболее популярная в выборе категория – «несколько сложнее», то есть 7,8,9 уровень сложности. В дальнейшем анкетировании курса испытуемые отметили, что их заинтересовало разнообразие поставленных задач.

По результатам исследований можно сделать вывод: уровень притязания зависит от целого ряда факторов, а именно: уровень притязания лидера группы, разнообразие и уровень сложности учебных задач. В целом, факультет показал высокий уровень притязания, что подтверждается статистическими данными.

Таким образом, здоровый образ жизни направлен на профилактику заболеваний и укрепления организма человека с помощью простых составляющих – правильного питания, занятия спортом, отказа от вредных привычек и т.д. Активные занятия физкультурой и спортом помогают избавиться от лишнего веса, дают ощущение физического благополучия, улучшают общее самочувствие, повышают настроение, улучшают душевное состояние, помогают избавиться от стресса и негативных мыслей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2008. – 512 с: ил. – (Серия «Мастера психологии»). ISBN 978-5-459-00574-5. (дата обращения: 30.01.2021).
2. Психология свободы: теория и практика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Е. И. Кузьмина. – Москва [и др.]: Питер, 2007. - 336 с.; 21 см.; ISBN 978-5-91180-593-7 (В пер.).

In the modern world, the problem of physical development is becoming more urgent every year. The level of obesity and excess weight of citizens of developed countries is increasing every year. This is a problem of civilization and may become a problem of all mankind. This is partly why in every educational institution, in every curriculum there is physical training (culture).

This instills a healthy lifestyle from early childhood, constantly increasing the motivation to engage in sports or fitness.

The level of personal claims is the desire to achieve the goal of the degree of complexity to which a person considers himself capable.[1] The relevance of this question is to identify how the level of complexity of the physical training curriculum affects the level of motivation of learners. This study will solve a serious question for teachers and teachers about the requirements for students and the variety of educational tasks being solved. Resolving this issue leads to an increase in the effectiveness of educational programs, which indirectly affects the overall level of health of the population of the whole country, and especially of the younger generation. Of course, you need to take into account both the age and the category of students in the study, so that the result is as objective as possible.

The study was conducted on the basis of a methodology developed by the Doctor of Psychological Sciences, Professor E.I. Kuzmina.[2] It consists of 9 levels, which are divided into 3 categories. 1.2.3 levels of difficulty fall into the category of "light," 4.5.6 levels fall into the category of "medium difficulty"; 7.8.9 levels - in the category "somewhat more complicated." This is how the categories of subjects should be characterized by the complexity of educational tasks. In each level, 3 tasks are defined. The procedure was carried out in a group of students of approximately the same age. The subject came out in front of the group and chose the category at will. The selected ticket indicated a physical training task from different directions, such as: workout, athletics, weightlifting, gymnastics, hand-to-hand combat. After the subject took the ticket, he was given a certain time to complete the task. After completing or not fulfilling the task, the subject took any other ticket. The claim level was fixed, depending on the luck and failure of the task, i.e., the increase or decrease in the difficulty level of the next ticket. In this way, you can set the claim level in the group. The study was conducted with cadets of the Faculty of Psychology of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. The author suggested that the level of claim to physical training for cadets will be high if the leader (commander) also has a high level of claim, that is, the rest of the cadets of the group will try to comply with it. The study was conducted on the staff of 6 training groups. A clear trend is seen: if the first subjects show a high level of claim, then, on average, the group has a higher level of claim, compared to those groups in which the first subjects showed a low level of claim, regardless of success or failure in performing the educational task. In general, the result showed that the claim level was higher than the average, and the most popular category in the choice was "somewhat more complicated," that is, 7.8.9 difficulty level. In the further questionnaire of the course, the subjects noted that they were interested in the variety of tasks.

According to the results of studies, it can be concluded that the level of claim depends on a number of factors, namely: the level of claim of the group leader, the diversity and level of complexity of educational tasks. In general, the faculty showed a high level of claim, which is confirmed by statistical data.

Thus, a healthy lifestyle is aimed at preventing diseases and strengthening the human body with the help of simple components - proper nutrition, sports, abandonment of bad habits, etc. Active physical education and sports help to get rid of excess weight, give a sense of physical well-

being, improve general well-being, increase mood, improve mental state, help to get rid of stress and negative thoughts.

REFERENCES

1. Плын Е.П. Motivation and motives. - St. Petersburg: Peter, 2008. - 512 s: il. - (Series "Masters of Psychology"). ISBN 978-5-459-00574-5. (date of the application: 30.01.2021).
2. Psychology of freedom: theory and practice: a textbook for students of higher educational institutions studying in the field and specialties of psychology/E. I. Kuzmina. - Moscow [et al.]: Peter, 2007. - 336 sec.; 21 cm; ISBN 978-5-91180-593-7 (transl.).

Гусев Сергей Алексеевич,
майор,
слушатель 1 курса
2 (войск национальной гвардии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Gusev Sergey Alexeyevich,
major,
Military University: Ministry of Defence of the RF
2 (National Guard Troops) Department
1st year master's degree student.

УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (СОТРУДНИКОВ) РОСГВАРДИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

STRENGTHENING THE INFLUENCE OF SOCIAL NETWORKS ON THE FORMATION OF MOTIVATIONAL AND VALUE ATTITUDES OF MILITARY PERSONNEL (EMPLOYEES) OF RUSSIAN GUARD IN A PANDEMIC

Аннотация. Статья посвящена вопросу значительного влияния роли социальных сетей в формировании мотивационно-ценностных установок военнослужащих. Особое внимание в работе автор уделяет вопросу усиления данного влияния в условиях ограничения передвижения, связанных с пандемией, и увеличения количества времени нахождения военнослужащих в социальных сетях.

Abstract. The article is devoted to the significant influence of the role of social networks on the formation of motivational and value attitudes of military personnel. The author pays special attention to the issue of strengthening this influence in the context of restricted movement associated with the pandemic and increasing the amount of time spent by military personnel in social networks.

Ключевые слова: социальные сети, мотивационно-ценностные установки, военнослужащие (сотрудники) Росгвардии, пандемия, репрезентация.

Keywords: social networks, motivational values, military personnel (employees) ROS Guardia, pandemic, representation.

В связи с глобальным распространением коронавирусной инфекции и принятием большинством государств мира ограничительных мероприятий, направленных на снижение числа заболеваний среди населения, все большее количество людей, в том числе военнослужащих и сотрудников, проходящих службу по контракту, переводятся на дистанционный (посменный) режим работы. В этих условиях усиливается влияние информационных ресурсов и в особенности социальных сетей.

Под социальной сетью понимается интерактивный многопользовательский веб-сайт, содержание которого наполняется самими участниками сети. Это своего рода социальная среда, позволяющая общаться группе людей, объединенных общим интересом[1].

В современных условиях наиболее подвержены и восприимчивы к информационному воздействию со стороны социальных сетей военнослужащие, проходящие службу по контракту на должностях сержантов и солдат и сотрудники рядового и младшего начальствующего состава(далее – «военнослужащие и сотрудники»). В основном в данную категорию военнослужащих и сотрудников входят молодые люди, не старше 25 лет, отличающиеся, ввиду этого, специфическими особенностями, присущими личностям с несформированным социально-политическим и общественным мировоззрением, обусловленным минимальным социальным опытом военнослужащих и сотрудников и потребностью в ориентирах. Такими ориентирами выступают ценности.

На современном этапе развития моральные и нравственные ценности военнослужащих, сотрудников практически

не соответствуют базовым ценностям российского общества, а духовные и культурные ценности занимают крайнее место в иерархии. Это, прежде всего, связано с тем, что военнослужащие, сотрудники сопоставляют свою систему ценностей с критериями жизненного успеха[2]. Базовым стимулом для современного поколения военнослужащих и сотрудников все чаще выступает максимальное материальное благополучие в совокупности с безразличием к каким-либо идеалам и циничным отношением к жизни.

Все это создает предпосылки для включения военнослужащих и сотрудников в различные неформальные организации, объединения, социальные группы, пропагандирующие либо занимающиеся оппозиционной, а в некоторых случаях и террористической, экстремистской деятельностью с целью быстрого материального обогащения. При этом современные социальные сети зачастую пропагандируют понятия свободы, независимости, толерантности, связывая данные понятия с современными вооруженными конфликтами, общественными противоречиями в различных государствах, трактуя их в своеобразной, искаженной форме, распространяемой прозападными средствами массовой информации и не соответствующей понятиям и ценностям российского общества.

Учитывая, что современное поколение военнослужащих и сотрудников активно использует социальные сети, как для общения, так и для получения информации о различных аспектах жизнедеятельности общества и государства, можно с уверенностью сказать о существенном влиянии социальных сетей на формирование их мотивационно-ценностных ориентаций.

Необходимо отметить, что военнослужащие и сотрудники представляют ту категорию личного состава, которая непосредственно привлекается к охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, охране важных государственных объектов, выполняют иные задачи, обеспечивающие стабильность и правопорядок на территории страны, что предъявляет к ним особые моральные и нравственные требования[3]. События, происходящие, как на территории Российской Федерации, так и за рубежом, связанные с наличием большого количества внутренних противоречий, повышения митинговой активности, постоянной деятельностью деструктивных сил, показывают необходимость информационной защиты личного состава от негативного информационного воздействия[4].

В 2019 году руководством страны были предприняты меры по ограничению использования мобильных средств в связи с расширенными мультимедийными функциями, в том числе выходом в сеть «интернет», в период исполнения военнослужащими Росгвардии должностных обязанностей[5]. Данная мера позволила значительно снизить влияние социальных сетей на военнослужащих и сотрудников за счет минимизации времени их нахождения в интернет-пространстве, однако в условиях пандемии и перевода личного состава на дистанционный (посменный) режим работы она не выполняет свою функцию. Все это требует особого внимания со стороны руководителей, офицеров-воспитателей, непосредственных командиров и начальников при планировании и проведении мероприятий военно-политической работы, направленных на защиту личного состава от негативного информационно-психологического воздействия через социальные сети.

Таким образом, социальные сети оказывают значительное негативное влияние на мотивационно-ценностные ориентиры военнослужащих, сотрудников, они плотно вошли в обиход и активно используются специальными службами различных государств как способ изменения общественного сознания. Под воздействием социальных сетей у военнослужащих, сотрудников, у которых не в полном объеме сформированы базовые нравственно-ценностные ориентиры, приоритетными могут становиться личные интересы, параллельно формироваться безразличное отношение к Военной присяге, обществу, семье, исполнению своих должностных обязанностей.

Исходя из вышеизложенного, должностным лицам подразделений, управлений воинских частей, территориальных управлений необходимо активизировать работу с личным составом. Данную работу следует направить на поддержание у военнослужащих, сотрудников Росгвардии высоких морально-политических и психологических качеств, формирование государственно-правовых, нравственных и мотивационно-ценностных ориентаций, необходимых для эффективного выполнения личным составом возложенных на них задач.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вараксин А.В. Влияние социальных сетей на формирование ценностных ориентиров современной молодежи // Преподаватель XXI век. 2016. № 2 (Том 1). С. 205-212.
2. Судич Ю.В. Роль социальных сетей в жизни молодежи // СИБАК [Электронный ресурс] URL: <http://sibac.info/11367> (дата обращения 12.10.2020).
3. Викторова А.С., Свертков И.А. Социальные сети и молодежь // Наука и современность. 2014. № 28. С. 5-8.
4. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». С.13.
5. Тульчинский Г.Л., Лисенкова А.А. Постинформационное общество, недоверие и новые идентичности // Вопросы культурологии. 2015. №10. С. 30-35.

Due to the global spread of coronavirus infection and the adoption of restrictive measures by most countries of the world aimed at reducing the number of diseases among the population, an increasing number of people, including military personnel and employees serving under contract, are being transferred to remote (shift) work mode. Under these conditions, the influence of information resources, especially social networks, is increasing.

A social network is an interactive multi-user website, the content of which is filled by the network participants themselves. This is a kind of social environment that allows a group of people united by a common interest to communicate[1].

In modern conditions, the most vulnerable and susceptible to information impact from social networks are military personnel serving under contract as sergeants and soldiers, and employees of ordinary and junior commanding officers (hereinafter referred to as "military personnel and employees"). Mainly this category of people consists of young people under 25, wherein, due to the specific characteristics inherent in the individuals with unformed socio-political and social outlook, caused by the minimum social experience of servicemen and employees and the need for guidelines. These guidelines are values.

At the present stage of development, the moral and moral values of military personnel and employees practically do not correspond to the basic values of Russian society, and spiritual and cultural values occupy an extreme place in the hierarchy. This is primarily due to the fact that military

personnel and employees compare their value system with the criteria of life success[2]. The basic incentive for the modern generation of military personnel and employees is increasingly the maximum material well-being combined with indifference to any ideals and a cynical attitude to life.

All this creates prerequisites for the inclusion of military personnel and employees in various informal organizations, associations, social groups that promote or engage in opposition, and in some cases, terrorist, extremist activities for the purpose of rapid material enrichment. At the same time, modern social networks often promote the concepts of freedom, independence, and tolerance, linking these concepts with modern armed conflicts and social contradictions in various states, interpreting them in a peculiar, distorted form, distributed by pro-Western media and not corresponding to the concepts and values of Russian society.

Given that the modern generation of military personnel and employees actively uses social networks, both for communication and for obtaining information about various aspects of the life of society and the state, we can say with confidence that social networks have a significant impact on the formation of their motivational and value orientations.

It should be noted that members represent the category of personnel that is directly involved in the protection of public order and public security, the protection of important state objects, perform other tasks that support stability and the rule of law in the country that makes them special moral and ethical requirements[3]. Events occurring both on the territory of the Russian Federation and abroad, associated with the presence of a large number of internal contradictions, increased rally activity, and the constant activity of destructive forces, show the need for information protection of personnel from negative information impact[4].

In 2019, the country's leadership took measures to restrict the use of mobile devices in connection with expanded multimedia functions, including access to the Internet, during the performance of official duties by Rosgvardiya military personnel[5]. This measure has significantly reduced the impact of social networks on military personnel and employees by minimizing their time spent on the Internet, but in the context of the pandemic and the transfer of personnel to remote (shift) mode of operation it does not fulfill its function. All this requires special attention on the part of managers, officers-educators, direct commanders and superiors when planning and conducting military-political activities aimed at protecting personnel from negative information and psychological impact through social networks.

Thus, social networks have a significant negative impact on the motivational and value orientations of military personnel, employees, they are firmly in use and are actively used by special services of various states as a way to change public consciousness. Under the influence of social networks, military personnel and employees who have not fully formed basic moral and value guidelines may prioritize personal interests, while simultaneously forming an indifferent attitude to the Military oath, society, family, and the performance of their official duties.

Based on the above, officials of divisions, departments of military units, territorial administrations need to step up work with personnel. This work should be aimed at maintaining high moral, political and psychological qualities of military personnel and employees of the Russian Guard, as well as forming state-legal, moral, motivational and value orientations necessary for effective performance of the tasks assigned to them by the personnel.

REFERENCES

1. Varaksin A. V. The influence of social networks on the formation of value orientations of modern youth // *Teacher of the XXI century*. 2016. – № 2 (Volume 1). – P. 205-212.
2. Sudich Yu. V. The role of social networks in the life of youth // *Sibak* [Electronic source] URL: <http://sibac.info/11367> (accessed 12.10.2020).
3. Viktorova A. S., Svtokov I. A. Social networks and youth // *Science and modernity*. 2014. – No. 28. – P. 5-8.
4. Federal law No. 53-FZ of March 28, 1998 "On military duty and military service". P. 13.
5. Tulchinsky G. L., Lisenkova A. A. Post-information society, distrust and new identities // *Questions of cultural studies*. 2015. – № 10. – P. 30-35.

Ихилов Яков Савиевич,
студент 4 курса
департамента иностранных языков и перевода
Международной академии бизнеса и управления.
Ikhiilov Yakov Savievich,
International Academy of Business and Management
Department of Foreign Languages and Translation
4th year student.

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

PREVENTION OF INDIVIDUALS' EMOTIONAL AND PSYCHOLOGICAL DISORDERS IN CONDITIONS OF GLOBAL CHALLENGES

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы возникновения психологических расстройств, среди населения, а также методы устранения этих проблем и развития общества. Автор уделяет внимание организациям, которые разрабатывают методы борьбы с различными психологическими проблемами.

Abstract. The article considers emergence problems of psychological disorders among population, also the methods to eliminate those problems and society development. The author pays attention to the organizations, who develop methods to struggle with miscellaneous psychological disorders.

Ключевые слова: общество, вызовы, стрессоустойчивость, депрессия, воспитание, посттравматический стресс, эмоциональный фон.

Keywords: society, challenges, stress-resistant, depression, parenting, post-traumatic stress, emotional background.

В современном обществе каждый человек ежедневно сталкивается с серьезными вызовами, вне зависимости от места проживания, возраста и пола. Ежедневные вызовы позволяют людям, становится более выносливыми, а вынужденное стремление преодолевать трудности заставляет человека мобилизовать свой внутренний потенциал и найти решение проблемы. Как показывает практика, справиться с вызовами может далеко не каждый человек.

По данным информационного портала «Верн вел манд» (Verywellmind)[1], каждый человек имеет различное эмоционально-психическое состояние, которое регулирует его поведение, мышление, целеустремленность, мотивацию и желание. Человек с высоким эмоционально-психологическим состоянием, преодолевает личные проблемы и успешно противостоит неблагоприятным факторам. А в случае с низким эмоционально-психическим состоянием, человек остро воспринимает проблемы и склонен к глубокой депрессии. На расстройства эмоционального фона человека могут повлиять совершенно разные факторы, все зависит от индивидуального восприятия. В некоторых случаях, при пониженном эмоциональном состоянии человек не может понять, что является причиной ухудшения его психологического фона. Усугубляет ситуацию тот факт, что люди сталкиваются с вышеперечисленными симптомами, но не обращаются за помощью к специалисту.

Основной целью государства является повышение эмоционально-психологического состояния граждан, чтобы люди могли в дальнейшем справляться со сложными вызовами которые человеку не подвластны, вроде смерти близкого человека, глобально финансового кризиса, стихийных бедствий и т.д. Обществу будет легче справляться с последствиями, при правильно морально-психологической подготовке со стороны государства, тем самым уменьшив риск возникновения психологических расстройств у населения и должно привести к развитию общества.

Согласно статистике «Обзор мирового населения» (World Population Review)[2] Украина находится на первом месте среди стран по распространению депрессии, 6.3 процента всего населения страны страдает от тяжелой депрессии. Украинские власти изучают и разрабатывают проекты по борьбе с депрессией у населения по швейцарской методике[3]. Проект направлен на обучение врачей в развитии и поддержание психического здоровья у граждан. Обостренные психические состояния часто могут привести к серьезным последствиям и даже к самоубийству.

Организация «зэ ниппон фондейш» (The Nippon Foundation)[4] разрабатывает многочисленные проекты с целью предотвращения самоубийств среди населения Японии. Согласно базе статистических данных статиста (Statista)[5] с 2010 года фактор смертности самоубийства в Японии, значительно уменьшился за последние 10 лет. Из этого следует сделать вывод, что разработка

проектов и проведение мероприятий среди населения с целью повышения эмоционально-психологического состояния, могут значительной мере повысить стрессоустойчивость у граждан.

Для понимания того с чего начинается психическое расстройство рассмотрим несколько примеров. Эмоционально-психологическое состояние формируется у человека с самого раннего детства. Один непредвиденный случай может в корне изменить жизнь ребенка и повлиять на его будущее. Разные типы травмирующих событий оказывают разное воздействие на людей. По данным международной организации по защите детей «Д2Л» (D2L)[6] 90 процентов преступников осужденных за противоправные действия сексуального характера в отношении детей, сами подвергались сексуальному насилию со стороны взрослых. Из чего можно сделать вывод, что детские психологические травмы часто оказывают влияние на дальнейшее эмоционально-психологическое состояние человека. Для предотвращения разной степени психологических травм у детей, в первую очередь требуется воспитание и родительский контроль.

Рассмотрим, какие методы предпринимают люди, которые уже получили психологические травмы и как с ними справляются. Некоммерческая организация по борьбе с депрессией «хэлпгайд» (Helpguide)[7] утверждает, что при случаях посттравматического стресса стоит устранить причину, взаимодействовать с социумом и посетить специалиста психолога. В особо сложных случаях могут потребоваться долгие годы психологической консультации.

Из всего вышеперечисленного следует сделать вывод, что для формирования общества с высоким эмоционально-психологическим состоянием, в первую очередь нужно разработать проект помощи с целью устранения имеющихся проблем и предотвращение механизмов возникновения психологических расстройств у граждан. Введение бесплатной консультации со специалистом психологом в разных государственных учреждениях, также бесплатной, анонимной консультации по горячей линии для всех жителей. Введение различных информационно-воспитательных лекции по всей стране или онлайн. По данным онлайн-издания «вондерзайн» (Wonderzine)[8]. Российская федерация тоже борется с проблемами возникновения психологических проблем у граждан, но безрезультатно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Информационный портал о медицине [Электронный ресурс] URL:<https://www.verywellmind.com/a-list-of-psychological-disorders-2794776> (дата обращения: 11.01.2021).
2. Обзор мирового населения [Электронный ресурс] URL:<https://worldpopulationreview.com/country-rankings/depression-rates-by-country> (дата обращения: 11.01.2021).
3. Украинский новостной телеканал Hromadske [Электронный ресурс] URL:<https://hromadske.ua/ru/posts/ukraina-ezhegodno-teryayet-minimum-14-mlrd-grn-na-lechenie-depressii-i-shizofrenii-u-grazhdan> (дата обращения: 11.01.2021).
4. Проект по борьбе с суицидами в Японии [Электронный ресурс] URL:https://www.nippon-foundation.or.jp/en/what/projects/suicide_measures (дата обращения: 11.01.2021).
5. База статистических данных [Электронный ресурс] URL:<https://www.statista.com/statistics/622065/japan-suicide-number/> (дата обращения: 11.01.2021).
6. Международная организация по защите детей [Электронный ресурс] URL:<https://www.d21.org/child-sexual-abuse/statistics/> (дата обращения: 11.01.2021).
7. Некоммерческая организация по борьбе с депрессией [Электронный ресурс] URL:<https://www.helpguide.org/articles/ptsd-trauma/ptsd-symptoms-self-help-treatment.htm> (дата обращения: 11.01.2021).
8. Онлайн-издание [Электронный ресурс] URL:<https://www.wonderzine.com/wonderzine/health/health-news/225528-depression-economy> (дата обращения: 11.01.2021).

In the modern society, every human being face serious challenges on daily basis in spite of place of birth, age and sex. Daily challenges help people to get more hardy. Forced desire to overcome with difficulties, force the person to mobilize his inner potential and find a solution to a problem. Experience has shown that not every person can cope with challenges. According to informational portal “Verywellmind”[1] every individual has miscellaneous emotional and psychological condition that controls his behavior, thinking, motivation, purposefulness and will. A man with a high emotional and psychological state overcomes personal problems and

successfully confronts unfavorable factors. In case of a low emotional and psychological state, a person acutely perceives problems and prone to severe depression. On Emotional background disorder can affect absolutely miscellaneous factors, it all depends on personal perceive. In some low emotional state cases, person cannot understand what the reason of his worsened emotional background is. It aggravates the situation the fact that people face the above symptoms, but they don't ask a counselor for help.

The main goal of the state is to improve the citizens' emotional and the psychological state, so that people can further cope with complex challenges that are beyond the control of a person, such as the death of a loved one, a global financial crisis, natural disasters, etc. It will be easier for the society to cope the effects in case of right moral psychological preparation by the state's side and will decrease risk of occurrence psychological disorders among the population and should lead to society's development.

According to the statistics by World Population Review, Ukraine is ranked at the 1st place among the countries with depression spread. 6.3 percent of country's population suffer from severe depression. Ukrainian authorities examine and develop projects in order to combat the population's depression which is based on Swiss method. The project aims on teaching the doctors and supporting psychological state among the citizens. Exacerbated psychological states often can lead to serious effects and even to suicide.

The organization The Nippon Foundation develop miscellaneous projects in order to prevent acts of suicide among Japan's population. According to the stats of Statista[4] since 2010 the Japan's suicide rate has much downgraded for the last 10 years.

From this we can conclude that developing projects and holding events among population in order of increasing emotional and psychological state, can significantly increase stress-resistant among citizens.

To understand what psychological disorder begins with examine several examples. Emotional and Psychological state of person forms from early childhood. One unforeseen event may radically change child's life and affect his future. Different types of traumatic events can effect on people differently. According to international organization of children protection D2L 90 percent of criminals convicted of sexual misconduct against children were themselves sexually abused by adults. From that it can be concluded that children psychological traumas often affect person's

the further emotional and psychological state. To prevent various types of trauma in children, first of all should be considered parenting and control.

Consider the methods are being taken by people who had already have psychological trauma and how they cope with them. Helpguide[6] states that in cases of post-traumatic stress, person must eliminating the cause, communicate with society and visit a counselor. In the most difficult cases, may be required many years of psychological counseling.

From all of the above, it should be concluded that to form a society with improved emotional and psychological state, first of all is to develop a help project in order to eliminate the problem and prevent the mechanisms of psychological disorder emergences among the population. Introduction of counselors in various state institutions for free consultations, anonymous hotline consultation for all citizens. Introduction of various non-educational lectures nationwide or online. According to online wonderzine[7], the Russian Federation is also combat the psychological problems among citizens, but those attempts lead no result.

REFERENCES

1. Informational portal about medicine [Electronic resource] URL:<https://www.verywellmind.com/a-list-of-psychological-disorders-2794776> (access date: 11.01.2021).
2. World population review [Electronic resource] URL:<https://worldpopulationreview.com/country-rankings/depression-rates-by-country> (access date: 11.01.2021).
3. Ukrainian News Hromadske [Electronic resource] URL:<https://hromadske.ua/ru/posts/ukraina-ezhegodno-teryayet-minimum-14-mlrd-grn-na-lechenie-depressii-i-shizofrenii-u-grazhdan> (access date: 11.01.2021).
4. Statistics and data platform statista [Electronic resource] URL:<https://www.statista.com/statistics/622065/japan-suicide-number/> (access date: 11.01.2021).
5. International organization of children protection [Electronic resource] URL:<https://www.d21.org/child-sexual-abuse/statistics/> (access date: 11.01.2021).
6. A nonprofit organization to combat depression [Electronic resource] URL:<https://www.helpguide.org/articles/ptsd-trauma/ptsd-symptoms-self-help-treatment.htm> (access date: 11.01.2021).

7. Online-publisher Wonderzine [Electronic resource]
URL:<https://www.wonderzine.com/wonderzine/health/health-news/225528-depression-economy> (access date: 11.01.2021).

Колесников Вадим Викторович,
курсант 2 курса
9 (психологии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.

Kolesnikov Vadim Victorovich,
Military University: Ministry of Defense of the RF
9 (Psychology) Department
2nd year cadet.

Давиденко Дмитрий Викторович,
курсант 2 курса 9 (психологии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.

Davidenko Dmitriy Victorovich,
Military University: Ministry of Defense of the RF
9 (Psychology) Department
2nd year cadet.

Мамсурова Замира Руслановна,
преподаватель кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства обороны РФ.

Mamsurova Zamira Ruslanovna,
Military University: Ministry of Defense of the RF
Foreign Language Chair Teacher.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ВОЕННОГО ПСИХОЛОГА ПО РЕАДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО, УЧАСТВОВАВШЕГО В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ

**STRATEGIC TASKS OF A MILITARY PSYCHOLOGIST AT
READAPTATION OF A PERSON WHO PARTICIPATED IN
COMBAT OPERATIONS**

Аннотация. Статья посвящена вопросу реадaptации военнослужащих, участвовавших в боевых действиях. Авторы рассматривают стратегические задачи военного психолога, направленные на организованное психологическое «возвращение» их в условия мирной жизни.

Abstract. The article is devoted to the issue of readaptation of military personnel who participated in combat operations. The authors consider the strategic tasks of a military psychologist aimed at an organized psychological "return" of them to the conditions of peaceful life.

Ключевые слова: морально-психологическая реадaptация, социально-психологический уровень, адаптирующая социальная среда, адаптационный процесс, стратегические задачи, психологические и физические ресурсы, негативные, позитивные последствия.

Keywords: moral and psychological readaptation, socio-psychological level, adapting social environment, adaptation process, strategic tasks, psychological and physical resources, negative and positive consequences.

В настоящее время военнослужащие продолжают активно участвовать в контртеррористических операциях и в боевых действиях, развёрнутых в зонах вооруженных конфликтов в различных регионах, так называемых, «горячих точках». В наибольшей мере это относится к участникам локальных войн в Афганистане и на территории Северо-Кавказского и Южно-Кавказского регионов России, а также к участникам войны в Сирии. Любые войны оставляют после себя не только ряд серьезных проблем, связанных с психологическим статусом военнослужащих, участвовавших в этих войнах, но продолжают оказывать большое влияние на них и после возвращения этих людей к мирной жизни. Поэтому и в наше время актуальным остаётся необходимость проведения морально-психологической реадaptации личности к последствиям боевых действий. Военнослужащим, возвращающимся к гражданской жизни, необходима помощь в адаптации на социально-психологическом уровне. Пребывая в зоне боевых действий, даже опытные военнослужащие находятся в состоянии постоянного стресса. Это и чувство угрозы для жизни (биологический страх смерти, ранения, боли, инвалидности), психоэмоциональный стресс, связанный с гибелью товарищей, или с необходимостью убивать

человека, пусть даже и противника, плюс неопределенность, отсутствие полноценного сна, необычный климат и даже рельеф местности[1].

Одним из основных направлений работы военного психолога является медико-психологическая и социальная поддержка военнослужащих, участвовавших в боевых действиях. *Социально-психологическая реадaptация* предполагает организованное психологическое «возвращение» военнослужащих в условия мирной жизни[2].

Для военного психолога главными, первоначальными стратегическими задачами в этом направлении являются:

1. реконструкция ценностно-ориентационной системы самих участников боевых действий.

2. создание вокруг них адаптирующей социальной среды[2].

Подробнее рассмотрим первую из задач социально-психологической адаптации.

Первоначально, помощь проявляется в заботе и участии. Следует проявлять максимальную заинтересованность к переживаниям данной категории военнослужащих. Рекомендуется разобрать и положительно оценить вклад каждого из них в решение боевых задач. Следует проводить индивидуальные беседы, позволяющие им высказать всё наболевшее. Затем необходимо убедить их, что это временные переживания, которые присущи всем, кто побывал в боевой обстановке[3]. Необходимо, чтобы они почувствовали, что их понимают, всегда готовы им помочь, чтобы приобрели уверенность в товарищеской поддержке.

Следующим важным шагом в реадaptации военнослужащих должны быть мероприятия, позволяющие им почувствовать, что приобретённый боевой опыт в мирной жизни несёт в себе очень важные положительные последствия. Например, происходит переоценка собственной жизни, своих отношений с близкими людьми, появляется новое понимание понятия военного братства и т. д.[2]. Также, нельзя допускать возникновения у данных военнослужащих чувства одиночества, поскольку это может быть чревато суицидальными попытками у тех военнослужащих, которые в большей степени оказались подвержены психотравмирующему воздействию. Ещё одной проблемой у участников боевых действий может оказаться появление тяги к спиртным напиткам и наркотикам. Чтобы избежать этого, надо вовлекать их в интересные занятия,

давать посильные физические нагрузки, хорошо организовывать их досуг. Если вышеперечисленные меры оказываются неэффективными, то вполне вероятно, что на данном этапе реадaptации потребуется проводить: психофизиологические обследования, медицинские осмотры, психодиагностики, социально-психологические тренинги и психотерапию, мероприятия по психорегуляции и по психокоррекции[4].

Вторая, не менее важная задача социально-психологической реадaptации – это создание реадaptирующей социальной среды. Надо подготовить, прежде всего, встречающих к специфике проявления психики ветеранов, обучить их простейшим приемам оказания психологической помощи и поддержки[2]. Следует подготовить почву, чтобы восстановить взаимоотношения военнослужащих, с их прежними сослуживцами и друзьями. Организовать активное привлечение их к культурно-досуговой жизни гарнизона. Необходимо постоянно интересоваться психическим состоянием вернувшихся и своевременно его корректировать. Отношение к ним сослуживцев, командиров, членов семей должно всемерно способствовать разрядке накопившихся психических напряжений, предупреждению дополнительной психотравматизации[3].

Создание реадaptирующей среды включает:

- 1) достойную встречу военнослужащих, прибывших из зоны военных конфликтов, например, с ритуалом выноса знамени и с организацией торжественного митинга; 2) официальное признание значимости их боевых заслуг. Стоит отметить, что вышеперечисленные меры следует применять не только в реабилитационный период, но и непосредственно во время исполнения военнослужащими их военного долга. Следует широко пропагандировать успешное выполнение ими боевых задач, совершённые ими подвиги, примеры их мужества и решительности;
- 3) привлечение ветеранов к активной общественной деятельности;
- 4) понимание их особенного отношения к боевому братству, например, на начальном этапе реадaptации оставить рычаги управления в руках их боевых командиров;
- 5) деликатное разрешение межличностных конфликтов, которые могут возникать между ветеранами и «гражданскими», в их понимании, военными из этой части, которые не были в зоне боевых действий;
- 6) индивидуальное и семейное психологическое консультирование для создания

наилучшего «климата» в семейных отношениях вернувшегося военнослужащего.

В процессе проведения социально-психологической реадaptации и для эффективного исполнения её стратегических задач, командирам и военным психологам следует:

1. отметить, что работа должна носить плановый, целенаправленный и поэтапный характер. Нужно умело использовать все известные методики, применяющиеся в таких случаях.

2. Досконально изучить индивидуальную психологическую характеристику реадaptируемого военнослужащего для установления с ним благоприятного контакта, доверительных отношений, так как его настрой и желание активно участвовать в этом в этом процессе являются залогом успеха.

3. Грамотно ориентироваться в нормативно-правовой базе, которая определяет и регулирует права и льготы военнослужащих, побывавших в «горячих точках».

4. Следует наладить контакты с организациями, которые занимаются ветеранами боевых действий. Их опыт может помочь в процессе реадaptации.

5. Желательно в начале работы представить процесс реадaptации удачно завершённым, как следствие результата своей профессиональной деятельности. Следует проявлять терпение, такт, настойчивость, возможно, изобретательность, а также понимать, что при возникновении серьёзной проблемы высокий уровень профессионализма военного психолога позволит разработать нестандартный, индивидуально-ориентированный способ её разрешения.

Таким образом, только грамотная постановка и выполнение стратегических задач, описанных выше, поможет военному психологу эффективно провести необходимый процесс социально-психологической реадaptации военнослужащих, участвовавших в боевых действиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Розанов В. Психологическая адаптация военнослужащих к служебно-боевой деятельности в условиях вооруженного конфликта. – М., 2018.

2. Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Прикладная военная психология: учеб.-метод, пособие. СПб.: Питер, 2006. – 480 с.

3. Колодзин Б. Как жить после психической травмы. – М., 2012.

4. Маклаков А.Г., Черемянин С.В., Шустов Е.Б. Проблема прогнозирования психологических последствий локальных военных конфликтов // Психологический журнал. 2018. – Т. 19. – № 2.

Currently, servicemen continue to actively participate in counter-terrorism operations and in hostilities deployed in armed conflict zones in various regions, the so-called "hot spots". This applies to the greatest extent to the participants in local wars in Afghanistan, and on the territory of the North Caucasian and South Caucasian regions of Russia, and now also to the participants in the war in Syria. Any wars leave behind not only destruction and death, they pose a number of serious problems associated with the psychological status of military personnel who participated in these wars, continuing to influence them even after the return of these people to a peaceful life. Therefore, in our time, the need for a moral and psychological readaptation of the individual to the consequences of hostilities remains relevant. Servicemen returning to civilian life need assistance in adaptation at the socio-psychological level. While in a war zone, even experienced military personnel are under constant stress. This is the feeling of a threat to life (biological fear of death, injury, pain, disability), psycho-emotional stress associated with death in front of comrades, or with the need to kill a person, even an enemy, plus uncertainty, lack of adequate sleep, unusual climate, and even the terrain[1].

One of the main areas of work of a military psychologist is medical, psychological and social support for military personnel who participated in hostilities. Socio-psychological readaptation presupposes an organized psychological "return" of servicemen to conditions of peaceful life[2].

For a military psychologist, the main, initial strategic tasks in this direction are:

1. reconstruction of the value-orientational system of the combatants themselves.

2. creation of an adaptive social environment around them[2].

Let us consider in more detail the first task of socio-psychological adaptation.

Initially, help is shown in caring and compassion. You should show maximum interest in the experiences of this category of military personnel. It is recommended to analyze and positively evaluate the contribution of each of them to the solution of combat missions. Individual conversations

should be conducted, allowing them to express all the painful. Then you need to convince them that these are temporary experiences that are inherent in everyone who has been in a combat situation[3]. It is necessary that they feel that they are understood, you are always ready to help them, so that they gain confidence in comradely support.

The next important step in the readaptation of servicemen should be measures that allow them to feel that the acquired combat experience carries very important positive consequences in peaceful life. For example, there appears a reassessment of their own life, their relationships with the loved ones, and a new understanding of the concept of military brotherhood[2]. Furthermore, you must not allow these servicemen to have a feeling of loneliness, since this stage is fraught with suicidal attempts in those who are more susceptible to psycho-traumatic effects. Another problem for combatants may be the appearance of cravings for alcohol and drugs. To avoid this, you need to involve them in some interesting activities, give feasible physical activity, and organize their leisure time well. If, nevertheless, this happens, then you should convince the military that this is not an option. For successful readaptation, at this stage, it is necessary to actively carry out psychophysiological examinations, medical examinations, psychodiagnostics, socio-psychological trainings and psychotherapy, measures for psychoregulation and psychocorrection[4].

The second, no less important task of social and psychological readaptation is the creation of a readapting social environment. It is necessary to prepare, first of all, those who meet, for the specifics of the manifestation of the psyche of veterans, to teach them the simplest methods of providing psychological assistance and support[1]. The ground must be prepared to re-establish the relationship between the servicemen and their former colleagues and friends. You should organize their active involvement in the cultural and leisure life of the garrison. It is necessary to constantly be interested in the mental state of the returnees, and to correct it in a timely manner. The attitude of colleagues, commanders, and family members towards them should in every way contribute to the relaxation of the accumulated mental stress, and the prevention of additional psychotraumatization[3].

Creating a readapting environment includes: 1) a worthy meeting of servicemen who arrived from the zone of military conflicts, for example, with the ritual of carrying the banner and with the organization of a solemn meeting; 2) official recognition of the importance of their military merits. This must be done even when they are performing their military

duty. The successful performance of their combat missions, the feats they accomplished, examples of their courage and determination should be widely promoted; 3) involving veterans in active social activities; 4) an understanding of their special relationship to the fighting brotherhood, for example, at the initial stage of readaptation, to leave the control levers in the hands of their military commanders; 5) delicate resolution of interpersonal conflicts that may arise between veterans and "civilians", in their understanding, the military, from this part, who were not in the combat zone; 6) individual and family psychological counseling, in order to create the best "climate" in family relations for a returned soldier.

In the process of carrying out socio-psychological readaptation, and for the effective implementation of its strategic tasks, commanders and military psychologists should:

1. understand that the work should be planned, purposeful, and phased. It is necessary to skillfully use all the known techniques used in such cases.

2. Thoroughly study the individual psychological characteristics of the readapted serviceman, in order to establish good contact and trusting relationships with him, since his attitude and desire to actively participate in this process is the key to success.

3. Competently navigate the legal framework, which defines and regulates the rights and benefits of servicemen who have been to "hot spots".

4. Contacts should be established with organizations that deal with war veterans. Their experience can help with the readaptation process.

5. It is desirable, even at the beginning of work, to present the process of readaptation successfully completed, as a consequence of their professional accomplishments. Patience, tact, persistence, and even inventiveness should be shown to understand that even if a very difficult problem arises, you can always show professionalism in finding your own non-standard way of solving it.

Thus, only the competent formulation and implementation of the strategic tasks described above will help the military psychologist to effectively carry out the necessary process of socio-psychological readaptation of military personnel who participated in the fighting.

REFERENCES

1. Rozanov V. Psychological adaptation of military personnel to service and combat activities in the conditions of armed conflict. – Moscow, 2018.
2. Karayani A.G., Syromyatnikov I. V. Applied military psychology: textbook. – method, manual. – St. Petersburg: Piter, 2006. – 480 p.
3. Maklakov A.G., Cherepenin S.V., Shustov E. B. the Problem of forecasting of psychological consequences of local military conflicts // Psychological journal. 2018. – Vol. 19. – No. 2.
4. Colodzin B. How to live after the trauma. – M., 2012.

Коренкова Анастасия Руслановна,
курсант 1 курса
9 (психологии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Korenkova Anastasia Ruslanovna,
Military University: Ministry of Defense of the RF
9 (Psychology) Department
1st year cadet.

Гатауллина Гульнара Абдулханоновна,
курсант 1 курса
9 (психологии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Gataullina Gulnara Abdulhanonovna,
Military University: Ministry of Defense of the RF
9 (Psychology) Department
1st year cadet.

ПРОБЛЕМАТИКА АДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЖЕНСКОГО ПОЛА К УСЛОВИЯМ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

PROBLEMS OF ADAPTATION OF FEMALE SERVICEMEN TO THE CONDITIONS OF MILITARY SERVICE

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей адаптации военнослужащих женского пола к условиям военной

службы. Особое внимание в работе авторы уделяют комплексу проблем, связанных с привыканием женщин-военнослужащих к военной профессии.

Abstract. The article considers the peculiarities of the servicewomen's adaptation to the conditions of military service. The authors pay particular attention to a set of problems related to female military personnel's adaptation to the military profession.

Ключевые слова: адаптация, профессиональная успешность, гендерная адаптация, военно-профессиональная адаптация, женщина-военнослужащий.

Keywords: adaptation, professional success, gender adaptation, military-professional adaptation, female soldier.

Сегодня в Вооруженных Силах Российской Федерации проходят службу 90 тысяч женщин, что составляет около 15 % от всего числа военнослужащих. Представители женского пола доказали, что способны составить конкуренцию мужчинам по многим специальностям: финансисты, юристы, переводчики, политруки и военные врачи и др.

Эффект феномена «захвата» женщинами армии оказывает неоднозначное влияние на общество. В данном вопросе противопоставлены две точки зрения. Одни люди являются приверженцами теории о том, что в нынешнем обществе должна главенствовать мужской прототип деятельности, несмотря на то, что прилив женщин в армию должен был изменить данный стереотип. Другие же считают, что пребывание женщин в воинских коллективах благотворно сказывается на моральной обстановке и придает спокойствие в деятельность представителей мужского пола, и, как следствие, идёт на благо социуму.

Вне зависимости от общественного мнения, военная служба женщин сталкивается со множеством проблем. Они возникают из-за предвзятого отношения к службе женщин в вооружённых силах, физиологических особенностей женского организма, а также мужского доминирования в коллективах. Выделяют несколько комплексов трудностей для женщин-военнослужащих, которые не могут не отразиться на процессе адаптации к условиям военной службы[1].

1) Проблемы организации военной службы.

2) Проблемы карьерного роста.

3) Проблема сексуального насилия.

Проблемы организации военной службы предопределены особенностями военной службы. В большинстве случаев, для ВЖП не созданы условия для качественного выполнения воинских обязанностей. Не уделяется должное внимание физиологическим особенностям женского организма, созданию соответствующих условий работы, удовлетворению гигиенических и бытовых потребностей. В большей степени данные проблемы касаются женщин-военнослужащих рядового состава, проходящих военную службу по контракту. Что касается военнослужащих женщин, проходящих службу и обучение в высших военных учебных заведениях, то здесь созданы максимально благоприятные условия в целях повышения престижа военно-учебного заведения, предотвращения возникновения экономического кризиса и потери социального статуса.

Проблема служебного роста охватывает большую часть женской составляющей отечественной армии. Из-за потребности в квалифицированных кадрах, сокращения части мужского состава по состоянию здоровья женщины заполняют вакуум в низовых армейских структурах, выполняя «мужскую работу», это пробуждает в мужчинах негативные эмоции. Данный феномен служит предпосылкой к применению ряда дискриминационных действий со стороны мужчин. Как результат, тендерные распределения внутри воинских коллективов начинают строиться по следующему принципу – где больше власти, там меньше женщин (подобно логике выражения "Если женщина на корабле, то жди беды"). Само существование женщины-командира затрагивает мужское самолюбие и, как следствие, запускается процесс необоснованного понижения интеллектуального и физического потенциалов женщины со стороны сильного пола. Однако, в теории, мужчины допускают чтобы женщина занимала руководящий пост, предъявляя завышенные требования к её профессиональным качествам и даже к внешнему виду. В оппозицию к распространенному предвзятому мнению мужской доли населения, можно привести слова А. Бебеля о том, что «если говорить о равенстве всех людей, то нелепо исключать из него половину человеческого рода». Освещая данную проблему, целесообразно затронуть и проблему образования военнослужащих женского пола. Несмотря на то, что большинство женщин-военнослужащих имеют высшее или среднее специальное

образование, оно зачастую не соответствует занимаемой должности, вследствие чего женщины не могут в полной мере реализовать свой потенциал и достигнуть желаемых высот. Карьерному росту ВЖП мешают те же факторы, что и гражданским женщинам – загруженность в семейно-бытовой сфере, отрыв от исполнения, в данном случае, служебных обязанностей, по семейным обстоятельствам, таким как, отпуск по беременности и родам, уход за ребенком до достижения им трёхлетнего возраста. Наиболее серьёзным препятствием на пути к занятию желаемой должности является консервативный патриархальный стереотип общественного сознания: «Не женское это дело - служить в армии», «Твоё место на кухне с детьми». Зачастую люди расценивают профессиональные достижения военнослужащих женского пола как патологию, считают адекватную женщину в военной среде – ненормальной женщиной. Поскольку большинство придерживается именно такого мнения, это в очередной раз доказывает, что офицерам-руководителям, нужна специальная подготовка, которая помогла бы им устранять возникающие в воинском коллективе противоречия между мужчиной и женщиной, смотреть на положение вещей объективно и более либерально.

Проблема сексуального насилия является одним из неблагоприятных факторов адаптации военнослужащих женского пола. Существенная часть женского личного состава столкнулась с подобным видом насилия на службе, а именно, около 15% по данным исследования Ф.А. Габуевой («Психофизическое прогнозирование военно-профессиональной адаптации военнослужащих женского пола»)[2]. Причиной высокого процента является тот факт, что изнасилование это одна из привычных ситуаций, когда женщина решает служить в армии или «влиться» в воинский коллектив во многих военных учебных заведениях. Это говорит о том, что уже в юном возрасте девушки рискуют заработать серьёзную психологическую травму. Так же после возвращения из «горячих» точек каждая третья женщина сообщает о сексуальной травме, что впоследствии приводит к посттравматическому психологическому расстройству.

Таким образом, учитывая всё перечисленное выше, можно сделать вывод о том, что поставленная проблема остаётся как никогда актуальной, поскольку и по сей день работа по адаптации военнослужащих женского пола организуется неумело и хаотично.

Сейчас наше государство повторяет, пройденный другими странами путь, поэтому, для гармоничного вливания акта феминизации военной службы в повседневную жизнь нашего отечества, необходимо перенимать иностранный опыт.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Овчинников Б.В. К вопросу о психической адаптации // Журнал практического психолога. – М.: 2012. № 3. С. 7-24.
2. Габуева Ф.А. Психофизическое прогнозирование военно-профессиональной адаптации военнослужащих женского пола. Дисс. ... канд. мед. наук.– С. Петербург, 2018. 105 с. [Электронный ресурс]URL:https://vmeda.mil.ru/upload/site56/document_file/8igT36LczH.pdf (дата обращения: 01.12.2020).

Nowadays 90,000 women serve in the Armed Forces of the Russian Federation, making up about 15% of the total number of military personnel. Women have proven capable of competing with men in many professions: financiers, lawyers, interpreters, political officers and military doctors, among others.

The phenomenon of female "encroachment" upon the army has a debatable impact on society. There are two opposing viewpoints on this issue. Some people are adherents of the theory that the male prototype of activity has to in today's society, despite the fact that the influx of women into the army should have changed this stereotype. Others believe that the female presence in the military is beneficial to morale setting and gives peace of mind to men's activities and, as a result, is beneficial for society.

Regardless of public opinion, women's military service faces a lot of challenges. These have arisen because of prejudiced attitude of women's service in the armed forces, the physiological characteristics of the female body, and male dominance in teams. There are several sets of difficulties for servicewomen that cannot but affect the process of adaptation to military service[1]:

- 1) problems in military service organizational structure;
- 2) career development problems;
- 3) sexual abuse problems.

Military service organizational problems are predetermined by the peculiarities of military service. In most cases, the conditions for high quality military duties performance is not provided for servicewomen. Not enough attention is paid to physiological peculiarities of a woman's

body, creation of appropriate working conditions, satisfaction of hygienic and everyday needs. To a greater extent, these problems concern enlisted women serving under contract. With regard to female military personnel serving and studying in military higher education institutions, the most favourable conditions have been created in order to enhance the prestige of the military education institution and prevent an economic crisis and loss of social status.

The problem of career development covers a large part of the female component of the national army. Because of the need for qualified personnel, the reduction in the number of male personnel on health grounds, women are filling the vacuum in the lower ranks of the army, doing so called "men's work", which provokes negative emotions among men. This phenomenon is a prerequisite for a number of discriminatory actions on the part of men. As a result, gender distributions within military collectives follow the principle: where there is more power, there are fewer women (similar to the logic: "If a woman is on the ship, there will be trouble"). The very existence of a female commander affects male ego and, as a consequence, triggers a process of unreasonable demotion of women's intellectual and physical potential on the part of the stronger sex. However, theoretically, men allow a woman to occupy a managerial position, making inflated requirements for her professional qualities and even for her appearance. In opposition to the widespread prejudice of the male part of the population, we can quote A. Bebel who said that "if we talk about the equality of all people, it is absurd to exclude half of the human race from it".

In highlighting this issue, it is also useful to touch upon the issue of education of female military personnel. Although most servicewomen have a higher or secondary vocational education, this is often inadequate for their position and, as a result, women are not able to realize their full potential and achieve their desirable goals. The factors that hamper the career development of both female military personnel and civilian women are the same: the burden of family and domestic chores, and the interruption of carrying out official responsibilities in case of maternity and childcare leave upon the attainment of the age of 3. The most serious obstacle to take up a desired position is the conservative patriarchal stereotype of public consciousness. "It is not a woman's business to serve in the army", "Her place is in the kitchen with the children". People consider the professional servicewomen's achievements as pathological ones and an adequate woman in the military environment as an abnormal woman.

Since the majority hold onto this view, it proves once again that officers need special training to help them eliminate the contradictions between men and women in the military team and look at things objectively and more liberally.

The problem of sexual violence is one of the negative factors for female service personnel. A considerable part of female personnel has faced this type of violence being in service, namely, about 15% according to F.A. Gabueva's study ("Psychophysical prediction of military-professional adaptation of female servicemen")[2]. The reason for high percentage is the fact that sexual dishonoring is one of the common situations when a woman decides to join the army, the military collective in many military training institutions. This indicates that girls risk developing serious psychological trauma already at a young age. Moreover, after returning from "hot" spots every third woman reports sexual trauma, which subsequently leads to post-traumatic psychological disorder.

Thus, taking into account all of the above, we can conclude that the problem remains as urgent as ever, because to this day, the work on the adaptation of female servicemen is inefficiently and chaotically organized. Now our state is repeating the path passed by other countries, therefore, for the harmonious integration of the act of feminization of military service into the everyday life of our country, it is necessary to adopt foreign experience.

REFERENCES

1. Ovchinnikov B.V. To the question of mental adaptation // Journal of Practical Psychologist. – M.: 2012. № 3. C. 7-24.
2. Gabueva F.A. Psychophysical prediction of military-professional adaptation of female servicemen. Diss. ... candidate of medical sciences. - S. Petersburg, 2018. 105 c. [Electronic resource] URL:https://vmeda.mil.ru/upload/site56/document_file/8igT36LczH.pdf (date of reference: 01.12.2020).

Косарев Роман Олегович,
майор,
слушатель 1 курса 4 (руководящего состава
органов военно-политической работы) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.

Kosarev Roman Olegovich,
major,
Military University:
Ministry of Defence of the Russian Federation
4 (Leadership of Bodies of Military-Political Work) Department
1st year master's degree student.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА И АГИТАЦИЯ КАК РЕШЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ

MILITARY AND POLITICAL PROPAGANDA AND AGITATION AS THE WAY TO SOLVE A STRATEGIC TASK IN THE CONTEXT OF NEW SECURITY CHALLENGES

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития и актуальной реализации военно-политической пропаганды и агитации. Автор рассматривает тенденции и систему реализации военно-политической пропаганды и агитации в современных условиях как одно из основных направлений военно-политической работы.

Annotation. The article is devoted to the problem of the development and actual implementation of military and political propaganda and agitation. The author considers the trends and the system of implementation of military and political propaganda and agitation in modern conditions as one of the main directions of military and political work.

Ключевые слова: военно-политическая пропаганда и агитация, Вооруженные Силы Российской Федерации, воспитательная работа, военно-политическая работа.

Keywords: military-political propaganda and agitation, the Armed Forces of the Russian Federation, educational work, military-political work.

В условиях современных тенденций смещения военных опасностей и угроз в информационное пространство становится актуальным выполнение грамотной идеологически обоснованной деятельности. Указанная работа с целью усиления защиты традиционных ценностей нашего общества, важности духовного единства социума в сложных условиях мировой нестабильности осуществляется в вооруженных силах командирами, пунктами управления и военно-политическими органами.

Система пропаганды войск в СССР, основывавшаяся на политической идеологии коммунизма, после событий 1991 года осталась без теоретических оснований. С момента дезинтеграции Советского Союза как государства и до современного политического облика Российской Федерации координация работы с личным составом в целом и направление пропагандистской практики в частности в Вооруженных силах претерпевало периодическую реорганизацию по причине изменения специфики решаемых задач.

Необходимость издания нормативно-правовой базы по проблеме пропагандистской деятельности как основного направления воздействия на личный состав в новых реалиях находит отражение в приказе министра обороны № 226 от 1995 года[1]. В этом документе дается общий обзор мероприятий информационного обеспечения войск в рамках воспитательной работы, без конкретного алгоритма, как правило, опираясь в лучшем случае на опыт бывших «политработников», в худшем – на личное восприятие командиров о методике его реализации. Информационное обеспечение войск как элемент системы воспитательной работы ВС РФ просуществовал до 2004 года.

В связи с тем, что ВС РФ с начала 2000-х годов начали активное реформирование, появилась необходимость в новых подходах к реализации пропаганды. С 2004 года был издан ряд приказов[2], [3], регламентирующих пропаганду в рамках устройства работы с личным составом. В этих документах уже более систематизировано представлен механизм реализации средств и форм воздействия на личный состав Вооруженных Сил Российской Федерации с целью формирования и поддержания у личного состава высокого морально-политического и психологического состояния.

Но, как и пропагандистская деятельность, так и условия для новых вызовов безопасности Российского государства имеют свойство развиваться. Таким «плодотворным» условием 21 века стала

активно развивающаяся информационная среда. На законодательном уровне как реакция на сложившуюся обстановку издана «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации», выполняющая функцию контроля в масштабах государства, представляющая собой систему официальных взглядов на обеспечение защищенности в информационной сфере[4].

В Вооруженных Силах Российской Федерации благодаря накопленному опыту в ответ на изменившиеся условия борьбы была создана новая структура, реорганизована система военно-политической работы и, как следствие, направление военно-политической пропаганды и агитации.

На текущий момент военно-политическая пропаганда и агитация представляет собой систему целенаправленных и согласованных мероприятий, осуществляемых командованием всех степеней, военно-политическими органами, военными средствами массовой информации с целью:

- военно-политического ориентирования личного состава, своевременного доведения решений руководства страны, сведений о военно-политической обстановке и полученных задачах;

- доведение принимаемых органами государственной власти решений в целях выполнения задач Вооруженных Сил;

- представление действий в области обороны своих войск (сил) в интересах формирования у военнослужащих и гражданского персонала Вооруженных Сил необходимого уровня морально-политического и психологического состояния на основе общественно значимых убеждений, утверждения в их сознании и поведении идей патриотизма и высоких духовных потребностей;

- защиты от негативного информационно-психологического воздействия[5].

Военно-политическая пропаганда и агитация в условиях новых вызовов безопасности Российской Федерации получила апробацию при выполнении «интернационального долга» в Сирийской Арабской Республике, где была доказана важность и необходимость качественной реализации этой работы. Это направление военно-политической работы было нацелено на разъяснение решения Совета Федерации РФ на использование Воздушно-космических сил России против террористических группировок в Сирии по просьбе Президента этой страны Башара Асада. За относительно короткое время была оперативно организована работа как по

пропагандистскому воздействию, так и по защите войск от воздействия противника. По своей сущности это была военно-политическая пропаганда и агитация, реформированная из информационно-пропагандистской работы в 2019 году с выходом соответствующего приказа[5], как было указано ранее.

Подводя итог, необходимо отметить, что такое направление военно-политической работы, как военно-политическая пропаганда и агитация, прошло длительное развитие и занимает важное место в общей системе. Менялось название, менялось осознание важности данного направления, но сложившееся положение дел свидетельствует о необходимости заниматься пропагандистской деятельностью в любых условиях не только в масштабах вооруженных сил, но и в масштабах государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Приказ МО РФ № 226 от 1995 г. «Об органах воспитательной работы ВС РФ».
2. Приказ МО РФ № 70 от 2004 г. «Об органах воспитательной работы ВС РФ».
3. Приказ МО РФ № 655 от 2016 г. «Об организации работы с личным составом ВС РФ».
4. Указ Президента РФ от 5.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности РФ».
5. Приказ МО РФ № 404 от 2019 г. «Об организации военно-политической работы ВС РФ».

In the context of modern trends in the displacement of military dangers and threats in the information space, it becomes relevant to carry out competent ideologically based activities. This work is carried out in the armed forces by commanders, command posts, and military-political bodies in order to strengthen the protection of the traditional values of our society and the importance of the spiritual unity of society in the difficult conditions of global instability.

The system of propaganda of troops in the USSR, based on the political ideology of communism, and after the events of 1991 remained without theoretical grounds. From the moment of the disintegration of the Soviet Union as a state to the modern political image of the Russian Federation, the coordination of work with personnel in general and the direction of propaganda practice in particular in the Armed Forces

underwent periodic reorganization due to changes in the specifics of the tasks being solved.

The need to publish a regulatory framework on the problem of propaganda activities as the main direction of influence on personnel in the new realities is reflected in the Order of the Minister of Defense No. 226 of 1995[1]. This document provides a general overview of the measures of information support for troops in the framework of educational work, without a specific algorithm, as a rule, based at best on the experience of former "political workers", at worst-on the personal perception of the commanders about the methodology of its implementation. Information support of the troops as an element of the system of support work of the Armed Forces of the Russian Federation lasted until 2004.

Due to the fact that the Armed Forces of the Russian Federation began active reform in the early 2000s, there is a need for new approaches to the implementation of the program. Since 2004, a number of orders have been issued[2],[3] regulating propaganda within the framework of the organization of work with personnel. These documents already present a more systematic mechanism for implementing means and forms of influence on the personnel of the Armed Forces of the Russian Federation in order to form and maintain a high moral, political and psychological state of the personnel.

But, like propaganda activities, the conditions for new security challenges for the Russian state tend to develop. Such a "fruitful" condition of the 21st century has become an actively developing information environment. At the legislative level, as a reaction to the current situation, the "Information Security Doctrine of the Russian Federation" was published. It performs the function of control on the scale of the state, representing a system of official views on ensuring security in the information sphere[4].

In the Armed Forces of the Russian Federation, thanks to the accumulated experience, in response to the changed conditions of the struggle, a new structure was created, the system of military and political work was reorganized and also, as a result of it, the direction of military and political propaganda and agitation.

At the moment military and political propaganda and agitation is a system of targeted and coordinated activities carried out by the command of all degrees, military and political bodies, military mass media for:

- military and political orientation of the personnel, timely communication of the decisions of the country's leadership, information

about the military and political situation and the tasks received;

- communicating the decisions taken by the state authorities in order to fulfill the tasks of the Armed Forces;

- representation of actions in the field of defense of their troops (forces) in the interests of forming the necessary level of moral, political and psychological state among military personnel and civilian personnel of the Armed Forces on the basis of socially significant beliefs, asserting in their knowledge and behavior the ideas of patriotism and high spiritual needs;

- protection from negative information and psychological impact[5].

Military-political propaganda and agitation in the face of new challenges to the security of the Russian Federation was tested in the implementation of the "international duty" in the Syrian Arab Republic, where the importance and necessity of high-quality implementation of this work was proved. This area of military and political work was aimed at explaining the decision of the Federation Council of the Russian Federation to use the Russian Aerospace Forces against terrorist groups in Syria at the request of the President of that country, Bashar al-Assad. In a relatively short time, the work was quickly organized both on propaganda influence and on the protection of troops from the enemy's influence. In its essence, it was military and political propaganda and agitation, reformed from information and propaganda work in 2019 with the release of the corresponding order[5], as indicated earlier.

Summing up, it should be noted that such a direction of military and political work as military and political propaganda and agitation has been developed for a long time and occupies an important place in the general system. The name has changed, the awareness of the importance of this direction has changed, but the current situation demonstrates the need to engage in propaganda activities in any conditions not only in the armed forces, but also across the state.

REFERENCES

1. The Ministry of defense of the Russian Federation No. 226 of 1995 "On the bodies of the educational work of the armed forces".

2. The Ministry of defense of the Russian Federation No. 70 of 2004 "On the bodies of the educational work of the armed forces".

3. The Ministry of defense of the Russian Federation No. 655 from 2016 "On the organization of work with personal INTEG-tion of the armed forces".

4. The decree of the President of the Russian Federation from 5.12.2016, No. 646 "On approval of the Doctrine of information security of the Russian Federation".

5. The Ministry of defense of the Russian Federation No. 404, 2019 "On the organization of military-political work of the armed forces".

Лоскутова Светлана Витальевна,
преподаватель кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства обороны РФ.
Loskutova Svetlana Vitalievna,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Teacher.

Немцева Екатерина Олеговна,
магистр психологических и педагогических наук.
Nemtseva Ekaterina Olegovna,
Master degree in Psychology and Pedagogy.

ПОВЕСТЬ Н.В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА» КАК ФАКТОР ПОДЪЕМА МОРАЛЬНОГО ДУХА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

N.V. GOGOL'S STORY "TARAS BULBA" AS MILITARY PERSONNEL MORALE BOOSTING FACTOR AT PRESENT STAGE

Аннотация. Статья посвящена изучению проблем морально-психологического состояния военнослужащих. Авторы рассматривают классическую русскую повесть и возможность ее использования в воспитательных целях на современном этапе.

Abstract. The article deals with the military personnel moral and psychological situation. The authors consider Russian classical story and its possible usage for educational purposes at the present stage.

Ключевые слова: национальная идентичность, моральный дух армии, доминанты общественного сознания.

Keywords: national identity, army morale, dominant social consciousness.

Опыт русской военной истории говорит нам, что решающим фактором, обеспечивавшим победу в войне, оказывался негибимый дух бойцов. Верховный Главнокомандующий Вооруженными силами Российской Федерации В.В. Путин считает, что самое серьезное внимание нужно уделять воспитательной работе с личным составом. «Во все времена высокий моральный дух офицеров и солдат был нравственным стержнем российской армии. Эти традиции должны быть возрождены и сегодня активно развиваться», – отметил он на правительственном совещании по перевооружению армии и флота[1]. Однако в настоящее время многими высказывается мнение о присутствии ощущения идейной пустоты и дефиците идеологии, которые *затрудняют возможность определить характер пройденного исторического пути и наше место в историческом пространстве ныне*. Проблема заключается еще и в том, что современному молодому поколению авторское кино по мотивам произведений кажется более привлекательным носителем социальной информации, чем сама русская классическая литература[2]. Мы полагаем, что через литературу, уникальный в своем роде носитель социально-исторической и культурной информации, человек получает накопленный столетиями опыт национального прошлого. Считать, что этот опыт неприменим в современных условиях, значит отказаться от принадлежности к собственной культуре. В качестве противопоставления современным псевдоисторическим романским проектам авторы решили обратить внимание на художественное слово Н.В. Гоголя и его воздействие на современника.

С нашей точки зрения, актуально изучить психологический портрет главного героя исторической повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». Это могучий образ, по выражению самого писателя, «необыкновенное явление русской силы»[3]. Его уникальность состоит в личном обращении к каждому, кто берет в руки книгу, в возможности ощутить себя его современником. Повесть была написана в 1835 году, когда Н.В. Гоголь был адъюнкт-профессором Петербургского университета и серьезно занимался историей. Она описывает события XV-XVI веков, еще до присоединения Украины к России, когда местное население угнеталось многочисленными врагами. Характеризуя своего героя, Николай Васильевич отмечает, что «это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век ...»[3] Тарасу не свойственны колебания.

Он всегда видит перед собой цель и считает безупречное служение отчизне своим долгом. Именно отсюда истоки его мужества и бесстрашия. Гоголевский патриот – это тот, кто готов отдать всё ради дела патриотической борьбы. Все физические и душевные силы Тараса поддерживаются этим чувством. Особый акцент делается на принадлежности героя к православной вере. Носители православия представлены автором как защитники страны и отважные воины. Последние минуты жизни Тараса Бульбы полны героизма и любви к своему народу. Он не думает о том, что скоро умрет мучительной смертью. Казак стремится выручить оказавшихся в беде товарищей. Тарас уверен, что они продолжат дело, за которое он отдает свою жизнь. На костре воин произносит речь, проникнутую любовью к Русской земле, гневом и презрением к врагам: «Прощайте, товарищи, – кричал он им. –Что, взяли, чертовы ляхи! Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак? Пойдите же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! А уже огонь поднимался над костром... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу»[3]. Следует отметить, что, читая повесть Н.В. Гоголя, в которой талантливо и правдиво описаны такие понятия, как честь, мужество, патриотизм, верность, вера, военный опыт предков. Сеем предположить, повесть Н.В. Гоголя можно отнести к обязательному прочтению в войсках наряду с “Наукой побеждать” А.В. Суворова. Поэтому обратимся к морально-психологическим основам суворовской науки. Первейшее условие победы – минимизация боязни человеком смерти. С другой стороны, смерть не страшна, если умираешь за веру, за императрицу, за Отечество, за самые высокие нравственные идеалы. А.В. Суворов старался убедить военнoслужущих, что на войне победу, как правило, одерживает тот, у кого сильнее вера. Идо 1702 г. русская армия шла в бой с огромным красным знаменем с изображением Спаса Нерукотворного, с которым русские воины разгромили монголов в Куликовской битве (1380), взяли Казань (1552), совершали походы в Крым в 1687-1689 гг. Тактика, взятая на вооружение русской армией XVIII века, во многом опиралась на менталитет русских людей, требовала от участников боевых действий душевного подъема. В европейских армиях использовались слабые в морально-психологическом отношении наемники и преобладала линейная тактика боевых действий, поскольку в этом случае командирам было

легче следить за действиями солдат в бою, совершенно не готовых пожертвовать своей жизнью ради процветания чужой родины[4]. Генерал-полковник Омеличев, рассматривая факторы, влияющие на нынешнее морально-психологическое состояние российских военнослужащих, считает, моральный дух представляет собой специфическое состояние общественного сознания, характеризующееся способностью и готовностью личного состава добиться выполнения поставленных целей и задач при максимальном напряжении духовных и физических сил. Но, оставаясь объективным, генерал отмечает, что в последние годы усилилось действие ряда факторов, которые негативно воздействуют на моральный дух армии. В новых реалиях происходит девальвация понятий воинского долга, чести и достоинства и нередко проявляются настроения бесперспективности воинской службы[5].

Исходя из вышеизложенного, следует сказать, что современный российский военнослужащий должен каждодневно ощущать себя наследником тысячелетней культурно-исторической традиции. Для него точно так же, как и во все времена, необходимо понимание исторической значимости существования русской цивилизации и своей личной причастности к ней. В заключение отметим, что для достижения поставленных воспитательных целей необходимо уделять внимание формированию сознательного отношения курсантов к выполнению своего воинского долга, опираясь на высшие духовные и нравственные устои общества, на изучение русской классической литературы, содержащей нравственный элемент. В нашем случае – на пронзительно патриотичную повесть бессмертного писателя, которая на современном этапе как будто поменяла свой жанр и перешла в разряд учебников по подъему морального духа военнослужащих.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Путин В.В. Выступление на правительственном совещании по перевооружению армии и флота. Сообщение ТАСС. 19 ноября 2018.
2. Голубков М.М., профессор кафедры истории русской литературы МГУ им. М.В. Ломоносова «Зачем нужна русская литература?» [Электронный ресурс]
URL:<https://3rm.info/publications/30757-zachem-nuzhna-russkaya-literatura-mm-golubkov.html> (дата обращения: 10.02.2021).

3. Гоголь Н.В. «Тарас Бульба». Интернет библиотека А. Комарова[Электронный ресурс] URL: <https://ilibrary.ru/text/1070/p.3/index.html> (дата обращения: 10.02.2021).

4. Никитин О.А. Рукопись диссертации. [Электронный ресурс] URL: https://vagsh.mil.ru/upload/site17/document_file/Nikitin_tekst_diss.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

5. Омеличев Б., генерал-полковник в отставке. Моральный дух российских военнослужащих и военная реформа. [Электронный ресурс] URL: <http://old.nasledie.ru/persstr/persona/omelichev/article.php?art=3> (дата обращения: 10.02.2021).

The experience of Russian military history says that the decisive victory factor was the fierce spirit of fighters. Supreme Commander-in-Chief of the Armed Forces of the Russian Federation, Vladimir Putin believes that the utmost attention should be paid to the personnel education. "At all times the high officers and soldiers morale was the honorable core of the Russian army. These traditions should be revived and actively developed today", he noted at the government meeting on the Army and Navy rearmament[1]. However, the present feeling of ideological emptiness and the lack of ideology make it difficult to determine the nature of the ancient path and our present place in the historical space. The problem also lies in the fact that to the modern younger generation author's cinema on the novel basis seems to be a more attractive source of social information than Russian classical literature[2]. We believe that a person receives the national past experience accumulated over centuries through literature, a unique socio-historical and cultural information bearer. To believe that this experience is inapplicable in modern conditions is to give up belonging to one's own culture. As a contrast to modern pseudo-historical novel projects the authors decided to draw attention to the literary word of N.V. Gogol and his impact on a contemporary.

From our point of view, it is relevant to study the psychological portrait of the main character of the historical story N.V. Gogol's "Taras Bulba". In writer's words it is a powerful character, "an extraordinary phenomenon of Russian might[3]". Its uniqueness lies in the personal appeal to everyone who picks up a book and the opportunity to feel like his contemporary. The story was written in 1835 when N.V. Gogol was an adjunct professor at St. Petersburg University and seriously engaged in history. He described the events of the XV-XVI centuries before Russian

and Ukrainian reunification when the local population was oppressed by numerous enemies. Describing his hero, Nikolai Vasilyevich noted that “it was one of those figures that could arise only in the difficult XV th century ...”[3] Taras is not characterized by hesitation. He always sees the goal and considers the impeccable service to his country. It was there that his courage and fearlessness took root. Gogol's patriot is one who is ready to give everything for the patriotic struggle cause. All physical and mental strength of Taras is supported by this feeling. Special emphasis is placed on the character's membership in the Orthodox Church. The bearers of Orthodoxy are presented as defenders of the country and brave warriors. The last minutes of Taras Bulba's life are full of heroism and love for his people. He does not think that he will die soon a painful death. The Cossack seeks to help out comrades in trouble. Taras is confident that they will continue the work that he gives his life for. At the stake the warrior delivers a speech imbued with love for the Russian land, anger and contempt for enemies: “Farewell, comrades,” he shouted to them. - So, you got me, the damn Poles! Do you think there is anything in the world that the Cossack would be afraid of? Wait, the time will come, ... you will learn what the Russian Orthodox faith is! And already the fire was rising over ... But are there such fires, torments and such a force in the world that would overpower the Russian force. ...”[3] It should be noted that reading the story of N.V. Gogol where such concepts as honor, courage, patriotism, loyalty, faith are described with talent and truth, a soldier learns his great ancestor experience. We dare to assume that Gogol's story can be attributed to a mandatory reading in the Army along with "The Science of Victory" by A.V. Suvorov. Therefore, let us turn to the moral and psychological foundations of general's science of winning. The first condition for victory is to minimize a person's death fear. On the other hand, death is not terrible if you die for the Faith, for the Empress, for the Fatherland, for the highest moral ideals. The commander tried to convince the servicemen that the victory, as a rule, is won by those with the stronger faith. Until 1702 the Russian Army went into battle with the Savior on a huge red banner. The Russians defeated the Mongols in Kulikovo Battle (1380), took Kazan (1552) and made campaigns to the Crimea in 1687-1689 with it. The tactics adopted by the Russian Army in the 18th century in many respects relied on the mentality of Russians. It was predominantly offensive in nature. It demanded spiritual uplift from combatants. In European armies where morally and psychologically weak mercenaries were used, line combat tactics prevailed. For commanders it was easier to follow soldier actions in

battle because they were completely unprepared to sacrifice their lives for the foreign homeland prosperity[4]. Colonel-General Omelichev, considering the factors affecting the current moral and psychological Russian serviceman condition believes that morale is a specific state of public consciousness characterized by the ability and willingness of personnel to achieve the goals and objectives set at maximum tension of spiritual and physical strength. But being objective, the general thinks that in recent years a number of factors that negatively affect the morale of the army have increased. In the new realities the concept devaluation of military duty, honor and dignity is taking place and the mood of military service futility is often manifested[5].

Based on the foregoing, it should be noted that a Russian modern serviceman in his daily life should feel like a thousand-year cultural and historical tradition successor. At all times it is necessary for him to understand Russian civilization historical significance and his personal involvement in it. We conclude that in order to achieve the educational goals it is necessary to pay attention to the formation of a conscious soldier attitude to his military duty fulfillment relying on the highest spiritual and moral social foundations, and on Russian classical literature containing a moral element, in our case, an immortal writer's piercingly patriotic story. At the present stage it seems to have changed its genre and passed into the category of textbooks on raising the military personnel morale.

REFERENCES

1. Putin V.V. Speech at a government meeting on the rearmament of the Army and Navy. TASS report. November 19, 2018.
2. Golubkov M.M., MSU after M.V. Lomonosov Russian literature and history Chair professor."What good is in Russian literature?" [Electronic resource] URL:<https://3rm.info/publications/30757-zachem-nuzhna-russkaya-literatura-mm-golubkov.html> (access date: 10.02.2021).
3. Gogol N.V.. "Taras Bulba". A. Komarov's Internet library [Electronic resource] URL:<https://ilibrary.ru/text/1070/p.3/index.html> (access date: 10.02.2021).
4. Nikitin O.A. Thesis manuscript. [Electronic resource] URL:https://vagsh.mil.ru/upload/site17/document_file/Nikitin_tekst_diss.pdf (access date: 10.02.2021).
5. B. Omelichev, retired Colonel General. The morale of Russian servicemen and the military reform. [Electronic resource]

URL:<http://old.nasledie.ru/persstr/persona/omelichev/article.php?art=3>
(access date: 10.02.2021).

Максимов Никита Васильевич,
кандидат педагогических наук, майор,
слушатель 1 курса
2 (войск национальной гвардии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.

Maksimov Nikita Vasilyevich,
Candidate of Pedagogic Sciences, major,
2 (National Guard Troops) Department
Military University: Ministry of Defence of the RF
1st year master's degree student.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И СОТРУДНИКОВ РОСГВАРДИИ В ХОДЕ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE SYSTEM OF VALUES OF MILITARY SERVICES AND EMPLOYEES OF THE RUSSIAN NATIONAL GUARD DURING ANTI-EXTREMIST ACTIVITIES

Аннотация. В статье рассматривается вопрос повышение качества антиэкстремистской деятельности через формирование системы ценностей у военнослужащих и сотрудников Росгвардии. Автор раскрывает структурное содержание антиэкстремистской деятельности сквозь призму системы ценностей.

Abstract. The article discusses the issue of improving the quality of anti-extremist activities through the formation of a system of values among servicemen and employees of the Russian National Guard. The author reveals the structural content of anti-extremist activity through the prism of the value system.

Ключевые слова: Росгвардия, экстремизм, деятельность, ценность, антиэкстремизм, проблема, система, личность, общество.

Keywords: Russian National Guard, extremism; activity; value; anti-extremism, problem, system, personality, society.

Современная трансформация общественно-политических систем и процессов, происходящих в Российской Федерации последние

20 лет, негативно отражается на состоянии российского общества, порождая различные кризисные явления среди молодежи в виде экстремизма и терроризма.

В целях обеспечения государственной и общественной безопасности в Российской Федерации реализуется планы и стратегии, представляющие собой комплексное и согласованное решение актуальных проблем по снижению уровня преступности и противоправных действий среди граждан. Одной из реально работающих стратегий является система выявления, пресечения противодействия деятельности экстремистских и террористических субъектов, а также система профессиональной подготовки кадров в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности[1, С.4.]. Так, в целях повышения качества обеспечения безопасности личности, общества и государства от преступных и иных посягательств в 2016 году создана новая государственная военная организация – Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардия), приоритетной задачей которой является участие в борьбе с экстремизмом и терроризмом[2, С.2.].

Опираясь на достижения современных отечественных и зарубежных исследований в области изучения феномена экстремизма с точки зрения его философских, социальных, правовых и педагогических аспектов, мы понимаем под «антиэкстремистской деятельностью» деятельность органов государственной власти федерального и муниципального уровня по выявлению, пресечению и устранению причин и условий, способствующих проявлениям экстремизма среди физических, юридических лиц, общественных, религиозных объединений и организаций[3, С.32.].

Как нам известно, любая деятельность представляет собой форму активности индивида, побуждаемого потребностью, то есть состоянием нужды в определенных условиях нормального функционирования, и предполагает совокупность действий по достижению поставленной цели. Исходя из предмета нашего исследования, антиэкстремистская деятельность включает в себя: мотивы, способы и приемы осуществления этой деятельности, цель и результат.

Результатом антиэкстремистской деятельности является такое состояние правопорядка, позволяющее прогнозировать, своевременно выявлять и пресекать попытки экстремистской деятельности, а также

создавать условия по недопущению повторения преступлений экстремизма.

Целью антиэкстремистской деятельности является достижение высокого уровня правосознания, правопорядка и законности граждан, основанных на сохранении гармоничного развития общества и государства, консолидации усилий на идеях патриотизма, гуманности, мира и согласия.

Способы и приемы – это совокупность методов и средств достижения целей антиэкстремистской деятельности, включающих профилактические меры (предупреждение) – координация с институтами гражданского общества; служебно-боевую деятельность (пресечение) – выявление и расследование преступлений экстремизма; ликвидацию последствий экстремизма (минимизация) – взаимодействия с органами власти, СМИ, общественными организациями и объединениями[3, С.27].

Мотивами антиэкстремистской деятельности являются внутренние побудительные силы военнослужащего и сотрудника Росгвардии, способствующие реализации правоохранительной функции. Мотивы могут быть как личностные, так и общественные. Основой любой мотивации человека является сформированная система ценностей, которая составляет основу, цель и средство социального развития личности, способная удовлетворить его материальные и духовные потребности. То есть, в качестве ценности антиэкстремистской деятельности военнослужащего и сотрудника Росгвардии представлена не та сфера потребностей, без которой не может существовать общество, не то, что соответствует интересам общества, – его материальным выгодам, а то, что, по мнению сотрудника войск правопорядка, соответствует предназначению и назначению его как борца с экстремизмом, связанное с его достоинством и честью, сознательным выбором, как проявление акта самоутверждения и свободы личности[4, С. 26].

В общем понимании система ценностей представляет собой совокупность мнений о жизненно важных для личности, общества и государства ориентирах, идеалах и социальных установках. Опираясь на представленное определение, мы под системой ценностей антиэкстремистской деятельности понимаем совокупность взаимосвязанных нравственных, морально-волевых, профессионально-этических убеждений личности, направленной

на межличностный, межнациональный и межрелигиозный диалог в целях гармоничного развития общества и государства.

Исходя из выше изложенного, складывается следующая система ценностей антиэкстремистской деятельности:

1) Целевые ценности (общественное признание, общественное благо, защита интересов общества и государства);

2) Инструментально-нормативные (равенство, справедливость, право, самостоятельность, терпимость и пр.);

3) Инструментально-функциональные (честность, честь, долг, исполнительность, ответственность, достоинство, самоконтроль и пр.);

4) Общечеловеческие (жизнь, свобода, право, независимость).

Таким образом, целенаправленное и систематическая работа должностных лиц Росгвардии по формированию в общей системе воспитательной работы системы ценностей, включающей целевые, инструментально-нормативные, инструментально-функциональные и общечеловеческие ценности, будет способствовать антиэкстремистской деятельности среди сотрудников и военнослужащих, в воинских и служебных коллективах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 29.10.2020).

2. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 226-ФЗ О войсках национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 29.10.2020).

3. Максимов, Н. В. Формирование ценностного отношения к противодействию экстремизму у курсантов вузов войск национальной гвардии Российской Федерации: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Максимов Никита Васильевич. – Пермь, 2019. – 195 с.

4. Арчаков, М. К. Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия: автореф. дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02 / Арчаков Михаил Константинович. – Екатеринбург, 2016. – 35 с.

The current transformation of socio-political systems and processes taking place in the Russian Federation over the past 20 years has a negative

impact on the state of Russian society, giving rise to various crisis phenomena among young people in the form of extremism and terrorism.

In order to ensure State and public security in the Russian Federation, plans and strategies are being implemented that represent a comprehensive and coordinated solution to urgent problems to reduce the level of crime and illegal actions among citizens. One of the really working strategies is a system for identifying and suppressing counteraction to the activities of extremist and terrorist actors, as well as a system of professional training of personnel in the field of ensuring state and public security[1, P.4.]. Thus, in order to improve the quality of ensuring the security of the individual, society and the state from criminal and other encroachments, a new state military organization was created in 2016 – the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation (hereinafter- Russian National Guard), which priority task is to participate in the fight against extremism and terrorism[2, P.2.].

Based on the achievements of modern domestic and foreign research in the field of studying the phenomenon of extremism from the point of view of its philosophical, social, legal and pedagogical aspects, we understand by "anti-extremist activity" the activities of state authorities at the federal and municipal levels to identify, suppress and eliminate the causes and conditions that contribute to the manifestations of extremism among individuals, legal entities, public and religious associations and organizations[3, P.32.].

As we know, any activity is a form of activity of an individual, driven by need, that is, a state of need in certain conditions of normal functioning, and involves a set of actions to achieve the goal. Based on the subject of our research, anti-extremist activity includes: the motives, methods and techniques of carrying out this activity, the goal and the result.

The result of anti-extremist activities is a state of law and order that makes it possible to predict, detect and stop attempts at extremist activities in a timely manner, as well as to create conditions to prevent the recurrence of extremist crimes.

The goal of anti-extremist activities is to achieve a high level of legal awareness, law and order and the rule of law of citizens, based on the preservation of the harmonious development of society and the state, the consolidation of efforts on the ideas of patriotism, humanity, peace and harmony.

Methods and techniques are a set of methods and means to achieve the goals of anti-extremist activities, including preventive measures

(prevention) – coordination with civil society institutions; service and combat activities (suppression) – detection and investigation of crimes of extremism; elimination of the consequences of extremism (minimization) – interaction with authorities, the media, public organizations and associations[3, P.27].

The motives of anti-extremist activity are the internal motivating forces of the serviceman and the employee of Russian National Guard, contributing to the implementation of the law enforcement function. The motives can be both personal and social. The basis of any motivation of a person is a formed system of values, which is the basis, goal and means of social development of the individual, able to meet his material and spiritual needs.

That is, the value of the anti-extremist activity of a serviceman and an employee of the Russian Guard is not the sphere of needs without which society cannot exist, not what corresponds to the interests of society – its material benefits, but what, in the opinion of an employee of the law enforcement forces, corresponds to the purpose and purpose of him as a fighter against extremism, associated with his dignity and honor, conscious choice, as a manifestation of an act of self-affirmation and personal freedom[4, P. 26].

In the general sense, the value system is a set of opinions about the guidelines, ideals and social attitudes that are vital for the individual, society and the state. Based on the presented definition, we understand the value system of anti-extremist activities as a set of interrelated moral, moral-volitional, professional-ethical beliefs of the individual, aimed at interpersonal, interethnic and interreligious dialogue for the harmonious development of society and the state.

Based on the above, the following system of values of anti-extremist activities is formed:

- 1) Target values (public recognition, public benefit, protection of the interests of society and the state);
- 2) Instrumental and normative (equality, justice, law, independence, tolerance, etc.);
- 3) Instrumental-functional (honesty, honor, duty, diligence, responsibility, dignity, self-control, etc.);
- 4) Universal (life, freedom, law, independence).

Thus, the purposeful and systematic work of Russian National Guard Troops officials on the formation of a system of values in the general system of educational work, including targeted, instrumental-normative,

instrumental-functional and universal values, will contribute to anti-extremist activities among employees and military personnel, in military and service collectives.

REFERENCES

1. The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020. [Electronic resource] URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (date accessed: 29.10.2020).

2. Federal Law № 226 of 03.07.2016 "On the Troops of the National Guard of the Russian Federation": [Electronic resource] URL:<http://www.kremlin.ru/supplement/424> (accessed: 29.10.2020).

3. Maksimov, N. V. Formation of a value attitude to countering extremism among university cadets of the National Guard troops of the Russian Federation: dis. ... Dr. of pedag. science: 13.00.08 / Maksimov N. V. – Perm, 2019. – 196 p.

4. Archakov, M. K. Political extremism in Russia: the essence, manifestations, and measures of counteraction: abst. dis... Dr. of polit. science: 23.00.02 / Archakov M.K. – Ekaterinburg, 2016. – 35 p.

Рудаков Валерий Александрович,
слушатель 1 курса

2 (войск национальной гвардии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.

Rudakov Valery Alexandrovich,

2 (National Guard Troops) Department
Military University: Ministry of Defence of the RF
1st year master's degree student.

ВОСПИТАНИЕ МОРАЛЬНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ОФИЦЕРОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЗГЛЯДОВ А.В. СУВОРОВА

EDUCATION OF MORAL AND PROFESSIONAL QUALITIES OF OFFICERS THROUGH THE PRISM OF VIEWS OF A.V. SUVOROV

Аннотация. Статья посвящена вопросам воспитания моральных и профессиональных качеств российских офицеров на современном этапе, которые рассмотрены через призму взглядов полководца А.В. Суворова.

Abstract. The article is devoted to the issues of education of moral and professional qualities of Russian officers at the present stage, which are considered through the prism of the views of commander A.V. Suvorov.

Ключевые слова: честь, самопожертвование, компетентность, верность воинскому долгу.

Keywords: patriotism, conflict, love of the country, education, legal consciousness.

Исторически сложилось, что русскому народу веками приходилось вести борьбу с иностранными завоевателями за своё национальное существование. Одним из лучших достижений прошлого является выработанный кодекс нравственности в русской армии – основы нравственного облика офицера. Речь идёт, прежде всего, о таких непреходящих ценностях, как честь и воинский долг, система воспитания этих прекрасных качеств у русских офицеров. Огромный вклад в создание системы воспитания высоких моральных и профессиональных качеств российского офицера внес великий русский полководец генералиссимус А.В. Суворов. Он требовал от них и «благородного поведения и полного знания службы», а также, чтобы они были примером для подчиненных во всем. На современном этапе система воспитания данных качеств не только сохранилась, но и преумножилась.

Говоря о А.В. Суворове, следует отметить, что он уделял большое внимание борьбе с некомпетентностью, как он говорил, с «немогузнайством». К этому слову полководец относил все случаи растерянности, нерешительности, суеты, от каких бы причин они не происходили. «От немогузнайки, – говорил он, – много, много беды!»[1]. Высокую боевую выучку офицеров Суворов считал важнейшим средством укрепления морального духа войск.

А.В. Суворов характеризовал идеал русского офицера следующим образом: «Весьма смел, но без запальчивости, скор без опрометчивости, деятелен без легкомыслия, подчинён без униженности, непринуждён без лукавства, твёрд без упрямства, основателен без педантства, приятен без ветрености, благорасположен без коварства, проницателен без простодушия (глупости), приветлив без околичностей, услужлив без корыстолюбия[2]».

Что касается моральных и профессиональных качеств современного российского офицера, то это беспредельная любовь к Родине, Отечеству, верность присяге, Боевому Знамени, высокая

дисциплина и общая культура, уважение к подчиненным, понимание долга, глубокое чувство товарищества. И это лишь небольшая часть того, что передавалось из поколения в поколение в офицерской среде, что всегда защищало и спасало Россию от многочисленных бед и потрясений.

В качестве примера следует отметить офицеров, которые своим профессионализмом, мужеством и грамотным руководством подчиненными, олицетворяют верность традициям российского офицерского корпуса.

Генерал-полковник Анатолий Романов в 1995 году стал командующим внутренними войсками МВД России и был назначен командующим объединенной группировкой федеральных войск на территории Чеченской республики. Служивцы его характеризовали как офицера с особым тактом, который обладал исключительной порядочностью, не допускающего пренебрежительного отношения ни к себе, ни к своим подчиненным. Он никогда не был резким, но и мягким никогда не был. Он отличался железной твердостью в управлении, умением доводить до конца любое начатое дело, уникальной способностью так организовывать людей, чтобы каждый из них не только знал цель отдельной задачи, но и понимал свою человеческую и профессиональную ответственность за ее выполнение»[3]. 6 октября 1995 года в результате террористического акта генерал-полковник Романов был тяжело ранен. Но даже сейчас, будучи прикованным к кровати, он продолжает оставаться тем офицером, которым его знали сослуживцы и родные – нестигаемым и несломленным.

Лейтенант полиции Магомед Нурбаганов, будучи захваченным боевиками, под угрозой смерти, призвал всех своих коллег «Работайте, братья!». Тем самым он доказал, что самое главное у офицера – его честь и верность служебному долгу. Президент Российской Федерации Владимир Путин на встрече с родителями полицейского, вручая им звезду Героя Российской Федерации, назвал его «настоящим героем, настоящим мужчиной, который под угрозой смерти остался верен присяге, долгу и своему народу»[4].

На учебном полигоне в городе Лесной во время учений командир полка полковник Серик Султангабиев, когда у сержанта из рук выпала граната РГД-5, ни минуты не раздумывая, оттолкнул его и прикрыл от взрыва, получив множественные ранения. Впрочем, все, кто знает Султангабиева, считают, что он закрыл собой гранату

не из-за того, что так предписано какими-то документами, а потому что жизнь солдата для него самое главное[5]. И как истинный офицер, не смотря на полученные множественные ранения, он, по-прежнему, в строю, активно участвует в военно-патриотическом воспитании молодежи и военнослужащих.

Современный офицер продолжает славные традиции русского офицерского корпуса. Ему присущи все те качества, которые на протяжении столетий прививались тем, кто вел в бой солдат. «Они посвящают жизнь защите Родины, и в этом их идеалы, честь и главные ценности»[6].

Тысячи офицеров награждены высшими государственными наградами, в том числе посмертно. Ежедневно, не считаясь со временем, не смотря на тяжелейшие условия и риск для жизни, они выполняют свой воинский долг, обучают и воспитывают своих подчиненных, борются с терроризмом, охраняют общественный порядок и защищают конституционный строй и независимость государства, таким образом, сохраняя преемственность поколений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Суворов А.В. Наука побеждать. – М.: Издательство АСТ, 2017. с.320.
2. Письменное наследие, Независимое военное обозрение. Еженедельное приложение к Независимой газете. № 44, 18 ноября 2005 года.
- 3.Официальный сайт Росгвардии. [Электронный ресурс] URL: [https://rosguard.gov.ru/ru/page /index/generalpolkovnik-anatolij-romanov](https://rosguard.gov.ru/ru/page/index/generalpolkovnik-anatolij-romanov) (дата обращения: 30.11.2020).
4. Информационное агентство ТАСС. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/3641554> (дата обращения: 30.11.2020).
5. Газета «Комсомольская правда» [Электронный ресурс] URL: [https://www.kp.ru/daily /26313.3/3190519/](https://www.kp.ru/daily/26313.3/3190519/) (дата обращения: 30.11.2020).
6. СМИ «Обозник» [Электронный ресурс] URL: <http://www.oboznik.ru/?p=52522> (дата обращения: 30.11.2020).

Historically, the Russian people had to fight for centuries against foreign invaders for their national existence. One of the best achievements of the past is the developed code of morality in the Russian army-the basis of the moral image of an officer. We are talking, first of all, about such enduring values as honor and military duty, the system of education of

these excellent qualities in Russian officers. A great contribution to the creation of the system of education of high moral and professional qualities of the Russian officer was made by the great Russian commander Generalissimo A.V. Suvorov. He demanded from them both "noble behavior and full knowledge of the service", as well as that they should be an example to their subordinates in everything. At the present stage, the system of education of these qualities has not only been preserved, but also multiplied.

Speaking about A.V. Suvorov, it should be noted that he paid great attention to the fight against incompetence, as he said, with "non-knowledge". To this word, the commander attributed all cases of confusion, indecision, fuss, from whatever reasons they did not occur. "There is much, much trouble," he said, "from a non – recognizer." [1] Suvorov considered the high combat training of officers to be the most important means of strengthening the morale of the troops.

A.V. Suvorov characterized the ideal of the Russian officer as follows: "Very bold, but without passion, quick without rashness, active without frivolity, subordinate without humiliation, easy without guile, firm without stubbornness, thorough without pedantry, pleasant without frivolity, benevolent without guile, insightful without simplicity (stupidity), friendly without circumlocution, helpful without greed [2]".

As for the moral and professional qualities of a modern Russian officer, they are boundless love for the Motherland, loyalty to the oath, the Battle Banner, high discipline and general culture, respect for subordinates, understanding of duty, and a deep sense of camaraderie. And this is only a small part of what was passed down from generation to generation in the officer environment, which has always protected and saved Russia from numerous troubles and shocks.

As an example, we should mention the officers who, with their professionalism, courage and competent leadership of their subordinates, embody loyalty to the traditions of the Russian officer corps.

Colonel-General Anatoly Romanov in 1995 became the commander of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia and was appointed commander of the joint group of federal troops on the territory of the Chechen Republic. His colleagues described him as an officer with a special tact, who possessed exceptional decency, not allowing a disdainful attitude either to himself or to his subordinates. It was never harsh, but it was never soft either. He was distinguished by an iron firmness in management, the ability to finish any business started, a unique ability to

organize people so that each of them not only knew the purpose of a particular task, but also understood their human and professional responsibility for its implementation" [3]. On October 6, 1995, as a result of a terrorist attack, Colonel-General Romanov was seriously injured. But even now, being bedridden, he continues to be the officer that his colleagues and family knew him to be-unyielding and unbroken.

Police Lieutenant Magomed Nurbagandov, being captured by the militants, under threat of death, called on all his colleagues to " Work, brothers!". Thus, he proved that the most important thing for an officer is his honor and loyalty to his duty. President of the Russian Federation Vladimir Putin at a meeting with the parents of the policeman, presenting them with the star of the Hero of the Russian Federation, called him "a real hero, a real man who, under the threat of death, remained faithful to his oath, duty and his people"[4].

At the training ground in the city of Lesnoy during the exercises, the commander of the regiment, Colonel Serik Sultangabiyev, when a RGD-5 grenade fell out of the sergeant's hands, without a moment's hesitation, pushed him away and covered him from the explosion, receiving multiple injuries. However, everyone who knows Sultangabiyev believes that he closed the grenade not because of the fact that it is prescribed by some documents, but because the life of a soldier is the most important thing for him[5]. And as a true officer, despite the multiple injuries he received, he is still in the ranks, actively participating in the military-patriotic education of young people and military personnel.

The modern officer continues the glorious traditions of the Russian officer corps. He has all the qualities that have been instilled in those who led soldiers into battle over the centuries. "They devote their lives to the defense of the Motherland, and this is their ideals, honor and main values"[6].

Thousands of officers were awarded the highest state awards, including posthumously. Every day, regardless of time, despite the most difficult conditions and the risk to life, they perform their military duty, train and educate their subordinates, fight terrorism, protect public order and protect the constitutional order and independence of the state, thus preserving the continuity of generations.

REFERENCES

1. Suvorov A.V. Science to win. M.: AST Publishing House, 2017. - p.320.

2. Written Heritage, Independent Military Review. Weekly Supplement to the Independent Newspaper No. 44, 18 November 2005.

3. Official website of the Russian Guard.[Electronic resource] URL: <https://rosguard.gov.ru/ru/page/index/generalpolkovnik-anatolij-romanov> (case date: 30.11.2020).

4. TASS News Agency. [Electronic resource] URL:<https://tass.ru/obschestvo/3641554> (case date: 30.11.2020).

5. Komsomolskaya Pravda newspaper [Electronic resource] URL: <https://www.kp.ru/daily/26313.3/3190519/> (circulation date 30.11.2020).

6. Media "Oboznik" [Electronic resource] URL: <http://www.oboznik.ru/?p=52522> (date of appeal 30.11.2020).

Савенков Антон Сергеевич,
курсант 3 курса
9 (психологии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Savenkov Anton Sergeevich,
9 (Psychology) Department
Military University: Ministry of Defence of the RF
3rd year cadet.

НЕОБХОДИМОСТЬ УГЛУБЛЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРОФАЙЛИНГА В СИСТЕМЕ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ

THE NEED FOR AN IN-DEPTH STUDY OF PROFILING IN THE BORDER SERVICE SYSTEM

Аннотация. В статье рассматривается вопрос необходимости изучения сотрудниками Пограничной службы ФСБ России, выполняющими обязанности по пропуску лиц через государственную границу в пунктах пропуска, методики «профайлинга», для наиболее эффективного выявления лиц причастных к противоправным действиям.

Abstract. The article discusses the need for the Border Service officers of the FEDERAL SECURITY SERVICE of Russia, who are responsible for the passage of persons across the state border at checkpoints, to study the "profiling" method for the most effective identification of persons involved in illegal actions.

Ключевые слова: профайлинг, пограничная служба, граница, безопасность, психология.

Keywords: profiling, border service, border, security, psychology.

В современном мире, существует не мало глобальных проблем, и одна из них – это высокая преступность. Одним из способов ее предотвращения, должна стать система профайлинга.

«Профайлинг» – это система психологических приемов и методов, позволяющих спрогнозировать поведение человека основываясь на изучении наиболее значимых характеристиках вербального и невербального поведения, а также на анализе признаков внешности[1]. Фундаментом изучения личности в «профайлинге» является две составляющие:

- 1) характер, его типы, процессы развития и т.д.
- 2) верификация информации (распознавание лжи)

В психологии метод «профайлинга» базируется на изучении эмоции, вербального и невербального поведения, психологии обмана. Наибольший вклад в развитии этого направления внесли такие ученые-психологи как П. Экман; Д. Моррис; Д. Наварро; Г. Дюшен.

Впервые «профайлинг» широкое применение получил в сфере авиационной безопасности в Израиле, в конце 70х годов, авиакомпанией Эль-Аль. Целью данной процедуры являлось выявление потенциально опасных пассажиров, возможно причастных к противоправной деятельности, а в частности террористической направленности.

По мнению специалистов, профайлинг дает возможность получать самую объективную информацию о потенциальной опасности субъекта и может быть эффективно использован в качестве превентивных мер по выявлению противоправных намерений на границе[2].

По нашему мнению, исходя из имеющегося служебного и боевого опыта в пограничной службе ФСБ Росси, система «профайлинга» должна получить наиболее эффективное применение в паспортном контроле.

Всем известно, что у лиц, пересекающих государственную границу и имеющих преступные намерения, линия поведения отличается от обычных граждан. Связано это с особенностями психологии поведения таких лиц в пункте пропуска и проявления ими при процедуре паспортного контроля характерных

психофизиологических реакций. На самом деле, сотрудников Пограничной службы ФСБ России, занимающихся пропуском лиц через государственную границу и разбирающихся в поведенческой психологии практически нет, но и они не имеют системной подготовки по умению выявлять по отдельным признакам возможные противозаконные намерения лиц, пересекающих государственную границу.

В целях качественного обеспечения безопасности целесообразно использование не только классических методов пограничного контроля, оперативно-розыскной деятельности, технических средств видеонаблюдения, но и современных психологических методов, таких как профайлинг, который применяется для выявления лиц, имеющих противоправные замыслы.

Выявление возможных преступников проходит при помощи методов, заключающихся в комплексном изучении значимых факторов таких как: внешность, поведение человека, а также выявление потенциально угрожающих ситуаций[3].

Одним из способов достижения гаранта безопасности личности и государства является система «профайлинга», так как может исключить незаконное деяние посредством выявления внешних признаков потенциально опасных лиц на первоначальном этапе (прохождение процедуры паспортного контроля при въезде в страну).

«Профайлинг», по выявленным признакам, позволяет классифицировать потенциальную опасность человека и отнести его к определенному виду нарушителей государственной границы в зависимости от наличия или отсутствия признаков, указывающих на возможные противозаконные действия.

«Профайлинг» также выступает как комплекс социально-психологических методик «чтения людей», позволяющих контролеру в экспресс-режиме, в условиях минимума данных и времени, минимума ресурсов и методов «считать» личностные характеристики и истинные намерения лица, следующего через границу, достоверно спрогнозировать его поведение.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, подтверждается необходимость наиболее широкого и глубокого изучения «профайлинга» в деятельности Пограничной службы ФСБ России и включения данного направления психологии в систему подготовки кадров, выполняющих обязанности по пропуску лиц через

государственную границу РФ, с целью недопущения незаконного пересечения государственной границы РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Чалова Ю. Практический профайлинг: искусство прогнозировать мотивы тех, кто рядом с вами. – ИГ «Весь», 2018. – 240 с.
2. Аминов, И. И. Профайлинг. Технологии предотвращения противоправных действий / И. И. Аминов [и др.]. – 2-е изд. – М., 2012. – 367 с.
3. Экман П. Психология лжи. – 4-е изд. – П., 2018. – 304 с.

In the modern world, there are quite a few global problems, and one of them is high crime. One of the ways to prevent it should be a profiling system.

"Profiling" is a system of psychological techniques and methods that allow you to predict a person's behavior based on the study of the most significant characteristics of verbal and nonverbal behavior, as well as on the analysis of signs of appearance[1].

The foundation of the study of personality in "profiling" is two components:

- 1) character, its types, development processes, etc.
- 2) verification information (lie detection)

In psychology, the method of "profiling" is based on the study of emotions, verbal and nonverbal behavior, and the psychology of deception. The greatest contribution to the development of this direction was made by such scientists-psychologists as P. Ekman; D. Morris; D. Navarro; G. Duchene.

For the first time, "profiling" was widely used in the field of aviation security in Israel, in the late 70s, by the airline El-Al. The purpose of this procedure was to identify potentially dangerous passengers who may be involved in illegal activities, and in particular terrorist activities.

According to experts, profiling makes it possible to obtain the most objective information about the potential danger of the subject and can be effectively used as preventive measures to identify illegal intentions at the border[2].

In our opinion, based on the existing service and combat experience in the border service of the Federal Security Service of Russia, the "profiling" system should be used most effectively in passport control.

Everyone knows that people who cross the state border and have criminal intentions, the line of behavior is different from ordinary citizens. This is due to the peculiarities of the psychology of the behavior of such persons at the checkpoint and the manifestation of their characteristic psychophysiological reactions during the passport control procedure. In fact, there are practically no employees of the Border Service of the Federal Security Service of Russia who are engaged in the passage of persons across the state border and are versed in behavioral psychology, but they also do not have systematic training in the ability to identify possible illegal intentions of persons crossing the state border on certain grounds.

In order to ensure high-quality security, it is advisable to use not only classical methods of border control, operational search activities, technical means of video surveillance, but also modern psychological methods, such as profiling, which is used to identify persons with illegal intentions.

Identification of possible criminals is carried out using methods that consist in a comprehensive study of significant factors such as: appearance, human behavior, as well as the identification of potentially threatening situations[3].

One of the ways to achieve the guarantee of the security of the individual and the state is the system of "profiling", as it can exclude an illegal act by identifying external signs of potentially dangerous persons at the initial stage (passing the passport control procedure when entering the country).

"Profiling", according to the identified signs, allows you to classify the potential danger of a person and refer him to a certain type of violators of the state border, depending on the presence or absence of signs indicating possible illegal actions.

"Profiling" also acts as a set of socio-psychological methods of "reading people", allowing the controller in express mode, in conditions of a minimum of data and time, a minimum of resources and methods to "count" the personal characteristics and true intentions of a person following across the border, to reliably predict his behavior.

Thus, summing up the above, it confirms the need for the widest and most in-depth study of "profiling" in the activities of the Border Service of the Federal Security Service of Russia and the inclusion of this area of psychology in the system of training personnel who perform the duties of passing persons across the state border of the Russian Federation, in order to prevent illegal crossing of the state border of the Russian Federation.

REFERECES

1. Chalova Yu. Practical Profiling: the art of predicting the motivations of those around you. - IG "All", 2018. - 240 p.
2. Aminov, I. I. Profiling. Technologies for preventing illegal actions / I. I. Aminov [et al.]. - 2nd ed. - M., 2012. - 367 p.
3. Ekman P. Psychology of lies. - 4th ed. - P., 2018. - 304 p.

Сергеев Святослав Игоревич,
курсант 2 курса
9 (психологии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Sergeev Svyatoslav Igorevich,
9 (Psychology) Department
Military University: Ministry of Defence of the RF
2nd year cadet.

Околелов Пётр Александрович,
курсант 2 курса
9 (психологии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Okolelov Pyotr Alexandrovich,
9 (Psychology) Department
Military University: Ministry of Defence of the RF
2nd year cadet.

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ КУРСАНТОВ В ПЕРВЫЙ ГОД ОБУЧЕНИЯ

MORAL PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF THE FIRST YEAR CADETS

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос восприятия девиаций в определенной социальной среде, возможные последствия социального регулирования со стороны психологов для девиантного индивидуума и пути решения проблем, возникающих в первый год обучения в военных вузах.

Abstract. The article deals with the perception of deviation in a particular social environment, the possible effects of social regulation by

psychologists for a deviant individual and ways of solving problems arising in the first year of study at military university.

Ключевые слова: девиантность, аутентичность, социальное регулирование, нормальность индивидуума.

Key words: deviance, authenticity, social regulation, normality of an individual.

Согласно предположению о том, что социальное регулирование поведения человека может отрицательно сказываться на людях с девиациями, если обществом (общественным институтом; средой, в которой находится индивид), эти девиации считаются отрицательными, когда на самом деле они могут нести прогрессивные и полезные последствия как для индивида в частности, так и, в целом, для социальной системы. В последнее время можно наблюдать процесс смещения моральных и нравственных ориентиров и социальных ценностей среди молодежи в целом. Настроение молодых людей заключается в одной простой мысли, высказанной поэтом серебряного века Владимиром Маяковским: «Я над всем, что сделано, ставлю "nihil"»[1]. Такой нигилизм, настроения в умах людей, безусловно, идет вразрез с социальными нормами, а значит, сказывается на поведении и с большой долей вероятности является девиацией.

Для анализа вышеприведенных тенденций, а также изучения возможности морально-психологической адаптации курсантов в первый год обучения в Военном университете Министерства обороны Российской Федерации, был проведен опрос на основании положений, разработанных Эрихом Фроммом[2]. Классификация девиантности – не первая ветвь деления общества на социально положительных и отрицательных субъектов. Гораздо важнее классификация, основанная на возможности самоактуализации индивидуума и его аутентичности. Хорошая приспособленность часто достигается лишь за счет отказа от своей личности; человек при этом старается более или менее уподобиться требуемому – так он считает – образу и может потерять всю свою индивидуальность и непосредственность. И обратное: невротик может быть охарактеризован как человек, который не сдался в борьбе за собственную личность[2, с.167].

Цель данного исследования – изучение последствий социального регулирования морального и психологического состояния человека. Некоторые вопросы направлены на выявление

напряжения, морального давления, а также апатии, наличие которой говорит о защитной реакции организма и наличии существенных проблем. Другие вопросы направлены на выявление удовлетворенности курсантов своей жизнью сейчас и соответствия предъявляемых к ним требованиям их внутренним установкам и мировоззрению. Так, если ответы на вопросы, раскрывающие внутреннее и внешнее самоощущение курсантов, противоречат друг другу, можно делать уверенный вывод о наличии внутреннего противоречия в человеке. На вопрос Чернышевского: «Что делать?», респонденты могут ответить, согласны ли они смириться с отсутствием или недостатком условий для достижения аутентичности и обретения внутренней свободы, переходу от «свободы от» к «свободе для» и постижения высшей ценности жизни, достижения максимального развития и счастья.

В результате исследования становится показательно то, как воздействие социальной регуляции по отношению к курсанту-первокурснику, в частности, и индивидууму, в целом, влияет на его состояние и на стабильность социальной микросистемы, сохранение которой, по Э. Фромму, и является основной причиной появления науки «психология девиантного поведения». Часть респондентов осознают, что находятся не в своей среде. Они признаются, что это не их место, и испытывают моральное напряжение. Вероятнее проблема кроется во внутреннем противоречии мировоззрения человека и требований среды, в которой он находится. Другая часть относится к группе неудовлетворенных своей жизнью, оценивающих свое поведение как девиантное. Это говорит о том, что, скорее всего, они испытывают некоторое социальное давление, направленное на то, чтобы они стали «нормальными», отчего они осознают свою «неправильность». (Однако вопрос в том, стоит ли брать за основу измерения «нормальность» точки зрения выполнения социальных задач [3]. Здесь важнее рассматривать «нормальность» с точки зрения счастья и благополучия индивида). Количество курсантов, рассматривающих свое поведение как девиантное, в несколько раз превышает статистику девиантных личностей из других групп. Это доказывает тот факт, что эти данные военнослужащие находятся не на своем месте, а воздействие на них психологов девиантного поведения с целью сделать их «нормальными», скорее всего, лишь усугубит ситуацию. Для поддержания стабильности общественной микросистемы им, как минимум, нужен фундамент в индивидууме,

на котором психолог будет строить «правильные жизненные воззрения» и проводить тонкую настройку чувства и восприятия. Однако у курсантов данной категории есть лишь два пути: полный отказ от себя, чтобы подстроиться, привыкнуть к условиям среды (что может стоить им полноценности жизни); или уход из данного социального института для поиска своего места с сохранением своей индивидуальности.

Таким образом, можно сделать вывод о неприменимости воздействия психологов девиантного поведения на все категории людей без исключения. Поэтому подход к анализу девиантности и малой социальной ценности индивидуума при его неспособности выполнять социально значимые задачи требует обязательного учета норм социальной группы или института, на основании которых делается вывод о девиантном поведении человека, в целом. Предложение по решению данной проблемы заключается в том, что для достижения положительных последствий не только для индивида, но и для стабильности всей социальной системы, необходим более глубокий анализ, комплексная оценка характерных черт и всесторонний анализ восприятия человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Маяковский В. Облако в штанах. [Электронный ресурс] [URL:https://www.culture.ru/poems/19992/oblako-v-shtanakh-poema](https://www.culture.ru/poems/19992/oblako-v-shtanakh-poema) (дата обращения: 01.10.2020).
2. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2019.
3. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2018.

According to the assumption that social regulation of human behaviour can have a negative impact on people with deviations if society (public institution; the environment where an individual is situated) considers those deviations as negative when, in fact, they can have progressive and beneficial consequences for the individual in particular and for the social system in general. The process of moral reference points and social values shifting among young people in general can be observed in recent times. The mood of young people is expressed in a simple statement by Vladimir Mayakovsky, a Silver Age poet: "I place 'nihil' over everything that has been done"[1]. Such nihilism, a sentiment in people's minds, is

certainly at odds with social norms and thus affects behaviour and is likely to be a deviation.

In order to analyze the abovelisted tendencies as well as to study the possibility of moral-psychological adaptation of cadets in their first year at the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, a survey was conducted based on the provisions elaborated by Erich Fromm[3]. The classification of deviance is not the first branch of the social division into socially positive and negative subjects. But a classification based on an individual's capacity for self-actualization and authenticity is more important. Good conformity is often achieved only by denying one's personality and trying to become more or less similar to the required image from his/her point of view risking lose his/her entire individuality and spontaneity. And vice versa: the neurotic may be characterized as one who has not given up the struggle for his own identity[2, p. 167].

The purpose of this study is to examine the social regulation effects on the moral and psychological state of a person. Some issues are aimed to identify tension, moral pressure, and apathy which indicates a defensive reaction of the body and the presence of significant problems. The others are aimed at identifying cadets' satisfaction with their lives now and the relevance of the demands made to their internal attitudes and world view. Thus, if answers to the questions revealing cadets' internal and external self-perceptions contradict each other, the conclusion can be drawn that there is an internal contradiction in the individual. To Chernyshevsky's question, "What is to be done?", respondents can answer whether they agree to accept the absence or lack of conditions to achieve authenticity and find inner freedom, to move from "freedom from" to "freedom for" and to comprehend the supreme value of life, to achieve maximum development and happiness.

As a result, the study has shown how social regulation influences both a freshman cadet's state in particular, and a person's one in general, and the stability of the social microsystem, which has provoked the appearance of "psychology of deviant behaviour" science according to E. Fromm. Some respondents realise that they are not in their environment. They confess that they do not belong where they are and feel moral tension. More likely the problem lies in the internal contradiction between the person's outlook and the requirements of their environment. Another part belongs to the group of people who are dissatisfied with their lives and assess their behaviour as deviant. It proves they are likely to feel some

social pressure aimed at making them 'normal', which makes them aware of their 'wrongness'. (However, the question is whether we should take "normality" as a measure in terms of social task performance[3]. It is appropriate to consider "normality" in terms of the happiness and well-being of the person). The number of cadets who classify their behaviour as deviant is several times higher than the statistics for deviant individuals in other groups. This proves the fact that these servicepersons are out of their place, and deviant behavioural psychologists' manipulation to make them "normal" is likely only to aggravate the situation.

In order to maintain the stability of the social microsystem, they need, at least, a personality's foundation core, on which the psychologist will form the 'true philosophy of life' and fine-tune feelings and perceptions. However, cadets in this category have only two options: to renounce completely their own personality in order to adjust, adapt to the environment (which may cost them their fullness of life); or to leave this social institution to find their place to retain their identity and their individuality. Thus, we can conclude that psychologists cannot be allowed to apply the impact of deviant behaviour to all categories of people without exception. Therefore, an approach to the analysis of deviance and low social value of an individual when he or she is unable to perform socially significant tasks requires that the norms of the social group or institution, on the basis of which one concludes about deviant behaviour in general, must be taken into account. The suggestion for solving this problem is that in order to achieve positive consequences not only for the individual, but also for the stability of the entire social system, a deeper analysis, a comprehensive assessment of the characteristic features and a comprehensive analysis of the individual's perception is necessary.

REFERENCES

1. Mayakovsky V. Cloud in his trousers. [Electronic resource] [URL:https://www.culture.ru/poems/19992/oblako-v-shtanakh-poema](https://www.culture.ru/poems/19992/oblako-v-shtanakh-poema) (access date: 01.10.2020).
2. Fromm E. Escape from Freedom. – M.: AST, 2019.
3. Fromm E. The Anatomy of Human Destructiveness. – AST, 2018.

Смирнова Анастасия Владимировна,
студент 1 курса магистратуры
Международного юридического института.
Smirnova Anastasia Vladimirovna,
International Law Institute
1st year master's degree student.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

PROBLEMS OF FORMATION OF NATIONAL LEGAL AWARENESS OF YOUTH AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. Статья посвящена национальному правосознанию молодежи в условиях современного мира. Особое внимание в работе автор уделяет проблеме формирования правового сознания учащихся высших учебных заведений.

Abstract. The article is devoted to the national legal awareness of young people in the modern world. The author pays special attention to the problem of forming the legal consciousness of students of higher educational institutions.

Ключевые слова: правовое сознание, студенческая молодежь, социализация, уровень развития правосознания.

Key words: legal consciousness, student youth, socialization, level of legal awareness development.

В современном мире изучение проблемы правосознания особо актуально в отношении студенческой молодежи. Именно учащиеся высших учебных заведений представляют собой основу будущего правового общества любого государства. Недостаток юридических знаний и неумение их применять порождают снижение правовой культуры личности, что ведет за собой множество неблагоприятных последствий. По этой причине очень важно развивать правосознание современных студентов, независимо от их специализации.

Проблема формирования правового сознания молодежи была недостаточно изучена, в связи с чем нами было проведено исследование, объектом которого стали студенты Международного юридического института (г. Москва), принявшие участие в опросе, посвященному выявлению уровня правосознания современной

молодежи. Всего участвовало десять респондентов, семь из которых – женского пола и три – мужского пола. Большинство опрошенных (8 человек) старше 18 лет и двое – не достигшие совершеннолетия. Половина студентов проходит обучение на бакалавриате, 4 студента – на специалитете и один – студент колледжа. На вопрос «Знаете ли Вы свои права и обязанности?» 100% респондентов ответили положительно, а на вопрос «Знаете ли Вы правовые акты, защищающие Ваши права и свободы?» ответы разделились: 80% ответили «да», 10% ответили «нет» и ещё 10% затруднились ответить. Половина опрошенных считают, что их права и свободы не соблюдаются, 30% считают наоборот и оставшиеся 20% ответить затруднились. Между тем, все опрошенные студенты согласились с утверждением, что все должны быть равны перед законом. На вопрос «Считаете ли Вы себя свободным?» больше половины (60%) ответили, что свобода – это понятие относительное, 10% респондентов затруднились ответить, 30% ответили положительно. Примечательно, что никто из студентов на данный вопрос не ответил «нет».

Проведя анализ результатов опроса, можно прийти к выводу, что представители современной молодёжи знают свои права и обязанности, но не все из них могли бы подтвердить защиту своих прав и свобод нормативными правовыми актами. Кроме того, многие студенты считают, что их права и свободы не соблюдаются, но все согласны с тем утверждением, что все должны быть равны перед законом. Как известно, свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого, а потому понятие «свобода» можно считать относительным, так как полной и абсолютной свободы априори не может быть, и с этим согласна большая часть молодежи.

В проблеме формирования правосознания современной молодежи сложно разобраться, не имея четкого представления о том, что такое правосознание. В учебнике «Теория государства и права» Чечоев В.К., Швандерова А.Р. дали такое определение: «правосознание - это знания, представления и настроения людей, связанные с их отношением к праву, правовым явлениям, необходимости существования и осуществления общеобязательных государственных правил поведения»[1]. Правосознание формируется вместе с социализацией и воспитанием индивида, это долгий и трудоёмкий процесс, но вместе с тем очень важный как для самого человека, так и для всего общества и государства. В период обучения в колледжах и университетах правосознание продолжает

формироваться и повлиять на его успешное становление и высокий уровень крайне необходимо. «Отличительной чертой формирования правового сознания молодежи является то, что этот процесс происходит в условиях общей и политической социализации и наиболее эффективно осуществляется в форме политического участия», - считает кандидат политических наук Якушева И.П. [2].

В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р <Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года> молодёжь - социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, - до 35 и более лет, имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом (граждане Российской Федерации и соотечественники)[3]. Всего на начало 2019 года в России проживало 146,781 миллиона человек, из них молодых людей от 20 до 29 лет – более 17,3 миллиона человек[4]. Повышая уровень правосознания этой возрастной группы, мы делаем огромный вклад в будущее. Для этого необходимо уделять особое внимание преподаванию правовых дисциплин в учебных заведениях, проведению конференций, круглых столов, семинаров по правовым темам. Именно благодаря учебному процессу закладываются определенные ориентиры, ценности и модели поведения, которые впоследствии помогают молодому человеку реализоваться в качестве специалиста. Также немаловажную роль здесь играют семья, религия, средства массовой информации и социальная среда. На правовое сознание индивида влияют все сферы жизни общества. А потому, важно не только воспитывать молодежь, но и улучшать качество жизни всех людей, бороться с социальными проблемами, повышать духовно-нравственный потенциал, а также способствовать устойчивой политической обстановке внутри страны.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в формировании национального правосознания молодежи на современном этапе имеется ряд проблем. Не все представители молодого поколения владеют знаниями о своих правах, обязанностях и свободах, а также многие из них чувствуют неуверенность в том, что их права

соблюдаются. В учебных заведениях среднего профессионального образования и высшего образования не всегда достигается должный уровень правового воспитания студентов. Имеющиеся проблемы возможно решить, уделив особое внимание на правовую социализацию молодежи, их морально-нравственные установки и ценности, знания в области права и умение их применять.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цечоев В.К., Швандерова А.Р. Теория государства и права: Учебник - М.: Прометей, 2017.
2. Якушева И.П. Формирование правового сознания российской молодежи как фактор совершенствования правопорядка. [Электронный ресурс] URL:<https://wiselawyer.ru> (дата обращения: 23.09.2020).
3. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р <Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года>.
4. «Росстат назвал число мужчин и женщин, проживающих в России на начало года» [Электронный ресурс] URL:<https://ria.ru> (дата обращения: 23.09.2020).

In modern study, the problem of legal awareness is relevant in relation to student youth. It is the students of higher educational institutions that constitute the basis of the future legal society of any state. Lack of legal knowledge and inability to do it give rise to a decrease in the effectiveness of the culture of the individual, which leads to adverse consequences. For this reason, it is very important to develop the legal consciousness of modern students, regardless of their specialization.

The problem of the formation of the legal consciousness of young people has been insufficiently studied, in connection with which we conducted a study, the object of which was the students of the International Law Institute (Moscow), who took part in a survey dedicated to identifying the level of legal consciousness of modern youth. In total, ten respondents participated, seven of whom were female and three were male. Most of the respondents (8 people) are over 18 years old and two are under the age of majority. Half of the students are studying for a bachelor's degree, 4 students for a specialist degree and one is a college student. To the question "Do you know your rights and obligations?" 100% of the respondents answered positively, but to the question "Do you know the

legal acts that protect your rights and freedoms?" the answers were divided: 80% answered "yes", 10% answered "no" and another 10% found it difficult to answer. Half of the respondents believe that their rights and freedoms are not observed, 30% believe the opposite, and the remaining 20% found it difficult to answer. Meanwhile, all the students surveyed agreed with the statement that everyone should be equal before the law. To the question "Do you consider yourself free?" more than half (60%) answered that freedom is a relative concept, 10% of respondents found it difficult to answer, 30% answered positively. It is noteworthy that none of the students answered "no" to this question.

After analyzing the results of the survey, one can come to the conclusion that representatives of modern youth know their rights and obligations, but not all of them could confirm the protection of their rights and freedoms by regulatory legal acts. In addition, many students believe that their rights and freedoms are not respected, but everyone agrees with the statement that everyone should be equal before the law. As you know, the freedom of one person ends where the freedom of another begins, and therefore the concept of "freedom" can be considered relative, since there can be no complete and absolute freedom a priori, and most young people agree with this.

It is difficult to understand the problem of forming the legal consciousness of modern youth without having a clear idea of what legal consciousness is. In the textbook "Theory of State and Law" Tsechoev V.K., Shvanderova A.R. gave the following definition: "legal awareness is the knowledge, perceptions and moods of people associated with their attitude to law, legal phenomena, the need for the existence and implementation of generally binding state rules of conduct[1]". Legal awareness is formed along with the socialization and education of the individual, this is a long and laborious process, but at the same time very important both for the person himself and for the whole society and state. During the period of study in colleges and universities, legal consciousness continues to form and it is extremely necessary to influence its successful formation and high level. "A distinctive feature of the formation of the legal consciousness of young people is that this process takes place in conditions of general and political socialization and is most effectively carried out in the form of political participation," says I.P. Yakusheva, candidate of political sciences[2].

In accordance with the Order of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 N 2403-r <On Approval of the

Fundamentals of State Youth Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025>, youth is a socio-demographic group distinguished on the basis of age characteristics, social status and characterized by specific interests and values. This group includes persons aged 14 to 30 years, and in some cases, determined by the regulatory legal acts of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation, up to 35 years or more, who have a permanent place of residence in the Russian Federation or live abroad (citizens of the Russian Federation and compatriots)[3]. In total, at the beginning of 2019, 146.781 million people lived in Russia, of which more than 17.3 million young people from 20 to 29 years old[4]. By raising the level of legal awareness in this age group, we are making a huge contribution to the future. To do this, it is necessary to pay special attention to teaching legal disciplines in educational institutions, holding conferences, round tables, seminars on legal topics. It is thanks to the educational process that certain guidelines, values and behavior models are laid, which subsequently help the young person to realize himself as a specialist. Family, religion, media and social environment also play an important role here. All spheres of social life influence the legal consciousness of an individual. Therefore, it is important not only to educate young people, but also to improve the quality of life of all people, to fight social problems, to increase the spiritual and moral potential, and also to contribute to a stable political situation inside the country.

Summing up, we can conclude that there are a number of problems in the formation of the national legal consciousness of young people at the present stage. Not all members of the younger generation have knowledge of their rights, duties and freedoms, and many of them also feel insecure that their rights are being respected. In educational institutions of secondary vocational education and higher education, the proper level of legal education of students is not always achieved. The existing problems can be solved by paying special attention to the legal socialization of young people, their moral and ethical attitudes and values, knowledge in the field of law and the ability to apply them.

REFERENCES

1. Tsechoev V.K., Shvanderova A.R. Theory of State and Law: Textbook - M.: Prometheus, 2017.

2. Yakusheva I.P. Formation of the legal consciousness of Russian youth as a factor in improving the rule of law. [Electronic resource] URL:<https://wiselawyer.ru> (access date: 09/23/2020).

3. Order of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 N 2403-r <On approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period until 2025>.

4. "Rosstat named the number of men and women living in Russia at the beginning of the year" [Electronic resource] URL:<https://ria.ru> (access date: 23.09.2020).

Турчин Николай Петрович,
капитан,
слушатель 1 курса
2 (войск национальной
гвардии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Turchin Nikolay Petrovich,
captain,
Military University: Ministry of Defence of the RF
2 (National Guard Troops)
Department
1st year master's degree student.

**АДАПТАЦИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ
ЗАДАЧА МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
СЛУЖЕБНО-БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЙСК
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**MILITARY EMPLOYEES' ADAPTATION AS A STRATEGIC TASK
OF MORAL AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF SERVICE AND
COMBAT ACTIVITIES OF TROOPS IN MODERN CONDITIONS**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос актуальности социально-психологической адаптации военнослужащих в военное и мирное время. Автор раскрывает сущность и содержание процесса адаптации военнослужащих в мирное и военное время, пути повышения её эффективности, приходит к выводу, что в современных условиях процесс социально-психологической адаптации является

важной стратегической задачей морально-психологического обеспечения.

Abstract. The article deals with the relevance of the social and psychological adaptation of military personnel in wartime and peacetime. The author reveals the essence and content of the process of adaptation of military personnel in peacetime and wartime, ways to improve its effectiveness, and comes to the conclusion that in modern conditions, the process of social and psychological adaptation is an important strategic task of moral and psychological support.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, морально-психологическое обеспечение, морально-психологический климат, система, личность, общество.

Key words: social and psychological adaptation, moral and psychological support, moral and psychological climate, system, personality, society.

Война остается социально-политическим явлением, присущим обществу. Современные войны начинают под эгидой политической риторики; они продолжают вспыхивать из-за борьбы за политическую и экономическую власть. По данным американской статистики, к началу XXI в. человечество продолжало жить в условиях, примерно, 40 нерешенных конфликтов, причем активная борьба происходит только в 15-20 % случаев[1]. Анализ военного опыта показывает важность осмысления и изучения проблемы психологической устойчивости военнослужащих, так как она является ключевой в решении вопросов повышения эффективности выполнения служебно-боевых (боевых) задач, касающихся национальной безопасности государства. Сегодня широкое распространение получила гибридная война. На сознание военнослужащих и населения все чаще воздействуют негативные информационно-психологические факторы.

Функции государства разнообразны. Одной из основных функций государства является вооруженная защита граждан и общества в целом[2]. В этом плане одним из обязательных институтов государства является его правоохранительная система и войска национальной гвардии, структурно входящие в нее. Деятельность войск предполагает если не реальное выполнение боевых задач, то постоянную потенциальную готовность к их выполнению.

В современных условиях без использования физического воздействия, можно вывести из строя целые подразделения.

Морально-психологическое обеспечение деятельности войск – важный компонент повышения эффективности выполнения служебных (боевых) задач. Психика человека является основным средством обеспечения его адаптации к постоянно меняющимся условиям его жизни. Именно процесс адаптации военнослужащих направлен на формирование адекватного поведения военнослужащего, и от уровня адаптационных способностей зависит процент психических расстройств и нарушений, наблюдаемые у военнослужащих, участвовавших в боевых действиях.

Адаптация военнослужащих к служебно-боевой деятельности является актуальной проблемой и стратегической задачей морально-психологического обеспечения деятельности войск, которую необходимо детально исследовать. Это обусловлено также современными вызовами, различными по масштабам и времени задачами, негативным информационно-психологическим воздействием на личный состав.

Целью организации процесса адаптации военнослужащих к условиям военной службы является создание условий, определяющих успешное включение личности в профессиональную деятельность, адекватное поведение, оптимальное взаимодействие с окружающей воинской средой и социальным окружением. Обеспечение процесса адаптации можно условно разделить на следующие этапы: изучение адаптационных способностей военнослужащих; обеспечение процесса адаптации военнослужащих; адаптация военнослужащих к психотравмирующим факторам (как правило, данный этап соответствует этапу выполнения боевых и служебно-боевых задач); процесс реадaptации.

Воинский коллектив – это социальная группа. Попадая в него, военнослужащий оказывается под воздействием сложившегося в этом коллективе морально-психологического климата. Морально-психологический климат определяет настроение коллектива и, следовательно, отношение к военнослужащему-новичку. В начале своего становления в новом коллективе, тем более специфическом – воинском, военнослужащие особенно чувствительны к форме общения, отношений, воздействий со стороны личного состава и командиров [3, С. 109]. В новом коллективе с неблагоприятным морально-психологическим климатом военнослужащий испытывает эмоциональный дискомфорт при отсутствии взаимопомощи и поддержки. Но может развиваться и иная ситуация, при которой

осуществляется социально-психологическая адаптация личности к коллективу, характеризующемуся более развитыми свойствами и качествами. Военнослужащий может специально обострить отношения с коллективом, пойти на конфликт. Чаще всего для этого используются мелкие нарушения воинской дисциплины и сложившихся в воинском коллективе традиций. В этих случаях необходимо проявить терпение, усилить наблюдение и контроль, сдерживать эскалацию[4, С. 92].

В регулировании социально-психологической адаптации, особенно в осложненных случаях, позитивную роль играет наставничество и кураторство. Наставником должен являться непосредственный командир военнослужащего, также субъектом наставничества может выступать неформальный лидер коллектива.

Обеспечение успешной адаптации к условиям военной службы достигается:

- изучением потребностей, интересов и запросов военнослужащих, с целью их максимального удовлетворения;
- целенаправленное воздействие на сознание и поведение военнослужащих, с целью формирования добросовестного отношения к военной службе, развития дисциплинированности, организованности;
- использование методов и техник психорегуляции, коррекция негативных психических состояний, мобилизация необходимых психологических ресурсов;
- минимизация негативного влияния психогенных факторов и условий военной службы, улучшение социально-психологического климата в воинских коллективах, повышением психологической грамотности.

Низкий показатель по одному и более критериям считается основанием для того, чтобы уровень адаптационных способностей считать низким. Для изучения особенностей адаптации военнослужащих, применяются методы: наблюдение, экспертная оценка, обобщение независимых характеристик, анализ результатов деятельности, индивидуальные беседы, социально-психологические и психологические обследования. По результатам изучения личный состав распределяется на три основные группы: с высокими адаптационными способностями; с удовлетворительными адаптационными способностями; с низкими адаптационными способностями[5].

Таким образом, важной стратегической задачей морально-психологического обеспечения является адаптация военнослужащих к условиям военной службы, как в мирное время, так и во время боя (выполнения служебно-боевых задач). От успешной адаптации военнослужащих зависит их психологическая готовность к выполнению задач в любых условиях, эффективность выполнения задач. В свою очередь, выполненные задачи оказывают положительное значение для национальной безопасности нашей страны.

СПИСОК ИСПОЛЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. [Электронный ресурс] URL: https://www.tandfonline.com/Military_Review. March-April, 2000/ (дата обращения: 28.10.2020).
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 29.10.2020).
3. Сенокосов Ж.Г. К проблеме адаптации молодых воинов к воинской службе / Материалы третьей научной конференции по советской военной психологии. – М., ВПА, 1991. –257с.
4. Гордиенко Д. А. Психологическая адаптация сотрудников органов внутренних дел-участников боевых действий: дис. ... канд. псих. наук: / Гордиенко, Денис Александрович. – Пермь, 2005. – 235с.
5. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 226-ФЗ О войсках национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 29.10.2020).

War remains a social and political phenomenon inherent in society. Modern wars begin under the auspices of political rhetoric; they continue to break out because of the struggle for political and economic power. According to American statistics, by the beginning of the XXI century, humanity continued to live in conditions of about 40 unresolved conflicts, and active struggle occurs only in 15-20 % of cases[1]. The analysis of military experience shows the importance of understanding and studying the problem of psychological stability of military personnel, since it is the key in solving issues of improving the effectiveness of performing service and combat tasks related to the national security of the state. Today, hybrid warfare is widespread. The consciousness of military personnel and the

population is increasingly affected by negative information and psychological factors.

The functions of the state are diverse. One of the main functions of the state is the armed protection of citizens and society as a whole[2]. In this regard, one of the mandatory institutions of the state is its law enforcement system and the National Guard troops that are structurally part of it. The activity of the troops assumes, if not the actual performance of combat tasks, then a constant potential readiness for their implementation.

In modern conditions it is possible to disable entire units without the use of physical force. Moral and psychological support for the activities of the troops is an important component of improving the efficiency of performing service (combat) tasks. The human psyche is the main means of ensuring its adaptation to the constantly changing conditions of its life. It is the process of adaptation of military personnel that is aimed at the formation of adequate behavior of a soldier, and the percentage of mental disorders and disorders observed in military personnel who participated in combat operations depends on the level of adaptive abilities.

The adaptation of military personnel to service and combat activities is an urgent problem and a strategic task of moral and psychological support for the activities of the troops, which needs to be studied in detail. This is also due to modern challenges, tasks of different scales and time, and the negative information and psychological impact on the personnel.

The purpose of organizing the process of adaptation of military personnel to the conditions of military service is to create conditions that determine the successful inclusion of the individual in professional activities, adequate behavior, and optimal interaction with the surrounding military and social environment. Ensuring the adaptation process can be divided into the following stages: the study of adaptive abilities of soldiers; a process of adaptation; adaptation to stressful conditions (as a rule, this stage corresponds to the stage of combat service and combat tasks); the process of readaptation.

A military collective is a social group. Getting into it, the soldier is under the influence of the moral and psychological climate that has developed in this team. The moral and psychological climate determines the mood of the team and, consequently, the attitude towards the novice soldier. At the beginning of their formation in a new team, the more specific – military, military personnel are particularly sensitive to the form of communication, relationships, and influences from the personnel and commanders[3, P. 109]. In a new team with an unfavorable moral and

psychological climate, a soldier experiences emotional discomfort in the absence of mutual assistance and support. But a different situation can also develop, in which the social and psychological adaptation of the individual to the collective, characterized by more developed properties and qualities, is carried out. A soldier can deliberately aggravate relations with the team, go to conflict. Most often, minor violations of military discipline and traditions established in the military team are used for this purpose. In these cases, it is necessary to show patience, strengthen surveillance and control, and contain the escalation[4, P. 92].

Mentoring and supervision play a positive role in the regulation of social and psychological adaptation, especially in complicated cases. The mentor should be the direct commander of the serviceman, and the subject of mentoring can also be an informal leader of the team.

Successful adaptation to the conditions of military service is achieved by:

- studying of the needs, interests and requests of military personnel, in order to meet them as much as possible;

- purposeful influence on the consciousness and behavior of military personnel, in order to form a conscientious attitude to military service, the development of discipline, organization;

- the use of methods and techniques of psychoregulation, correction of negative mental states, mobilization of necessary psychological resources;

- minimizing the negative impact of psychogenic factors and conditions of military service, improving the social and psychological climate in military collectives, increasing psychological literacy.

A low score for one or more criteria is considered a reason for the level of adaptive abilities to be considered low. To study the peculiarities of adaptation of military personnel, the following methods are used: observation, expert assessment, generalization of independent characteristics, analysis of performance results, individual conversations, socio-psychological and psychological examinations. According to the results of the study, the personnel is divided into three main groups: with high adaptive abilities; with satisfactory adaptive abilities; with low adaptive abilities[5].

Thus, an important strategic task of moral and psychological support is the adaptation of military personnel to the conditions of military service, both in peacetime and during combat (performance of service and combat tasks). The successful adaptation of military personnel depends on their

psychological readiness to perform tasks in any conditions, the effectiveness of the tasks. In turn, the completed tasks have a positive impact on the national security of our country.

REFERENCES

1. [Electronic resource] URL: [https://www.tandfonline.com/Military Review](https://www.tandfonline.com/Military%20Review). March-April, 2000 / (accessed: 28.10.2020).
2. The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020. [Electronic resource] URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (accessed: 29.10.2020).
3. Senokosov Zh. G. To the problem of adaptation of young soldiers to military service / Materials of the third scientific conference on Soviet military psychology. - M., VPA, 1991. – 257 p.
4. Gordienko D. A. Psychological adaptation of employees of internal affairs bodies-participants of military operations: dis. ... Cand. of psych. sciences / Gordienko, Denis Alexandrovich. – Perm, 2005. - 235 p.
5. Federal Law No. 226-FZ of 03.07.2016. On the Troops of the National Guard of the Russian Federation [Electronic resource] URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (accessed: 29.10.2020).

Цыганов Никита Игоревич,
курсант 1 курса
9 (психологии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Tsyganov Nikita Igorevich,
9 (Psychology) Department
Military University:
Ministry of Defence of the Russian Federation
1st year student.

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ ДРОНОВ

MORAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF MILITARY PERSONNEL IN A DRONE WAR

Аннотация. Данная статья посвящена изучению вопроса стрессоустойчивости военнослужащих, а также морально-

психологической адаптации к стрессу вследствие усовершенствования и использования беспилотных летательных аппаратов в ходе современных боевых действий нового поколения.

Abstract. This article is devoted to the study of the issue of stress resistance of military personnel, as well as moral and psychological adaptation to stress, as a result of the improvement and use of unmanned aerial vehicles in the course of modern military operations of a new generation.

Ключевые слова: стресс, адаптация, война дронов.

Keywords: stress, adaptation, drone war.

Боевой дух военнослужащих оказывает огромное влияние на ведение боевых действий, а стресс отрицательно влияет на его подъем. Стресс является огромной проблемой для морально-психологического состояния подразделений во время военных действий. Он заставляет солдат бежать с поля боя, принимать неверные решения и даже совершать самоубийство. Военнослужащие постоянно чувствуют себя в опасности. Это приводит к катастрофическим последствиям для психики человека. Данный факт требует от специалистов по психологической подготовке войск новых методов, форм, приемов и средств противодействия стрессу, которые отвечают современным требованиям. Задача психологической подготовки состоит в том, чтобы военнослужащий мог управлять деятельностью своей нервной системы и психики в экстремальной обстановке.

Развитие человечества напрямую влияет на характер войн, которые оно ведет. В прошлом войны имели вид долгосрочных походов и сравнительно недолгих битв. Это значит, что раньше солдаты испытывали боевой стресс только во время битв и иногда при опасных переходах. Война дронов диктует свои правила. Осень 2020 года стала уникальной в военной сфере. Война в Нагорном Карабахе между Арменией и Азербайджаном показала миру новую войну. Азербайджан активно использовал дроны нового поколения, которые показали свое превосходство над традиционной тактикой ведения войны сухопутными войсками. В связи с этим армянская сторона понесла значительные потери в отличие от своего противника. И это далеко не первое использование дронов. События в Сирийской Арабской Республике также продемонстрировали свою высокую эффективность в уничтожении противника, а также в

оказании на него мощного психологического давления. Главная опасность дронов – это их «невидимость» для человеческого глаза и для некоторых средств радиолокационной разведки или ПВО [1]. Их атака выглядит как легкий свист перед взрывом. Именно эти факторы вызывают панику и вынуждают солдат при любом похожем звуке прятаться в укрытиях. «Невидимость» беспилотников заставляет военнослужащих испытывать постоянный страх, который переходит в хронический стресс. В прошлом стресс при недолгом бое мог быть заглушен адреналином или сознанием того, что скоро бой закончится, и солдат сможет психологически отдохнуть. В настоящее же время военнослужащий никогда не знает, будет ли он атакован сейчас или завтра, в окопе или в казарме. Поэтому у него постоянно отсутствует чувство безопасности.

Изучение природы стресса следует начать с изучения его особенностей, индивидуальной реакции человека. Э. Кречмер выделяет два вида стресса, которые могут проявляться у людей: «мнимая смерть» и «двигательная буря». «Мнимая смерть» выражается в апатии, депрессии, обмороках и является пассивной реакцией. «Двигательная буря» выражается в мании, панике, метаниях. Это активная реакция. Эти реакции проявляются во время кратковременного стресса. Такой стресс имел место в войнах прошлых лет. В настоящее время негативное влияние беспилотных летательных аппаратов на солдат – это длительное воздействие. Любая реакция, активная или пассивная, при длительном стрессе становится пассивной. Данный факт был доказан с помощью эксперимента «Орбита»[2]. Он заключался в размещении человека на макете предполагаемой космической станции для изучения его психологического, морального и других состояний во время продолжительного стресса. Итог этого эксперимента – установление некоторых закономерностей: 1) любая реакция на стресс со временем становится пассивной; 2) проявляется феномен мнимой слабости. Этот феномен заключается в том, что человек после нескольких дней апатии и депрессии восстанавливает свою работоспособность, но при этом не перестает испытывать слабость.

Необходимо также отметить следующие стадии проявления стресса[3]. Первая – это стадия тревоги, то есть фаза короткого стресса. Именно в этой фазе человек испытывает огромное психологическое и психическое давление со стороны окружающих его событий. Вторая – стадия сопротивления, во время которой мозг

человека пытается выработать адаптацию к обстановке, в которой он находится и начинает ее использовать некоторое время. Этот этап позволяет военнослужащему стабилизировать собственное моральное состояние. И третий, заключительный этап – стадия истощения. Она характеризуется проявлением тяжелейшего психического состояния человека, после долгого воздействия стресса.

Таким образом, целью морально-психологической подготовки солдат к войне дронов является именно адаптация к продолжительному стрессу, выработка адаптивного синдрома, который заключается в совокупности адаптационных реакций организма человека, носящих общий защитный характер и возникающий в ответ на стрессоры. В связи с этим необходимо проводить исследования процесса адаптации военнослужащих, применительно к специфике войны в современных условиях (война дронов), анализировать сущность и динамику психологической адаптации, определить критерии и показатели психологического адаптирования, разработать методику определения основных критериев и показателей психологической адаптации к воздействию продолжительного стресса, непосредственно увеличив стадии сопротивления, создать модель управления психологической адаптацией военнослужащих, выработать рекомендации по управлению педагогическим воздействием командиров на процесс психологической адаптации[4]. Следует организовать досуг военнослужащих, позволяющий солдатам быстро преодолеть фазу психологического истощения и не потерять полученные адаптации. Только совокупность вышеописанных факторов позволит военнослужащим получить необходимую им морально-психологическую адаптацию в тяжелейших условиях новой войны с использованием беспилотных летательных аппаратов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ганин С.М., Карпенко А.В., Колногоров В.В., Петров Г.Ф. Беспилотные летательные аппараты, М.: СПб, “Невский бастион”, 1999. – С.30-62.

2. Китаев-Смык Л.А., Галле Р.Р., Корсаков В.А., Бирюков В.А., Гаврилова Л.Н., Устюшин Б.В., Харитонов и др., Результаты исследования переносимости длительного (трехсуточного) вращения на стенде «Орбита» со скоростью 24 град/с // Научный отчет, отв. исп. Китаев-Смык Л.А. 1968.

3. Юнусова С.Г., Розенталь А.Н., Балтина Т.В., Стресс. Биологический и психологический аспекты, 2008. – С. 2-4.

4. Коннов В.В. Особенности психологической адаптации молодых солдат в коллективах учебных и строевых подразделений 1999. – С. 180-182.

Morale of military personnel has a huge impact on the conduct of military operations and stress negatively affects its recovery. Stress is a huge problem for the moral and psychological state of units during military operations. It forces soldiers to flee the battlefield, make bad decisions and even commit suicide. Military personnel constantly feel unsafe. This leads to disastrous consequences for the human psyche. This fact requires specialists in psychological training of troops to develop new methods, forms, techniques and means of countering stress that meet modern requirements. The task of psychological training is to enable a military to control the activity of his nervous system and psyche in an extreme situation.

The development of humanity directly affects the nature of the wars that it conducts. In the past wars took the form of long-term campaigns and relatively short-lived battles. This means that previously soldiers experienced combat stress only during battles and sometimes during dangerous transitions. Drone wars bring their own rules. The autumn of 2020 was unique in the military sphere. The war in Nagorno-Karabakh between Armenia and Azerbaijan showed the world a new war. Azerbaijan actively used a new generation of drones, which showed their superiority over the traditional tactics of warfare by ground forces. In this regard, the Armenian side suffered significant losses, unlike its enemy. And this is far from the first use of drones. The events in the Syrian Arab Republic also demonstrated their high effectiveness in destroying the enemy, as well as in exerting powerful psychological pressure on it. The main danger of drones is their "invisibility" to the human eye and to some radar reconnaissance assets or air defense assets[1]. Their attack looks like a light whistle before an explosion. It is these factors that cause panic and force soldiers to hide in shelters at hearing any similar sound. The "invisibility" of drones causes military personnel to experience constant fear, which turns into chronic stress. In the past, the stress of a short battle could be drowned out by adrenaline or the knowledge that the battle would soon be over, and the soldier would be able to psychologically relax. At the present time, a soldier never knows whether he will be attacked now or tomorrow, in a

trench or in a military barrack. Therefore, he constantly lacks a sense of security.

The study of the nature of stress should begin with the study of its features and individual reaction of a person. E. Kretschmer identifies two types of stress that people can demonstrate: "imaginary death" and "motor storm". "Imaginary death" is expressed in apathy, depression, fainting and is a passive reaction. "Motor storm" is expressed in a mania, panic and turmoil. This is an active reaction. These reactions occur during short-term stress. Such stress occurred in the wars of the past years. Currently, the negative impact of drones on soldiers is a long-term impact. Any reaction, active or passive, becomes passive under prolonged stress. This fact was proved by the "Orbit" experiment[2]. It consisted in placing a person on a mock-up of a proposed space station to study his psychological, moral and other states during prolonged stress. The result of this experiment is the establishment of some regularities: 1) any reaction to stress becomes passive over time; 2) the phenomenon of imaginary weakness manifests itself. This phenomenon consists in the fact that a person after several days of apathy and depression regains his working efficiency, but at the same time does not stop experiencing weakness.

It is also necessary to note the following stages of stress manifestation[3]. The first is the anxiety stage, that is the phase of short stress. It is in this phase that a person experiences a tremendous psychological and mental pressure from the events surrounding him. The second stage is the resistance stage, during which the human brain tries to develop an adaptation to the environment in which it exists and begins to use it for some time. This stage allows the soldier to stabilize his own morale. And the third and final stage is the exhaustion stage. It is characterized by the manifestation of the most severe mental state of a person after a long exposure to stress.

Thus, the aim of moral and psychological training of soldiers for drone wars is adaptation to prolonged stress, to develop adaptive syndrome, which consists of a set of adaptive reactions of the human body, which are of a general protective nature and occur in response to stressors. In this regard, it is necessary to study the process of adaptation of military personnel in relation to the specifics of war under modern conditions (drone wars), to analyze the nature and dynamics of psychological adaptation, to identify criteria and indicators of psychological adaptation, to develop a methodology for determining the main criteria and indicators of psychological adaptation to the effects of prolonged stress, directly

increasing the resistance stage, to create a management model of psychological adaptation, to develop recommendations for managing the pedagogical impact of commanders on the process of psychological adaptation[4]. It is necessary to organize leisure time for military personnel, which allows soldiers to quickly overcome the phase of psychological exhaustion and not lose the adaptations achieved. Only the combination of the above factors will allow military personnel to get the necessary moral and psychological adaptation in the most difficult conditions of a new war involving unmanned aerial vehicles.

REFERENCES

1. Ganin S. M., Karpenko A.V., Kolnogorov V. V., Petrov G. F. Unmanned aerial vehicles M.: St. Petersburg, "Nevsky Bastion", 1999. – p. 30-62.
2. Kitaev-Smyk L. A., Galle P. P., Korsakov V. A., Biryukov V. A., Gavrilova L. N., Ustyushin B. V., Kharitonov et al., Results of the study of the tolerability of a long (three-day) rotation at the Orbita stand at a speed of 24 deg/s // Scientific Report, ed. Kitaev-Smyk L. A. 1968.
3. Yunusova S. G., Rosenthal A. N., Baltina T. V., Stress. Biological and psychological aspects 2008. – p. 2-4.
4. Konnov V. V. Features of psychological adaptation of young soldiers in the collectives of training and combat units 1999. – p. 180-182.

Шигарев Матвей Юрьевич,
курсант 2 курса
9 факультета (психологии)
Военного университета Министерства обороны РФ.
Shigarev Matvey Yuryevich,
Military University: Ministry of Defence of the RF
9 (Psychology) Department
2nd year cadet.

Васильева Светлана Николаевна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Военного Университета Министерства Обороны РФ.
Vasilyeva Svetlana Nikolayevna,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Senior Teacher.

К ВОПРОСУ О МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ К ВЫЗОВАМ СОВРЕМЕННОСТИ

TO THE ISSUE OF MORAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF CADETS TO MODERN CHALLENGES

Аннотация. Статья посвящена вопросу адаптации курсантов военных вузов к современным постоянно изменяющимся условиям внешнего мира и военной среды. Авторы рассматривают данный процесс как универсальное комплексное явление, имеющее ряд особенностей в военно-профессиональных учебных заведениях.

Abstract. The article is devoted to the issue of adaptation of the cadets of higher military educational establishments to constantly changing environment of the world and military settings. The authors treat this process as universal integrated phenomenon that has some peculiarities in higher military professional institutions.

Ключевые слова: адаптация, курсант, личность, военно-профессиональное учебное заведение.

Keywords: adaptation, cadet, personality, higher military professional institution.

Проблема морально-психологической адаптации носит универсальный характер по причине того, что постоянно

изменяющиеся условия и реалии внешней среды заставляют каждого человека приспосабливаться для обеспечения самого факта своего существования. Кроме того, важно отметить, что данная проблема никогда не потеряет своей актуальности, поскольку развитие человеческой цивилизации и одновременное усложнение современного мира и геополитической ситуации, появление новых вызовов и угроз предопределяет постоянный поиск релевантных изменившейся ситуации путей и способов решения выше обозначенной проблемы.

С точки зрения психологии, процесс адаптации связан с функционированием нервной системы человека, что, в свою очередь, проявляется в снижении частоты импульсов при их прохождении через участок нейронов за ограниченное количество времени.

В процессе адаптации выделяют следующие аспекты:

1. наличие двух взаимодействующих объектов, которые находятся в противоречии друг с другом;
2. направленность на устранение дисбаланса и установление равновесия между этими двумя объектами;
3. предположительное изменение данных объектов.

Морально-психологическая адаптация человека проходит в несколько этапов (воздействие факторов извне, восприятие их субъектом, актуализация ресурсов личности или изменение её характеристик для успешного приспособления к новым условиям), последовательная, благополучная реализация которых проявляется в появлении ряда новообразований, которые можно разделить на: внешние – соответствие поведения человека его социальному окружению; внутренние – ощущение комфорта и безопасности личности[1, с. 22].

В целом, считаем возможным трактовать морально-психологическую адаптацию человека к новым условиям жизни как усвоение опыта извне, овладение новыми социальными ролями, в процессе чего и преодолеваются затруднения, проблемы и в конечном итоге происходит привыкание[2, с. 41].

Морально-психологическая адаптация курсантов – сложный процесс, скорость и качество которого зависит от множества объективных и субъективных факторов военного вуза. Кроме того, в военно-профессиональной организации адаптация курсанта непосредственно связана с другим, не менее трудным процессом – его социализацией – на основании того факта, что он находится в

постоянном тесном взаимодействии с обширным товарищеским коллективом. Однако важность успешного протекания процесса адаптации не вызывает сомнений, поскольку именно от этого зависит уровень способности курсантов выполнять учебные и общевоинские задачи. Вследствие этого, создание условий, необходимых и способствующих более быстрому и продуктивному приспособлению и привыканию курсантов к среде военного вуза приобретает особую значимость и может быть достигнуто только путем совместных усилий командного, профессорско-преподавательского состава и самих курсантов, поскольку все они находятся в отношениях взаимозависимости и взаимообусловленности.

В ходе морально-психологической адаптации курсантов происходит определенное преобразование психологических свойств их личности и приведение ее в соответствие с условиями жизнедеятельности в военном вузе. Необходимо уточнить, что в процессе адаптации личность курсанта претерпевает не столько появление у неё новых качеств, сколько перестройку уже имеющихся, особенностью которых становится направленность на себя (например, самоубеждение, самовнушение, самоупражнение, самоощущение, самоутверждение и др.), что позволяет ему коррелировать свои действия с изменяющимися условиями внешней среды и с большей успешностью осуществлять свою повседневную как учебную, так и служебную деятельности[3, с. 17].

В современной обстановке в военных вузах стараются учитывать все вышеперечисленные аспекты и факторы морально-психологической адаптации. С одной стороны, с каждым годом курсантам становится всё легче приспосабливаться к условиям учебы и службы, ведь прогресс способствует появлению и развитию новых технологий, инструментов, а также методик работы с курсантами, их обучением и воспитанием. Вместе с тем, с другой стороны, каждый год влечёт за собой возникновение ранее неизвестных вызовов и проблем, таких как пандемия, кризисы, локальные конфликты, чрезвычайные ситуации и т.д., которые отражаются на жизни курсантов, заставляя их каждый раз искать новый способ адаптации.

Например, пандемия вируса COVID-19 заставила Министерство обороны Российской Федерации и командование высших военно-учебных заведений принять ограничительные меры для сбережения здоровья курсантов. На протяжении многих месяцев курсанты адаптируются к изменившимся условиям. Постоянное нахождение на

территории своего учебного заведения без возможности выйти в увольнение и как-либо образом разнообразить свою жизнь естественным образом вносит определенный дискомфорт. Однако новые условия имеют некоторую положительную сторону: у курсантов имеется больше времени на самоактуализацию, саморазвитие, занятие спортом. Кроме ограниченного взаимодействия с внешним миром, курсанты военных вузов не испытывают на себе никаких негативных влияний, связанных с осложнившейся из-за коронавируса экономической ситуацией в стране и, как следствие, снижением уровня материального обеспечения других групп граждан.

Таким образом, полагаем возможным рассматривать процесс адаптации людей, в целом, и курсантов, в частности, как комплексный многосторонний процесс, который в военном вузе имеет ряд особенностей. Считаем, что большая часть курсантов успешно проходит процесс адаптации к новым реалиям жизнедеятельности в условиях распространения вирусной инфекции, поскольку они как будущие офицеры четко понимают, что перед ними стоит более важная общественная цель, стремление к достижению которой является сильнейшим стимулом в непростой современной ситуации, а именно, получение военной профессии и ее использование для защиты Отечества, что «является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации» [4].

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Психология адаптации личности: анализ, теория, практика / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. – СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 479 с.

2. Безюлева Г.В. Психолого-педагогическое сопровождение профессиональной адаптации учащихся и студентов / Г. В. Безюлева: монография. – М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2008. – 320 с.

3. Яблонко В.Я. Психологические особенности адаптации курсантов к учебной, служебной и общественной деятельности в условиях высшего военно-учебного заведения: на материалах высших военных училищ Сухопутных войск: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.09. – Москва, 1982. – 233 с.

4. Конституция РФ, статья 59 [Электронный ресурс]
URL: <http://constitutionrf.ru/rzd-1/gl-2/st-59-krf>
(дата обращения: 28.11. 2020).

The problem of moral and psychological adaptation is of the universal character for the reason that constantly changing conditions and circumstances of the outside environment force every person to adapt to provide the mere fact of his or her existence. Besides, it is important to stress that this issue will never lose its applicability because human civilization developing and simultaneous increasing complexity of the modern world and the geopolitical situation, the emerging of new challenges and threats predetermine the continuous search for relevant ways and methods to the situation that has already changed in order to solve the above-stated problem.

In terms of psychology the process of adaption is related to the functioning of the human nervous system that, in turn, appears in impulse frequency reduction when going through the patch of neurons for a limited period.

There are the following aspects in the process of adaptation:

the presence of two interacting objects which are in contradiction with each other;

commitment to remove a misbalance and strike a balance between these two objects;

a hypothetical change of the objects.

Moral and psychological adaptation undergoes several phases (the impact of the factors from the outside world, their perception by the subject, the actualization of human resources or the change of human characteristics to adapt successfully to the new circumstances), the progressive trouble-free realization of which is followed by the occurrence of a number of new things that can be divided into:

external – appropriateness of man's behaviour to his social environment;

internal – a person's feeling of comfort and safety[1, p. 22].

On the whole, we think it possible to determine man's moral and psychological adaptation to a new life's environment as gaining the experience from the outside, and mastering new social roles. During this process, difficulties and problems are overcome and in the end, the adjustment takes place[2, p. 41]. The moral and psychological adaptation of cadets is a complex process the speed and quality of which depend on a lot of objective and subjective factors of the military educational establishment. Besides, cadet's adaptation to the military environment is directly related to another equally troublesome process – socialization – on

the grounds that he is in constant close interaction with a great number of his fellows. Nevertheless, the importance of successful adaptation is of no doubt because it influences the cadets' ability to fulfill their academic and military tasks. Consequently, creating conditions necessary and conducive for the cadets to adapt and adjust to the military environment more quickly and productively acquire special significance and can be gained only by way of mutual efforts taken by their commanders, teaching staff, and by the cadets themselves as all of them are in a relationship of interdependence and interaction.

During cadets' moral and psychological adaptation, a certain transformation of their personalities' psychological qualities and then their adjustment to the military environment take place. It is necessary to clarify that in the process of adaptation a cadet's personality experiences changing the personal qualities possessed rather than emerging new ones. The process has a peculiarity that is its direction to oneself (for instance, self-persuasion, self-deceptiveness, self-exercise, self-encouragement, self-esteem, etc.) that allows a cadet to correlate his actions with the changing circumstances of the environment and to perform both his daily studies and military service activities more successfully [3, p. 17].

In modern conditions, military educational institutions are trying to consider all the above-mentioned aspects and factors of moral and psychological adaptation. On the one hand, from year to year, it is becoming easier for the cadets to adapt to studies and military service arrangements as the progress contributes to starting and developing new technologies, instruments as well as working procedures with the cadets, their teaching and upbringing. However, on the other hand, each year results in emerging new previously unknown challenges and problems such as pandemics, crises, local conflicts, emergencies, etc. which affect the cadets' lives making them find a new way of adaptation every time.

For example, the pandemic of COVID-19 has forced the Ministry of Defence of the Russian Federation and the commanders of higher military educational establishments to take restrictive measures to protect the cadets' health. Over a number of months, the cadets are adjusting to the changing environment. Permanent staying within the campus of their military institution without a possibility to go on a pass and naturally diversify their life contributes to definite discomfort. Notwithstanding a new environment has some positive effects: the cadets have more time for self-actualization, self-development, and sporting activities. Besides the limited interaction with the outside world, the cadets of the military

institutions do not suffer any negative influence connected with the economic situation in the country complicated by the coronavirus disease and thereby the decrease in other citizens' financial level.

Thus, we think it possible to consider the process of people's adaptation, as a whole, and the cadets' one, in particular, to be complex and multifaceted, acquiring some peculiarities in the military environment. We suppose that the vast majority of the cadets go through the process of adaptation to a new life in conditions of coronavirus spreading successfully because being future officers they understand clearly that they have a more important aim to reach that, in turn, is the most powerful drive in the modern difficult situation. It is to get a military profession and use it to defend the Fatherland, which "is the duty and responsibility of the citizen of the Russian Federation"[4].

REFERENCES

1. Psychology of personality's adaptation: analysis, theory, practice / A.A. Rean, A.R. Kudashev, A.A. Baranov. – St. Petersburg: Praim-EVROZNAK, 2006. – 479 p.
2. Bezuleva G.V. Psychological and pedagogical maintenance of professional pupils' and students' adaptation / G.V. Bezuleva: monograph. – M.: NEE HPE Moscow Psychological and Social Institute, 2008. – 320 p.
3. Yablonko V.Ya. Psychological peculiarities of cadets' adaptation in the environment of higher military educational establishment: a case study of higher military schools of the Army: thesis ... Candidate of Psychological Sciences: 19.00.09. – Moscow, 1982. – 233 p.
4. Constitution of the Russian Federation. Article 39. [Electronic resource] URL: <http://constitutionrf.ru/rzd-1/gl-2/st-59-krf> (access date: 28.11. 2020).

НАПРАВЛЕНИЕ 4.
**ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗМЕНЕНИЙ ГЛОБАЛЬНЫХ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАЕКТОРИЙ**
WORKSHOP 4.
**PERSPECTIVE ISSUES OF CHANGES IN GLOBAL
SOCIO-ECONOMIC TRAJECTORIES**

Зубкова Лада Александровна,
студент 2 курса
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской Федерации.
Zubkova Lada Alexandrovna,
The Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration
2nd year student.

**РОБОТИЗАЦИЯ И КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА
ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**

**ROBOTIZATION AND COMPUTERIZATION AS THE BASIS OF
ECONOMY IN PANDEMIC**

Аннотация. Статья посвящена проблеме адаптации экономики в условиях пандемии. Автор рассматривает вопросы разработки основных инструментов для осуществления экономической деятельности в условиях всеобщего карантина.

Abstract. The article is devoted to the problem of economic adaptation in the context of a pandemic. The author examines the development of basic tools for the implementation of economic activities in conditions of general quarantine.

Ключевые слова: роботизация, компьютеризация, высокие технологии, кризис доткомов, удалённое управление, четвёртая индустриальная революция.

Keywords: robotization, computerization, high technology, dot-com crisis, remote control, the fourth industrial revolution.

В конце 2019 года пандемия коронавирусной инфекции вызвала глобальную экономическую проблему. Осуществление удаленной трудовой деятельности, массовое сокращение штатов и закрытие предприятий глубоко изменили структуру мирового рынка товаров и услуг. Современный уровень технологического прогресса оказался недостаточным, чтобы полноценно перейти в режим самоизоляции. Так, «согласно новому прогнозу министерства экономического развития, экономика России по итогам 2020 года упадет на 5%, а самым провальным станет второй квартал, по его итогам спад составит 9,5% в годовом выражении. Безработица в России в 2020 году станет максимальной с 2011 года и вырастет до 5,7%. Объем экспорта товаров из РФ в 2020 году сократится более чем на треть, до \$268 млрд., импорт снизится на 21%, до \$200 млрд.[1]». Однако вышеперечисленные экономические явления можно нивелировать при помощи развития робототехники и компьютеризации.

Экономические агенты формируют совокупный спрос на актуальные индустрии рынка с целью получения максимальной отдачи от вложений. В условиях самоизоляции развитие технологий имеет потенциал улучшить экономическую ситуацию всех субъектов рынка. Следовательно, финансирование области высоких технологий будет обеспечено только в том случае, если государство выступит посредником между инвесторами и представителями отрасли. Данная мера необходима во избежание повторения кризиса доткомов 1995-2001 годов, во время которого происходило бесконтрольное инвестирование в развитие технологий и массовая спекуляция фирм в данных условиях. В результате, в момент кризиса 74% компаний в этой сфере неожиданно стали убыточными и обанкротились, что привело к существенному общему снижению темпов технологического развития[2]. Эффективной антикризисной мерой может стать система государственного лицензирования новых технологий

с целью предотвращения распространения некачественных разработок. В том случае, если защитные меры не будут приняты, при попытке воспользоваться массовой пропагандой, мошенники своей деятельностью вызовут недоверие у населения к отрасли, как это произошло во время кризиса доткомов.

Более того, переход к роботизации не только позволит экономике функционировать, но и поможет в борьбе с

коронавирусной инфекцией. Данное утверждение можно проиллюстрировать практиками, использующимися в Японии, где в производственной сфере задействовано более 250000 тысяч роботов. В кафе и ресторанах страны начинают функционировать роботы-официанты «Серви». Цена одного такого робота составляет 99,800 йен (\$950) в месяц, не включая налоговые отчисления[3]. Данные заведения представляют особую опасность во время пандемии, так как для приёма пищи необходимо снимать маску. Роботы, обслуживающие такие места, существенно снижают риск заражения коронавирусом посетителей, в отличие от официантов-людей, которые контактируют с большим количеством людей, повышая вероятность заразить и себя, и посетителей. Даже если это произойдет, то и в масках они будут представлять опасность, без учёта потенциально возможного нарушения ими масочного режима. Роботы функционируют точно, эффективно, оперативно, не требуют выходных, зарплаты и не могут быть заражены, что делает выбор между человеческими трудовыми ресурсами и роботами в пользу роботизированного труда в данном аспекте очевидным для владельцев ресторанов, а также применимым на практике. Реализация подобных технологий в Японии подтверждает справедливость данного вывода.

Экономические мощности следует также направить на развитие моделей роботов, функционирующих с помощью дистанционного управления, как это практикуют инженеры в медицинском секторе, разработав роботов для осуществления дистанционных хирургических операций[4]. Роботы с удалённым управлением будут выполнять деятельность, которую невозможно свести к программному коду, к циклическим операциям. Данные технологии могут быть применимы во всех сферах, совместно с запрограммированными роботами, что позволит полноценно осуществлять любой производственный процесс.

Помимо роботизации, существует альтернативный метод, который может быть эффективно использован в ситуации пандемии – компьютеризация. Этот метод позволит компаниям полноценно функционировать удалённо. На данный момент вышеупомянутая отрасль недостаточно развита, что существенно осложняет осуществление деятельности всех экономических агентов. Однако фирмы, в целях улучшения ситуации, будут готовы вложить капитал в развитие данной области. Государство, в свою очередь, определит

основные направления этих инвестиций. Следует рассмотреть несколько перспективных путей развития данного направления:

1) разработка каждой организацией индивидуальной системы дистанционного функционирования (Аналогом такой системы служит СДО РАНХиГС. Сайт обеспечивает полноценное обучение в условиях пандемии в академии 194000 студентам и слушателям по стране. Данный факт подтверждает эффективность виртуальной системы обучения большого количества людей, сравнимое с количеством сотрудников в крупнейших компаниях. Альтернативой данного метода в будущем может служить аналогичная единая централизованная государственная система, однако для этого необходимы более скоростные и эффективные сети для поддержания не диверсифицированного потока пользователей);

2) разработка мощных и доступных в финансовом плане компьютеров для обеспечения бесперебойного полноценного осуществления спектра обязанностей трудовых объектов, а также расширение функций компьютеров (На данный момент тема находится на стадии проведения исследований);

3) единая государственная система обеспечения интернета, аналогичная системе жилищно-коммунальных услуг, или включение ее в систему жилищно-коммунальных услуг (Потенциальные функции: централизованное регулирование сети интернет, обеспечение общедоступности сети интернет при включении её в систему ЖКХ, которая финансируется налоговыми отчислениями. Проект можно осуществить аналогично проекту «ГОЭЛРО» начала двадцатого века: «колоссальный рывок, совершенный энергетикой России в 1920-е-1930-е гг. позволяет говорить о плане в превосходной степени, как о торжестве прагматического подхода к планированию»)[5].

Вышеупомянутые методы не только позволят экономике функционировать в условиях пандемии, но и приведут социум к четвёртой индустриальной революции, результаты которой привлекут следующие изменения:

1) снижение барьеров между изобретателями и рынками – к ускорению технологического прогресса;

2) усиление роли искусственного интеллекта – к повышению продуктивности управленческих решений;

3) интеграция различных типов технологии в различных сферах жизни – к развитию новых рынков;

- 4) развитие робототехники – к улучшению уровня жизни;
- 5) развитие сети интернет – к усилению возможностей мобильной связи [6].

Таким образом, данные изменения в краткосрочном периоде могут осложнить кризис, к чему государства мира должны быть готовы. Однако в результате в долгосрочном периоде данное изменение структуры общества приведёт к увеличению темпов развития экономики посредством усиления производительности фирм, обеспеченное роботизацией и компьютеризацией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Минэкономразвития оценило влияние пандемии COVID-19 на экономику России/ТАСС [Электронный ресурс] URL:<https://tass.ru/ekonomika/8535503> (дата обращения: 21.11.2020).
2. Риторика, риск и рынки: пузырь доткомов / Дж. Томас Гуднайт Сэнди Э. Грин-младший [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/248927361_Rhetoric_Risk_and_Markets_The_Dot-Com_Bubble (дата обращения: 23.11.2020).
3. SoftBankпредставляет в Японии роботов-официантов нового поколения / Интересная техника. [Электронный ресурс] URL: <https://interestingengineering.com/softbank-introduces-next-gen-robot-waiters-in-japan> (дата обращения: 26.11.2020).
4. Оценка удаленной хирургии при помощи сверхнадежной связи с низкой задержкой / Джонас Колб, Шон Ходжсон [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/346006621_Evaluation_of_Remote_Surgery_in_an_UltraReliable_Low_Latency_Communication_URLLC_Framework (дата обращения: 27.11.2020).
5. Строительство районных электростанций по плану ГОЭЛРО на Урале в 1920 е — начале 1930 х годов / Баканов С. [Электронный ресурс] URL: <https://istmat.info/node/31699> (дата обращения: 28.11.2020).
6. Четвёртая промышленная революция: возможности и проблемы / Мин Сюй, Жанна М. Давид, Сук Хай Ким [Электронный ресурс]URL:https://www.researchgate.net/publication/323638914_The_Fourth_Industrial_Revolution_Opportunities_and_Challenges (дата обращения: 28.11.2020).

In late 2019, the coronavirus pandemic caused a global economic problem. Remote work, mass layoffs and plant closures have profoundly changed the structure of the global market of goods and services. It follows that the current level of technological progress was not enough to fully integrate into self-isolation process. Thus, “according to the new forecast of the Ministry of Economic Development, the Russian economy by the end of 2020 will fall by 5%, and the second quarter will be the most disastrous, following its results the recession will be 9.5% in annual terms. Unemployment in Russia in 2020 will be the highest since 2011 and will grow to 5.7%. The volume of exports of goods from the Russian Federation in 2020 will decrease by more than a third, to \$ 268 billion, imports will decrease by 21%, to \$ 200 billion.”[1]. However, the foregoing economic issues could be stabilized by the development of robotics and computerization.

Economic agents form the aggregate demand for relevant market industries in order to get the maximum return on investment. During self-isolation, technology development has the potential to improve the economic conditions of all market participants. Consequently, funding for high technology will only be secured if the government becomes an intermediary between investors and industry representatives. This measure is necessary to avoid a repeat of the dot-com crisis of 1995-2001, during which there was uncontrolled investment in technology development and massive firms’ speculation in these conditions. As a result, during the crisis, 74% of companies in this area suddenly became unprofitable and went bankrupt, which resulted into a significant overall decline in the rate of technological development[2]. An effective anti-crisis measure could be represented by a system of state licensing of new technologies developed in order to prevent the spread of low-quality developments. In the event that protective measures are not taken, when trying to take advantage of mass propaganda, the speculators would cause population’s distrust in the industry with their activities, as it happened during the dot-com crisis.

Moreover, the transition to robotization would not only allow the economy to function, but would also help in the fight against coronavirus infection. This statement can be illustrated by practices used in Japan, where more than 250,000 robots are involved in the manufacturing sector. “Servi” robotic waiters are starting to operate in country’s cafes and restaurants. The price of one such robot is 99,800 yen (\$ 950) per month, excluding taxes[3]. These institutions pose a serious danger during a pandemic, since masks are to be removed in order to have a meal. Robots

serving such places would significantly reduce the risk of coronavirus infecting visitors, in contrast to human waiters who come into contact with lots of people, increasing the likelihood of infecting both themselves and visitors. Even if this occurs, they would pose a danger even in masks, without taking the potential violation of mask regime by them into account. Robots function accurately, efficiently, do not require days off, wages and cannot be infected, which makes the choice between human labor and robots in favor of robotic labor in this aspect obvious for restaurant owners, and also applicable in practice. The implementation of such technologies in Japan confirms the validity of this statement.

Economic power should also be directed towards developing models of remotely controlled robots, as is practiced by engineers in the medical sector, who develop robots for performing remote surgical operations[4]. Remotely controlled robots would perform activities that cannot be reduced to program code, to cyclical operations. These technologies, together with programmed robots, could be applied in all areas which would make any production process functioning possible.

In addition to robotization, there is an alternative method that could be effectively used in a pandemic situation - computerization. This method would allow companies to fully operate remotely. At the moment, the aforementioned industry is not developed enough, which significantly complicates the implementation of the activities of all economic agents. However, firms, in order to improve the situation, would be willing to invest into the development of this area. The government, in turn, would determine the main directions of these investments. Several promising ways of development in this direction should be considered:

- 1) the creation of an individual remote functioning system by every organization (The RANEPА SDO could serve as an analogue of such a system. The full-value education at the academy for 194,000 students and listeners across the country is provided through the website during the pandemic. This fact confirms the effectiveness of the virtual education system for a large number of people, comparable to the number of employees in the largest companies.

In the future an alternative to this method could be a similar unified centralized state system, but this requires faster and more efficient networks to maintain an undiversified flow of users);

- 2) the development of powerful and financially affordable computers to ensure the stable full-fledged implementation of the range of duties of

labor subjects, as well as the expansion of the functions of computers (At the moment, the topic is at the research stage);

3) a unified state system of Internet providing, similar to the system of housing and communal services, or its inclusion in the system of housing and communal services (Potential functions: centralized regulation of the Internet, ensuring of the general availability of the Internet when it is included in the housing and communal services system, which is funded by taxes. The project could be implemented similar to the GOELRO project of the beginning of the twentieth century: “the colossal breakthrough made by the Russian energy sector in the 1920s-1930s makes it possible to speak of the plan in a superlative degree, as a triumph of a pragmatic approach to planning”[5]).

The above methods would not only allow the economy to function in the pandemic, but would also lead society to the fourth industrial revolution, the results of which would attract the following changes:

1) lowering of the barriers between inventors and markets - to the accelerating of the technological progress;

2) strengthening of the role of artificial intelligence - to the increase in the productivity of management decisions;

3) integration of different types of technology in different spheres of life - to the development of new markets;

4) development of robotics - to the improvement of standards of living;

5) development of the Internet - to the enhancement of the capabilities of mobile communications[6].

Thus, these changes in the short term might complicate the crisis, for which the states of the world should be prepared. However, as a result, in the long run, this change in the structure of society would lead to the increase in the rate of economic development by enhancing the productivity of firms, provided by robotization and computerization.

REFERENCES

1.The Ministry of Economic Development has assessed the impact of the COVID-19 pandemic on the Russian economy / TASS. Rhetoric, Risk, and Markets: The Dot-Com Bubble/G.Thomas GoodnightSandy E. Green jr [Electronic resource] URL : <https://tass.ru/ekonomika/8535503> (access date: 23.11.2020).

2.Rhetoric, Risk, and Markets: The Dot-Com Bubble / G.Thomas GoodnightSandy E. Green jr [Electronic resource] URL:

https://www.researchgate.net/publication/248927361_Rhetoric_Risk_and_Markets_The_Dot-Com_Bubble (access date: 23.11.2020).

3.SoftBank Introduces Next-Gen Robot Waiters in Japan / Interesting engineering Japanese robotics [Electronic resource] URL: <https://interestingengineering.com/softbank-introduces-next-gen-robot-waiters-in-japan> (access date: 26.11.2020).

4.Evaluation of Remote Surgery in an Ultra-Reliable Low Latency Communication Framework / Jonas Kolb, Sean Hodgson [Electronic resource]URL:https://www.researchgate.net/publication/346006621_Evaluation_of_Remote_Surgery_in_an_UltraReliable_Low_Latency_Communication_URLLC_Framework (access date: 27.11.2020).

5.Construction of regional power plants according to the GOELRO plan in the Urals in the 1920s - early 1930s / S. Bakanov.[Electronic resource] URL: <https://istmat.info/node/31699> (access date: 28.11.2020).

6.The Fourth Industrial Revolution: Opportunities and Challenges / Min Xu,Jeanne M. David, Suk Hi Kim [Electronic resource] URL:https://www.researchgate.net/publication/323638914_The_Fourth_Industrial_Revolution_Opportunities_and_Challenges (access date: 28.11.2020).

Карпова Людмила Николаевна,

аспирант 1 курса

Международного юридического института.

Karpova Lyudmila Nikolaevna,

International Law Institute

1st year PhD student.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БАНКОВСКОГО НАДЗОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE ORETICAL FOUNDATIONS OF BANKING SUPERVISION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье исследованы теоретические основы банковского регулирования в России, его значение для стабильности банковской системы, сформулированы выводы.

Abstract. The article investigates the theoretical foundations of banking regulation in Russia, its importance for the stability of the banking system, formulated conclusions.

Ключевые слова: банковский надзор, правовые формы надзора, принципы.

Keyword: banking supervision, legal forms of supervision, principles.

В современных условиях эффективное функционирование экономики страны, поддержание стабильности национальной валюты и выполнение иных стоящих перед государством задач невозможно без устойчивой банковской системы и финансовой системы. Специфика банковской деятельности, множество особенностей функционирования кредитных организаций и не кредитных финансовых организаций, а также их взаимоотношений с кредиторами и вкладчиками обуславливают необходимость весомого публичного вмешательства в деятельность вышеназванных институтов. Данное вмешательство заключается в проведении Центральным Банком РФ мероприятий по банковскому контролю и надзору, преследующими в качестве целей сохранение стабильности банковской и финансовой системы, предотвращение финансовых кризисов в банковской сфере, обеспечение финансовой безопасности России. То есть контрольно-надзорная деятельность Банка России представляет собой чрезвычайно важный элемент финансово-экономической жизни страны и является актуальной темой научного исследования.

Центральный банк Российской Федерации занимает главенствующее положение в банковской системе РФ, так как от его действенного функционирования и верно подобранных методов, посредством которых он осуществляет свою деятельность, зависит устойчивость и финансовый потенциал страны, отдельных секторов экономики. Именно поэтому государство наделяет Банк России широким спектром полномочий, оставляя его при этом независимым в осуществлении своей деятельности.

В экономической литературе под банковским надзором понимается комплекс мер по обеспечению соблюдения режима законности в деятельности банков[1]. Необходимость регулирования и надзора за деятельностью кредитных организаций и банковских групп вытекает из их общественно-полезного назначения, прямого

отношения к удовлетворению потребности общества в деньгах, тесного переплетения работы с интересами общества.

Банковский надзор исследован в трудах Т.Э. Рождественской, по мнению которой «банковский надзор представляет собой вид публично-правовой деятельности, осуществляемой центральным банком и (или) специальным публично-правовым органом (или несколькими органами), нацеленной на поддержание стабильности и развитие банковской системы страны и, как следствие, на поддержание стабильности всей финансовой системы и национальной денежной единицы, а также на защиту интересов вкладчиков и кредиторов»[2].

Смысл же любой надзорной деятельности заключается в наблюдении за тем, чтобы определённые органы и лица в точности выполняли возложенные на них функции, соблюдая при этом требования законодательства, в случае допущения ими нарушений – применения к ним мер по восстановлению законности и привлечению виновных к ответственности.

На основании анализа вышеизложенных определений, на наш взгляд, категории контроля и надзора в финансовом праве можно считать равнозначными.

Рассуждая далее, обратим внимание на то, что финансовый контроль весьма неоднороден. В зависимости от содержания выделяют: бюджетный, налоговый, таможенный, валютный, банковский контроль. В зависимости от субъекта, финансовый контроль может быть государственный и внегосударственный.

На данном этапе возникает вопрос о том, какой вид финансового контроля осуществляет ЦБ РФ, ведь как указывалось выше он не является государственным органом власти и логично было бы не причислять его к субъектам государственного финансового контроля. Однако учитывая то, что при осуществлении своих полномочий Банк России преследует в первую очередь публичные цели и своеобразие его конституционно-правового статуса, считаем возможным рассматривать ЦБ РФ в качестве субъекта государственного финансового контроля, а именно банковский контроль.

Стоит отметить: в законодательстве наряду с термином «контроль Банка России» используется понятие «надзор Банка России», однако, по мнению большинства учёных, они весьма равнозначны: так как законодатель не даёт чёткого представления об

их различии и использует их достаточно произвольно в процессе нормотворчества.

Банковский надзор, по мнению Борисовой Е.В., – это «вид государственного финансового контроля, осуществляемого Банком России в ходе обеспечения соблюдения кредитными организациями, банковскими группами и холдингами банковского законодательства для реализации соответствующих целей и задач Банка России»[3].

Конечно, контрольно-надзорная деятельность Банка России представляет собой довольно масштабное явление, распространяющее свое влияние на весьма широкий спектр вопросов. Так с 2013 года в связи с упразднением Федеральной службы по финансовым рынкам её полномочия перешли в ведение Банка России. На основании данного изменения в структуре органов финансового контроля Голубиченко М.А. выдвигает тезис о целесообразности введения в научный оборот и в действующее финансовое законодательство наряду с термином «банковский надзор» термин «финансово-банковский надзор», под которым понимается «комплексный, планомерно осуществляемой деятельности Центрального Банка РФ представляющей собой систему организационно-процессуальных мероприятий, направленных на проведение регулярного наблюдения и инспектирования соответствия деятельности кредитных (банковских) и некредитных финансовых организаций требованиям финансового и банковского законодательства[4].

Таким образом, приходим к выводам: банковский надзор является разновидностью финансового контроля; понятия «банковский надзор» и «банковский контроль» необходимо считать равнозначными; в современных условиях признаём целесообразным введение в оборот термина «финансово-банковский надзор».

Банковский надзор весьма разнообразен и классифицирован по различным основаниям. Так по времени проведения он может быть: предварительный, текущий и последующий. К сожалению, банковское законодательство не регламентирует особенности каждого из них, пояснения содержатся лишь в статье 265 Бюджетного Кодекса, однако их применение по аналогии весьма затруднительно, в связи с их сугубо отраслевой направленностью[5].

В зависимости от предмета банковского надзора следует выделять функциональные виды надзора, а в зависимости от субъекта – институциональные. Предметная классификация банковского

надзора (функциональная) заключается в том, что он классифицируется в соответствии со спецификой нормативного, экономического и финансового содержания банковской деятельности, которая является предметом надзора.

Более важным как для теории, так и для правоприменительной практики является деление банковского надзора на общий (юридический) и пруденциальный (финансово-правовой).

Общий надзор включает в себя проверку соответствия деятельности подконтрольной организации закону в целом, под пруденциальным же надзором понимается надзор за соблюдением ей законодательства о государственном управлении банковских рисков. Надзор разделяется на контактный и дистанционный. От видов надзора следует отличать такую категорию как, формы надзора, под которой понимается совокупность приемов и способов проведения надзора, внешнее выражение контрольных действий надзорного органа.

Правовыми формами надзора Банка России выступают:

1. предоставление отчетности и расчетов показателей деятельности;
2. проверка предоставленной информации о показателях деятельности кредитной организации (данная форма подразделяется на несколько подформ: документальная, фактическая полная, выборочная, плановая, внеплановая);
3. проверка учета (бухгалтерского, оперативного, статистического);
4. проверка исполнения вынесенных решений [6].

Все вышеперечисленные виды банковского надзора и конкретные формы его реализации в конечном счёте представляют собой правовую деятельность, опирающуюся на определённые принципы. Под принципами в юридической литературе принято понимать основополагающие начала, положения на которых базируется какая-либо деятельность.

Необходимо отметить: принципов банковского надзора в теории финансового права выделяется огромное количество, и каждый автор привносит свой вклад в данный вопрос, предлагая новый принцип или иную классификацию уже существующих. Учитывая данный факт, рассмотрим несколько классификаций принципов банковского надзора.

По мнению Л.Т. Казакбиевой, принципы банковского надзора можно подразделить на: 1) общеправовые; 2) принципы финансового контроля (систематичность, соблюдение сроков, доверительность отношений между субъектами; адекватность (соразмерность мер реагирования совершенному правонарушению), 3) специальные (приемлемое сочетание централизованности и децентрализованности, неразглашение сведений ит.д. Т.Э. Рождественская предлагает несколько иную классификацию принципов банковского права. При этом также имеется деление на общие и специальные. В качестве специальных же рассматриваются: законность, соразмерность, эффективность, независимость, объективность и компетентность.

Т.Э. Рождественская выделяет также не свойственную другим авторам группу организационно-правовых принципов, под которыми понимает принципы, сформулированные Базельским комитетом по банковскому надзору (Core Principles for Effective Banking Supervision).

На основании вышеизложенного констатируем, что банковский надзор представляет собой чрезвычайно многообразную деятельность, выраженную в разных формах и видах, базирующуюся на принципах как российского, так и международного права. В Российской Федерации Банк России является органом банковского регулирования и надзора, хотя во многих странах ими занимаются специальные органы. Это обусловлено коренным реформированием банковской системы с начала 1990-х гг., главную роль в котором сыграл Банк России, ее нестабильностью, недостаточным опытом государственного регулирования, надзора и другими факторами.

Стоит сказать, что банковский надзор за кредитными организациями в зависимости от стадии «жизнедеятельности» кредитной организации подразделяется на надзор в процессе регистрации и выдачи лицензии и надзор за текущей деятельностью кредитной организации.

Суть оптимизации контрольно-надзорных функций Банка России определяется как смещение акцентов с формальной оценки количественных параметров на глубокую профессиональную, качественную и своевременную диагностику. В этой связи первостепенное значение приобретает право Банка России на профессиональное (мотивированное) суждение при оценке перспектив деятельности кредитной организации, анализе ее финансовой устойчивости, качества внутреннего контроля и корпоративного

управления. [7] Пока такое право не закреплено на законодательном уровне, это ограничивает возможности Банка России по использованию профессионального суждения в своей надзорной практике. В рамках реализации мер, предусмотренных Стратегией, должны быть решены вопросы совершенствования законодательства Российской Федерации, сокращения участия государства в капиталах крупных российских кредитных организаций, создания системы регулирования и надзора на рынке финансовых услуг, предоставляемых некредитными организациями, создания и функционирования современных инфраструктурных комплексов, в том числе международного финансового центра в Российской Федерации, а также вопросы развития национальной платежной системы.

Эти задачи решаются в условиях предъявления к банковской системе России жестких требований со стороны международных финансовых организаций и кроме того в условиях интенсивной, разнонаправленной и разноуровневой, региональной интеграции в рамках Таможенного союза и ЕврАзЭС, другими словами - в условиях глобальной и региональной финансовой интеграции. На основании всего вышеизложенного, следует прийти к выводу о том, что контроль и надзор, осуществляемый Банком России, представляет собой довольно сложное и многогранное правовое явление, от эффективности реализации которого зависит финансово-экономическая и социально-политическая обстановка в государстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Никитина Т.В. Теория и методология банковского надзора в условиях глобализации. Автореф. дисс. докт. экон. наук. СПб, 2008. С. 37.
2. Рождественская Т.Э. Теоретико-правовые основы банковского надзора в Российской Федерации. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2012. С. 8.
3. Борисова Е.В. Консолидированный банковский надзор в системе финансового права. Автореферат., Москва., 2015 г. С. 14.
4. Голубиченко М.А. Финансово-правовое регулирование банковского надзора (российский и международно-правовой опыт). Автореферат., Саратов., 2013. С. 16.

5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. ст. 3823; 2016. № 7. Ст. 911.

6. Рождественская Т.Э. Теоретико-правовые основы банковского надзора в Российской Федерации. Автореферат, Москва. 2012. С. 19.

7. Кривошапова С.В. Содержательный банковский надзор: совершенствование механизма института кураторов. Дисс. ... канд. экон. наук. Владивосток, 2011. С. 130.

In modern conditions, the effective functioning of the country's economy, maintaining the stability of the national currency and the implementation of other tasks facing the state are impossible without a stable banking system and financial system. The specifics of banking, the many features of the functioning of credit institutions and non-credit financial institutions, as well as their relationship with creditors and depositors necessitate significant public intervention in the activities of the above institutions. This intervention consists in the implementation by the Central Bank of the Russian Federation of bank control and supervision measures aimed at maintaining the stability of the banking and financial system, preventing financial crises in the banking sector, and ensuring the financial security of Russia. That is, the control and supervisory activity of the Bank of Russia is an extremely important element of the country's financial and economic life and is an urgent topic of scientific research.

The Central Bank of the Russian Federation occupies a dominant position in the banking system of the Russian Federation, since the stability and financial potential of the country and individual sectors of the economy depend on its effective functioning and correctly selected methods by which it carries out its activities. That is why the state gives the Bank of Russia a wide range of powers, while leaving it independent in the implementation of its activities.

In the economic literature, banking supervision is understood as a set of measures to ensure compliance with the rule of law in the activities of banks[1]. The need to regulate and supervise the activities of credit institutions and banking groups stems from their socially useful purpose, a direct relationship to meeting society's need for money, and the close interweaving of work with the interests of society.

Banking supervision is studied in the works of T.E. Rozhdestvenskaya, according to which "banking supervision is a type of

public law activity carried out by the central bank and (or) a special public law body (or several bodies) aimed at maintaining stability and development of the country's banking system and, as a consequence, at maintaining stability of the entire financial system and the national currency, as well as to protect the interests of depositors and creditors. " The meaning of any supervisory activity is to ensure that certain bodies and persons exactly perform the functions assigned to them, while observing the requirements of the legislation, if they commit violations, the application of measures to restore the rule of law and bring the perpetrators to justice[2].

Based on the analysis of the above definitions, in our opinion, the categories of control and supervision in financial law can be considered equivalent.

Considering further, let us pay attention to the fact that financial control is rather heterogeneous. Depending on the content, they are distinguished: budget, tax, customs, currency, banking control. Depending on the subject, financial control can be state and non-state. At this stage, the question arises about what type of financial control is exercised by the Central Bank of the Russian Federation, because, as indicated above, it is not a state authority and it would be logical not to classify it as a subject of state financial control. However, given that in the exercise of its powers, the Bank of Russia primarily pursues public goals and the originality of its constitutional and legal status, we consider it possible to consider the Central Bank of the Russian Federation as a subject of state financial control, namely, banking control.

It should be noted that in the legislation, along with the term "control of the Bank of Russia", the concept of "supervision of the Bank of Russia" is used, however, according to most scientists, they are very equivalent: since the legislator does not give a clear idea of their difference and uses them quite arbitrarily in the process of rule-making.

Banking supervision, according to E. V. Borisova, is "a type of state financial control exercised by the Bank of Russia in the course of ensuring compliance by credit institutions, banking groups and holding companies with banking legislation in order to implement the relevant goals and objectives of the Bank of Russia[3]".

Of course, the control and supervisory activity of the Bank of Russia is a fairly large-scale phenomenon, extending its influence on a very wide range of issues. So, since 2013, in connection with the abolition of the Federal Service for Financial Markets, its powers were transferred to the

jurisdiction of the Bank of Russia. Based on this change in the structure of financial control bodies, M.A. Golubichenko. puts forward the thesis on the advisability of introducing into scientific circulation and into the current financial legislation, along with the term "banking supervision", the term "financial and banking supervision", which means "comprehensive, systematically carried out activities of the Central Bank of the Russian Federation, which is a system of organizational and procedural measures aimed at carrying out regular monitoring and inspection of the compliance of the activities of credit (banks) and non-credit financial institutions with the requirements of financial and banking legislation[4].

Thus, we come to the following conclusions: banking supervision is a kind of financial control; the concepts of "banking supervision" and "banking control" should be considered equivalent; in modern conditions, we consider it expedient to introduce the term "financial and banking supervision" into circulation.

Banking supervision is very diverse and classified on various grounds. So in terms of time it can be: preliminary, current and subsequent. Unfortunately, banking legislation does not regulate the features of each of them, explanations are contained only in article 265 of the Budget Code, however, their application by analogy is very difficult, due to their purely sectoral focus[5].

Depending on the subject of banking supervision, functional types of supervision should be distinguished, and depending on the subject - institutional. The subject classification of banking supervision (functional) is that it is classified in accordance with the specifics of the regulatory, economic and financial content of banking, which is the subject of supervision. More important both for theory and for law enforcement practice is the division of banking supervision into general (legal) and prudential (financial and legal). General supervision includes checking the compliance of the activities of the controlled organization with the law as a whole, while prudential supervision means supervision over its compliance with the legislation on state management of banking risks. Supervision is divided into contact and remote. From the types of supervision should be distinguished such a category as, forms of supervision, which is understood as a set of techniques and methods of supervision, the external expression of the control actions of the supervisory authority.

The legal forms of supervision of the Bank of Russia are:

1. providing reporting and calculations of performance indicators;

2. verification of the information provided on the performance indicators of the credit institution (this form is divided into several subforms: documentary, factual, complete, selective, planned, unscheduled);

3. verification of accounting (accounting, operational, statistical);

4. verification of the execution of the decisions made [6].

All of the above types of banking supervision and specific forms of its implementation ultimately represent a legal activity based on certain principles. Under the principles in the legal literature it is customary to understand the fundamental principles, the provisions on which any activity is based.

It should be noted that there are a huge number of principles of banking supervision in the theory of financial law, and each author contributes to this issue, proposing a new principle or another classification of existing ones. Considering this fact, let us consider several classifications of the principles of banking supervision.

According to L.T. Kazakbieva, the principles of banking supervision can be subdivided into: 1) general legal; 2) principles of financial control (systematicity, adherence to deadlines, confidentiality of relations between subjects; adequacy (proportionality of response measures to a perfect offense), 3) special (an acceptable combination of centralization and decentralization, non-disclosure of information, etc. T. E. Rozhdestvenskaya offers a slightly different classification of the principles of banking law. At the same time, there is also a division into general and special. The following are considered special: legality, proportionality, efficiency, independence, objectivity and competence.

T.E. Rozhdestvenskaya also distinguishes a group of organizational and legal principles, which is not typical of other authors, by which he understands the principles formulated by the Basel Committee on Banking Supervision (Core Principles for Effective Banking Supervision).

Based on the foregoing, we state that banking supervision is an extremely diverse activity, expressed in different forms and types, based on the principles of both Russian and international law. In the Russian Federation, the Bank of Russia is the banking regulatory and supervisory authority, although in many countries it is handled by special bodies. This is due to the radical reform of the banking system since the early 1990s, in which the Bank of Russia played the main role, its instability, insufficient experience of government regulation, supervision, and other factors.

It should be said that banking supervision of credit institutions, depending on the stage of "life" of a credit institution, is subdivided into supervision in the process of registration and issuance of a license and supervision of the current activities of a credit institution.

The essence of optimization of the control and supervisory functions of the Bank of Russia is defined as a shift in emphasis from a formal assessment of quantitative parameters to deep professional, high-quality and timely diagnostics. In this regard, the Bank of Russia's right to professional (motivated) judgment in assessing the prospects for a credit institution, analyzing its financial stability, the quality of internal control and corporate governance is of paramount importance[7]. Until such a right is enshrined in legislation, this limits the ability of the Bank of Russia to exercise professional judgment in its supervisory practice. As part of the implementation of the measures envisaged by the Strategy, the issues of improving the legislation of the Russian Federation, reducing the state's participation in the capital of large Russian credit institutions, creating a system of regulation and supervision in the market of financial services provided by non-credit institutions, creating and operating modern infrastructure complexes, including the international financial center in the Russian Federation, as well as the development of the national payment system.

These tasks are being solved in the context of the imposition of stringent requirements on the Russian banking system by international financial organizations and, in addition, in the context of intensive, multidirectional and multilevel regional integration within the framework of the Customs Union and the EurAsEC, in other words, in conditions of global and regional financial integration. Based on the foregoing, one should come to the conclusion that the control and supervision exercised by the Bank of Russia is a rather complex and multifaceted legal phenomenon, on the effectiveness of which the financial, economic and socio-political situation in the state depends on.

REFERENCES

1. Nikitina T.V. Theory and methodology of banking supervision in the context of globalization. Author's abstract. diss. doct. econom. sciences. SPb, 2008.S. 37.
2. Christmas T.E. Theoretical and legal foundations of banking supervision in the Russian Federation. Author's abstract. diss. ... doct.jurid.sciences.M., 2012.S. 8.

3. Borisova E.V. Consolidated banking supervision in the financial law system. Abstract., Moscow., 2015, p. 14.

4. Golubichenko M.A. Financial and legal regulation of banking supervision (Russian and international legal experience). Abstract., Saratov., 2013.S. 16.

5. The Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998 No. 145-FZ // SZ RF. 1998. No. 31. Art. 3823; 2016.No. 7. Art. 911.

6. Christmas T.E. Theoretical and legal foundations of banking supervision in the Russian Federation. Abstract, Moscow. 2012. P. 19.

7. Krivoshapova S.V. Substantial banking supervision: improving the mechanism of the institution of curators. Diss. ... Cand. econom. sciences. Vladivostok, 2011.S. 130.

Куницын Игорь Вадимович,

аспирант 1 курса

Международного юридического института.

Kunitsyn Igor Vadimovich,

International Law Institute

1st year PhD student.

СЛИЯНИЕ И ПОГЛОЩЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ ГОСУДАРСТВА

MERGERS AND ACQUISITIONS AS AN INSTRUMENT OF MARKET SYSTEM OF GOVERNMENT

Аннотация. Статья посвящена определению и пониманию практических целей процедур слияния и поглощения в разрезе стратегии организаций и экономики в целом.

Abstract. The article deals with definition and understanding practice purposes of mergers and acquisitions procedures according to company strategies and a wider economy.

Ключевые слова: слияние, поглощение, корпоративное поглощение, конкуренция, корпорация, рыночная экономика.

Keywords: merger, acquisition, corporate acquisition, business competition, legal entity, market system.

Возрастание числа сделок по слиянию и поглощению объясняется возможностью данных процессов влиять на создание

стоимости бизнеса, повышение конкурентоспособности организаций, что, в свою очередь, приводит к увеличению предложений на рынке и, как следствие, повышению качества товаров, услуг.

Трансформация экономики направлена на преобразование административно-командной системы хозяйствования субъектов в сторону развития и становления рыночной конкуренции. На данный момент, рыночная экономика имеет большое значение, поскольку выступает как один из элементов саморегулирования рынка посредством отбора товаров и услуг потребителями.

Актуальность исследования такого явления как слияние и поглощение компаний характеризуется ролью этого явления в развитии экономики как на уровне отдельного государства, так и на мировой арене. Практически каждый субъект хозяйственной деятельности на определенном временном отрезке своей деятельности сталкивается с необходимостью реорганизации компании в различных целях. В большинстве случаев слияние и поглощение происходит в целях увеличения производительности и, как следствие, увеличения прибыли от хозяйственной деятельности. Кроме того, в условиях быстроразвивающихся рынков, что требует от предприятий незамедлительного реагирования в виде повышения эффективности бизнес-процессов, аспект реорганизации компаний в форме слияния и поглощения является наиболее дискуссионным.

В свою очередь, у государства тоже, на наш взгляд, есть заинтересованность в развитии экономики посредством появления на рынке новых и крупных «игроков» посредством процедур слияния и поглощения, естественно, в пределах антимонопольной политики, проводимой и контролируемой самим государством.

Целью исследования является усвоение и понимание практического смысла процедур слияния и поглощения как к экономическим и правовым явлениям, рассмотрение вопроса влияния слияний и поглощений корпораций на развитие рыночной экономики.

Если рассматривать сами понятия «слияние» и «поглощение», то их можно охарактеризовать как сделки, влекущие смену контроля над хозяйственным субъектом, которые подразумевают укрупнение капитала, бизнес-процессов, а также передачу прав на имущество.

Слиянием называется объединение двух корпораций, в котором выживает только одна из них, а другая прекращает свое существование. В результате слияния поглощающая компания присоединяет к себе активы поглощаемой фирмы. Существует также

специфическая форма слияний, называемая консолидацией. Консолидация представляет собой соединение предприятий, в котором две или более компаний объединяются, чтобы образовать совершенно новую компанию. Объединяющиеся компании ликвидируются, и продолжает существование новое юридическое лицо[1].

Корпоративное поглощение - это процесс, предполагающий, что акции или активы корпорации становятся собственностью покупателя. Данная сделка может принять форму покупки акций или покупки активов[2].

На основании изложенного, можно сказать, что разница между слиянием и поглощением является не столь существенной, однако, поглощение подразумевает более широкое толкование, охват перед слиянием.

Применительно к российскому механизму слияние и поглощение предполагает юридическое оформление процедуры вновь созданного и ликвидируемого лица. Однако стоит отметить, что слияние и поглощение может происходить путем приобретения доли капитала, в этом случае сделка не приводит к ликвидации организации и изменению ее статуса.

Если сравнивать развитие российского рынка сделок по слиянию и поглощению с международным, можно сделать вывод, что он становится все более похожим на рынок европейских стран. Разница состоит в том, что в мировой практике рынок слияния и поглощения развивался поэтапно на протяжении более длительного периода времени, в российских же реалиях развития данной сферы проходит в более сжатые сроки. В этой связи важно заметить, что в практике корпоративной деятельности компаний на первый план выходит концепция стоимостного мышления. Слияние и поглощение – не конечная цель преобразований, а средство достижения главной цели, которая лежит в основе всех корпоративных действий, представляющих структуры сделок по слиянию и поглощению – это рост стоимости компании, который, в свою очередь, направлен на выход организации на более высокий уровень. Стратегия слияний и поглощений поддерживает и дополняет важную цель, связанную с увеличением стоимости для акционеров, поэтому они покупают и продают компании только в том случае, если сделка создает для них стоимость[3]. Исходя из вышеизложенного, главная причина реструктуризации компаний в форме слияний и поглощений –

стремление получить и усилить синергетический эффект, т.е. взаимодополняющее действие активов предприятий, совокупный результат которого превышает сумму результатов действий каждой из компаний в отдельности. Синергия проявляется, когда две объединившиеся компании стоят больше, чем каждая в отдельности[4].

Как показывает практика, при успешном осуществлении сделок по слиянию и поглощению возможен не только быстрый рост, выход на качественно новый уровень компании, но и возникновение новых отраслей.

Все это положительным образом влияет на экономическую устойчивость и рост экономики внутри страны и за ее пределами. Возникновение новых организаций, создание и развитие новых предприятий дает «толчок» для увеличения количественного и качественного показателя потребления и удовлетворения услугами граждан и других государств.

Таким образом, сделки по слиянию и поглощению организаций влияют положительным образом не только на состояние самих организаций, проходящих реорганизацию, но и на состояние экономики. В частности, развитие и совершенствование предприятий дает основу для формирования конкурентной среды, в которой производители, в целях конкуренции, должны повышать качество оказываемых ими услуг. В результате чего, потребители могут получать услугу/продукт более высокого качества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гохан П. Слияния, поглощения и реструктуризация бизнеса. М.,; Альпина Паблишер, 2010, С. 21.
2. Рид Ст. Ф., Лажу Ал.Р. Искусство слияний и поглощений. М., Альпина Бизнес Букс, 2004, С. 14.
3. Эванс Фрэнк Ч., Бишоп Дэвид М. Оценка компаний при слияниях и поглощениях: Создание стоимости в частных компаниях / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2004. С. 21.
4. Владимирова И.Г. Слияния и поглощения компаний // Менеджмент в России и за рубежом. 1999. № 1. С. 39.

The increased numbers of mergers and acquisitions transactions is explained by the ability of these processes to influence the creation of

business value increase the competitiveness of organizations, which, in turn, leads to an increase in offers on the market and, as a consequence, to an increase in the quality of goods and services.

The transformation of the economy is aimed at transforming the administrative-command system of economic entities towards the development and formation of market competition. At the moment, the market economy is of great importance, since it acts as one of the elements of self-regulation of the market through the selection of goods and services by consumers.

The relevance of the research of such a phenomenon as mergers and acquisitions of companies is characterized by the role of this phenomenon in the development of the economy both at the level of an individual state and on the world stage. Almost every legal entity at a certain time period of its activity is faced with the need to reorganize the company for various purposes. In most cases, mergers and acquisitions take place in order to increase productivity and, as a result, increase profits from business activities. In addition, in the conditions of rapidly developing markets, which requires enterprises to respond immediately in the form of improving the efficiency of business processes, the aspect of reorganization of companies in the form of mergers and acquisitions is the most controversial.

In turn, the state also, in our opinion, has an interest in developing the economy through the emergence of new and large "players" on the market through mergers and acquisitions, naturally, within the framework of antimonopoly policy pursued and controlled by the state itself.

The purpose of the research is to assimilate and understand the practical meaning of mergers and acquisitions as an economic and legal phenomenon, to consider the impact of corporate mergers and acquisitions on the development of a market economy.

If we consider the terms of "merger" and "acquisition" themselves, then they can be characterized as transactions entailing a change in control over an economic entity, which imply the consolidation of capital, business processes, as well as the transfer of property rights.

A merger is the union of two legal entities in which only one of them survives, and the other ceases to exist. As a result of the merger, the acquiring company takes over the assets of the acquired firm. There is also a specific form of merger called consolidation. Consolidation is the combination of businesses in which two or more legal entities combine to

form a completely new company. The merging companies are liquidated and a new legal entity continues to exist[1].

A corporate acquisition is a process whereby the shares or assets of a corporation become the property of the buyer. This transaction can take the form of buying shares or buying assets[2].

In view of the foregoing, we can say that the difference between merger and acquisition is not so significant, however, acquisition implies a broader interpretation, coverage before merger.

For the purpose of the Russian tool of mergers and acquisitions involves the legal registration of the procedure for a newly created and liquidated entity. However, it should be noted that mergers and acquisitions can occur through the acquisition of a share of capital, in this case the transaction does not lead to the liquidation of the organization and a change in its status.

If we compare the development of the Russian market of M&A deals with the international one, we can conclude that it is becoming more and more similar to the market of European countries. The difference is that in world practice, the market for mergers and acquisitions has developed in stages over a longer period of time, in the Russian realities, the development of this area takes place in a shorter time frame. In this regard, it is important to note that the concept of value thinking comes to the fore in the practice of corporate activities of companies. Mergers and acquisitions are not the ultimate purpose of transformation, but a means to achieve the main goal that underlies all corporate actions that represent the structures of mergers and acquisitions - the growth of the company's value, which, in turn, is aimed at reaching the organization to a higher level. The M&A strategy supports and complements the important goal of increasing shareholder value, so that they buy and sell companies only if the deal creates value for them[3]. Therefore, the main reason for the restructuring of companies in the form of mergers and acquisitions is the desire to obtain and enhance the synergistic effect, i.e. the complementary action of the assets of enterprises, the cumulative result of which exceeds the sum of the results of the actions of each of the companies separately. Synergy occurs when two merged companies are worth more than each separately[4].

As practice shows, with the successful implementation of mergers and acquisitions, not only rapid growth, reaching a qualitatively new level of the company, but also the emergence of new industries is possible.

All of this has a positive effect on the economic stability and growth of the economy within the country and abroad. The emergence of new organizations, the creation and development of new enterprises gives an "impetus" to increase the quantitative and qualitative indicator of consumption and satisfaction with the services of citizens and other governments.

Therefore, mergers and acquisitions of organizations have a positive effect not only on the state of the legal entities themselves undergoing reorganization, but also on the state of the economy. Inter alia, the development and improvement of enterprises provides the basis for the formation of a competitive environment in which manufacturers, in order to compete, must improve the quality of their services. As a result, consumers can receive a service / product of a higher quality.

REFERENCES

1. Gohan P. Mergers, acquisitions and business restructuring. M.,; Alpina Publisher, 2010, p. 21.
2. Reed St. F., Lajou Al. R. The art of mergers and acquisitions. M., Alpina Business Books, 2004, p. 14.
3. Evans Frank Ch., Bishop David M. Evaluation of companies in mergers and acquisitions: Value creation in private companies / translate from English. M.,: Alpina Publisher, 2004. p. 21.
4. Vladimirova I.G. Mergers and Acquisitions of Companies // Management in Russia and Abroad. 1999. No. 1. p. 39.

Пономарева Екатерина Сергеевна,
курсант 2 курса
3 (финансово-экономического) факультета
Военного университета Министерства Обороны РФ.
Ponomareva Ekaterina Sergeevna,
Military University: Ministry of Defence of the RF
3 (Financial-Economic) Department
2nd year cadet.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-ЭКОНОМИКИ НА ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

INTERNET ECONOMY IMPACT ON MODERN SOCIETY LIFE

Аннотация. В статье рассмотрены перспективные направления развития социально-экономической сферы посредством внедрения в глобальную мировую экономику интернет-технологий. Автор отмечает, что выявление движущих сил рассмотренного направления способствует дальнейшему перспективному и эффективному развитию интернет-экономики.

Abstract. The article covers perspective ways of social and economic area development by implementation of Internet technologies in global economy. The author emphasizes that identification of driving forces in considered direction facilitates further perspective and effective development of the Internet economy.

Ключевые слова: интернет-экономика, информатизация, глобализация, энергоресурсы, общество, рыночная экономика, предпринимательство.

Key words: the Internet economy, informatization, globalization, energy resources, society, market economy, organization.

Современный этап развития общества характеризуется внедрением в систему социальных отношений все большего количества глобальных технических платформ, формирующих основу направления цифровизации различных видов деятельности. Возрастает степень компьютеризации экономических процессов и взаимодействий, что порождает развитие интернет-экономики в аспекте экономической категории, становящейся объектом исследования ученых и внимания среди специалистов и предпринимателей.

В одном из определений термин «интернет-экономика» рассматривается как «Управление хозяйственной деятельностью при помощи автоматизации, основанное на передовых информационных технологиях и знаниях» [1]. В рамках другого определения «интернет-экономика» рассматривается в качестве «...результата создания новых технологий в области коммуникаций и информации, оказывающих влияние на социально-экономическое развитие страны» [2, с. 184].

Развивающиеся организации малого и среднего бизнеса, предприятия по производству общественных благ, системы реализации социально-экономической политики на локальном уровне государственного функционирования претерпевают коренные изменения, обусловленные актуальным для инновационного общества процессом информатизации сферы услуг. Интернет-экономика

оказывает воздействие на различные стороны общественной жизни, внешние и внутренние.

Ярким примером влияния интернет-экономики на внешние сферы жизни является возникновение принципиально новой платформы для развития предпринимательства, открытия собственной компании. Сеть делает возможным и более доступным процесс привлечения покупателей из абсолютно любых точек нашей планеты, полностью преобразовывая весь процесс продажи товаров и услуг в онлайн режиме. «Реформация рыночного механизма посредством развития интернет-экономики способствует ускорению процесса удовлетворения первичных потребностей потребителей, что является предпосылкой к совершенствованию духовного и интеллектуального потенциала личности»[3, с. 18-20].

С помощью введения современных технологий, применения концепции «зеленой экономики», а также действенного контроля над потреблением электроэнергии удалось преобразить экологическую сферу. «Сокращение затрат на электроэнергию и другие природные ресурсы посредством их замены виртуальными эквивалентами обеспечивает рост эффективности производства, дистрибуции и потребления товаров и услуг»[4, с. 47].

Следует отметить, что в условиях реализации интернет-экономики появляются новые риски. Негативными последствиями таких воздействий на внешнюю среду общества являются вероятность сбоя и хищения личных данных, сложность преодоления огромной конкуренции для выхода на международный рынок, чрезмерное усложнение отношений, вытекающее из разнородности членов объединяющей их сети.

Рассматривая степень влияния интернет-экономики на внутренние сферы жизни общества, стоит отметить, что у потребителей появляется уникальная возможность неограниченного выбора наиболее удовлетворяющего личным потребностям изделия.

Интернет-экономика трансформирует и активизирует методологию и механизм реализации социальной сферы общественной жизни посредством развития систем электронного здравоохранения, государственных услуг и образования[5]. Новый формат экономики предоставляет населению возможность контроля за государственными расходами в хозяйственной сфере деятельности.

Однако существуют и препятствия в реализации новой формы экономической системы. Среди них мы можем выделить сложности в

обеспечении населения слаборазвитых регионов возможностью межрегиональной интеграции посредством сети Интернет, отсутствие регулирующей функции структуры, а также высокая зависимость от рынка и производственных ресурсов.

В условиях развивающейся интернет-экономики появляются новые факторы, которые способствуют обеспечению долговременного устойчивого экономического развития страны. Но переход к новой форме требует времени и подготовки нового материально-технического обеспечения к стабильной работе. Наиболее перспективными направлениями развития экономики в сети Интернет являются индустриальный интернет, биотехнологии и робототехника, искусственный интеллект, обеспечение информационной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Евтянова Д.В. Цифровая экономика как механизм эффективной экологической и экономической политики / М.В. Тиранова, Д.В. Ефтянова // Интернет-журнал «Науковедение». – 2017. – №6 (43). Режим доступа: [Электронный ресурс] URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-kak-mehanizm-effektivnoy-ekologicheskoy-i-ekonomicheskoy-politiki> (дата обращения: 20.12.2020).
2. Сударушкина И.В. Цифровая экономика / И.В. Сударушкина, Н.А. Стефанова // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – №1 (18). – С. 182-184.
3. Колесников С.А. Эффективное производство в России? Да! (ТехноНИКОЛЬ – главная роль. Книга вторая) / С. Колесников, И. Альтшулер, Т. Бертова. – М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2015. – 256 с.
4. Зеленая экономика: перезагрузка / С.П. Анисимов, С.Н. Бобылев, И. И. Комарова и др. – Зимородок. – Москва, 2017. – 447 с.
5. Эффективность экономики России: условия, стимулы, ограничения [Текст] : [монография] / [Т.И. Трубицына и др.]; под ред. Е.В. Огурцовой ; Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2015. – 255 с.

Modern stage of society development is characterized by the implementation of an increasing number of global technical platforms in the system of social relations. These platforms create a basic direction in

digitalization of various kinds of activity. The level of economic processes computerization and cooperation increases. This fact causes the development of the Internet economy in the aspect of an economic concept. The new phenomenon becomes a research object of scientists, specialists and entrepreneurs.

One of the definitions considers “the Internet economy” as “Economic management with the help of automatics that is based on advanced technologies and knowledge”[1]. “The Internet economy” is also regarded as “... the result of the creation of new technologies having influence on country’s social and economic development in the area of communications and information” within another definition[2, p. 184].

Developing organizations of small and medium-sized business, companies manufacturing public goods, social and economic policy implementation systems on local levels of state operation undergo some radical changes caused by the process of service industry informatization typical for the innovative society. The Internet economy has a great impact on various sides of a social life, both external and internal ones.

The creation of a fundamentally new platform for development of entrepreneurship and private companies’ establishment can be considered as a bright example of Internet economy influence on the external life environment. The Internet makes the process of engaging customers from any place of our planet more available and possible. It also transforms the whole process of selling goods and services online. “The reformation of a market-based mechanism by the development of the Internet economy contributes to the acceleration of process of consumers’ primary requirements satisfaction. It can be considered as a prerequisite for the improvement of moral and intellectual personal potential”[3, p. 18-20].

With the help of the implementation of modern technologies, application of “green economy” concept and effective control over the energy use it became possible to transform the ecological field. “Cost reduction of energy consumption and other natural resources by replacing them with virtual equivalents stimulates the growth of efficient production, distribution and consumption of goods and services”[4, p. 47].

It is necessary to underline that many new risks appear in the implementation of the Internet economy. Adverse effects on the external environment are the probability of a network failure and identity theft, transcending great competition for international market distribution, excessive complication of relations resulted from the difference of the network community.

Considering the level of the Internet economy influence on the internal environment, it is worth noting that consumers are given a unique opportunity of an unlimited choice of any goods satisfying personal demands best.

The Internet economy transforms and intensifies the methodology and mechanism of the social sphere through the development of online health care systems, government services and education[5]. The new form of economy allows citizens to control some state costs in any area of economic activity.

However, there is also a number of obstacles in implementation of the new economic system form. They are providing the population of undeveloped areas with an opportunity of interregional integration with the help of the Internet, absence of a regulative structure function and a high dependence on market and productive resources.

Some new factors which contribute to providing long-term sustainable economic development of a country appear in developing the Internet economy. However, transition to the innovative form demands time and preparation of new logistical support to work sustainably. Industrial Internet, biotechnology and robotics, artificial intelligence, provision of information security are the most forward looking directions of Internet economy development.

REFERENCES

1. Evtyanova D.V. Internet-economy as a mechanism of effective ecological and economic politics / M.V. Tiranova, D.V. Evtyanova // Internet-magazine "Scientology". – 2017. — No 6 (43). [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-kak-mehanizm-effektivnoy-ekologicheskoy-i-ekonomicheskoy-politiki> (access date: 20.12.2020).
2. Sudarushkina I.V. The Internet-economy / I.V. Sudarushkina, N.A. Stefanova // Amzimuth of scientific researches: economy and management. – 2018. – No 1 (18). – P. 182-184.
3. Kolesnikov S.A. Effective production in Russia? Yes! (TechnoNIKOL– the main rolw. The 2nd edition) / S. Kolesnikov, I. Altshuler, T. Bertova. – M.: ALPINA PUBLISHER, 2015. – 256 pp.
4. The green economy: rebooting / S.P. Anisimov, S.N. Bobulev, I. I. Komarova and others.– Kingfisher. –Moscow, 2017. – 447 pp.

5. The effectiveness of economy in Russia: conditions, incentives, restrictions [Text] : [monograph] / [T.I. Trubichina and others.]; edited by E.V. Ogyrchova ; Saratov State Chernyshevsky university.– Saratov : Edition of Saratov university, 2015. – 255 pp.

Серeda Егор Геннадьевич,
курсант 2 курса
9 (психологии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Sereda Egor Gennadievich,
9 (Psychology) Department
Military University: Ministry of Defence of the RF
2nd year cadet.

Коновалов Антон Алексеевич,
курсант 2 курса
9 (психологии) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Konovalev Anton Alekseevich,
9 (Psychology) Department
Military University: Ministry of Defence of the RF
2nd year cadet.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE WORLD ECONOMY

Аннотация. Статья посвящена перспективам развития мировой экономики в пост эпидемиологический период. Особое внимание в работе авторы уделяют вопросу прогресса мировой экономики в период коронавируса.

Abstract. The article is devoted to the prospects for the development of the world economy in the post-epidemiological period. The authors pay special attention to the progress of the world economy during the coronavirus period.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, глобальный кризис, экономические проблемы, мировая экономика.

Keywords: the COVID-19 pandemic, global crisis, economic problems, world economy.

Пандемия COVID-19 привела к огромным гуманитарным издержкам во всем мире, которые до сих пор продолжают расти. Чтобы защитить жизни и дать возможность системам здравоохранения различных стран справиться с болезнью, потребовались меры изоляции, ограничения передвижения и массовые закрытия, чтобы замедлить распространение COVID-19. Другими словами, кризис в области здравоохранения серьезно сказывается на экономической активности.

По данным ВОЗ, вирус, обнаруженный в декабре 2019 года в китайском городе Ухань, заразил более 96862000 человек, как минимум, в 110 странах мира.

Экономические последствия зависят от факторов, которые трудно предугадать, например, включая развитие пандемии, интенсивность и эффективность мер сдерживания, масштабы перебоев в поставках, влияние ужесточения условий на мировых финансовых рынках, сдвиги в структуре расходов, изменения в поведении из-за влияния на уверенность и волатильность цен на товары.

Чтобы избежать этих худших результатов, требуется очень сильная политика. Нужные меры по сокращению распространения болезни и защите жизни людей будут иметь краткосрочные негативные последствия для экономической деятельности, но они также должны рассматриваться как важные инвестиции в здоровье человека и экономику в долгосрочной перспективе[1]. Первым приоритетом является ограничение воздействия вспышки COVID-19, особенно за счет увеличения медицинских расходов с целью укрепления потенциала и ресурсов здравоохранения, одновременно принимая меры по сокращению распространения инфекции. Экономическая политика также должна смягчить воздействие экономического спада на людей, бизнес и финансовую систему, уменьшить долгосрочный серьезный ущерб от неизбежного серьезного замедления роста и гарантировать, что восстановление экономики может начаться вскоре после того, как пандемия отступит.

Пока всё говорит о том, что в 2021 году ожидать глобального мирового кризиса не стоит. Но в экономике отдельных стран

возможны локальные спады. В первую очередь, это те государства, экономика которых полностью зависит от экспорта сырья.

Если говорить о России, то ко всему остальному можно добавить проблемы на рынке недвижимости, где программа льготного ипотечного кредитования взвинтила цены на недвижимость и привлекла не самую надежную категорию заемщиков. Если из-за пандемии заемщики перестанут платить по кредитам, мы столкнемся с трудностями в банковском секторе. Скорее всего, в 2021 году по американскому сценарию могут повториться события 2008 года, когда разразился ипотечный кризис. Если этот вариант будет реализован, российская экономика переживет еще более тяжелые времена, чем сейчас, когда еще можно сдерживать кризисные явления. В то же время населению страны нужно было заранее подготовиться к возможным потрясениям. В первую очередь, с повышением уровня финансовой грамотности и работой с собственными сбережениями, и капиталом.

Но проблема не только в деловом туризме, но и в отдыхе. Туристы отменяют бронирование поездок, что затрагивает рестораны, отели, авиакомпании и другие транспортные компании.

Во многих странах с развитой экономикой, затронутых пандемией (таких как Германия, Италия, Великобритания, США, Франция), были быстро приняты важные налогово-бюджетные меры. Многие страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны (такие как Индия, Индонезия, Китай, Южная Африка) также начали предоставлять или объявили о значительной бюджетной поддержке сильно пострадавших секторов и работников. Масштаб фискальных действий необходимо будет увеличить, если экономические сбои будут продолжительными или если восстановление будет слишком слабым после снятия ограничений. Странам, пытающимся привлечь финансирование для борьбы с пандемией и ее последствиями, может потребоваться внешняя поддержка. Меры станут более эффективными, когда вспышка пройдет и люди смогут свободно передвигаться.

Таким образом, чтобы справиться с последствиями пандемии, необходимо тесное многостороннее сотрудничество, в том числе помощь финансово напряженным странам, столкнувшимся с двойным потрясением в области общественного здравоохранения и доступа к финансам. Странам срочно необходимо работать вместе, чтобы замедлить распространение вируса и создать вакцину и лекарства для борьбы с этой болезнью. Пока такие лекарства не станут доступными

в широком масштабе, ни одна страна не будет защищена от этой «чумы»[2].

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. International tourist numbers could fall 60–80 % in 2020, unwto reports [Электронный ресурс] URL: <https://www.unwto.org/news/covid-19-international-tourist-numbers-could-fall-60-80-in-2020> (дата обращения: 21.12.2020).

2. Влияние пандемии COVID–19 на мировую экономику и потоки прямых иностранных инвестиций [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pandemii-covid-19-na-mirovuyu-ekonomiku-i-potoki-primyih-inostrannyh-investitsiy> (дата обращения: 20.12.2020).

The COVID-19 pandemic has caused huge humanitarian costs around the world, which continue to grow. To protect lives and enable health systems to cope with the disease, isolation measures, travel restrictions and massive closings were required to slow the spread of COVID - 19. In short, the health crisis is seriously affecting economic activity.

The virus, discovered in December 2019 in the Chinese city of Wuhan, has infected more than 96,862,000 people in at least 110 countries, according to WHO.

The economic impact depends on factors that are difficult to predict, for example, including the evolution of the pandemic, the intensity and effectiveness of containment measures, the magnitude of supply disruptions, the impact of tightening global financial markets, shifts in spending patterns, changes in behavior due to impact on confidence, and volatility in commodity prices.

Avoiding these worst outcomes requires a very strong policy. The necessary measures to reduce the spread of disease and protect people's lives will have short-term negative consequences for economic activity, but they must also be seen as important investments in human health and the economy in the long term[1]. The first priority is to limit the impact of the COVID-19 outbreak, especially by increasing medical costs to strengthen health capacity and resources, while taking action to reduce the spread of infection. Economic policy should also mitigate the impact of the economic downturn on people, businesses and the financial system, mitigate

the long-term severe damage from the imminent severe slowdown in growth, and ensure that economic recovery can begin soon after the pandemic recedes.

So far, everything suggests that there is no need to expect a global crisis in 2021. But in the economies of individual countries, local recessions are possible. First of all, these are those states whose economy is completely dependent on the export of raw materials.

If we talk about Russia, then to everything else we can add the problems in the real estate market, where the program of preferential mortgage lending inflated real estate prices and attracted not the most reliable category of borrowers. If, due to the pandemic, borrowers stop paying on loans, we will face difficulties in the banking sector. Most likely, in 2021, according to the American scenario, the events of 2008, when the mortgage crisis broke out, could be repeated. If this option is implemented, the Russian economy will go through even more difficult times than now, when the crisis phenomena can still be contained. At the same time, the population of the country needed to prepare in advance for possible shocks. First of all, with an increase in the level of financial literacy and work with their own savings and capital.

But the problem is not only in business tourism, but also in recreation. Tourists are canceling travel bookings, which affects restaurants, hotels, airlines and other transport companies.

In many advanced economies affected by the pandemic (such as Germany, Italy, UK, USA, France), important fiscal measures were quickly taken. Many emerging and developing economies (such as India, Indonesia, China, South Africa) have also begun providing or announced significant budget support to hard-hit sectors and workers. Fiscal action will need to be scaled up if economic disruptions are prolonged or if recovery is too weak after the restrictions are lifted. External support may be required for countries trying to raise funding to combat the pandemic and its aftermath. Measures will become more effective when the outbreak has passed and people can move freely.

Thus, coping with the impact of the pandemic requires close multilateral cooperation, including assistance to financially strained countries facing a double shock in public health and access to finance. Countries urgently need to work together to slow the spread of the virus and create a vaccine and drugs to fight the disease. Until such medicines become available on a large scale, no country will be protected from this "plague"[2].

REFERENCES

1. International tourist numbers could fall 60-80% in 2020, unwto reports [Electronic resource] URL: <https://www.unwto.org/news/covid-19-international-tourist-numbers-could-fall-60-80-in-2020> (access date: 21.12.2020).
2. The impact of the COVID-19 pandemic on the global economy and flows of foreign direct investment [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pandemii-covid-19-na-mirovuyu-ekonomiku-i-potoki-pryamih-inostrannyh-investitsiy> (access date: 20.12.2020).

Хомутов Андрей Юрьевич,
курсант 2 курса
1 (военно-политической работы
и журналистики) факультета
Военного университета Министерства обороны РФ.
Khomutov Andrey Yuriyevich,
Military University: Ministry of Defence of the RF
1 (Military-Political Work and Journalism) Department
2nd year cadet.

Лоскутова Светлана Витальевна,
преподаватель кафедры иностранных языков
Военного университета Министерства обороны РФ.
Loskutova Svetlana Vitalievna,
Military University: Ministry of Defence of the RF
Foreign Language Chair Teacher.

К ВОПРОСУ О РЕШЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

TO SOLVING GLOBAL SOCIAL AND ECONOMIC PROBLEMS AT PRESENT STAGE

Аннотация. В статье автор рассматривает ряд вопросов, касающихся глобальных социально-экономических проблем, и обращает внимание на актуальность их изучения.

Abstract. The author of the study examines a number of issues related to the global social and economic problems and draws attention to their relevant review.

Ключевые слова: глобальные проблемы, угрозы человечеству, мировое сообщество.

Keywords: national security, potential threats and conflicts.

Сегодня многие ученые мира объединили усилия для исследования тесно связанных между собой глобальных проблем. Их рекомендации, прогнозы и инициативы оказали большое влияние на мировую общественность и стимулировали деятельность, направленную на решение глобальных проблем современности. Осознание растущих угроз человечеству заставляет изучать этот вопрос и искать пути его решения.

С нашей точки зрения, глобальные вызовы современности есть совокупность наиболее острых, жизненно важных проблем всей планеты, решение которых требует совместных усилий всего мирового сообщества. Их можно условно разделить на четыре группы: социально-политические, социально-экономические, социально-экологические и социально-гуманитарные[1]. В работе среди глобальных социально-экономических проблем мы определяем следующие — проблему экономической отсталости, демографическую и продовольственную проблемы. Рассмотрим проблему экономической отсталости. Ее называют проблемой разных «полюсов» экономического развития. Это разделение происходит между развитыми и развивающимися странами. Данная проблема проявляется в отсталости развивающихся стран, их неспособности наладить эффективное производство, обеспечить себя продовольствием, ликвидировать нищету, решить многочисленные социальные проблемы. В настоящий момент мы наблюдаем активное перемещение населения из менее развитых стран в страны с высоким уровнем развития. Это способствует увеличению нагрузки на экономику и возникновению сложностей в области социального обеспечения. Разрыв по всем социально-экономическим показателям между этими странами и высокоразвитыми государствами достаточно большой и продолжает увеличиваться. Это углубляет раскол мира на богатые и бедные страны, создает напряженность в отношениях между ними, порождает нестабильность мировой системы в целом[2]. Затем рассмотрим две другие глобальные

проблемы, тесно связанные с проблемой экономической отсталости – демографическую и продовольственную. В результате "демографического взрыва" во второй половине XX в. мировое население удвоилось и составило к началу XXI в. 6 млрд. человек. При этом более 80% прироста населения приходится на развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки[3]. Приведенные данные позволяют сделать вывод, что в ближайшее время в этих странах будет концентрироваться более 90% всего мирового населения. Подобная демографическая ситуация влечет за собой целый ряд негативных последствий: неравномерность распределения населения относительно наличия жизненных ресурсов, усиление разрушительного воздействия на окружающую среду, перенаселение и рост нищеты в отсталых странах, возникновение неконтролируемых миграционных потоков и ухудшение условий жизни людей. Кроме того, проблема бедности является следствием явных пробелов в экономической политике, включая неспособность правительства к обеспечению благополучия своего народа. К тому же, "демографический взрыв" обострил продовольственную проблему в развивающихся странах, где, по данным ООН, 800 млн. человек живут на грани голода[4]. Вследствие этого, продовольственный кризис тесно связан с экономическими проблемами мирового масштаба. А развивающиеся государства не всегда могут обеспечить население жизненно необходимыми продуктами питания.

Таким образом, разрешение глобальных социально-экономических проблем требует, с одной стороны, проведения широких прогрессивных преобразований в отсталых странах, модернизации их национальных экономик, а с другой – оказания активной помощи этим странам со стороны мирового сообщества. При таком подходе справиться с данной проблемой возможно только с помощью других государств. В частности, лучшим решением для борьбы с продовольственным кризисом является резкий подъем сельскохозяйственного производства на основе широкого применения передовых технологий. Большое внимание следует уделить увеличению площадей обрабатываемых земель, совершенствованию обработки почвы, засева земли высокоурожайными видами растений и увеличению поголовья скота. В решении этой проблемы также необходимо пересмотреть систему распределения запасов продовольствия в мире и расширить продовольственную помощь экономически отсталым странам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Щербакова Ю., Давыдова Ю. Социология. – М: «Научная книга», 2009.
2. Студми. Учебные материалы для студентов 2013 - 2021 [Электронный ресурс] URL :https://studme.org/1896080125411/sotsiologiya/globalnye_problemy_sovremennosti_puti_resheniya (дата обращения: 21.01.2021).
3. Кухарчук Д.В. Социология: Глобальные проблемы современности и пути их решения. [Электронный ресурс] URL: <https://urait.ru/bcode/433727> (дата обращения: 21.01.2021).
4. [Электронный ресурс] URL:https://studfile.net/preview/4388458/page:4//globalnye_problemy_sovremennosti_puti_resheniya (дата обращения: 21.01.2021).

A number of scientists today have joined forces to explore closely related global problems. Their recommendations, forecasts and initiatives have had a major impact on the world public opinion and have stimulated actions to address the modern global challenges of our time. The growing threat awareness to humanity compels us to examine this issue and to seek solutions.

From our point of view, the global challenges of our time are a set of the most acute, vital problems of the entire planet, the solution of which requires the joint efforts of the entire world community. They can be divided into four groups: socio-political, socio-economic, socio-ecological and socio-humanitarian[1]. Specify the source, where you got it. In the study among the we define global socio-economic problems. The problem of economic backwardness, demographic and food problems. Let us, consider the problem of economic backwardness. It is called the problem of different "poles" of economic development. This division is between developed and developing countries. This problem manifests itself in the backwardness of developing countries, their inability to establish efficient production, provide themselves with food, eliminate poverty, and solve numerous social problems. At the moment, we are seeing an active population movement from less developed countries to countries with a high level of development. It increases the burden on the economy and creates difficulties in the field of social security. The gap in all socio-economic indicators between these countries and highly developed countries is quite large and continues to increase. This deepens the division of the world into rich and poor countries, creates tension in relations

between them, and creates instability in the world system as a whole[2]. Then we will consider two other global problems that are closely related to the problem of economic backwardness — demography and food. As a result of the "demographic explosion" in the second half of the XX century, the world population doubled and amounted to 6 billion by the beginning of the XXI century. At the same time, more than 80% of the population growth is accounted for developing countries in Asia, Africa and Latin America[3]. These data allow us to conclude that in the nearest future more than 90% of the world's population will be concentrated in these countries. Such demographic situation has a number of negative consequences: uneven distribution of the population relative to the availability of vital resources, increased destructive impact on the environment, overpopulation and increased poverty in backward countries, the emergence of uncontrolled migration flows and the deterioration of people's living conditions. In addition, the problem of poverty is the result of clear gaps in economic policy, including the inability of the Government to ensure the well-being of its people. In addition, the "population explosion" has exacerbated the food problem in developing countries where, according to the UN 800 million people live on the verge of hunger[4]. As a result, the food crisis is closely linked to global economic problems. And developing countries are not always able to provide the population with vital food.

Thus, the resolution of global socio-economic problems requires, on one hand, the implementation of broad progressive transformations in backward countries, the modernization of their national economies, and, on the other, the provision of active assistance to these countries by the international community. With this approach, it is possible to cope with this problem only with the help of other States. In particular, the best solution to the food crisis is a sharp rise in agricultural production based on the widespread use of advanced technologies. Great attention should be paid to increasing the area of cultivated land, improving soil cultivation, seeding the land with high-yielding plant species and increasing the number of livestock. To address this problem, it is also necessary to review the system of distribution of food supplies in the world and expand food assistance to economically backward countries.

REFERENCES

1. Shcherbakova Yu., Davydova Yu. Sociology. M: "Scientific book", 2009.

2. Studmi. Educational materials for students 2013-2021 [Electronic resource]
URL:https://studme.org/1896080125411/sotsiologiya/globalnye_problemy_sovremennosti_putiresheniya (access date 21.01.2021).

3. Kukharchuk D. V. Sociology: Global problems of modernity and ways to solve them. [Electronic resource]
URL:<https://urait.ru/bcode/433727> (access date: 21.01.2021).

4. [Electronic resource]
URL:https://studfile.net/preview/4388458/page:4//globalnye_problemy_sovremennosti_putiresheniya (access date: 21.01.2021).

Новые глобальные вызовы и перспективы современности
New global challenges and prospects of modernity

**Сборник материалов VI межвузовской
научно-практической конференции
на английском языке**

Ответственный редактор *С.В. Шермазанова*

Подписано к выпуску 25.10.2021

Издание размещается на сайте Международного юридического
института <http://lawacademy.ru>